НАЦИОНАЛЬНЫЙ BESTСЕЛЛЕР
Канада

МОРИС
ДАНТЕК

Фактор «ноль»

«Морис Дантек – величайший из ныне живущих фантастов».
Уэльбек

РИПОЛ КЛАССИК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Философский боевик, научно-фантастический техно-экшн в жанре киберпанк от Мориса Ж. Дантека, автора, которого называют «человеком № 1 в научной фантастике XXI века». Для настоящих ценителей интеллектуальной прозы.

Две американские башни взорвались. Странный фиолетовый чемоданчик в руках какого-то человека. Безжалостный убийца, утверждающий, что он родственник дьявола, рекламирует всему миру собственные преступления… Вы поднимитесь по ступеням Мирового торгового центра, в то время как вокруг все будет рушиться; вы заглянете внутрь фиолетового чемоданчика, чтобы узнать свое будущее. Дьявол проникнет в ваше тело…

Вы еще многого не знаете о себе.

- Морис Дантек
  - ○
  - ○
  - ○ Пишущие машинки 1.0
    - ■ 1. Башня
    - ■ 2. Девяносто первый этаж
    - ■ 3. Ночь и туман
    - ■ 4. Там, где улицы носят 3000 названий
    - ■ 5. Cities on flame with rock’n’roll[5]
    - ■ 6. Обсерватория человеческого мира
    - ■ 7. Me and my black box[10]
    - ■ 8. Немного на север от катастрофы
    - ■ 9. American life
    - ■ 10. Год бога Марса
    - ■ 11. Против Башни-Мира
    - ■ 12. Американада
    - ■ 13. Карта и местность
    - ■ 14. Under the northern skies[31]
    - ■ 15. Контакт
    - ■ 16. Кинопроектор для черно-белых фильмов
    - ■ 17. Место столкновения
    - ■ 18. Весь свет Неба и Земли
    - ■ 19. Белый-белый мир
    - ■ 20. Эпилог: Нулевая Отметка
  - ○ Артефакт
    - ■ Первый день: пробуждение
    - ■ Второй день: машинка и ее двойник
    - ■ Третий день: пляж

- Четвертый день: бесконечность в кубе
- Пятый день: Белая ночь
- Шестой день: Черный день
- Седьмой день: Infinity Unlimited[47]
- Восьмой день: Вмешательство письма
- Тысячный день: Homo Sapiens Sapiens[49]
- День последний: Да будет свет

- Мир Князя сего
  - 1. Посвятить
    - Коммюнике номер один
    - Коммюнике номер два
  - 2. Сосчитать
    - Коммюнике номер три
    - Коммюнике номер четыре
  - 3. Писать
    - Коммюнике номер пять
    - Коммюнике номер шесть
  - 4. Собирать
    - Коммюнике номер семь
    - Коммюнике номер восемь
  - 5. Сосредоточить
    - Коммюнике номер девять
    - Коммюнике номер десять
    - Коммюнике номер одиннадцать
    - Коммюнике номер двенадцать
  - 6. Выбрать
    - Коммюнике номер тринадцать
    - Коммюнике номер четырнадцать
    - Коммюнике номер пятнадцать
    - Коммюнике номер шестнадцать
  - 7. Заключить в тюрьму/Осветить
    - Коммюнике номер семнадцать
    - Коммюнике номер восемнадцать
    - Коммюнике номер девятнадцать
    - Коммюнике номер двадцать
  - 8. Путешествовать
    - Коммюнике номер двадцать один
    - Коммюнике номер двадцать два
    - Коммюнике номер двадцать три
    - Коммюнике номер двадцать четыре
  - 9. Играть
    - Коммюнике номер двадцать пять
    - Коммюнике номер двадцать шесть
    - Коммюнике номер двадцать семь

        - Коммюнике номер двадцать восемь
    - 10. Любить
        - Коммюнике номер двадцать девять
        - Коммюнике номер тридцать
        - Коммюнике номер тридцать один
        - Коммюнике номер тридцать два
    - 11. Быть/Не быть
        - Финальное коммюнике
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122

Морис Дантек
Фактор «ноль»
Сборник

© Editions Albin Michel S. A. – Paris, 2007
© Перевод. Левина К., 2015
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

Спасибо моей семье
Спасибо Давиду Керзану
Спасибо детям Вавилона

Пишущие машинки 1.0

К северу неба

Мир – это пустыня, по которой бродят толпы людей.

Эрнест Хэлло

1. Башня

Я родился тем утром. В восемь часов сорок шесть минут и сорок секунд, если быть точным. В то же мгновение я и умер.

Надо признать, погода в тот день была чудесная, как на заказ. Я собирался родиться – а для этого должен был умереть. Вот почему я оказался здесь, в этом уникальном месте: чтобы в последний раз стать тем, кем я был.

Я собирался стать человеком, а потом исчезнуть из списков живых. Я собирался родиться, чтобы наконец умереть и уйти из мира людей. Я собирался появиться на свет для того, чтобы вскоре покинуть его.

Мне кажется, эта причина ничем не хуже любой другой.

Этот процесс стал для меня привычкой. Чтобы возродиться, я должен был умереть. Чтобы иметь возможность умереть, я должен был возродиться. Я создан из этого парадокса. Такова моя сущность, таково мое сознание, такова моя жизнь. Я ведь несколько больше, чем человеческое существо. Я пришел издалека. Мои цели, как и мое происхождение, вам неизвестны.

С того дня, как стало очевидно, что Времена кончаются, я все очень тщательно подготовил, предусмотрел, распланировал. Все – от первого моего постнатального[1] крика до последнего жеста перед смертью. Все, что должно было произойти здесь, в месте моего рождения, в месте, где моя смерть обретет иной смысл, более значимый, чем она сама.

Я все предусмотрел, все спланировал. Наступило время уходить – послание не оставляло сомнений. А посланиям необходимо следовать, для того они и существуют. Такова их функция в нашей корпорации. Это значит, что мне нужно уйти. Покинуть мир людей. Миссия выполнена, наблюдение за экспериментом закончено. Несколько лет передышки перед великим уходом, чтобы успеть завершить текущие дела, уничтожить все следы пребывания в этом мире и затем подготовить процесс. Ведь для нас, живущих здесь, но не здесь родившихся, смерть и жизнь чередуются непрерывно благодаря технологиям, в которых вы не сможете понять даже базовой идеи. Наш «запас» смертей и жизней обычно установлен заранее. Их количество определяется надобностями Миссии, но при этом может подвергнуться изменениям. Наше рождение в качестве людей в последний раз – предвестник скорого расчеловечивания, и смерть становится возвращением к изначальному существованию. Так мы созданы. Поэтому мы живем среди вас уже тысячелетия, а вы ни о чем даже не подозреваете.

Мне нужно умереть и снова родиться. Родиться в качестве человека и пройти через двери смерти, в которые я уже столько раз входил. Теперь я должен приготовиться открыть и закрыть их окончательно, чтобы вернуться в свое истинное тело, в биофизическую машину, которая и является моей подлинной сущностью.

На самом деле все было очень просто.

Я собирался родиться в то прекрасное сентябрьское утро, в восемь часов сорок шесть минут.

Я собирался родиться, чтобы получить возможность умереть. Я собирался умереть, чтобы получить возможность вновь родиться. Я собирался появиться среди людей, чтобы затем их покинуть.

Мы играем с жизнью и смертью, с вечностью и хаосом. Принимая настоящий вызов, брошенный прямо в лицо, мы балансируем на грани биологических и политических возможностей, совершая истинный прорыв в бездны, которыми заканчивается любая человеческая история. Жертвоприношение. Молния. Воспоминание, приходящее из будущего. И это самопожертвование совершается именно в момент моего рождения-смерти. Самопожертвование – натянутая струна, соединяющая оба невозможных полюса моего существования, и я уже вижу его очертания периферийным зрением.

Итак, в восемь часов сорок шесть минут и сколько-то там секунд, божественным сентябрьским утром, я нахожусь в просторном холле юридической фирмы, название которой я забыл. Оно не имеет никакого значения, как не имеет значения надгробие среди других надгробий. Вот он я, вот синее небо и вот летнее солнце, отражающееся на всех стеклянных стенах башен финансового центра. Я должен буду родиться в свете золотого луча, упавшего на модный паркет во французском стиле, посреди пышной приемной одной из многочисленных международных адвокатских контор, завладевших кварталом, городом, миром. То есть я стою, думаю я, в центре мира, в центре центрального квартала центрального города центра мира, в центре пересечения потоков всех родов информации, торговой, промышленной, финансовой, полицейской, технической, научной, политико-экономической, метеорологической, мафиозной, секретной, более того, в центре всех миров. Итак, вот он я, восемь часов сорок шесть минут и дюжина секунд, сверхъестественно солнечное утро. Я сейчас появлюсь прямо здесь, где сойдутся все миры, словно во время мощного ядерного взрыва. Я стою практически посередине башни, на девяностом этаже, красивая круглая цифра – и объявляю секретаршам, сидящим за столами, о том, что мир,

который мы знаем, скоро исчезнет вместе с ними, с их коллегами, со мной, со всеми присутствующими в этом месте людьми. Я должен буду родиться, потому что мне нужно покинуть человечество, с которым я при этом непростительно тесно связан. Я смотрю на черную точку в небе, черную точку, которая постепенно увеличивается, позволяя увидеть свою форму и строение, черную точку, очень быстро приближающуюся к большим стеклянным поверхностям, за которыми я улыбаюсь мужчинам и женщинам, снующим вокруг меня. Их самые последние мысли заняты клеточками таблиц или программным обеспечением перевода.

Итак, вот он я, в Северной башне Всемирного торгового центра, время – восемь часов сорок шесть минут и почти тридцать секунд. Вот я, вот самолет. Самолет, летящий перерезать пуповину, столь прочно связывающую меня с псевдочеловечеством, в представителей которого я столько раз воплощался, покинув свою истинную сущность, сущность звездного пришельца.

Вот он я, тот, кто сейчас родится. В то время как остальные умрут. Вот он я, тот, кто сможет умереть, в то время как остальные продолжат свое существование. Вот он я, тот, кто скоро останется единственным человеческим существом на этом особом участке башни.

Поскольку я – не человек.

Я остаюсь частицей человечества на этой Земле, негативом, силуэтом после соляризации[2] атомной вспышкой. Самолет уже хорошо виден. Он летит на небольшой высоте, прямо на нас.

Я сейчас появлюсь на свет. В восемь часов сорок шесть минут и тридцать пять секунд.

Я сейчас появлюсь. На дворе сентябрь, погода хорошая и теплая.

Я появлюсь на свет одиннадцатого сентября, в восемь часов сорок шесть минут и примерно сорок секунд. Ожидание кажется вечностью. Огромная тень устремляется к своей конечной цели, к своей *судьбе*, ко всем нам, к башне.

Вот он, самолет, во всей своей грубой значимости, во всей своей баллистической мощи, со всем своим грохотом. Это не только физический объект, это движущаяся волна. Воющая волна, разбивающаяся о башню. Да и не только волна. Это еще страшное и непостижимое событие, *насквозь пронесшееся через башню*, прежде чем мозг успел осознать, что происходит, и прежде чем что-либо произошло.

Сила взрыва и удара неописуема, она взрывает сами понятия времени и пространства. Жар, свет, чернота – все это лишь

составляющие прилива волны, всего лишь степени напряженности события. Все приходит в движение.

Огонь в стекле, пламя в металле, металл в металле, огонь в бетоне. Грохот обрушивающихся стен и взрывающихся баков. Рев пламени, жуткие обломки искореженной стали. Вопли, неясное эхо, доносящееся сразу и отовсюду практически одновременно, нарастающая симфония страха. И огромные куски башни, обрушивающиеся на меня в тучах обжигающей пыли.

Вот и все. Я умираю, я родился.

Я родился в ту секунду, когда взорвался мир.

Я все предусмотрел, потому что я все знал. Знал заранее. Я просчитал все с точностью сверхмощного компьютера. Я знал число и точное время столкновения уже за несколько недель. Предкогнитивное и нейроконтролируемое мультимодальное интуитивное видение. Знания, являющиеся основой нашего обучения.

Я все предвидел, я все знал и поэтому предупредил начальство.

Я послал срочное сообщение по гиперлинии усиленных биофотонов, которую подключил к передаточной станции. По моим сведениям, она находится на орбите Титана. Оттуда информация в декодированном виде будет доставлена к Материнскому Кораблю.

Я оповестил начальство, предупредил его. Я, можно сказать, встревожил его тщетной просьбой о том, чтобы чертова священная политика невмешательства, определяющая наше поведение касательно дел человечества, была пересмотрена.

Но законы антропопланетарных исследований незыблемы: возможность применения особых мер – нарушающих основные правила – может быть объективно рассмотрена только при условии, что угроза нависает над всем биологическим видом.

Четырех одновременных террористических актов – даже такого масштаба – оказалось недостаточно. Их причислили к обычным гуманитарным катастрофам. Мне было сказано: homo sapiens и не такое видел, ты-то знаешь.

Тогда я подчеркнул, что подобное событие послужит причиной войны, которая по размаху перекроет все предыдущие, вместе взятые. Оно послужит причиной войны, истребительной, как Потоп, причиной настоящего Армагеддона. Я попытался разъяснить противоречия между наукой и религией, толкающие мир людей в пропасть. Я доказал, что позитивистский нигилизм с его бесконечной обратной связью очень быстро помешает человечеству продолжить его технические и научные

эксперименты. Подкрепляя свои слова страстной аргументацией, я нарисовал картину того, что произойдет, когда homo sapiens этой планеты погрузится во всевозможные шарлатанские утопии, которые только сможет создать его воображение. Возможно, что для погрузившегося во тьму постапокалиптических пожаров человечества роль творца начнет играть нечто вроде жертвенной планетарной пострелигии в разобранном виде. Последние прожитые мной века, несомненно, доказывали, что логическая линия развития движется именно к этой точке разрыва.

Катастрофа была неминуема, это очевидно. Но меня не послушали. Материнский Корабль остался глух к моим многочисленным запросам. Мне бесцеремонно напомнили о том, что я провожу на Земле последние годы. Я не должен поддаваться известному сопереживательному межвидовому синдрому. Миссия должна выполняться так же, как она выполнялась в течение целого тысячелетия, и мне нужно готовиться к уходу согласно обычной процедуре.

Вот почему я решил действовать. Противодействовать. Действовать против правил. Наперекор обычаям и процедурам. Я решил возродиться в последний раз в качестве человека, как и предписывается инструкцией по Уходу, но не следовать «обычной процедуре» и не совершать «Уход согласно правилам». Я готовил худшее из возможных предательств. Предательство по отношению к себе, по отношению ко всему, чем я являлся. Из простого наблюдателя я решил превратиться в действующее лицо человеческой истории. Хуже того, я решил воспользоваться несколькими месяцами или годами оставшегося мне земного срока и дополнить свое предательство – рождение в человечестве – жертвой, открытием к смерти, недоступной моей биофизической структуре, ожидающей меня где-то там, далеко, в месте, которое люди называют Кольцом Астероидов.

Я решил умереть-родиться в тот самый момент, когда послание Материнского Корабля предупредило, что мне остается работать на планете людей несколько несчастных лет и возвращение, таким образом, неминуемо.

События, казалось, специально складывались так, чтобы способствовать созданию великого заговора, превосходящего масштаб не только моей скромной персоны, но и шести миллиардов людей, за которыми я шпионил в течение тысячи лет.

События идеально подходили для того, чтобы все перевернуть, все сжечь, все уничтожить.

Как вот эту башню.

Башню, до сих пор содрогающуюся от удара.

Башню, все верхние этажи которой уже охвачены пламенем.

Самолет врезался в Северную башню точно на четыре этажа выше нас, с северной стороны, на уровне девяносто четвертого этажа. Я знал все параметры катастрофы. Расстояние в эти четыре этажа являлось очень ненадежной защитой от монстра, столкнувшегося с конструкцией. Оно было немедленно преодолено ударной волной и огромными металлическими обломками, пылающими и летящими почти со сверхзвуковой скоростью. Взрыв баков выплеснул во все четыре стороны света более восьмидесяти тысяч литров легко воспламеняющейся, мгновенно вспыхнувшей жидкости, разлетевшейся огненным шаром, примерно как вакуумные бомбы, которые американцы взрывали в песках Ирака. Четыре верхних этажа (до девяносто восьмого включительно) оказались просто уничтоженными. Их охватил сильнейший пожар, со страшной скоростью рванувший вверх. Через четверть часа после взрыва девяносто второй и девяносто третий этажи тоже горели.

Камикадзе прекрасно знали, что делают: им были известны масса самолета, его скорость, объем топлива, одновременно взрывчатого и легко воспламеняющегося, горящего с температурой в тысячу двести градусов по Цельсию. Высокая, отлично видимая, четкая цель, исключающая возможность промаха. Большая, хрупкая конструкция из металла, стекла и бетона. Стальное основание, которое немедленно рассыплется на части, не выдержав воздействия современного горючего.

Если вызвавший пожар взрыв сразу же устремил основное пламя к вершине башни, то жидкое топливо было вынуждено подчиниться законам гравитации. Потоки, ручейки, струи, водопады горящего керосина потекли вниз, занимая возникшие из-за удара проломы, лестничные площадки, шахты лифтов, образуя на своем пути смертоносные костры. Верхние этажи тем временем заволакивало огнем и дымом, заключая все живое в раскаленную металлическую клетку, где невозможно было дышать. Скоро крыша превратится в огромную горящую плиту. Скоро вся башня целиком станет одним вертикальным сгустком ада.

Когда я пришел в сознание, то обнаружил, что лежу под кучей дымящихся обломков рядом с телом секретарши, с которой разговаривал десять минут назад. От нее не осталось ничего, кроме имени, которое позже будет выгравировано на мемориальной стене.

Биосистема, вживленная у меня между лопатками, подала сигнал инициализации. Вот. У меня появилось новое тело. Новая

структура ДНК. Новый мозг. Я стал другой личностью. Новое имя, новая жизнь. Прошлого я лишился, но память сохранил. Истории у меня больше не было. Мне оставалось написать ее. Настоящее представляло собой зону полного разрушения. Будущее походило на потухшую звезду.

Я посмотрел на распростертую рядом девушку. Повсюду лежали тела, ни одно из них не шевелилось. Некоторым из них недоставало рук или ног. Что ж, я правильно все рассчитал. Мы были в зоне действия ударной волны и увлекаемых ею обломков, но довольно далеко от эпицентра пожара.

Ей повезло. Ее тело, быть может, найдут, хотя бы некоторые его части. Те, кто умер, задохнувшись и сгорев на этажах, расположенных над самолетом, уже стали тенями в сумраке. Стали пеплом, который скоро смешается с раздробленным в порошок бетоном башни.

Я ведь знал обо всем этом.

Потому я здесь и оказался. Потому я пришел сюда возродиться, после того как пришел сюда умереть.

Я все знал. Все – с точностью до минуты, словно проследил за ходом катастрофы по CNN, только неделями раньше.

Телевизионный экран, подключенный к каналу Времени, показал мне все необходимые кадры. Для нас в этом нет ничего особенного, мы уже очень давно сделали из своей центральной нервной системы настоящее оружие. Такое событие не могло ускользнуть от новейшего оборудования, каковым является мой мозг.

Да. Я знал все. Самолеты, расписания, аэропорты отправления, маршрут, точки столкновения и так далее. Все. Где. Когда. Как. Кто.

Все, кроме самого главного.

Я не знал, что буду делать *я*. Это была сумеречная зона, мертвое пространство моей сверхинтуиции. Я должен был прийти сюда. Я должен был умереть здесь с тем, чтобы здесь же возродиться, в последний раз изменив тело-личность не в клинической тиши моей подпольной лаборатории, а прямо в центре катастрофы, при помощи вживленной в спину портативной системы. Я возродился так, словно был навеки связан с человечеством, за которым шпионил до этого, как энтомолог, наблюдающий за колонией насекомых. Но что потом? После этого возрождения? Ничего. Я ничего об этом не знал. Здесь, как я догадывался, начиналось пространство моей свободы. Территория, освещаемая лишь собственными поступками. То есть наступал тот самый решающий миг, после которого в любой момент *может стать слишком поздно*.

Катастрофа была удачной. В этом смысле удачной. То, что я собирался сделать, несомненно, явится лишь особой концентрацией тех деяний, которые люди совершат в течение следующего столетия, начавшегося с этого самолета и этой башни.

Это будет неожиданно и почти незаметно. Это будет постепенная, шаг за шагом, инверсия того, что сделали исламские камикадзе. Это будет *секрет*.

Да, катастрофа была удачной.

Я нахожусь на девяностом этаже Северной башни. Точное время – восемь часов сорок шесть минут и сколько-то секунд. На двух этажах подо мной и на десяти этажах надо мной горят рассыпавшиеся в порошок обломки самолета. Огромные грубые отверстия в потолке, в стенах и в полу. Широкие оконные стекла разлетелись в пыль на всех четырех сторонах здания так же, как и горизонтальные перегородки, отделявшие кабинеты друг от друга, сметенные и разодранные в клочья, словно листы бумаги, вне зависимости от того, где они когда-то стояли. Этажи прямо над остатками самолета стали единым костром с белыми вспышками, адом сверхвысокой температуры. Я чувствую его испепеляющий жар, обдувающий мое новое тело раскаленным ветром, я чувствую его в каждой частице вдыхаемого мной пыльного воздуха, я его чувствую так, словно горящие угли находятся в каждом нейроне, подключенном к «здесь и сейчас». Я знаю, что у меня остается мало времени до того, как нижние этажи постигнет та же участь, что этажи в зоне удара и те, что находятся непосредственно над ними. Пространство, отделяющее меня от этого круга ада, частично охвачено пламенем. Место, где нахожусь я, уже затянуто плывущим со всех сторон коричневым и серым дымом, залито потоками жидкого огня, усеяно занимающимися повсюду мелкими кострами. На поверхности сохранившихся стен вспыхивают пылающие венчики, сплошь испещренный трещинами пол покрыт золотыми лужами. Наверху, надо мной, сквозь проломы разных размеров можно увидеть картину апокалипсиса с раскаленными торнадо, обвивающимися вокруг обнажившихся основ конструкции, световыми туннелями, полными страшного жара, шарами пламени, трепещущими, словно ядерные сердца во время синтеза. Все это объято тяжелыми серыми тучами, неустанно наступающими на этажи, проникающими в трещины, в щели, в звездообразные пробоины. По металлическим опорам башни ползет жидкий огонь, словно вытекающее из кузнечного горна расплавленное золото.

Я только что родился в самом Аду, я только что родился в

Мире Людей.

2. Девяносто первый этаж

Катастрофы такого масштаба – источник парадоксов. Так, одним из первых последствий любого пожара становится невозможность что-либо увидеть.

Конечно, ведь появляется дым, который, благодаря вентиляции, проникает всюду. Пробивающийся сквозь густые клубы дыма свет пламени странным образом подчеркивает окружающую темноту, или, лучше сказать, ощущение слепоты, подобное тому, которое возникает тогда, когда фары наталкиваются на плотную пелену тумана.

Кроме того, самолет погрузил здание в травматический хаос, окутавший его высокий остов крошечными дымящимися, повисшими в солнечном воздухе осколками, дополняемыми торнадо сажи, с воем вырывающимся изо всех отверстий выше девяносто второго этажа. Поэтому солнце превратилось в бледное воспоминание, проглядывающее сквозь смешение дымов различного происхождения, а главное, прекратилась подача электричества. Мгновенное затемнение. Всеобщая авария. Ночь. Ночь среди бела дня.

В таких случаях даже ясным, солнечным утром любая башня с огромными стеклянными окнами – вроде той, в которой я нахожусь, – немедленно погружается в полную темноту.

В такие моменты понимаешь, что для современного урбанистического сооружения день и ночь – это одно и то же явление, управляемое разницей электрического сопротивления. В такие моменты понимаешь, что город – это устройство, которое может сломаться так же легко, как обычный стартер. Что же тогда говорить об одной из его башен, пусть и самой высокой?

Особенно самой высокой.

Я слышу отчаянные крики всех застрявших в лифтах людей, я слышу, как они стучат по металлическим стенкам, в то время как огонь, возможно, уже начинает превращать кабины в жуткие духовки, подвешенные над сотней этажей пустоты.

Да, я нахожусь здесь и сейчас, и если виден свет, то лишь тот, что может в любой момент уничтожить.

Но что же я должен делать? Что же я должен делать здесь и сейчас, посреди Ада?

Каким поступком ознаменую я мою новую и последнюю жизнь псевдочеловека, шпионящего за человечеством, здесь и сейчас, посреди Мира Людей?

Если я решился ослушаться всех приказов, то, как я догадываюсь, жертва того стоит. Это будет секрет, повисший

между небом и землей, подобно этой стеклянной башне, разрушенной самолетом. Мой поступок предаст все, для чего я был создан, хуже того, он предаст все, что я мог бы сделать, вместо того чтобы совершать его. Он уничтожит возможность всякой моей деятельности, сделает из меня существо, не ведающее детерминизма[3], неуловимое для любых средств обнаружения, человеческих и нечеловеческих.

Это – секрет, о котором я совершенно ничего не знаю, потому что он является измерением, которое моя жизнь здесь и сейчас проложит в других измерениях. Он – оружие, направленное одновременно против того, чем я был, против того, чем я мог быть, и – особенно – против всего, чем я быть не могу.

Это секрет, который сделает из меня человеческое существо.

Существо, созданное для Ада.

Существо, созданное для этого прекрасного сентябрьского утра.

Погода солнечная, осеннее утро просто божественно. Самолет, который врезался в башню, зажег примерно на десяти ее этажах керосиновый пожар.

Двадцать первый век начался. Двадцать первый век будет устрашающе прекрасен. Двадцать первый век будет нескончаем.

Да и кто же сможет его остановить?

Итак, нет еще девяти утра, а я уже вновь родился в человеческом образе посреди разрушений, оставленных на своем пути человечеством, впавшим в идолопоклонство перед самим собой. Я умер – и снова родился, так как должен умереть опять, и скоро, чтобы получить возможность покинуть, на этот раз окончательно, свой передвижной наблюдательный пост, то есть свое человеческое тело, и вернуться в изначальную метаорганическую структуру, там, высоко, среди звезд.

Я не принадлежу к этому миру, и, несмотря на это, я тайно соединился с ним узами крови и пепла. Я не человек, но, несмотря на это, я скоро стану последним живым существом в этой башне.

Хотя… Не совсем так.

Я не стану *единственным.*

Ибо я пришел сюда не с целью совершить последнюю трансформацию в недрах человеческих теней. Я пришел сюда не только исключительно ради себя, не ради своего прошлого, настоящего, не ради своей судьбы, гибели, искупления. Я не знаю, почему пришел сюда. Я знаю лишь, что это гораздо важнее, чем моя персона, гораздо важнее, чем все мои ложные жизни, посвященные подглядыванию за родом человеческим, гораздо

важнее, чем сама Миссия.

Я не знаю, почему я пришел. Мертвая зона происходящих событий. Великая сумеречная зона.

Но именно в сумерках проступают тени.

Причину, по которой я нахожусь здесь и сейчас, в этой охваченной пламенем башне, прямо под тем, что осталось от «Боинга-767», совершавшего рейс номер одиннадцать авиакомпании «Американ Эрлайнс» из Бостона, я заметил только что. То есть я различил шум, который она производила. Природу этого шума мне удалось узнать: за тысячелетие исследовательской деятельности на Планете Людей я имел возможность изучить все вариации подобных звуков.

Я услышал голос, человеческий голос.

Этот человеческий голос звучит надо мной, он идет с верхнего, девяносто первого, этажа и сопровождается движением, которое мои глаза заметили на периферии зоны видимости.

Голос принадлежит ребенку.

Маленькой девочке.

Вот теперь я знаю, зачем пришел сюда. Я знаю, почему пришел умереть и возродиться в этой разбитой башне.

Я пришел ради этого ребенка.

На секунду мне это кажется столь очевидным и столь незначительным по сравнению с титанической ирреальностью летучего монстра, только что врезавшегося в высокую стеклянную башню, что я с трудом убеждаю себя в истинности происходящего. В наличии этого *присутствия.*

Но нет никаких сомнений.

Никаких.

Поскольку моя персона имеет миллионы вариантов выбора в микросекунду, то принимает единственное роковое решение в пространстве существования.

Итак, я родился и скоро умру.

Но я *выживу.*

И эта маленькая девочка – тоже.

Она плакала и издавала короткие стоны, словно раненое животное. Я дал бы ей на вид лет шесть. Девочка спаслась, она была жива и уже стала сиротой. Сквозь грохот пожара я услышал, как она произносила слова «мама, мама», прерываемые рыданиями. Сероватые клубы дыма плыли над ней газообразными эскадрильями, пляшущие отблески пламени окружали ее оранжевым океаном.

Я видел ее, я смотрел на нее, она находилась примерно в четырех метрах надо мной.

Она меня видела, она на меня смотрела. Я стоял внизу, бесконечно далеко.

Находилась ли она с самого начала на этом этаже? Там, где ползла сейчас по краю пролома, образовавшегося от взрыва, с распухшим лицом и в обгоревшей одежде? Упала ли сверху, катясь вниз с этажа на этаж от места удара?

Или же это чудом спасшаяся пассажирка самолета?

Было девять часов утра, на дворе стояла божественная погода, и конец Мира уже начался. Я протянул руки к маленькой девочке и просто сказал ей: *«Иди ко мне, надо отсюда уходить. Быстро».*

Она помедлила одну или две минуты, но ее слезы быстро высохли, а стоны почти сразу же затихли.

Она видела меня, она смотрела на меня. Ад бушевал прямо над ней. Там, видимо, горело и тело ее матери.

Надо было уходить.

С этим незнакомцем.

Незнакомцем со всех точек зрения, и даже в гораздо большей степени, чем она могла вообразить. С незнакомцем, дающим единственную надежду не погибнуть здесь, в аду пожара, озарявшего тьму.

Она прыгнула в мои протянутые, уверенно поймавшие ее руки.

Ее пылающее мокрое лицо уткнулось мне в шею.

Наш этаж, как и тот, с которого она спустилась, скоро захватит бушующий огонь. Я знал все – все, что случится, всю последовательность событий с точностью до минуты.

Нельзя было терять ни единого мига.

Надо было спускаться. Спускаться, пока второй самолет не врезался в Южную башню. Спускаться, пока она не обрушилась. Надо было спускаться, пока не обрушилась *наша* башня.

Я прекрасно знал хронологию событий, что было очень слабым подспорьем в нынешнем положении. Я отлично знал, что не Северная башня первой обрушится под собственной тяжестью. Но это, если учесть окончательный результат операции, не имело большого значения. Напротив, кто-то говорил, то есть… скажет, что обрушение Южной башни сыграло первостепенную роль в том, что тридцать минут спустя Северная башня взорвалась целиком.

Я знал столько вещей про все эти события, потому что мог следить за ними по телевидению будущего. Они все сводились к одному. Они создавали единый катаклизм, готовый длиться в течение веков и отзывающийся эхом, видимо, как в самых древних снах, так и в самых отдаленных мифах будущего.

Я знал даже самое худшее. Я говорю о цифрах. О статистике. Об отчетах следствия. Об итогах.

Согласно Царству Чисел, чуть более шестисот человек оказались заблокированными в Южной башне ниже и выше места удара, после того как самолет авиакомпании «Юнайтед Эрлайнс», летевший рейсом 175, в девять часов ноль две минуты и несколько секунд врезался во вторую верхнюю треть здания, в часть, занимаемую этажами с семьдесят восьмого по восемьдесят четвертый. Около двадцати человек сумели выбраться наружу невредимыми до рокового обрушения. Оно произошло менее чем через час, в девять часов пятьдесят девять минут и две секунды.

В ВТЦ-1, в Северной башне, где находился я, вокруг места удара и взрыва, между девяносто четвертым и девяносто восьмым этажами, оказались заблокированными одна тысяча триста шестьдесят шесть человек. Согласно имевшимся у меня цифрам, ни одного выжившего зарегистрировано не было. Мои видения открыли мне, что взрывчатая траектория первого самолета стала куда более разрушительной, чем у его собрата во второй башне. Я смог установить, что многие этажи частично обрушились под местом удара, увлекая за собой вниз потоки керосина, все лифты мгновенно остановились, а проходы к аварийным выходам на крышу или на лестницы оказались непонятным образом перегороженными.

Очевидность жестокости, еще более страшной, чем удар самолета в башню, – вот причина, по которой я нахожусь здесь и сейчас. Вот секрет, который я спрячу под обломками самолетов и башен.

Я здесь для того, чтобы заставить Числа лгать. Я здесь, чтобы противопоставить свою тайную нечеловечность их патетической человечности. Я выберусь из Северной башни, и не только выберусь. Я спасу не себя одного. Останусь я, охваченная пламенем башня и маленькая девочка, упавшая в мои руки из ада, устроенного на земле.

Итак, вперед, let’s roll![4] Десять часов, двадцать восемь минут – это последний срок. Время, до которого надо будет обязательно покинуть пределы башни. Я знаю все заранее с точностью швейцарского хронометра.

Я знаю, что сейчас девять часов и горстка секунд. Я знаю, что нахожусь здесь, чтобы бросить вызов всему космосу.

Я все знаю заранее, то есть я смог предусмотреть все… или почти все. Да, *почти* все.

Например, то, что лестничная площадка северной стороны – ближайшей к нам – серьезно повреждена ударом. Я вижу и

слышу, как там вьются огромные столбы пламени. Нужно как можно быстрее найти другую лестницу. Я должен найти способ вырваться из этой ловушки.

Я должен буду сразиться с целой башней. Думаю, мне придется приручить ее.

Да, я думаю, что буду вынужден подружиться с ней. Ибо кто еще может стать здесь моим союзником, кроме машинной триады: башня – самолет – пожар?

Северная башня, мой единственный друг…

Коридоры заполнены тяжелым дымом. Я слышу голоса, крики, но практически ничего не вижу.

Дышать становится совершенно невозможно, огонь отравляет этажи, расположенные под участком взрыва, почти так же быстро, как и те, что находятся над пеклом. После изучения результатов расследования и из фильмов я знаю: все придут к заключению, что пожар в конце концов охватил значительную часть семьдесят девятого и восьмидесятого этажей. Сквозь то, что осталось от огромных стеклянных окон, я периодически вижу силуэты падающих тел. Вертикальными астероидами в жуткой тишине мелькают серые и черные тени заживо замурованных, выбравших роковое решение из двух вариантов гибели. Коридоры задымлены, так же как лестницы и шахты лифтов, оттуда эхом доносятся крики жертв, застрявших в кабинках. Тяжелые серые спирали вырываются из тонких щелей между закрытыми дверьми; все этажи, расположенные над нами, отныне стали смерчем огня и дыма, разрастающимся во все четыре стороны света. Наше бегство будет напоминать переход через зону боевых действий.

Я знаю все, я все предусмотрел.

Чтобы уберечься от ядовитого дыма, заполняющего этажи, нужно закрыть рот и нос влажной тряпкой.

Тряпка – шапочка из шерсти и акрила, обмотанная хлопчатобумажным шарфом, который я прикрепил при помощи липучек; вода – содержимое нескольких маленьких бутылочек. Все дополняется очками для ныряния. Это – для нее, это будет ее боевая форма для борьбы с Числами, это будет ее скафандр для путешествия сквозь сумерки.

– Я тебя понесу на себе большую часть пути. Проще всего сделать так: полезай мне на спину, ногами обхвати меня за пояс, возьмись за лямки рюкзака, чтобы держаться как следует. Если мне надо будет воспользоваться топором, я тебя на минутку поставлю на землю. Готова?

Она просто кивнула головой, оставив на моей шее влажный след. Я передал девочке шапочку, очки, добросовестно полил водой ее закрытое таким образом лицо, дал возможность

устроиться на моей спине и начал свой поход.

Надо было поторапливаться. Пожар уже пожирал этаж, с которого она спрыгнула, и частично распространился на тот этаж, где мы находились. Он пылал над нами, он догонял нас, он подступал к нам.

И мы начали спускаться.

Мой мозг работает лучше, чем микропроцессор. И он, конечно, знал о том, что вот-вот случится.

Ровно в девять часов две минуты и одиннадцать секунд, когда мы не преодолели еще и трех этажей, произошло событие.

Произошел какой-то толчок, от ударной волны все здание содрогнулось и словно повернулось вокруг своей оси. С верхних этажей на нас полетели обломки, в основном в виде горящих факелов разной формы и происхождения. Конструкция, поддерживавшая находившуюся перед нами лестницу, просела, расколов целый марш ступеней. Вслед за этим обвалилась часть потолка и загородила нам проход.

Вот так и есть.

– Что это было? – спросила меня девочка, которую я поставил на пол рядом с собой, чтобы быстро достать из рюкзака пожарный топорик и попытаться взломать крепко запертую дверь аварийного выхода.

Я знал все. На преодоление каждого этажа нам понадобится по меньшей мере целая минута. Сейчас мы находимся на восемьдесят седьмом этаже. Спуск по уровням здания будет долгим и опасным. Некоторые из них будут заполнены дымом, может быть, охвачены огнем или просто разрушены, как этот участок, который я должен обогнуть. Нам надо пройти восемьдесят семь этажей, и мне остается менее девяноста минут, чтобы успеть до обрушения башни.

Я познакомился с этим уравнением уже довольно давно, но только теперь я понимаю, что оно действительно собой представляет. Ради этого я пришел, ради этого я решил возродиться здесь. Я, конечно, хотел победить цифры, но еще больше я хотел заставить реальность лгать, я хотел уничтожить невозможное.

– Это вторая башня, – ответил я ей спокойно.

Я ни в коем случае не собирался держать ее во власти иллюзий, словно в ловушке, совершенно не желал прятать от нее правду и защищать ее от кошмара. Она уже была погружена в него полностью.

– *Это второй всадник*, – добавил я. И начал выбивать дверь.

Я заметил у нее на шее брелок протестантов с ясно узнаваемым гугенотским крестом. Мы находимся в Соединенных

Штатах, последней религиозной цивилизации Запада, она поймет мой намек, подумал я.

И она его прекрасно поняла.

Восьмидесятый этаж. Прошло больше пятнадцати минут. Мы не укладываемся во время. Совсем. На лестнице западной стороны, до которой мы в конце концов добрались, нам встречаются толпы бредущих людей. Некоторые из них только что нашли аварийный выход из своего коридора. Дым на этом этаже кажется не таким густым, я понимаю, что он все-таки распространился по всему зданию благодаря вентиляционным каналам. Люди собираются в группы, в полной темноте они пытаются спуститься вниз. Я слышу голоса, плач, жалобы. Я касаюсь тел, чувствую чужое дыхание, учащенное от страха и физических усилий. Кто-то, обрывками фраз, еще полных ужаса, рассказывает, как он чудом спасся от страшного пожара, бушующего наверху, начиная с девяносто второго этажа здания. Это люди. Они все погибнут. А я должен спасти маленькую девочку. У меня нет никакого выбора.

Семьдесят пятый этаж. Спуск по-прежнему идет медленно, среди групп людей, которые погибнут. Я – не человек. Я – великолепная подделка. Признаюсь, ничто – даже самые усовершенствованные медицинские анализы – не обнаружит ни малейших отличий, но к вашему виду я действительно не принадлежу. На самом деле я – будущее вашего вида. Я долго за вами наблюдал, более тысячи лет, и я видел все, на что вы способны.

Иногда, кстати, на чудеса.

Нередко и на злодеяния.

Подобные тому, посреди которого я умер, а потом возродился, перед тем как получить возможность покинуть наконец телесную оболочку. Подобные тому, посреди которого я торопливо иду вниз по задымленным лестницам, преследуемый титаническим пожаром, рычащим над нами, и ужасающе быстрым ходом времени, тикающим в моем мозгу, как цифры атомных часов, огромных, как весь мир.

Я – подобие человеческого существа. Я обладаю всем, что имеют представители вашего племени, но я сохранил и часть того, чем был изначально. Наши специалисты умеют перепрограммировать генетические коды, как шпионский шифр, с *секретными устройствами.*

По этой причине я вижу в темноте.

По этой причине мокрая шапочка мне совершенно не нужна:

мои легкие, как и мои глаза, быстро адаптируются к новой окружающей экосистеме, они сами отфильтровывают разнообразные токсические вещества, которые мне приходится вдыхать. Поэтому, кстати, меня и мучает следующий вопрос: если я не знал в точности, что здесь буду делать, зачем тогда я захватил с собой небольшой комплект спасательного оборудования, рассчитанного на человеческое существо?

Если я не знал, то, значит, кто-то другой, скорее всего, все-таки знал.

Семидесятый этаж. Больше десяти минут на пять этажей. Такой темп никуда не годится. Никуда. Распластанные тела загромождают лестничные пролеты. Те, кто еще пытается спускаться вниз, делают это со скоростью насекомых, цепляясь друг за друга в темноте, замедляя свое, а следовательно, и наше продвижение вперед. Я быстро понимаю, что на нижних этажах дым такой же густой, как и на верхних. Он действительно со смертельной равномерностью распространился по всему зданию благодаря новейшей системе вентиляции. Лестницы заполнены лежащими телами, людьми, упавшими рядом с дверями, задыхающимися, неспособными больше двигаться. Кого-то, с икотой и спазмами, рвет у бетонной стены. На некоторых лестничных площадках и над нами дым становится особенно густым. Кажется, пожар пылает по-прежнему, становясь лишь сильнее. Практически везде слышатся крики и жалобы, эхом доносясь ниоткуда и уходя в никуда. Смерть присутствует здесь во всем своем великолепии, она пришла забрать то, что ей причитается. Я все время смачиваю водой шапочку малышки. Я говорю ей, чтобы она сосала ткань, постоянно поставляя влагу в организм. Я бегу в потемках, заполненных умирающими людьми. Я должен победить время и пространство. Я должен победить мир.

Я должен победить башню.

Башню и все, что стоит на нашем пути.

Шестидесятый этаж. Я наконец нашел подходящий темп, теперь я бесцеремонно перепрыгиваю через встречающиеся тела. Если передо мной стоит группа людей, я грубо, без колебаний, врезаюсь в нее. Когда надо, я отпихиваю, оттаскиваю, бью, отталкиваю тех, кто не отходит в сторону. Иногда мне приходится наступать на тела. Я соревнуюсь со счетчиком, пульсирующим в моей голове, борюсь со временем и пространством, борюсь со всем, борюсь с умирающими людьми, борюсь с теми, кто скоро умрет.

Я борюсь с целым миром… или, вернее, с тем, что от него осталось.

Пятидесятый этаж. Странно, этажи по мере нашего спуска становятся все безлюднее, словно по воле судьбы большинство посетителей в это утро отправились в верхнюю половину башни и не смогли оттуда спуститься. Но я вижу в ночи и дышу ядовитым дымом. Ничто уже не замедляет моего бешеного бега сквозь темноту, вниз, все ниже и ниже, в глубь спирального колодца, который выведет нас к свету.

Я бегу, сознательно поддерживая темп, не слишком разгоняясь, чтобы не перенапрягать дыхательные органы и вследствие этого не задохнуться. Да, дым теперь везде. Верхние этажи горят, средние постепенно занимают потоки пылающего керосина, нижние, кажется, пока еще не охвачены пожаром. Но все, абсолютно все они погружены в ночь, ночь и туман.

Башня – это мир.

Мир, который зачеркнет себя на карте.

Мир, который превратится в Нулевую Отметку самоуничтожившегося участка земли.

Мир, из которого я должен вырваться, пока еще не слишком поздно. Пока еще моя только что обретенная свобода не ограничилась полумиллионом тонн бетона и металла.

Oh, babe, let’s roll!

Сороковой этаж. Я чувствую, что весь взмок. В этом состоянии я нахожусь с первых минут эксперимента, с начала пожара, возникшего после удара. Башня стала машиной по производству жары и темноты. Жара с той же скоростью, что и дым, распространяется по всем этажам, по вентиляционным каналам, по шахтам лифтов, по лестницам, по пробоинам, проделанным пожаром или столкновением различных предметов. Во мне она умножается беспрерывным движением. Я сам – жара, я – огонь. Я – башня, я – часы в моей голове. Время – девять часов пятьдесят три минуты семнадцать секунд. Теперь мне требуется чуть менее пятидесяти секунд, чтобы спуститься на один этаж. Я должен держаться. Более того, я должен любой ценой увеличить скорость движения. Мы нагоняем отставание по времени. Я должен бежать быстрее, наплевать на возможные легочные осложнения, на охватившую меня усталость, на жару.

Наплевать на меня.

Тридцатый этаж. Чуть больше половины минуты на этаж, ясно, что я не смогу двигаться быстрее: дым одинаково густой на

всех этажах. Я постоянно увлажняю лицо малышки, мои запасы минеральной воды на исходе, легкие перегрелись, но останавливаться ни в коем случае нельзя. Только не сейчас, когда я уже выигрываю эту гонку на время, тикающее у меня в голове, когда я начинаю заставлять лгать Числа, когда я научился покорять башню. Девять часов пятьдесят восемь минут сорок четыре секунды. Я скатываюсь по лестничному пролету на очередной этаж, здесь нас ждут лишь темнота, ядовитый дым и тишина.

Тишина погребального склепа, едва нарушаемая отдаленной, глухой вибрацией, производимой пожирающим верхние этажи пожаром.

Но часы, тикающие у меня в голове, знают все об очередности событий, о времени их наступления. Они знают все об их разрушительном потенциале.

Поэтому в девять часов пятьдесят девять минут десять секунд я продолжаю бег в туманных сумерках и почти не обращаю внимания на вибрацию, словно спускающуюся с неба, как будто устремившийся к нам пожар.

Я знаю, что это. Это не пожар Северной башни.

Это Южная башня.

В эти секунды совсем рядом с нашей обрушивается Южная башня.

3. Ночь и туман

Катастрофы по определению обладают неожиданным и не поддающимся предсказаниям характером. Террористы ни в коем случае не могли предусмотреть спровоцированную ими цепь трагических и роковых событий. Даже самый лучший физик не сумел бы составить заранее это великое уравнение Курносой.

Первым последствием обрушения Южной башни, естественно, явилась гибель всех, кто в тот момент находился в ней или поблизости. Это последствие стало в некоторой степени очевидным для наблюдателей, находившихся на близлежащих улицах или у экранов телевизоров. Как и для меня, уловившего сигнал многими неделями раньше.

Но никто, кроме тех, кто оказался тогда замурованным внутри и должен был погибнуть, не знал, что происходило в Северной башне в тот момент, когда Южная башня взорвалась.

Никто.

Ни один человек, во всяком случае. Никто, судя по итогам расследования, отчетам, статистике. Никто из Царства Чисел.

А в Северной башне во время обрушения Южной башни произошло следующее. Огромный поезд мчится на нас с небес. Его вибрация периодически прерывается резкими звуками, напоминающими ритм движения вагонов на стыках между рельсами. Глухой шум, кажется, идет от дальней звезды. Темп стука учащается, одновременно с этим он делается громче, отчетливее, ближе, все ближе и ближе, совсем близко. Он так близко, что уже настиг нас. Он похож на титаническое повторение первого удара самолета. В этот миг всё разлетается в пыльное облако. Всё.

Башня непрерывно содрогается сверху донизу. Девочка слетает с моей спины, а я теряю равновесие и падаю на последнюю ступеньку перед лестничной площадкой двадцать восьмого этажа. Я слышу, как она кричит. Я вижу ее, ловлю и быстро водворяю себе на плечи. Мы находимся в непроницаемом облаке, белом, как смерть.

Она не произнесла ни слова, ее глаза полны простого детского ужаса. Она больше ничего не скажет. Можно подумать, что она догадалась.

Воздействие взрыва Южной башни на ее соседку имеет совершенно естественные последствия. Чудовищные, порой раскаленные настолько, словно они вылетели из жерла вулкана, тучи обломков и пыли проникли в отверстия здания, в частности в вентиляционные люки и в разбитые ударной волной по всей

высоте небоскреба окна, и пронеслись из стороны в сторону по каждому этажу. Страшная вибрация нарушила целостность многих элементов конструкции, уже затронутых ударом самолета и последовавшим за ним пожаром. Тросы, державшие кабинки лифтов, почти все оборвались, лестничные площадки целых этажей обрушились вниз.

К ним в хаосе темноты, еще худшей, чем царила до того, присоединились перегородки, полы, балки, убивая, калеча, заключая в ловушки всех, кто еще оставался живым внутри Северной башни.

Всех.

Всех, даже меня.

Даже меня и эту маленькую девочку.

Эту маленькую девочку, которую я все-таки спасу.

Нас почти полностью засыпало лавиной строительного мусора. Некоторые верхние этажи западной лестницы частично обрушилась. Я очень быстро понимаю, что если преодолеть определенные препятствия, то можно добраться до ступенек, находящихся в нескольких метрах от меня. Они сохранились в относительно хорошем состоянии и продолжают вести на двадцать седьмой этаж. У нас остается шанс. У нас остается шанс победить Числа и тех, кто убивает ради них.

Нам остается то, ради чего я сюда пришел.

Двадцать пятый этаж. Да. Мы прошли. Лестницы завалены обломками, строительным мусором и пылью, но нам удается продолжить спуск. Я открываю последнюю бутылочку с водой и выливаю ее содержимое на шапочку, закрывающую лицо девочки, спасшейся с девяносто первого этажа. Мы прошли. Мы спускаемся.

Конечно, уже не в прежнем темпе, но мы спускаемся, идем вниз, движемся к этому извращенному видению надежды, спускаемся в глубину тьмы, туда, где только свет может позволить себе существовать для тех, кто пережил башню.

Мы ее переживем.

Мы и есть само выживание. Чудо случится. Я его уполномоченный. Я для этого пришел, для этого умер, для этого смог возродиться, чтобы умереть по-настоящему.

Я готов к жертве.

Жертва – это не отданная жизнь, это – побежденная смерть.

Жертва – это вывести маленькую девочку из Северной башни, пока она еще окончательно не обрушилась. Жертва – это предать все, чем я являюсь, ради человечества, которое того не стоит, за исключением единичных случаев, располагающих к спасению.

Поскольку это человечество – не концепт. Это не концепт, в нем росту всего-то метр с двадцатью сантиметрами, веса – двадцать пять килограммов плоти, крови, костей, и оно обхватило меня за спину. Я не концепт пришел спасти от Чисел, статистики и всех объединившихся случайностей.

Это лишь маленькая девочка, возраст которой мне неизвестен. Полагаю, ей около шести лет. Маленькая девочка, о которой я не располагаю никакими, даже самыми элементарными, сведениями. Маленькая девочка, которую я вытаскиваю из огромного рокового, пылающего здания, мне совершенно незнакома. И я для нее совершенно чужой человек.

Поэтому мы и спускаемся вместе вниз, пробираясь сквозь обломки Южной башни, в недра того, что остается от Северной башни. Поэтому мы и победим башни, самолеты, пожары и тьму.

Поэтому я пришел.

Ради нее.

Ради моей дочери.

* * *

Двадцатый этаж. Удивительно, кажется, густой дым понемногу рассеивается. Несомненно, ударная волна от обрушившейся Южной башни повредила систему вентиляции, не позволяя дыму от пожара на верхних этажах отравить своими ядовитыми клубами нижнюю часть здания. Ведь загоревшиеся нефтяные скважины гасят взрывом хорошей дозы нитроглицерина. В любом случае, здесь остается только воздушная пыль, долетевшая от рухнувшей башни. Мы спускаемся еще на один этаж. Мой нейронный процессор тоже работает безостановочно. Мы направляемся теперь к девятнадцатому этажу, сейчас десять часов десять минут тридцать восемь секунд. Времени у нас, кажется, остается очень мало.

Очень мало.

Слишком мало.

К тому же проход к нижнему этажу, я понимаю это за одну секунду, основательно завален. Обвалились лестницы нескольких уровней. Здесь уже не пройдешь.

А пройти надо.

Надо победить Числа, победить самолет, башню, все объединившиеся случайности. Придется рискнуть всем, и в первую очередь своей собственной жизнью.

Восемнадцатый этаж. Так вот где действительно нельзя пройти. Так вот где мы должны преодолеть границы возможного. Так вот где завязались узлом все миры. На восемнадцатом этаже.

Мы уже почти видим нашу конечную цель, почти видим свет, почти видим надежду. И мы застряли. Как раз здесь. На восемнадцатом этаже. Любой человек, после всех выпавших на нашу долю испытаний, пришел бы в этот момент в отчаяние и сам закрыл бы дверь, ведущую к спасению.

Но я ведь не настоящий человек.

Я еще в меньшей степени человек, чем эта башня и этот самолет. Чем все башни и все самолеты.

Ни одна человеческая машина, ни одна человеческая катастрофа, ни одна человеческая идеология не может победить уполномоченного Миссии. Целая куча запасных жизней ждет нас в матрицах эмбриогенеза. Пусть я во время взрыва даже истратил последнюю из имевшихся в наличии, ничто не помешает мне победить машину «башня-самолет-пожар». Ничто не помешает мне победить все мыслимые Числа.

Я не мог больше лишить себя жизни для того, чтобы воскреснуть, иначе я с самого начала сыграл бы роль человеческого парашюта для девочки с девяносто первого этажа. Но я мог попробовать сделать нечто, еще более трудное: победить машину, став машиной в большей степени, чем она сама.

Я мог снова полностью превратиться в то, что я предал. Это была бы окончательная измена, поставленная на службу против самой себя.

И я просто сказал девочке с девяносто первого этажа: забудь то, что ты сейчас увидишь, – ты этого не видела. Я не делал того, что я сейчас сделаю. Того, что сейчас произойдет, не было.

И этого не было. Потому что я этого не делал. Потому что она этого не видела.

Во всяком случае, так она скажет вам.

* * *

Семнадцатый, шестнадцатый, пятнадцатый этажи… мы прошли, мы спускаемся. Ничего интересного, одни клубы пыли. Я выливаю остатки воды из последней бутылочки на лицо девочки, счетчик напоминает о том, что мы еле-еле вписываемся в расписание. Нужно бежать, продолжать бежать, все время бежать вниз, к свету.

Двенадцатый, одиннадцатый, десятый этажи…

Ох, нет! Проход снова завален, да еще каким-то странным образом. Кажется, в этой части здания просел целый этаж, даже два, точно. Это означает, что мы выиграли два лишних пролета, по которым не надо спускаться, но огромное скопление металлических балок, раздробленного бетона и горы пыли разнообразного происхождения закрывают нам путь. Я еще раз стану бесчеловечнее, чем все человечество, вместе взятое, сделаюсь большей машиной, чем все машины на свете. *Держись покрепче, следуй за моим движением и не бойся, вот и все*… Мне по плечу бег с преодолением и гораздо более сложных препятствий. Тайные возможности моего метаболизма позволяют мне совершать такие атлетические подвиги, которым позавидовали бы ваши самые анаболические чемпионы. Итак, мы проходим просевшие этажи. На самом деле я прыгаю из одного пролома, образовавшегося в конструкции здания, в другой. Да, я понимаю, что в данный момент, когда вертикаль противостоит вам всей своей мощью, надо отдаться во власть сил притяжения. Если у вас нет возможности спуститься, нужно падать. Парадокс, но препятствие лишь ускоряет наше движение к цели. За несколько мгновений я спустился вниз на три этажа.

С каждой секундой я все лучше понимаю природу наблюдаемого нами феноменального явления. Мы находимся в основании Северной башни. Но не свет встречает нас здесь. За это время взрыв Южной башни погрузил даже выход в кромешную тьму.

Последние шесть этажей. Всего шесть этажей, и мы обретем свободу света целого неба. Всего шесть этажей, и я совершу чудо победы над машиной «башня-самолет-пожар».

Но мы снова застреваем. На этот раз кучи строительного мусора заполнили лестничную площадку буквально до потолка, все остальное, кажется, обрушилось под их массой. Мы стоим у заваленной лестничной клетки. Мы находимся рядом с аварийным выходом, его дверь все еще качается на развинтившихся болтах. Я знаю, что за ней – узкий коридор, а там окна, стекла превратились в порошок. Тут я, даже не спустив девочку на пол, сжимаю в руке пожарный топорик и чередой рассчитанных ударов, как сумасшедший, разбиваю дверь и бегу по коридорчику к тому, что являлось застекленной поверхностью башни. Все вокруг меня разрушено, я могу увидеть происходящее под нами, на улице. Я могу глотнуть в качестве свежего воздуха менее плотную разновидность того дыма, которым мы до сих пор дышали.

Шок от катастрофы чувствуется во всем. Колоссальный

геологический хаос, вызванный обрушением ТВЦ-2, полностью завладел городским пространством. Горы дымящихся развалин, ряды килотонн строительного мусора, кучи пыли, перевернутые, опрокинутые, впечатавшиеся друг в друга, порой просто погребенные в сугробах пепла автомобили, бредущие в разные стороны люди, некоторые из них в форме. Я убеждаюсь в том, что главный вход в Северную башню наполовину загорожен лежащим на боку автобусом, и мгновенно усваиваю топологию местности. Если я правильно рассчитываю параметры нашего передвижения, частичное проседание лестничных площадок, высокие насыпи, образованные обломками Южной башни, то земля находится в метрах десяти от нас, может быть, чуть дальше. Я сам не знаю, как решение зарождается в моей голове. Другие, мужчины и женщины, тоже прыгали с башни, но с верхних этажей, с трехсотметровой высоты, а мы без особых потерь приземлимся на относительно мягкую почву, на превратившийся в песок бетон и в разнообразного происхождения пыль, уж конечно гораздо менее твердые, чем ровный асфальт и твердое покрытие проезжей части. Я умею действовать и в более сложных условиях, я смогу проконтролировать это последнее падение с завершающего этапа маршрута нашей борьбы. Пятнадцатиметровая высота нас уже не остановит. Теперь я знаю, как использовать башню, чтобы правильно упасть с нее. Для удачного приземления я сумею извлечь пользу и из той башни, что обрушилась. В самом худшем случае я сломаю кость ноги, но в подпольной лаборатории у меня есть все необходимое, чтобы как можно быстрее исправить положение. Мои метаболические гиперфункции позволят мне добраться туда без труда. Поскольку лаборатория находится неподалеку.

Более того, она совсем рядом.

Поток сменяющих друг друга решений приводит к падению как к итогу сознательного выбора.

К тому падению, во время которого я бросаюсь на огромную груду обломков, некогда являвшихся Южной башней Всемирного торгового центра.

Маленькая девочка с девяносто первого этажа даже не вскрикнула. Она вышла победительницей из схватки с невозможным. Она знает, что самый худший выбор всегда лучше, чем отсутствие какого-либо выбора.

Она знает, что мы вырвались из ночи, из ночи и тумана.

4. Там, где улицы носят 3000 названий

Вот и все. Мы покинули Северную башню, которая пылает над нами. Мы пробираемся сквозь еще дымящиеся обломки Южной башни, обрушившейся полчаса назад и обозначившей собой, под собой и через себя окончательные очертания апокалипсиса.

Я хорошо знаю свой мозг и часы, неумолимо отсчитывающие в нем время.

Я хорошо знаю все, что произойдет. Я хорошо знаю город Нью-Йорк.

Мы бежим по обломкам Южной башни, я делаю все для того, чтобы как можно скорее отдалиться от ее сестры-близнеца. Учитывая отправную точку нашего маршрута, мы двигаемся в сторону меридиана острова Манхэттен. По пути я замечаю разрозненные группы тел, упавших с пылающих этажей на землю, на бетонные навесы входов, на крыши нескольких близлежащих зданий. Я вижу также людей, собравшихся в просторном вестибюле Северной башни, заваленном тоннами строительного мусора. Десятки пожарных.

Кроме того, я различаю полицейских, окружающих место взрыва рухнувшей башни. Среди них я обнаруживаю людей в темных костюмах, фотографирующих, снимающих на портативные видеокамеры, записывающих рассказы очевидцев… Один из них направляется ко мне и решительно протягивает круглый значок со всей значимостью, в нем заключенной: «Полиция США». А вот моя *значимость* другая. Я мгновенно импровизирую. Это один их наших базовых методов – манипуляция информацией, хитрость, ложь, обман, нейроактивное повествование, моментальная фабрикация правды: *«Эта малышка – дочь сенатора Вайоминга, я – доктор Уильямсон, его личный врач, мне нужно в ближайшую больницу, за оцеплением нас ждет служебная машина, срочно занимайтесь остальными».* Мой голос настроен на практически гипнотическую частоту, приказ для подкорки, как называют его на нашем жаргоне. Человек застывает на месте, а я продолжаю бежать, не дожидаясь никакого ответа. Действовать нужно срочно, тут каждый за себя: это конец Света. Мне, конечно, следовало бы их предупредить, но на это нет времени. Кстати, что они тут делают? Они что, не понимают геофизическую неотвратимость того, что случится?

Я инстинктивно закрываю голову курткой и скорее бегу прочь от Северной башни, но часы, тикающие в моем мозгу, так же неумолимы, как микропроцессор компьютера.

Менее чем через минуту башня обрушится.

А мы не отдалились от нее еще и на сотню метров, мы еще под ней, мы почти еще в ней, как все эти люди, которые сейчас умрут.

* * *

Теперь я бегу в хорошем темпе по тому, что было большой эспланадой, примыкавшей к бывшей западной стороне Южной башни. Вокруг нас металлическими мумиями поблескивают в рассеянном свете каркасы перевернутых, побелевших от пыли автомобилей и автобусов. Мы уже видим Черч-стрит, мы повернулись спиной ко всей зоне ВТЦ, и я сквозь взвешенную в воздухе пыль замечаю там, впереди, улицы и проспекты, еще заполненные толпой, которая в панике покидает квартал. Я держусь заданного ритма, потом я начинаю бежать изо всех сил, потому что понимаю, что время идет.

Или, вернее, уже не идет.

Потому что точное время – десять часов двадцать восемь минут и какие-то доли секунды.

Это время конца.

Время конца Северной башни. Я пробегаю еще несколько шагов на полной скорости, делаю еще несколько вздохов полной грудью и, самое главное, не оборачиваюсь.

Этот миг надо победить. Шум начала обвала уже слышится, такой же, как при падении Южной башни, но более отчетливый, более стремительный, гораздо более сильный, гораздо более страшный.

Поскольку мы все еще под ней, мы почти еще в ней, она еще может нас победить.

О, да, мы еще в ней. Мы пробежали всего двести пятьдесят метров, с трудом преодолевая естественные преграды, возникавшие то тут, то там посреди этого нового асфальта с белой доминантой, где под окружающими нас гигантскими холмами дымятся пожары, пожирающие глубины ньюйоркских недр. Мы вышли из башни, но башня продолжает давить на нас своим присутствием, особенно в момент своего исчезновения.

Четверть километра, быть может, чуть меньше – это не так уж плохо для бега среди обломков Южной башни, особенно с девочкой, вцепившейся мне в спину в виде дополнительного груза.

Не так уж и плохо, нет, неплохо для *не*-человека, только что возродившегося к жизни под разрушительным самолетом, не так уж и плохо для не-человека, сумевшего спуститься с девяностого

этажа менее чем за девяносто минут.

Действительно, не так уж и плохо, принимая во внимание все обстоятельства.

Не так уж плохо, но недостаточно.

Недостаточно, поскольку Нью-Йорк обрушивается.

Недостаточно, когда повторяется то, что мы пережили во тьме Северной башни. Теперь, когда она взрывается, мы переживем это под открытым небом, на дымящихся руинах Южной башни.

Ряд небывалых явлений происходит здесь и сейчас.

Сначала обрушение, стремительное и при этом как будто навсегда застывшее во времени и пространстве. Этажи, падающие, согласно законам самоубийственной металлургии, друг на друга. Циклон пыли разнообразных сплавов и обломков, взрывающийся, словно гигантский шар, в момент последнего удара сложившейся конструкции о землю и немедленно высвобождающий всю свою кинетическую энергию.

Это нечто огромное, гигантское и сверхмощное. Это туча, угрожающе заряженная горящими осколками, это пылающее облако смертельной плотности. Облако, катящееся и разбухающее, словно сферический вал прибоя, несомое колоссальной ударной волной и заставившее содрогнуться, казалось, всю планету до основания. Кстати, ведь именно это оно и сделало?

Это облако, разрастающееся в пространстве во всех трех направлениях, как пирокластический поток лавы, пожирающий склоны вулкана. Облако, увеличивающееся в размерах так быстро, что нарушается линейность времени. Облако, которое взрывается. Облако, каждая вспышка в котором рождает новое облако. Облако, которое нас преследует; облако, которое нас нагоняет. Облако, которое нас окутывает; облако, которое нас погребает под собой. Облако, которое останавливает наше движение всей мощью своего инфернального полета. Облако, которое останавливает течение жизни всего мира.

Как я сумел выбраться из-под горы обломков и обжигающей пыли? Спросите об этом гору, если сможете. Осознайте раз и навсегда, что мой метаболизм может адаптироваться к самой разнообразной внешней среде, наши специалисты говорят – метаморфический генетический код. Поэтому я дышал под упавшей с неба горящей землей. Я со сверхчеловеческой скоростью прорыл руками туннель наружу, я трансформировал свое тело так, чтобы оно сумело, так сказать, проплыть сквозь рыхлую консистенцию лавины. Я смог сделать массу вещей, о

которых вы никогда не узнаете, и на этот раз никакой необходимости просить девочку хранить тайну я не испытывал. Пока я вместе с ней вылезал на дымящуюся поверхность из-под огромной кучи бетона и изуродованного металла, она уже потеряла сознание.

Я знал, что следовало делать. Это было предусмотрено, поскольку было предсказуемо. Я в некоторой степени врач, причем, несомненно, единственный врач на этой планете, который способен провести нейрохирургическую операцию над самим собой, да еще в состоянии глубокой комы.

На теле девочки появились новые ожоги, помимо тех, которые они получила, выбираясь из зоны взрыва. Я осмотрю их потом, сейчас у меня нет нужного оборудования.

Я вызываю у нее рвоту. Это легко. Одной рукой нажать на желудок, два пальца другой – засунуть в глотку. Струйка желчи вытекает у нее изо рта, но в сознание девочка не приходит. Жалко, что у меня больше нет никакой жидкости, последние запасы минеральной воды я израсходовал в башне.

Хотя, ну-ка, ну-ка… при мне находится этот маленький предмет из прошлой жизни, в которой я служил офицером среднего звена в армии Ее Величества королевы Виктории в Южной Африке век назад.

Я и забыл про нее. Я носил эту вещь всегда при себе со времен кровавой битвы против взбунтовавшихся буров, в Оранжевой провинции, где мне ее дал умирающий сержант шотландского полка. Оплетенная плоская бутылочка шотландского односолодового виски. Я достаю флягу из внутреннего кармана и почти удивляюсь, увидев, как она поблескивает в моих руках. Немедленно прикладываю ее ко рту девочки.

Ее горло инстинктивно жадно глотает золотистую жидкость – и тут же извергает ее обратно, так же инстинктивно. Девочку начинает тошнить по-настоящему; наполовину задохнувшись, она издает булькающие звуки, я вижу, как ее глаза широко открываются от паники, вот и все. Она, по крайней мере, вышла из летаргии.

Секунду наблюдаю за представшим нам видом абсолютного разрушения: слившиеся воедино остатки обеих башен создали огромное облако дыма и пыли, направляющееся одновременно и к Южной бухте, к Северной бухте, к автостраде Джо ДиМаджжио, к Рокфеллер-Парку и Гудзону, и к Черч-стрит, к Бродвею и Церкви Святой Троицы, Бэттери-парку, Саут-стрит, Уолл-стрит, Седер-стрит, Либерти-стрит, Нассау-стрит, Мейден-лайн, Парк-роуд, доходящее до Энн-стрит на севере, угрожающее

автоколоннам на Франклин Делано Рузвельт и Бруклинскому мосту, через который все еще бежит огромная толпа, устремляясь прочь от торгового центра на юг. Облако плывет над Нижним Манхэттеном, а вскоре и над всем остальным городом. Над нами медленно поднимается колоссальный, похожий на атомный, гриб, закрывая солнце дымчатым фильтром неожиданно наступившей зимы. Атмосфера вокруг меня насыщена строительной пылью, слипшиеся хлопья пепла и невесомые частицы разнообразного происхождения летят под небом, покрытым тучами в виде постоянно перемещающихся огромных воздушных масс. Можно подумать, что идет снег. Можно подумать, что в Нью-Йорке среди лета идет снег. Это потрясающе красиво.

Еще глоток. Еще один рвотный позыв. Я сгибаю девочку пополам, нажимаю ей на желудок, чтобы она извергла из своего организма всю эту дрянь. Спиртное поможет ей, превратит все в жидкость, к тому же оно является антисептическим средством.

Поэтому я заставляю ее пить и вызываю таким образом тошноту.

Потом заставляю пить снова.

И снова.

Девочка быстро пьянеет, я вижу это по ее затуманившимся глазам. Дикция становится менее четкой, невнятной, моторика нарушается. Не страшно. Мы можем немного подождать.

Да, мы можем подождать, находясь в нескольких метрах от того, что скоро назовут *Ground Zero (Нулевой Отметкой)*. Мы можем подождать еще немного, с нами уже ничего не случится.

Все уже случилось.

5. Cities on flame with rock'n'roll [5]

Потом, через некоторое время, я взял девочку за руку, и, не говоря ни слова, мы пошли на север, к Трайбеке, до Уолкер-стрит, к углу Авеню Америки, туда, где я и живу.

Мы покинули место событий в то время, когда армада полицейских всех сортов, в сопровождении многочисленных пожарных, добровольцев-спасателей и солдат Национальной гвардии, в буквальном смысле слова ринулась к руинам обеих башен. Я снова заметил присутствие людей в темных костюмах, толпящихся вокруг больших, мощных, черных внедорожников. Они только что приехали, я понял это по их сияющим и целехоньким корпусам, которые резко отличались от сотен каркасов машин, усеивавших разрушенный участок города и выбеленных со всех сторон цементной мукой. Один из мужчин опять, кажется, нами заинтересовался. Он посмотрел на нас, обернулся, чтобы несколько секунд поговорить с коллегами, но, когда попытался найти нас глазами снова, я уже растворился в пейзаже.

Дома я смогу оказать тебе первую помощь. Ты, наверное, не дочь сенатора Вайоминга, но я-то на самом деле врач, – сказал я девочке, когда мы проходили мимо сильно изуродованного Федерал-билдинга.

Мы шли медленным, ровным шагом по тому, что осталось от северной части Вест-стрит, неузнаваемой, заваленной тоннами пыли и обломков. Мы видели дома, в разной степени затронутые двойной катастрофой. Я узнал только пострадавшие здания Центра сценических искусств, к которым мы направлялись. Я заметил северные границы периметра безопасности Национальной гвардии, чуть выше здания городского совета, и Мюррей-стрит. Небо потемнело, а ведь еще даже не наступил полдень.

Произошло Солнечное Затмение.

Я жил чуть повыше, примерно в километре от *Ground Zero, Нулевой Отметки*, в одной из типичных для Нижнего Вест-Сайда квартир, на юге Гринвич-Виллиджа, неподалеку от Маленькой Италии, Чайна-туана и Сохо, прямо в космополитическом сердце города, в нескольких домах от нью-йоркского Музея пожарного дела, построенного в 1904 году во славу пожарных города. Можно было подумать, что мне действительно захотели отправить ясное до предела послание, специально усадив в первые ряды.

В любом случае я бы пересек весь город, всю Америку, весь

континент, весь мир, только бы не опоздать на свидание с самолетом.

На свидание с концом планетарной цивилизации не опаздывают.

Такой явилась нам эпоха, в которой люди будут жить. Вот как начинался век, в котором *должна была жить девочка*. Таким оказался мир, который я собирался покинуть навсегда.

Облака пыли огромным шлейфом плыли по небу над нами, дыхание взрывов выбросило тяжелый дым пожаров и горящие обломки башен высоко в атмосферу, дождь из мельчайших осколков падал на разные кварталы города. Здесь, в Трайбеке, мы были недалеко от места двойного столкновения, и тонкая туманная сеть пронизывала воздух сиянием золотой пыли.

Я отметил про себя, что подобные катаклизмы взрывают реальность мира и обнажают скрытую красоту.

И сразу же – что многочисленные дураки назовут эту красоту, открывшуюся, как тайна, самым ужасающим зрелищем.

Затем – что, скорее всего, это будут современные художники.

Они не поймут, что из-за случившегося запылали все города мира, что все охваченные пламенем города истории слились здесь воедино из-за человеческого поступка, явившегося искрой, из-за которой разгорелся пожар. Они не поймут, что это неожиданно случившееся событие явилось лишь отрицанием всего, что могло предупредить, *предсказать* катастрофу. Они не поймут, что одно произнесенное слово уже давно оставило кратер на *Нулевой Отметке* любого общества-мира.

Это общество-мир было уже ни обществом, ни миром, но огромным полем битвы, где каждый в любой момент мог сменить статус жертвы на статус палача и наоборот.

Общество без мира – это разрушение свобод.

Мир без общества – это мир, напрочь лишенный безопасности.

Я располагал целым тысячелетием для того, чтобы в этом убедиться.

Дом – это, конечно, невидимая крепость, я всегда неукоснительно соблюдал установленные Миссией требования по безопасности. И уж явно не сегодня я буду их нарушать.

Я быстро оглянулся, потом приложил ладонь к простой медной табличке, прикрепленной над основной замочной скважиной. Цифровая идентификация.

Теперь нужно было, чтобы опознавательная система одобрила присутствие моей нежданной гостьи.

– Положи руку на дощечку.

Девочка подчинилась мне, не выказав и малейших признаков удивления.

Я подождал одну-две секунды, потом снова прижал пальцы к медной дощечке, быстро начертил свой автограф и зашифрованный код, подтверждавший мое согласие на проникновение девочки в дом.

Я услышал слабое урчание, его особая частота означала, что все в порядке. Дверь была защищена тремя замками, укрепленными на перекладине из титановой стали. Я вставил в скважины ключи и мгновенно повернул их.

Открыв дверь, я понял, что нервно поглядываю по сторонам на случай, если люди в темных костюмах последовали за нами или просто ведут расследование в этом секторе города.

Я подтолкнул малышку в прихожую, зашел вслед за ней и запер за собой дверь на два оборота. Я знал, что система внутреннего наблюдения следит за нами самым внимательным образом, регистрируя все возможные сведения о человеке, которого я провел в святилище.

Вот мы и пришли домой. В самый последний дом, где я буду жить.

Девочка пришла в дом, из которого нет выхода.

Он исчезнет вместе с нами.

Я включил телевизор. По CNN, как и по всем остальным каналам, можно было наблюдать за тем, что мы только что пережили. Бесконечные повторы двух столкновений и двух взрывов привели меня в какое-то странное, отстраненное состояние, похожее на туманную мечтательность.

Потом я попросил девочку принять душ и положить одежду в стиральную машину.

Я все предусмотрел, все подготовил, все спланировал. Все, кроме нее. У меня не было сменной одежды для девочки шести лет.

Я нашел пижамы, домашние халаты, несколько маек. Пока обойдемся этим. Я спросил ее, не хочет ли она чего-нибудь выпить или съесть, пока я готовлю инструменты для ее осмотра.

Она выпила немного кока-колы, остававшейся в холодильнике, проглотила яблоко, потом еще одно, а я тем временем, в предвидении соответствующих врачебных действий, оборудовал особую операционную.

Для врачебных действий над маленькой девочкой, о которой я не знал ничего, вплоть до имени, и которую спас от башен-самолетов-пожаров.

Я пришел сюда, чтобы спасти ее от уничтожавшего себя мира,

который я собирался покинуть.

Ее раны оказались неопасными; не пришлось прибегать к серьезным хирургическим вмешательствам, требующим полной анестезии. Я обработал гематомы, ссадины, несколько мышечных разрывов, порезы, только-только начинавшие зарубцовываться на ее посиневшем от ударов и ожогов теле, на опухшем лице.

– У тебя нет ничего серьезного, раны болезненные, но поверхностные, – сказал я ей. – Будешь в течение недели применять противовоспалительные, анальгетики и заживляющие средства, а потом посмотрим на результат. Хорошо?

Она утвердительно кивнула, как делает каждый пациент на приеме у своего лечащего врача.

Потом, без всякой связи, просто потому, что время пришло, я спросил ее:

– Как тебя зовут?

Она долго смотрела на меня. Ее взгляд, напоминающий кристаллы чистого углерода, словно далекий пульсар, послал свой свет прямо в мои глаза.

– Меня зовут Люси.

Ее зовут Люси.

– Люси Скайбридж, – добавила она.

Ее зовут Люси Скайбридж.

Я посмотрел на нее с улыбкой, которая сияла ярче солнца.

– Тебя зовут Люси Скайбридж, – ответил я. – Естественно.

Она была маленькой девочкой с девяносто первого этажа, девочкой, упавшей с места взрыва, девочкой невозможного, девочкой, которую я пришел спасти от башен-самолетов-пожаров.

Свет.

Мост между небом и землей[6]. *Люси Скайбридж.*

Я начал смеяться. Я смеялся над всеми теми, кто в этом мире (а их немало) по-настоящему верит в случайности.

Я знал все, я предусмотрел все, кроме нее. Но это практически не меняло планов военных действий, по крайней мере ближайших.

Я все приготовил, поскольку все знал. Я все спланировал, поскольку это было мое последнее задание.

Новым домом стал загородный особняк, периодически служивший для операций по репатриации, он даже был записан не на мое имя. Он ждал меня на северной границе штата, в Аппалачах, неподалеку от Квебека. Это был даже не вполне дом, скорее некий перевалочный пункт на моем пути к обиталищу совсем другого свойства.

Перед моим Великим Уходом агентство по хранению и

перевозке мебели возьмет на себя временное складирование, а затем транспортировку до канадской границы всех вещей, в том числе библиотеки. Той, что занимает длинный центральный коридор квартиры, моей *личной* библиотеки, моих тысячелетних воспоминаний, записанных в стольких книгах.

Я знаю. Я все предусмотрел, все спланировал. У меня будет чуть больше недели для того, чтобы до приезда перевозчиков упаковать книги в коробки и полностью уничтожить все следы моего пребывания в квартире. Времени вполне достаточно. В квартал будет трудно проехать, у перевозчиков будет много хлопот с въездом в Южный Манхэттен и с выездом из него. Желаю им отлично повеселиться.

Я в это время буду уже далеко, но работы у меня тоже будет много. Я должен буду организовать последнее большое путешествие до севера Канады, туда, откуда система дезорбитации заберет меня и доставит на Материнский Корабль.

И если я предусмотрел, подготовил и спланировал все, кроме нее, то теперь мне нужно предусмотреть, подготовить и спланировать все, что станет с этой маленькой девочкой, у которой нет больше ни родителей, ни мира.

Вечером я уложил ее спать в гостевой спальне. Сам рухнул на диван в гостиной перед экраном, на котором по CNN, все время повторяя, показывали события этого дня.

Я быстро погрузился в сон, распластавшись на коже дивана, убаюканный громом столкновений, до изнеможения повторяемым электронно-лучевой трубкой.

В ту ночь я впервые увидел во сне людей в темных костюмах.

Они бежали среди пылающих, обрушивающихся башен, преследуя меня в облаках непрекращающихся взрывов, в тучах пепла, дыма и парящих в воздухе обломков, между перевернутых машин и гор изломанных предметов. Они все время гнались за мной, держа в руках свои круглые полицейские значки. Они беспрерывно задавали мне один и тот же вопрос: КТО ВЫ?

И я помню, что всякий раз совершенно был неспособен ответить им.

6. Обсерватория человеческого мира

Когда я проснулся, над городом едва поднималась заря. Я ничего не ощущал, мое тело, казалось, исчезло, – да и существовало ли оно когда-нибудь? Память стала туманной пеленой, похожей на пыль, окутавшую Южный Манхэттен. Мне понадобились долгие минуты, чтобы опять привыкнуть к своему собственному дому, хотя я уходил из него всего лишь на сутки. Привыкнуть, узнать его, приручить, вновь почувствовать себя его хозяином. Сначала гостиная с включенным телевизором, знакомые вещи, по моему вкусу расставленная мебель, цвет обоев. Потом общая картина всей квартиры. Мысленная картина того, чего не видишь, но помнишь. Первый этаж: прихожая, длинный центральный коридор, большая гостиная, кухня, туалет, гостевая спальня, моя собственная спальня с примыкающей к ней ванной комнатой. Второй этаж: просторная мастерская, мой кабинет, выходящий прямо в маленькую комнатку, вторая ванная, маленькая гостиная. Небольшая кухонька, довольно обширное помещение с запасами вина, с уголком для кое-каких поделок, с многочисленными, еще не распакованными после переезда коробками, со старыми, еще из прошлых жизней, чемоданами, некоторые из которых я сохранил со времен взятия Сен-Жан д'Акра. И наконец, под самой крышей, большое пустое пространство, третий этаж, который пока служит лишь хранилищем для куч газет, журналов и для моих разнообразных наблюдательных устройств.

Еще больше времени мне понадобилось, чтобы связать воедино бурю чувств и образов, постепенно овладевших моим рассудком.

В результате, когда я встал и неторопливо направился в сторону ванной, то знал, что случилась катастрофа, что я пользуюсь в данный момент своим последним телом гомосапиенса, что я скоро вернусь на Материнский Корабль и что я удочерил маленькую человеческую девочку.

Маленькую девочку, упавшую с девяносто первого этажа Северной башни Всемирного торгового центра, маленькую девочку, упавшую из человеческого ада в руки мнимого человека, готовящегося улететь на небо.

Я разместил ее в очень спокойной гостевой спальне, выходящей на южную сторону. Из ее окон, правда, было видно огромную разрушенную зону, в которую превратился Всемирный торговый центр, но так девочка скорее примирится с реальностью, подумал я. Она крепко спала, когда я заглянул в

приоткрытую дверь.

Я снова принял душ. Мне казалось, что миллионы тонн измельченных обломков прилипли к моей коже. У меня было ощущение, что вся эта масса пепла буквально просочилась сквозь поры внутрь моего тела, что я ношу в себе останки человеческой цивилизации. Катастрофа впечаталась в мой новый организм не только морально, но и физически.

Да, физически, органически, метаболически. Поскольку все это порошкообразное вещество, весь этот пепел, все эти обломки состоят из измельченной человеческой плоти, из людской угольной пыли, из останков тел.

И никакой душ тут не поможет.

Я был *ими*.

Солнце поднялось над Нью-Йорком, над разрушенным Манхэттеном, пронизывая слабым радужным свечением туман из пепла, отдельные пласты которого продолжали висеть над городом.

Я посмотрел в одно из двух окон, расположенных на южной стороне маленького трехэтажного особнячка, превращенного Фальсификаторами в безличный дом, в нечто вроде огромной мастерской, совершенно в духе времени, но со своим характером. В Нью-Йорке, чтобы остаться анонимным, лучше проявлять некоторую долю эксцентричности.

Передо мной открылось странное зрелище. Город, казалось, обступил со всех сторон какую-то огромную пустоту. Было ясно, что не видно ничего. Отсутствие в тот день стало тем единственным, что присутствовало.

Две огромные башни исчезли с лица земли, словно никогда и не существовали. Манхэттен, Нью-Йорк, Соединенные Штаты, весь мир очутились в параллельной вселенной. Во вселенной, где Всемирный торговый центр не нависает над Уолл-стрит, в очень спокойной, несуществующей вселенной, без всяких самолетов-самоубийц, без гигантского пожара, без взрывов.

Во вселенной, не имеющей шансов на существование.

Все начало утра я бродил по квартире, словно после долгого путешествия. Я узнавал детали своей жизни, которую на самом деле собирался покинуть.

Я ходил по длинному центральному коридору, служившему библиотекой. Шкафы высотой в человеческий рост стояли вдоль стен, друг напротив друга. Во время своей неспешной прогулки я смотрел на сотни толстых, тщательно расставленных томов, иногда легко касался их рукой, пытаясь снова соединиться с каждым, вспомнить содержавшийся в них опыт, заключавшуюся в

них жизнь.

Книги, которые я покупал и хранил в течение своего долгого существования, находились в основном у меня в кабинете. Они лежали в комнатах, на прибитых к стенам разнообразных полках, аккуратно стояли в английском викторианском шкафу в гостиной. Научные трактаты были рассортированы по стеллажам в медицинской мастерской, некоторые, не очень важные, валялись кипами в подсобке или на третьем этаже.

Здесь, в коридоре, тоже выстроились книги. Хранимые в течение веков, но не приобретенные.

Эти книги я не покупал.

Я их написал.

Одна тысяча три тома.

Тысяча три тома, пронумерованных по двум параллельным принципам: номер серии, то есть обычные цифры, обозначавшие место произведения в процессе написания: том 1, том 2, том 3 и так далее.

А сверху на каждом экземпляре находилось еще одно число.

Ряд этих чисел начинался с 998. По левой стене – четные, по правой – нечетные.

Ряд заканчивался две тысячи первым годом – еще не завершенным произведением, носившим по первой нумерации номер 1003.

2001–1003 = 998.

Проделайте вычисления сами, если нужно.

Я начал писать свой повествовательный отчет в девятьсот девяносто восьмом году по христианскому летоисчислению, и тысяча три года спустя событие, которое приведет мир к критическому ряду катастроф, вынудило меня прервать создание живой библиотеки для того, чтобы спасти одну маленькую человеческую книжицу, одну повесть, состоящую из плоти, крови и нервов. Спасти в то самое время, как я готовился покинуть ее разрушающийся мир.

Ситуация сложилась еще более безнадежная, чем та, что мы пережили в башне, еще более безнадежная, чем положение этого разрушающегося мира. Настолько безнадежная, что она и была, похоже, нашим последним шансом.

Примерно полмиллиона лет мы наблюдаем за вами, чуть больше двенадцати тысяч лет мы регулярно посылаем своих Наблюдателей жить на Земле и внедряться в самые разные слои общества.

Раньше другой звездный конгломерат занимался этой частью неба, но мы их победили и вытеснили. Отныне только наша

цивилизация имеет право тем или иным образом входить с вами в контакт.

Но практически никогда не входит.

За исключением нас, Наблюдателей.

Но даже если мы состоим с вами в отношениях на постоянной основе, то вы – в ответ, можно сказать, – *никогда* не входите в контакт с нами. Мы находимся в совершенно асимметричной ситуации, в односторонней связи, или, скорее, в связи, направления которой ни при каких обстоятельствах не пересекаются.

Мы – Наблюдатели. Мы шпионим за вами. В течение целых веков мы следим за целыми нациями.

Мы видим вас. Вы нас не видите. Мы знаем все о вашей жизни. А вы не знаете даже о нашем существовании.

Наша Миссия – максимально раствориться в обществе, в которое внедрился, на любой социальной ступени, и регулярно делать подробные и точные отчеты о его эволюции. От нас также требуется общее мнение о ситуации в вашем мире в переживаемый момент.

Естественно, никто никогда от меня не требовал создания тысячи трех томов, рассказывающих о тысяче трех годах, проведенных на этой планете. Наши технологии связи соединяют разум, как искусственный, так и естественный, напрямую и передают информацию по каналам вне измерений в бесконечное число раз быстрее скорости света. Помимо моих регулярно отправляемых в коммуникационный центр анализов, квантовое сознание Материнского Корабля видит то, что я переживаю каждый день, одновременно со мной, с разницей в пикосекунду.

А книги я написал, чтобы помнить о том, что сделал за эти века, в течение моих сменявших друг друга жизней.

То, что Материнский Корабль вовремя получает мои отчеты, прекрасно. То, что они надлежащим образом зарегистрированы в метамашинах планетарного контроля, тоже очень хорошо.

Но я хотел обрести память. Память осязаемую, видимую, отложившуюся одновременно и на некоем физическом объекте, и в глубине моего мозга.

Поэтому я быстро понял, в чем для меня заключается смысл литературы. Материнский Корабль не счел нужным этому препятствовать, просто приказал усилить меры безопасности и позаботиться о конфиденциальности информации.

С течением времени, по мере расширения библиотеки, я установил соответствующую систему для ее защиты. С течением веков и в результате эволюции земной техники я приобрел опыт настоящего специалиста. В первой половине девятнадцатого века

я был даже взломщиком высокого класса в Центральной Европе и в Германии. Когда я сражался с бурами в Южной Африке, я придумал противопартизанскую тактику боя, приспособленную к новым методам ведения войны, которые применяли взбунтовавшиеся африканеры. Говорили, что сам Лоуренс Аравийский вдохновился нашими новациями, так же как и первые специальные подразделения, появившиеся в Азии во время китайско-японской войны тридцатых годов. В двадцатые годы я работал во Франции на производстве сейфов Фише[7]. Во время Второй мировой войны я служил в Блечли-парк, в британских шифровальных спецподразделениях, которые раскрыли код немецкой машины *Энигма*[8]. После смерти в 1945-м я воскрес в Соединенных Штатах, откуда с тех пор и не уезжал. И в этой *американской жизни* среди прочих освоенных мною прекрасных профессий я много раз обращался к электронике, применяемой в разнообразных системах безопасности.

Снаружи не видно ничего, но достаточно, не произведя соответствующих процедур, засунуть в квартиру мизинец, как очутишься в ловушке. В ловушке, облаченной в форму дома.

В ловушке, которую следует как можно быстрее покинуть, пока она не захлопнулась, пока не прибыла полиция.

Или пока она вас не убила.

Я хочу сказать, не заставила вас навсегда исчезнуть с лица земли.

Дом создан так же, как и я. У него двойная личина. Или даже тройная, если учесть его гражданскую внешность нормального жилища.

Двойная личина в том смысле, что это – машина-ловушка. А тройная в том смысле, что это – машина-организм.

Любая ловушка по определению двойственна, а любой человек по определению тройственен, мы знаем об этом уже миллионы лет.

В этом-то дом и похож на меня.

Первая личина – маска, персона, формирующая видимость реальности, это первый круг, круг явных феноменов.

Вторая личина – машина-ловушка, земная, задуманная и созданная согласно соответствующим эпохе технологиям. Это второй круг. Это секрет-приманка.

Поскольку под первым слоем мер безопасности, более или менее нормальным, более или менее легальным, более или менее невидимым, есть еще одна личина, *перевернутая личина*, личина секретного оружия. Нанотехнологического. Третий круг. Круг, из которого нет выхода.

Если – по тем или иным причинам – первый барьер не

сработал или не сумел остановить вторжение, в игру вступает Невидимый Дом.

Он снабжен арсеналом, обнаружить который не способна ни одна земная машина, даже та система, чьим секретным резервом Дом является.

Это третий круг, он же последний. Но на самом деле – первый. Поскольку он есть и альфа, и омега.

В долю секунды любой объект, расцененный как чужеродный, будет буквально расщеплен на атомы и останется от него лишь горстка пепла. Методы выбираются в зависимости от обстоятельств, применяются различные излучения, выбор средств неисчислим. В результате несколько более сложных действий нарушитель может быть также перемещен в любую точку во времени и в пространстве. Он может оказаться на орбите Ганимеда, в жерле вулкана на Земле или на Венере, на глубине три тысячи метров водного или гелиевого океана, а то и в клинической обсервационной матрице Материнского Корабля.

В любом случае, нарушитель исчезает из Дома, никаких следов его пребывания не остается.

Он никогда туда не входил. И не мог из него выйти.

Такое случалось несколько раз.

Я прожил в этой ловушке десяток лет. Для нас это, в общем, норма – десять лет в зоне наблюдения. Когда я воскрес в августе 1945 года, то шесть лет провел в Альбукерке, в Нью-Мехико, где был авиационным механиком, потом, после краткого пребывания в Лас-Вегасе, где я ознакомился с новыми системами наблюдения, поработав в нескольких казино, уехал в Хьюстон, в Техас. Там до 1959 года я трудился в компании, специализировавшейся на воздушной безопасности, а сразу после работал на субподрядчика компании «Локхид» в Колорадо. Летом 1966 года я проехал через Атланту, что в Джорджии, потом до начала семидесятых жил в Сан-Франциско. В самый разгар «власти цветов», когда Хэйт-Эшбери заполонили хиппи, я работал инженером-акустиком, затем отправился в Нэшвилл, где оставался до конца десятилетия и открыл собственную фирму по производству средств электронного наблюдения, оснастившую большинство звукозаписывающих студий города. Затем, после краткого визита в Вашингтон, перед поездкой в Сиэтл, последовали целых три года, проведенные в качестве военного контрагента, в Миссуле, в Монтане, потом я ненадолго заскочил в Чикаго – это было в 1992-м – и, наконец, переехал в старый добрый Нью-Йорк.

Я проехал Соединенные Штаты с востока на запад и с севера на юг, вдоль и поперек.

Жизнь на Земле для нас, Наблюдателей, двойственна. С одной стороны, это интеграция в наблюдаемое общество. Наше мнимое существование. С другой – тайна. Правда.

С одной стороны, невероятная жестокость человеческой судьбы, с другой – некий кибернетический комфорт, регулирующий все, что касается нашей нечеловеческой жизни.

Мы не ведаем бытовых забот. Мы знаем, что специальное агентство, служащих которого, Фальсификаторов, мы никогда не увидим, неустанно изготавливает для нас всевозможные виды удостоверений, вплоть до свидетельств о смерти и о рождении. Они открывают и закрывают наши банковские счета, занимаются нашими паспортами, биографиями, школьными, налоговыми, медицинскими документами, нашими переездами, а главное, нашими домами, где мы возрождаемся в эмбриогенетических лабораториях. Все необходимое куплено заранее анонимной компанией, находящейся в налоговом или каком-нибудь другом раю, по специфическому контракту, дающему нам право пользования жилищем.

Когда Материнский Корабль посылает мне задание сменить зону наблюдения или тело-жизнь, Фальсификаторы уже работают, подготавливая мой переезд в другой, ожидающий меня мир.

Мне важны только детали, внешняя сторона. Я занимаюсь лишь тем, чем занимался бы любой обычный человек.

Отсюда, из дома на Уокер-стрит, я девять лет наблюдал за жизнью жителей Нью-Йорка конца двадцатого столетия. Я уже понимал, что начинается новая эпоха, и, конечно, мне на смену пора прислать нового Наблюдателя.

Я наблюдал за их жизнью до последней секунды. До секунды, в которую Нью-Йорк принес свое тело в жертву начинающемуся веку. Да, несомненно, пора было уезжать. Тысячу лет я провел в Европе, в Азии, в обеих Америках, в Африке. Добрых полвека прожил в сердце Нового Света, который создавали для себя люди. Пятьдесят лет ездил по территории всех возможностей, включая самые худшие. Пятьдесят лет расшифровывал карту изменений, порой отвратительных. Пятьдесят лет колесил по Соединенным Штатам из конца в конец. Пятьдесят лет пробыл среди человечества, пережившего атомную молнию. Пятьдесят лет, которые словно впитали в себя, извратив, все предшествовавшее им тысячелетие.

В Америке, что бы с вами ни происходило, вы никогда не теряете время зря. Америка – первая цивилизация, которая живет со скоростью света. Цивилизация, которая, скорее всего, так же быстро и погибнет.

И я тоже жил с ее скоростью, в вечном свете ядерной вспышки. Я превратился в существо, куда более худшее, чем обычный американец. Я превратился в планетарного американца.

Я приближался к катастрофе с профессионализмом опытного пилота истребителя и беспечностью молодого камикадзе.

Я собирался стать в большей степени американцем, чем сами американцы. Я собирался пережить Северную башню.

Иногда я подвожу итог моим многочисленным жизням, проведенным на Земле, особенно последнему – американскому – воплощению. Понятно, что именно здесь я должен был закончить свои дни на этой планете.

Некоторые периоды нашей жизни не являются действительно неотъемлемой частью Миссии наблюдения. Они служат для укрепления формирующейся личности, помогают скрыть тайну, дают возможность лгать, говоря правду.

До приезда в Сиэтл, где я работал в отделе защиты программных обеспечений «Майкрософт», я действительно жил в Монтане. Я мог описать Скалистые горы не хуже любого *флатландца*[9], я мог совершенно безбоязненно затеять разговор с уроженцем тех мест, я мог даже случайно встретить человека, с которым там познакомился. Точно так же дело обстояло и с пребыванием в Атланте, которое предшествовало прибытию в Калифорнию, и с Чикаго, после которого я отправился в Нью-Йорк.

Это служило во благо основной цели Миссии – Наблюдения за Миром Людей, то есть было небесполезно.

И это помогало скрыть еще одну серьезную тайну.

Дело в том, что единственная настоящая проблема для нас – метаболизм.

Я хочу сказать, дело в возрасте. Если я вам сейчас открою количество прожитого мною времени в эквиваленте земных лет, вы, скорее всего, не сможете или не захотите мне поверить. Вы поверите мне, если я скажу, что своими глазами видел, как люди, жившие по берегам великих ближневосточных рек, начали возводить странные здания из камня в форме пирамид? Что вы скажете, если я поведаю о том, что также наблюдал – правда, еще очень юным – за людьми, которые впервые нарисовали контур своей руки на стене темной пещеры на юге Франции?

Не важно.

Наша основная проблема заключается в том, что в глазах вашего племени, имеющего в распоряжении самое большее несколько столетий, мы не стареем.

При помощи наших геронтогенных ускорителей нам в

лучшем случае удается *взять* несколько тысяч лет. Это десять, пятнадцать лет по вашим меркам. Ничего значительного. Поэтому Материнский Корабль программирует нас на время смерти, правдоподобное с точки зрения человеческого общества, и создает всю эту невидимую структуру с Фальсификаторами. До сотого дня рождения мы дотягиваем без труда, это несколько месяцев нашей истинной жизни, простая формальность. Но потом Материнский Корабль приступает к нашему перевоплощению. Если пятидесятилетний человек, только что закончивший университет, просто привлекает к себе внимание, то девяностолетний старец, который выглядит моложе сорока лет, вызывает уже настоящие подозрения. Применение косметической микрохирургии все чаще становится необходимостью.

Поэтому во время исполнения Миссии мы всегда умираем молодыми, редко в более зрелом возрасте, чем средняя продолжительность человеческой жизни в соответствующий период.

Мы умеем делать много разных вещей. Но требовать от нас невозможного тоже не стоит. Мы не можем регрессировать по собственной воле. Мы не можем быть совершенно такими же, как вы. Потому что мы такие, какими, быть может, и вы когда-нибудь станете.

Малышка проснулась. Я слышу доносящиеся из ее комнаты шорохи.

Она встала с кровати. Открывает дверь, точнее, приоткрывает.

Потом высовывает голову в щель и видит огромный коридор.

В конце этого коридора стоит человек, который держит в руке одну из своих книг.

Человек, спасший ее из горящей башни, залечивший ее раны. Человек, ни о чем ее не спрашивающий, ну, почти ни о чем. Человек, которому о ней ничего не известно, но который ведет себя так, словно знает ее всю жизнь.

Этот человек готовит ей завтрак, наполняет ей ванну, предупреждает о том, что выйдет прогуляться до Сохо, чтобы купить ей подходящую одежду, пока она будет умываться. Она может посмотреть телевизор. Есть даже игровая приставка «Нинтендо».

Она жадно ест хлопья с молоком, а человек наблюдает за ней, хотя вроде бы даже и не смотрит в ее сторону. Она уже заметила: что бы ни происходило и где бы это ни происходило, этот человек словно живет двумя жизнями одновременно. Есть жизнь, которой он живет. И за этой же самой жизнью он сам наблюдает со

стороны. Как будто в его теле действительно соседствуют два человека, то есть две жизни. Две жизни, одна из которых наблюдает за второй. Это не совсем нормально. Но разве можно назвать *нормальным* и весь этот мир? Башни-самолеты-пожары. Зрелищное убийство в прямом эфире. Они убили ее мать. Они убили ее шесть тысяч раз.

У девочки выступили слезы на глазах. Человек-который-наблюдал заметил это, и губы его проговорили слова, полные самого глубокого презрения:

– Не плачь. Они просто пошлые архитекторы-любители. Они – ничтожества. И всегда ими были. И всегда ими останутся. Твоя мать жива, хотя бы в твоей памяти. А они мертвы… навсегда, для всего мира. Особенно для будущего мира.

Смерть, где твое жало? – спрашивал святой Павел.

Они убили ее мать и еще больше пяти тысяч человек. Они разрушили две башни. Они всего лишь повысили тарифы на рекламу на телевизионных каналах.

Нужно было переходить к другой теме.

– Где твой отец?

Мой голос пробил тишину. Я надеялся, что она перестанет плакать, не дойдя до настоящих рыданий. Я надеялся, что она уничтожит окончательное отсутствие замещающим воспоминанием, хотя бы временно.

Я знал, что ее мать умерла, знал где, знал как.

Я ничего не знал об отцовской линии. Мужчина тоже погиб под обломками Всемирного торгового центра? Она теперь одна на всем свете? Остаются ли у нее где-нибудь родственники? Люди, которым может взбрести в голову ее искать?

Первые, якобы официальные цифры последствий катастрофы уже непрерывно бежали по всем каналам телевидения. Их будут менять почти каждый день, в сторону понижения, пока не установят окончательное число. Учитывая ситуацию, сложившуюся в Северной башне, маленькая Люси Скайбридж очень быстро попадет в число жертв, если уже не попала. Но я должен был знать. По крайней мере, насчет отца.

– У меня нет отца, – ответила она с холодностью, на которую только может быть способна девочка ее возраста.

Простого отрицания мне показалось недостаточно. Я всего лишь получил некоторую информацию, причем непригодную к использованию.

– Он умер? Он находился вместе с вами в башне?

Молчание, разбавленное кукурузными хлопьями «Келлогс».

– Нет. Его не было с нами в башне.

«Очень хорошо, его не было в башне», – подумал я, но это

нисколько не проясняло ситуацию в целом. Я начинал понимать, что эта девочка сможет противостоять допросу в полиции.

Тишина по-прежнему нарушалась лишь хрустом кукурузных хлопьев.

– Он не живет с нами. Он никогда не жил с нами.

Это уже не холодность. Это температура, приближающаяся к абсолютному нулю.

Я понял.

– Он бросил нас, когда мне было всего шесть месяцев. Он исчез на долгие годы. А потом мама сказала мне, что он умирает от СПИДа… где-то в Лос-Анджелесе.

Двойной отказ, один из них – роковой. Отец еще жив, но это ненадолго. Скорее всего, он видел свою дочь лишь несколько раз в жизни.

У него нашлись дела поважнее в Городе Ангелов.

Падших Ангелов.

Других родственников она не знала. Ее мать, сирота с рождения, словно генетически передала свою судьбу дочери.

С отцовской стороны, естественно, тоже никого.

Девочка абсолютно одна на этом свете. Она действительно оказалась именно той, ради кого я пришел туда. Она действительно стала той, что тайно спаслась с девяносто первого этажа Северной башни.

– Твоя дата рождения?

Она как будто удивилась. Разговор все больше напоминал допрос в полиции.

Да он им, кстати, и являлся.

– Шестое июня тысяча девятьсот девяносто четвертого года.

«Чуть больше семи лет», – подумал я. Я не сильно ошибся в своих предположениях.

– Баулдер, Колорадо, – добавила она, хотя я ничего и не спрашивал.

Я знал. Но не сделал никаких замечаний по этому поводу.

– Вы с матерью жили в Нью-Йорке?

– Да, она работала на девяносто втором этаже в службе информатики. Мы пришли вместе, потому что должны были идти в школу на родительское собрание… Все внезапно взорвалось, очень быстро загорелся огонь, а под потолком появился дым… Потом потолок на нас упал… и все загорелось на верхнем этаже, и весь этот огонь… упал на нас, пол раскололся, я упала вниз вместе с обломками и… Передо мной была большая дыра… я звала маму…

Я знал. За время своей тысячелетней жизни я не раз видел много людей, сожженных различным образом.

Ее мать осталась на верхнем этаже, там, где образовалось настоящее пекло. А я просто оказался в нужном месте в нужное время.

– Очень хорошо. Прими ванну, я приготовил для тебя халат и чистую майку. Я вернусь где-нибудь через час. На звонки не отвечай, дверь никому не открывай. Телевизор слишком громко не включай. Жди меня.

Я заметил искру беспокойства в ее глазах. Почти сразу после рождения девочка была брошена отцом, в семь лет потеряла мать. Потери начинали представляться ей отправными точками мира.

– Не бойся, я вернусь. Да куда мне и деться?

– Вы… вы в полицию не пойдете?

– В полицию? – спросил я, громко засмеявшись. – Почему в полицию? Ты, насколько мне известно, никаких преступлений не совершала.

– Но… вы можете поднять тревогу… вы знаете… эти люди, которые занимаются такими детьми, как я… я не хочу в приют или в эту… *приемную семью,* как они говорят. Мама мне рассказывала, что это такое.

– С тех пор все несколько изменилось, но могу тебя уверить, что иду просто купить тебе подходящую одежду, а не кого-то там предупреждать.

Она оглядывалась, пытаясь успокоиться, ее взгляд затуманился от бушевавших внутри ее чувств.

– Доверься мне.

7. Me and my black box [10]

Ну вот, девочка с девяносто первого этажа идет на поправку.

Медицинские процедуры начинают приносить результаты. Новая одежда ей очень идет. В общем, я неплохо справился с задачей.

Типичная маленькая американская девочка начала двадцать первого века.

В Сохо я не скупился. Накупил очень много вещей, да еще в двойном экземпляре.

«Геп-кид», «Дизель», «Гесс», «Ла Сенца-герл» – канадские шмотки, «Найк», «Томми Хилфигер», несколько японских фирм. Космополитично. По-нью-йоркски. По-американски.

Девочка после Нулевой Отметки.

– Мне нужно будет неделю поработать, надо подготовить дом к переезду.

Она пристально посмотрела на меня угольными глазами, полными пламени башен:

– К переезду? Вы уезжаете?

– *Мы уезжаем.* Нас ждет маленький сельский домик на севере штата. Если ты, конечно, согласна со мной туда отправиться.

Тишина, мучительное ожидание, напоминающее миг до того, как самолет врезался в башню.

Вот он, момент истины.

Она продолжает сверлить меня глазами человека, который спасся от огромных машин разрушения.

Она сверлит меня глазами, которые видели упавший на Землю ад.

Она улыбается мне:

– Да. Если вы не против… то я хочу поехать с вами.

Решение.

Момент.

Развилка судьбы.

– Очень хорошо. Как я тебе сказал, я буду очень занят ближайшие восемь дней. Ребенку в этом доме заняться особенно нечем, постарайся не скучать.

– Я могу пойти поиграть в маленький скверик, что по дороге к Чайна-тауну.

Я вздохнул.

Тяжело вздохнул:

– Нет. Не обижайся на меня. Я тебе потом объясню, но нужно от кое-кого получить подтверждение. Тебе нельзя выходить из этого дома. Ни под каким предлогом. *Ни в коем случае.*

Я имел дело с девочкой, которая выжила после взрыва башни, умела подчиниться мне в самые ответственные моменты и смогла принять невозможное, все, что есть невозможного в мире. С девочкой, несомненно, чрезвычайно умной.

С девочкой, чьи глаза светятся огнем, от которого они спаслись.

Осложнений не будет.

Она будет вести себя с дисциплинированностью тех, кто спасся после самых страшных катастроф.

– Все будет хорошо, – добавил я.

Замечание бессмысленное и – одновременно с этим – глупое.

Я имел серьезные основания для того, чтобы запрещать девочке выходить из дома и приказывать ей оставаться под защитой невидимой ловушки.

Веские основания.

Четыре или пять оснований. Может быть, даже немного больше.

Основания в виде сплоченной группы, хорошо организованной.

Основания в темных костюмах, сидящие в двух-трех больших черных внедорожниках, которые я видел накануне у ВТЦ.

К этим основаниям принадлежит человек на пассажирском сиденье одного из «фордов-юкон», медленно проезжавших по Кенел-стрит в тот момент, когда я возвращался из Сохо с пакетами одежды в руках.

Этот человек пристально смотрел на нас во время нашего выхода из Северной башни. Вблизи в чистом воздухе без примеси дыма он напоминает мне одну знакомую фигуру и одно знакомое лицо. Что это? Эффект дежавю, объясняемый силой пережитого накануне катаклизма?

Внедорожники проезжают, мне удается смешаться с толпой, предусмотрительно загородив пакетами лицо.

Да, я знаю этого человека. Он пристально разглядывает людей на тротуаре и на пешеходном переходе. Он что-то ищет, он кого-то ищет.

Я прекрасно знаю, кого он ищет, хотя не знаю точно почему.

Он ищет меня, потому что я взял маленькую Люси Скайбридж под свою защиту. Ведь я не знаю, кто она такая на самом деле. Она – не дочь сенатора Вайоминга, но с ней могут быть связаны какие-то другие тайны. И я приближаюсь к этим тайнам.

Что, видимо, им совсем не по нраву.

Скорее всего, они будут кружить по всему Южному Манхэттену день и ночь. По их виду я понимаю, что они

останутся здесь надолго.

Дойдя до места, откуда видно Уокер-стрит, понимаю, что не только Люси не выйдет больше из дома, но и я тоже.

Осталось лишь завернуть в китайский супермаркет на Кенел-стрит, чтобы заполнить холодильник на долгое время вперед.

Так потянулись дни, похожие друг на друга, которые мы провели в дарохранительнице дома-ловушки.

Я заполнял коробки, складывал вещи в ящики, распихивал их по картонкам, рассортировывал книги, убирал кухонную утварь, компьютерные принадлежности, одежду, рабочие инструменты, военные медали и несколько старых фамильных картин. Я проверял содержимое чемоданов, выбрасывал немыслимое количество ненужных предметов в огромные черные пластиковые пакеты для мусора, в предпоследний день я отключил все земные системы безопасности.

Она немного ела, пила диетическую коку, смотрела сериалы для подростков, играла иногда с видеоприставкой, слушала мои немногочисленные диски с роком или поп-музыкой времен пребывания в Сан-Франциско, Нэшвилле и Сиэтле. Несколько раз я заставал ее с одной из моих книг в руках.

И так каждый день, каждый час, каждую минуту.

Я собирал коробки с книгами. Она смотрела книги из той коробки, где они были с картинками.

Я отключал электронные системы. В конце концов ей пришлось слушать транзисторный приемник пятидесятых годов.

Я аккуратно перевязывал веревкой старинные вещи, некоторым из них было больше тысячи лет. Она включала приставку «Нинтендо».

Она оставалась маленькой американской девочкой образца двадцать первого века.

Маленькой американской девочкой, которую я заберу с собой, вместе со всеми ящиками.

Маленькой американской девочкой, спасшейся от керосина и плавящегося металла, маленькой тайной с Нулевой Отметки. Маленькой девочкой из черного ящика.

Моей дочерью.

Как я и ожидал, самой нудной работой стало раскладывание моей библиотеки по пронумерованным ящикам.

Не только тысячи томов, составляющих рассказ о моей трансисторической жизни, но и разбросанных по разным комнатам дома примерно пяти тысяч книг. Добрая часть из них – первопечатные арабские, византийские и индийские медицинские

трактаты, относящиеся порой к десятому веку нашей эры. Всего пришлось рассортировать, уложить стопками в картонные коробки и тщательно заклеить скотчем шесть тысяч книг.

Как раз тогда средства массовой информации объявили о гибели шести тысяч человек. Нам пришлось подождать около недели, и, когда мы уже уезжали из Нью-Йорка, в эфире впервые прозвучало число, приближающееся к истине: две тысячи семьсот пятьдесят две жертвы. Я беспрестанно повторял: шесть тысяч погибших, шесть тысяч книг. Прощальная мантра не-человека, покидающего этот мир, становящийся *не*-миром. Приходилось признать очевидность, неотразимую кинетику самолета, врезавшегося в башню. Я должен был оказаться там. Я должен был очутиться на девяностом этаже, я должен был спасти малышку, упавшую с места столкновения, я должен был смешаться с обломками самолета-башни-пожара, с человеческим пеплом, являвшимся частью этих обломков, с миром внутри мира, появившимся на поверхности Земли, на участке Нулевой Отметки, в момент двойного взрыва двух гигантских вертикалей.

В арифметическом плане я ошибался, как и все. Но я знал, что в онтологическом[11] плане, напротив, ни одно живое существо на Земле не подошло настолько близко к месту удара правды, как я.

Упаковка в ящики специальной мастерской оказалась делом таким же долгим и еще более деликатным. Мне пришлось разобрать все системы, миниатюрный радиотелескоп, средства связи с Материнским Кораблем, декодеры, блоки настройки биологических часов, антивирусные мультисистемы, медицинское оборудование, приборы для обнаружения антигенов, сканеры, нейрозонды, не говоря уже об объемных кубах для перевоплощения. Единственной задачей, которую я бросил, не завершив, оказалось уничтожение покрывавших стены мастерской сотен уравнений (некоторые из них неизвестны землянам). Я целиком погрузился в них немедленно после просмотра телеснов. С их помощью я рассчитал все возможные углы падения. При помощи решительных алгоритмов я установил, в какой час, в какой башне, на каком этаже я должен оказаться. Я вычислил все прямые последствия катастрофы. И произвел расчеты гораздо быстрее, чем компьютеры земного производства, которые я использовал для работы.

Я производил расчеты быстрее, чем они, не останавливаясь, как они. День и ночь.

Небольшой нейрохимический синтез адреналина, кофеина, кокаина… Мозг действительно обладает массой ресурсов.

Я оглядываю потухшим взглядом числа, взрывающиеся

полотном Поллока[12] на всех окружающих меня стенах. Они останутся здесь, зашифрованной загадкой Нулевой Отметки, ожидая кого-нибудь, кто будет в состоянии их декодировать. Я оставил даже большой рисунок двух башен-близнецов, прямо рядом с окном, через которое я видел их каждый день в течение почти десяти лет.

Библиотека, мастерская, комнаты, запасы… Ящики, коробки, картонки, чемоданы.

American life[13].

Итак, когда пришла бандероль, дом был завален разного рода емкостями, разбросанными по всем этажам. В посылке «ФедЭкс» было то, что я просил.

Во время нашего последнего перевоплощения, согласно тысячелетней традиции, мы можем, по желанию, в самом начале процесса попросить «идентификационное переназначение» последней минуты, при условии, естественно, что оно не входит в противоречие ни с основными правилами, ни с целью Миссии.

Это наша своеобразная «последняя сигарета». Фальсификаторы для этого изменяют некоторые необходимые детали в длинной цепи поддельных документов.

Я ждал всего сорок восемь часов. Очень быстро, особенно после встречи с типами на внедорожнике, необходимость такого изменения стала очевидной. Достаточно было посмотреть телевизор. Границы между Соединенными Штатами и внешним миром теперь закрыты. Даже граница с Канадой, куда я собирался ехать.

Мы с Люси Скайбридж никуда не доберемся благополучно, пока нас не связывает какая-нибудь любая степень родства.

Фальсификаторы изъяли настоящего отца из ее документов. Он скоро и на самом деле исчезнет. Все будет хорошо.

Так я получил два новых паспорта, на ее имя и на свое: Джеймс Вильямсон Скайбридж. Еще водительские права, безукоризненно оформленный медицинский полис.

Вот, все сделано.

Не только я удочерил эту маленькую девочку, упавшую с небес. Стало ясно, что и она меня приняла. И более того, стало совершенно очевидно, что по мере того, как она становилась моей дочерью, я становился ее отцом, хотя я был никем, в человеческом смысле, во всяком случае.

Итак, все готово. Завтра мы уезжаем на север.

Завтра мы покидаем этот мир.

8. Немного на север от катастрофы

Дорога. Дорога к северу Штата. Дорога к Аппалачам.

Пыльная, освещенная солнцем дорога. Американская дорога. Дорога-горизонт, дорога-горизонтальность. Дорога, которая уводит нас вдаль от метрополии, вдаль от машин «башни-самолеты-пожары», вдаль от искусственного снега, вдаль от огненных облаков.

Дорога, которая ведет нас в горы, туда, где цивилизация является еще частью природы.

Дорога скорее указывает мне судьбоносное направление, чем просто ведет к заданной точке. Я еду на север. Конечно, я еду к арктическому магнитному полюсу, к месту последнего свидания. Но главное, я нахожусь сейчас в состоянии некоего охватившего меня изнутри экстаза, словно в глубине меня взорвалась звезда и озарила все вокруг. Если это счастье или то, что люди им называют, тогда я его испытываю с подобной удивительной силой впервые за тысячу лет. Мне кажется, что все, абсолютно все бесконечно связано, что каждый луч света превратился в музыку, что каждый звук стал полетом фотонов, что каждый вздох ветра может объять весь мир.

Нисколько не сомневаюсь в том, что квантовая память Материнского Корабля проанализирует эту новую «эмоциональную извилину» с самым живым интересом.

Это все дорога. Это она виновата в появлении такого эпифеномена.

Потому что дорога не только ведет меня *к* некоему месту, которое я найду по его географическим координатам, она соединяет меня *с* маленькой девочкой из черного ящика в данный момент пространства и времени, в момент, кажущийся мне вечностью. Этот момент – это сейчас, этот момент – это всегда.

Это дорога.

Домик в Аппалачах станет моим последним убежищем, он и создан для временного проживания. Когда час свидания действительно приблизится, я оставлю его, ни о чем не заботясь. Я буду жить у обочины дорог, в мотелях, в кемпингах, на парковках – не важно где, лишь бы все ближе и ближе к северу. Насколько я знаю, моя репатриация состоится не раньше чем через два или три года. За этот период я доведу до совершенства анонимность моего пребывания в анонимной Америке. Когда я получу последнее указание, мне надо будет всего лишь пересечь канадскую границу и двинуться на север.

Все ближе и ближе к северу.

Длительность последнего путешествия позволит Фальсификаторам уничтожить следы, еще оставшиеся после моего пребывания на Земле с тысячного года, она даст мне возможность уладить текущие дела, закончить Миссию, достойно подготовить уход.

И навязать Материнскому Кораблю свой план, который я сейчас составляю.

Полный бак. Остановка Экссон. Поворот на Сиракузы. «Додж-караван». Семейный пикап. Одна из самых продаваемых машин в Северной Америке. Типичный средний класс. Механизированная анонимность. Мы слушаем разные радиостанции на тех частотах, которые встречаются по дороге. Погода великолепная.

Погода такая же отличная, как в тот день, когда мир обрушился в пыли башен.

Нас ведет дорога-горизонт. Голубая тень гор возникает в конце пути, вздымая свою вертикальность как парадоксальное продолжение тоталитарной горизонтальности.

В Америке препятствие всегда скрывает выход. Выход часто таит в себе ловушку. А ловушка иногда оказывается вашим самым последним шансом.

Мой тысячелетний опыт научил меня следующему: чтобы тебя не замечали, не надо прятаться. Исчезнуть, в смысле, попытка исчезнуть – иногда лучший способ привлечь к себе всеобщее внимание. А невидимым можно стать, выдвинувшись на передний план.

Как в старой доброй истории с «Украденным письмом» Эдгара Аллана По, которое просто открыто лежало на столе в гостиной, на виду у всех. Один мой друг, французский взломщик, где-то в году тысяча восемьсот пятидесятом посоветовал мне: «Если ты хочешь спрятать иголку, не засовывай ее в стог сена. Спрячь ее в куче иголок».

Чтобы сохранить анонимность, надо стать иголкой в куче иголок. Нужно не выделяться из социальной среды, а раствориться в ней. Не нужно пытаться прятать свою непохожесть в иллюзии Чисел. Надо стать числом среди чисел. Не надо делаться таким же, как все.

Нужно быть всеми.

Здесь мы будем всеми. Мы там, где Америка действительно находится и где она одновременно совершенно теряется. Это срединные земли, мы по-прежнему в штате Нью-Йорк, но мы могли бы быть и в горных районах западных и южных штатов. Мы могли бы быть в Монтане, в Скалистых горах, в Баулдере,

Колорадо.

Мы будем у себя дома.

Поскольку мы не будем нигде.

Как и все.

Мы будем всеми другими, мы уже они и есть. Во всяком случае, мы уже не мы сами. Ни один из нас двоих. Она, как и я, я, как и она, по разным причинам и совершенно разными способами вышли из состава человечества, но взамен все человечество словно вошло в нас.

Поскольку одна из нас уже не человек, а другой никогда им и не был, мы стали последними живыми представителями рода людского на этой Земле. Мы – последние живые люди. Мы – выжившие представители человечества.

Дорога. Сверкающая, черно-серая масса гор. Изумрудная зелень лесов. Солнце, продолжающее освещать дорогу, дорогу – горизонт-гору. Дорогу, ведущую нас к северу, уже берущую приступом склон Аппалачей, направляющуюся к небу, которое бьет нам в глаза синей электрической лазурью. Дорога-небо, дорога-свет, взрывающаяся в солнечном сиянии. Дорога-небо, странно преломляющаяся в лобовом стекле, затопленном бурными фотонами. Дорога-горизонт, расстилающая перед нами отрезок бесконечности линией сверкающей пыли, воображаемые концы которой не видны, поскольку постоянно уходят все дальше вперед.

Мы – в мире перевернутой личины. Там, где мы тайно подготовим Великий Уход, там, где мы предадим и человечество, и метачеловечество, которое за ним наблюдает, там, где мы будем лгать людям так же, как и существам из моей цивилизации.

Там, где мы изобретем правду.

Конечно, как всегда, эта правда будет секретом. Секретом, который взрослый *не*-человек будет каждый день делить с девчушкой, родившейся на Земле.

За время моего тысячелетнего пребывания в этом мире я много раз женился, но я ни разу не создал семью. Мой внеземной геном прекрасно совмещается с вашим, мы ведь, в конце концов, тоже «люди».

В этом и заключается проблема. Нам категорически запрещено генетически смешиваться с местным населением – это может дать совершенно неконтролируемые мутации.

Мы знаем, что несколько раз в течение тысяч и тысяч лет, которые длится Опыт, некоторые Наблюдатели-ренегаты нарушили Закон. Их безжалостно выследили и истребили специальные агенты Материнского Корабля, Контролеры, которые

немедленно занялись также и их возможным потомством. С тех пор каждый Наблюдатель, выполняющий Миссию, запрограммирован так, что он не способен размножаться биологически: вазэктомия[14] всегда сопровождает его во всех перевоплощениях.

Нам остается усыновление, обычно мы выбираем эту дорогу.

Выбрал ее и я.

И она выбрала меня.

Без Фальсификаторов мы никогда не располагали бы такой свободой маневра при сменах тела-жизни или зон наблюдения.

Когда мы добрались до нового дома, то обнаружили, что все в нем уже готово к нашему приезду. Его только что убрали. Холодильник заполнили продуктами. Все было устроено удобно и функционально.

На столе я нашел папку с документами. Вот что сделает нас двумя иголками в куче иголок. Нам был уже назначен визит к врачу в ближайшем городе для общего осмотра. Я уже стал членом местного астрономического клуба, малышка уже поступила в школу. Передо мной лежала копия письма, якобы посланного мной директору учебного заведения, в котором я рассказывал о гибели матери девочки во время взрывов во Всемирном торговом центре и о своем решении вследствие этого уехать с места трагедии. Я понимал Фальсификаторов. Мать в конце концов будет идентифицирована как жертва или объявлена пропавшей без вести. Ее имя рано или поздно появится в списках. Имя Люси, кстати, тоже. В таких вопросах лучше не лгать. Я не стал менять нашу фамилию, потому что подумал, что это может нанести ненужную травму психике девочки, а значит, может увеличить вероятность того, что на нас обратят внимание. Для меня это уже вошло в привычку.

Если меня будут спрашивать, я отвечу, что Федеральное бюро еще не закончило свои трагические подсчеты. В конце концов, они обнаружат, что Люси Скайбридж не погибла вместе со своей матерью во время обрушения Северной башни Всемирного торгового центра. Если дело будет затягиваться, я пожалуюсь на некомпетентность и ошибки, свойственные любой бюрократии.

Лгать можно.

Но ложь должна быть правдивее, чем сама истина.

Скорее всего, я привлеку к себе определенное внимание, но оно очень быстро будет погребено под геополитикой, как погребены под ковром из пепла окрестности обрушившейся башни. Люди расщедрятся, конечно, на некоторое сочувствие, но затем наши особенности смешаются с особенностями всех остальных.

Итак, будучи еще большими американцами, чем средние американцы, в таком обществе, как американское, где слава – образ жизни, мы спрячемся без труда.

Мы заскользим по гребню волны в состоянии контролируемого зыбкого равновесия. Мы подготовимся к Великому Уходу, мы победим людей, их машины, звезды, существа, которые на них живут.

Мы станем семьей.

9. American life

Первые дни осени протекли мирно. Деревянный дом стоял на краю утеса, над маленьким озером, от которого можно было выйти на узенькую извилистую тропинку, петлявшую по склону.

Обычный домик в горах, быть может, чуть больших размеров, чем его собратья. Из удобного чердака я сделал себе одновременно спальню и кабинет. Малышку я разместил в просторной комнате на первом этаже, второй этаж стал продолжением библиотеки. Уровень комфорта был, в общем, деревенский, но малышке, кажется, нравилось.

Мы добросовестно выполнили все наши обязательства: сначала нанесли визит врачу в клинике города, потом я посетил астрономический клуб, где представился и познакомился с маленьким обществом, занимавшимся делами ассоциации.

Ну и наконец, я проводил Люси в первый раз в школу, где накануне встретился с директором заведения, неким господином Осборном. Он задал мне ожидаемые мною вопросы и получил на них неожиданные для него ответы.

– Психологическая травма?

– Да. Поэтому я попрошу вас соблюдать некоторую сдержанность касательно этой темы, даже по отношению и к учителям. Даже *особенно* по отношению к учителям.

– Мне кажется, напротив. По крайней мере, ее классный руководитель должен быть поставлен в курс дела.

– Моя дочь не хочет. Ее товарищи по классу могут что-нибудь заподозрить. Я знаю, что она ни в коем случае этого не желает. И ее лечащие врачи солидарны со мной в этом отношении, можете мне поверить.

Лечащие врачи – это я, я и все остальные, что живут во мне уже тысячу лет.

Директор, выпрямившись, неподвижно сидел в кресле. Он столкнулся с событием, выходившим за пределы его понимания, событием высотой в четыреста метров и в сто десять этажей, событием, обогнавшим его на несколько световых лет, событием, переросшим его, несмотря то что рост события был один метр двадцать сантиметров.

Я должен был вбить гвозди в крышку гроба его убежденности.

– Травма, полученная на Манхэттене, оказалась чрезвычайно серьезной, я абсолютно уверен в том, что вы это понимаете. Девочку наблюдает группа терапевтов очень высокого уровня. Они по этому поводу высказываются весьма решительно: ничто, в пределах возможного, не должно напоминать ей о случившемся и

о гибели матери, что, само по себе, уже непросто… *нам с вами, вам и мне*, надо сделать все, чтобы ей не пришлось говорить на эту тему во время перемен.

Перетянуть жертву на свою сторону, чтобы потом было легче ее съесть.

Взвалить на капрала видимость ответственности, достойной генерала.

Миссия. Важная Миссия.

Призвать хранить тайну, разделив ее с ним.

Люди почти всегда поддаются подобному искушению.

Особенно если они застряли в начальной школе в Аппалачах.

Особенно если они такие же, как все.

Если они такие же, как мы.

Это ведь только мы не такие, как они.

Так началась американская жизнь. Мы стали семьей. Мы ездим за покупками в разные торговые центры близлежащих городов. Мы иногда ходим в кино, хотя у меня есть спутниковая антенна, обеспечивающая просмотр в общем примерно трехсот каналов. Я довольно нерегулярно посещаю астрономический клуб, поддерживая свой образ рассеянного чудака-программиста. Благодаря этому я не должен следовать какому-либо расписанию.

Каждое утро я бужу девочку и отвожу в школу. После обеда я ее оттуда забираю. В субботу – уроки и отдых. В воскресенье – отдых и молитвы.

Эта девочка очень религиозна. Во всяком случае, нет ни малейших сомнений в том, что она стала таковой в минуту, когда я ее встретил, в секунду, когда ее мать погибла в огне.

Она молится. Часто. В воскресенье мы ходим в ближайший храм пятидесятников. В течение моих прошлых жизней я был приверженцем Римско-католической, Русской православной, англиканской и протестантской конгрегационалистской церквей (говоря лишь о христианской религии), так что привыкнуть к здешним литургиям для меня не проблема. Более того, все свершается само собой, естественным образом, в процессе абсолютно свободного волеизъявления. Мне удается запомниться некоторым прихожанам, но затем я почти сразу же исчезаю. Я опережаю людской поток, я скольжу по океану жестов, отношений, поведения, улыбок, я использую изученные методы для того, чтобы мое лицо как можно скорее выветрилось у людей из памяти и осталось там размытым пятном.

Поскольку мне понадобится вся свобода *не*-человека, чтобы жить в центре Крепости, там, где свобода, как форма жизни, представляет собой опасность.

Мы находимся в штате Нью-Йорк. Даже здесь, в Аппалачах, наши соседи являют собой не совсем классический пример деревенских жителей. За исключением нашего домика, стоящего на краю Френч Роу, на берегу озера, остальные коттеджи половину года пребывают пустыми. Мы образуем некую полувременную деревню, чьи обитатели разделены зеленой чащей леса. В нашей деревне все знакомы, но знают друг о друге немного. И этого вполне достаточно. Поскольку мы – это все. Мы – ничем особенным не отличающаяся часть мира, содержащая в себе весь мир, мы – ветвь цивилизации, еще принадлежащая природе.

У нас живут адвокаты, инженеры, преподаватели университета, государственные чиновники, автогонщик НАСКАР в отставке, нью-йоркский издатель, работающий большей частью на дому, канадский поп-продюсер, проводящий отпуск вдали от бессмысленного и навязчивого стресса «хипа», журналистка радиостанции «Фокс ньюс», покрывающей север штата. Она проводит здесь в основном выходные и немногочисленные отгулы, которые может себе позволить. У нас живет бывший пилот ВМФ США, целыми днями в любую погоду совершающий погружения в озеро, чемпион по кикбоксингу, восстанавливающий силы бесконечными лесными пробежками. У нас регулярно появляется специалистка по маркетингу из Нью-Йорка, чаще всего чтобы за несколько дней пребывания на природе закончить текущую работу. У нас живет супружеская пара дизайнеров, переехавшая из Канзас Сити в Албани и не выходящая из дома долгие месяцы. У нас живет составитель биографий военных английского происхождения, практически никогда не показывающийся на улице. Еще живут еще несколько бывших рабочих и инженеров с углеперерабатывающих предприятий из долины и давно закрытых автомобильных заводов. Есть горстка лесопилен, рассыпавшихся до самого Квебека. Живут несколько профессиональных лесорубов.

Здесь есть все, чем мы являемся. Чем мы еще являемся.

Американская жизнь.

Так проходят недели, в ритме смены времен года, чьи климатические колебания здесь, вдали от города с кондиционированным воздухом, действительно заметны. В городе разницы нет, день или ночь, огонь или холод, дым или свежий ветер.

Здесь же, в горах, ведущих прямо к сердцу Квебека, недели подчинены изменениям геологического времени.

Недели подчинены ритму американской жизни. Мы

находимся там, где человек еще должен делать усилие, чтобы, в большей или в меньшей степени, приспособиться к природе, и где природа уже научилась, в большей или меньшей степени, приспосабливаться к человеку.

Зима здесь уже канадская. Граница – понятие политическое, она не принимает во внимание таинственную экономику ветра, горные цепи, океаны и паковые льды[15].

Зима сурова на севере Аппалачей. А весна приходит неожиданно. За две-три недели все меняется: на ветках набухают почки, листья стремительно распускаются навстречу солнцу, которое с каждым днем становится все жарче, а сами дни делаются все длиннее и длиннее.

Малышка тоже расцветает, как весенняя природа вокруг нас. Ее школьные успехи просто сногсшибательны, до такой степени, что в конце апреля меня спрашивают, не буду ли я возражать, если ее переведут не на один, а сразу на два класса вперед. Я отвечаю, что хотел бы, чтобы она закончила текущий месяц, а затем мне прислали подробный отчет о ее успеваемости, а также официальный запрос по всей надлежащей форме.

Я просто хочу быть совершенно уверенным, что правильно себя веду со школьной администрацией. Я хочу усовершенствоваться в роли отца-педанта и не хочу совершить ни единой ошибки, хочу отреагировать безукоризненно.

Я должен ее защитить, и в первую очередь от нее самой.

Я видел, с какой быстротой она выросла за несколько месяцев, прошедших с Нулевого дня.

Она не только стала взрослее многих живущих вокруг нее людей, она становится практически настолько же взрослой, как такой «человек», как я.

Надо сказать, что это довольно естественно.

Естественно, потому что на самом деле правда заставляет перешагнуть порог бесконечности.

В течение этого года инициации я все объяснил ей по крупицам, словно постепенно выкладывая пазл. Объяснил при помощи эпизодов, следовавших один за другим. Я начал с того, что дополнил ее школьный курс математики и истории данными, известными только моей цивилизации. Мнемотехнические сверхбыстрые методы, решение наиболее простых уравнений, неизвестные ментальные операторы. Я сообщил ей несколько исторических фактов, а главное, все расставил по местам в огромной космологической перспективе. Через какое-то время она смогла допустить существование других «человечеств» в Галактике. Она поняла, что, согласно требованиям логики, эти человечества появились не одновременно. Они шли разными

путями развития, кто – быстрее, кто – медленнее, знали поражения, взлеты, падения, возрождения, уж кому как повезло, в результате чего бесконечность сопряженных различий создала огромное созвездие человеческих цивилизаций. Это основа тайны человеческой экспансии в Космосе: *мы уникальны, и в то же время мы многочисленны. По образу и подобию Бога мы являемся единичностью, которая парадоксальным образом структурирует свою сущность, вбирая в себя множественность миров.*

Я тогда не очень-то был уверен в успехе своей затеи, но мне действительно показалось, что Люси прекрасно поняла то, что я хотел сказать.

Когда пришли коробки с вещами, я оборудовал в просторном некрашеном бетонном подвале дома специальную мастерскую, показал ее Люси и в общих чертах объяснил, для чего она предназначена. Одновременно я показал ей портативную систему срочного действия, которую использовал в башне.

Я в нескольких словах рассказал ей, кто я на самом деле, откуда появился, почему нахожусь здесь, когда и как собираюсь уходить.

Она посмотрела на меня долгим взглядом и ничего не сказала.

Она, наверное, вспомнила башню. Она, наверное, уже о чем-то догадывалась.

А может быть, знала всегда?

Потом я показал ей тысячу своих книг, некоторые из которых позволил прочесть. Я начал распаковывать коробки с оставшейся библиотекой, когда заметил, что ее взгляд привлекло собрание томов, написанных святой Терезой Авильской[16].

Удивленный тем, что юная евангелистка проявляет интерес к католической святой, я неуверенным жестом протянул ей книги.

– Одна подруга мамы из Мэриленда, католичка, часто рассказывала об этой женщине… и еще о Терезе из Лизье[17].

Не знаю почему, мама очень интересовалась святыми кармелитками.

Ну что же, все складывается удачно. Таких книг у меня предостаточно. Ей будет чем заняться у полки с книгами по теологии. Я начал собирать их в ту эпоху, когда номиналистские[18] диспуты бушевали в Оксфорде и Сорбонне.

Когда весна окончательно наступила во всем своем сиянии новых красок и звуков, а школьная администрация прислала мне официальный запрос касательно перевода Люси на два класса вперед, я в тот же вечер поговорил об этом с девочкой и посоветовал ей принять предложение:

– Ты выиграешь целый год, тебе будет не так скучно. База у тебя заложена. Летом еще раз все повторим. Не волнуйся. У тебя лучшие оценки абсолютно по всем предметам.

– Нет. В прошлом месяце у меня было «А» с минусом[19] по английскому, а в начале года у меня было два «Б» с плюсом по математике.

– Да. Это успех, у меня в руках твои последние оценки. Результаты за май на таком же высоком уровне, и я уверен, в июне они останутся точно такими же. Естественно, лучше просто не бывает. Остается только перепрыгнуть через класс.

Конечно, я убедил ее. Я начинал очень серьезно воспринимать свои обязанности человеческого отца.

Настало лето.

Лето, которое закончится первой годовщиной катастрофы.

Температура беспрерывно прыгала.

Все стало желтым. Золотым. Огненным.

В один из последних дней школьных занятий Люси я получил из школы записку от директора с приглашением посетить его до окончания уроков.

Я немедленно назначил ему встречу в тот же вечер. Я не мог пребывать в неведении относительно вопроса, касавшегося моей дочери, больше нескольких часов.

Директор пристально посмотрел на меня поверх очков в роговой оправе, придававших ему, совершенно незаслуженно, вид именитого профессора из восточноевропейского университета.

– Я случайно наткнулся на сайт ФБР, связанный с трагедией во Всемирном торговом центре. Имя Люси Скайбридж все еще значится в списке без вести пропавших.

«Случайно… – подумал я, – не надо было мне говорить этих слов, они меня выдают».

Я глубоко вздохнул, выражая смирение.

– Я заметил это еще в то время, когда вы записались в школу, устроил небольшую рутинную проверочку, но тогда я мог понять… полная неразбериха…

Сейчас я ему представлю пример настоящей *неразберихи*.

– Я два раза писал в нью-йоркское отделение ФБР, но ответа не получил. Я думаю, что они, наверное, еще немного перегружены… как вы считаете?

Я резко перебил его, главное, не дать ему возможности проявить инициативу в рассудочном мышлении.

– *Они знают, что она не исчезла*, потому что я им представил все возможные документы, подтверждающие это, просто информация еще не дошла до веб-мастера сайта. Вот такая

нелепая случайность. Как я вам уже сказал, у них много других забот, помимо подобных проблем, особенно когда дело касается как раз *не жертвы*. Слушайте, я им напишу в третий раз и отправлю копию письма в Департамент внутренних дел.

Директору ничего не оставалось, как молча кивнуть головой. Он столкнулся с чем-то гораздо большим, чем он сам. Он столкнулся с *не*-человеком, который спас маленькую девочку из охваченной пламенем башни.

А главное, он столкнулся с самим собой. Он столкнулся с загадкой американской жизни.

В Афганистане уже более шести месяцев идет военная операция, все федеральные агентства по безопасности и сбору сведений подвергнуты программе глубокой реструктуризации, которая отдает их в ведение огромного Департамента внутренних дел. Американские флаги реют над страной повсюду: на каждом углу каждой улицы, над витринами магазинчиков, над общественным транспортом. На подоконниках, на дверях, на пилонах, стоящих в садах, над навесами гаражей, на спутниковых антеннах и на стеклах машин, грузовиков, экскаваторов. На значках, которые люди носят на отворотах пиджаков, курток, на рубашках, на майках, на пальто… американские флаги везде, у всех.

У всех, то есть у нас.

Мы в большей степени американцы, чем сами американцы. Мы пережили Северную башню.

Главное, мы в большей степени американцы, чем весь остальной мир, который еще ничего не пережил, ничего из того, что за этим следует в виде машин «башен-самолетов-пожаров».

Мы уже готовы к уходу, мы настроены решительнее, мы готовы отправиться дальше и выше.

Директор ничего не может поделать с этим тайным и критическим единением, с катастрофами и с тем, что их превосходит.

Люси теперь является этим единением. Она знает все об операции, о Миссии, о нашей тайной жизни. Я не утаил ни малейшей детали. Она прекрасно знает, кто я.

А главное, она знает, что скоро станет такой же, как я.

Способность сделать это автоматически реактивировалась в моей нейронной структуре во время последнего перевоплощения. Я должен просто перенаправить одну из моих систем биопрограммной безопасности. Я это сделаю, у меня получится. У меня уже получается.

Это займет время. Это займет необходимое время. И достаточное время.

Примерно такой отрезок времени, который я должен провести здесь.

Словно все объединившиеся беды Земли вызвали дождь чудес.

Год, подумал я, возвращаясь. Максимум год. Период полного учебного года, пока не прозвучит первый сигнал тревоги.

Я быстро составил план боевых действий. Скорее всего, в течение будущего года секрет удастся сохранить. Административные осложнения, межведомственная неразбериха, бюрократическая некомпетентность, война с терроризмом – мир уже сам по себе являлся аргументом в мою пользу. И никогда еще он не был аргументом настолько убедительным. Девочка побьет в школе все рекорды успеваемости, и нас, вероятно, оставят в покое до экзаменов.

Потом, с течением времени, положение, несомненно, станет несколько осложняться, но тогда уже приблизится момент, когда все утратит значение.

Момент возвращения к звездам.

Кроме того, я мог прибегнуть к помощи Фальсификаторов. Я мог подчеркнуть, что «заключительный этап наблюдательной Миссии» потребовал некой операции по фальсификации реальности, я не был обязан входить в детали, достаточно было согласия Материнского Корабля.

Я дошел до такого искажения действительности в своих отчетах, что представил спасение девочки с девяносто первого этажа последним экспериментом полного погружения в человечество. Это так и было, но не в том смысле, в каком поняли мои слова ответственные руководители Миссии.

Операция может оказаться сложной, поскольку провести ее нужно прямо в недрах самых засекреченных федеральных систем безопасности. Степень их секретности особенно возросла с тех пор, как произошли «события». Мне дали знать, что Генеральное агентство Фальсификации и Симуляции изучит соотношение «риск/польза» этого предприятия и в соответствующие срок предоставит мне результаты исследования. Я сердился на себя за то, что не подумал об этом раньше. Я сердился на себя за то, что не начал с этого.

Я сердился на себя за то, что зря потратил время на борьбу с миром.

Я действовал гораздо живее, когда у меня под ногами горела башня. И не должен был забывать этот урок.

Для нас с Люси Скайбридж весь человеческий мир являлся горящей башней.

Башней, из которой мы должны убежать совершенно тайно.

Секрет скрывает неправду. Во всяком случае, не в этом заключается его основная роль. Секрет должен спрятать ложь.

Секрет – это семантическая ловушка. Он – высказанная другими словами сентенция об иголке и куче иголок. Настоящий секрет должен казаться мнимым. Он тем лучше защищен, чем больше захвата предоставляет противнику. Цель секрета – привлечь вас, создав впечатление, что он ускользает, а потом заморочить вам голову, создав впечатление, что вы приближаетесь к сути.

Настоящий секрет накручивается вокруг оборотной оси лжи, обмана. Он укрывает тайну, являющуюся секретом еще более глубоким, чем он сам, секретом бесконечно более ярким, чем потемки лабиринта выдумок и измышлений, поскольку наступает тот невыразимый миг, когда неправда, соблюдая самый полный секрет, разоблачает иллюзию, из которой она сделана.

Так лето завершилось поминовением покушений одиннадцатого сентября.

– Хочешь, чтобы мы съездили в Нью-Йорк?

Она ограничилась тем, что отрицательно покачала головой.

– Точно? Они там почти все расчистили, будет торжественная церемония с участием «U2».

– Нет, – повторила она и погрузилась в абсолютное молчание.

Она не хотела снова видеть Нулевую Отметку – место, где ее мать безвозвратно смешалась с обломками башни, где она сделалась порошкообразными частицами башни, где она сама превратилась в башню. Башню, которая обрушилась на ее собственную дочь.

Генетический анализ останков, найденных в руинах, продолжался в различных криминалистических лабораториях ФБР. Жертвы, чьи тела были найдены нерасчлененными или почти нерасчлененными, были немногочисленны. В первую траурную годовщину еще очень небольшое количество могил смогло принять человеческие субстраты, на какой бы стадии разложения они ни находились.

Я предложил ей после посещения храма, где она может помолиться за свою мать, совершить большую прогулку по озеру. Я мог попросить взаймы одну из лодок у капитана Купера. Мне удалось установить с ним добрососедские отношения, так же как и с военным биографом. Благодаря обширному опыту службы в армиях, которые сталкивались между собой в течение тысячи лет, у меня появилось некое инстинктивное понимание вещей, касающихся войны. Я был флибустьером, «береговым братом»

шотландского происхождения, разбойничавшим в Карибском море и Южной Атлантике в 1690–1700 годах, я знаю, что такое жизнь моряка. В пятидесятые годы я работал в гражданской авиации, потом в фирме программного обеспечения, являвшейся субподрядчиком компаний «Боинг» и «Майкрософт», я разбираюсь в вопросах воздушной безопасности, и я быстро нашел общий язык с бывшим пилотом.

Озеро. Озеро – это именно то, что нужно малышке сегодня. Прекрасная водная гладь с большим, поросшим лесом островом посередине. Огромное серо-голубое зеркало, серебряные блики на котором бегут рябью по всем волнам, поднимающимся под порывами ветра. Ветерок дышит теплом, солнце светит в полуденном небе, наверху все – бесконечно синего цвета, а внизу подсвечено золотом. Я спокойно и равномерно работаю веслами, мы удаляемся от острова на северо-запад, к маленькой серовато-черной бухте с каменистым берегом, чья мокрая галька блестит на солнце. Мне кажется, Берюль, великий теолог Контрреформации, говорил, что Красота созданного мира связана с Благодатью Божьей и является гармоническим откликом последней. «Я вижу тесное единение между Творцом природы и Творцом Благодати», – писал он где-то. Это был, видимо, один из самых серьезных пунктов расхождения между католической доктриной и доктриной Лютера, который считал, что лишь Божья Милость, в виде веры, способна спасти человека, существо, по сути своей дурное.

Великие истины бывают засыпаны неисчислимым количеством ошибок. Большие ошибки бывают спрятаны под горсткой истин.

Я здесь не для того, чтобы искать выход из религиозного кризиса пятисотлетней давности, я здесь, чтобы применить на практике то, чему научился за тысячу лет и что Берюль действительно сумел понять в свое время.

Красота – знак Благодати. Знак. То есть что-то, что начертано. То есть что-то, что изображено. Что-то, что заключает в себе некое сообщение.

Природа, окружающая нас со всех сторон, словно стремится показать нам, до какой степени она *настоящая.* Горы, лес, озеро, остров, скалы, деревья, вода, небо, свет – все напоминает *знаки письма*. Все выглядит так, словно должно обязательно здесь находиться. Именно в такой форме. Под аккомпанемент именно таких звуков.

– Созерцание Красоты как дара Божьей Благодати не есть грех, – сказал я Люси. – Мир, по сути, не является дурным, иначе Господь его не создал бы. Я прекрасно знаю, что излагаю римско-

католическую точку зрения, я тебя предупреждаю.

Я давно понял, что она происходит из семьи с сильными религиозными традициями. Я был вынужден играть на ее поле. Которое одновременно становилось и моим.

Тысячелетие, подобное тому, что прожил я, чрезвычайно просвещает в плане философии.

– Странно, вы знаете, моя мама знала кучу народа, среди них была одна старая дама с Юга, баптистка. Однажды вечером, незадолго до взрывов, я помню, они выпили вместе с мамой немного бурбона и какое-то время спустя начали смеяться, но я понимала, что говорят они, тем не менее, всерьез.

– Что? Над чем они смеялись и что было всерьез?

– Они говорили о папе.

– О папе?

Я ожидал услышать одну из злых шуток, иногда отпускаемых в протестантских кругах по поводу святого понтифика.

– Женщина-баптистка, госпожа Уилкерсон, сказала маме: «Знаете, госпожа Скайбридж, на самом деле я думаю, что мы все католики, так же как ваша подруга из Мэриленда!»

Я ничего не ответил, хотя и был несколько поражен.

– Да, мама сказала потом, что такое часто можно услышать от некоторых баптистов и даже от методистов. Во всяком случае, хотя они и смеялись из-за бурбона, говорили они серьезно, как я вам и описала. И еще они говорили, что нужно, чтобы протестантская Церковь снова соединилась с Римской, потому что они раскололись на самом-то деле просто из-за недоразумения.

– Из-за недоразумения? Нет, вы послушайте ее… больше двух веков религиозных войн!

– Она так говорила, эта госпожа Уилкерсон: если в положениях тысяча пятьсот девятнадцатого года встречались ошибки, надо было просто объясниться и уладить проблему. Может быть, и случился бы какой-нибудь раскол, но сторонников у него оказалось бы очень немного, а последствий не больше, чем от коптов-монофизитов. И Церковь действительно реформировалась бы… вся целиком. Чего она не может сделать вот уже больше века. Именно этого Лютер и хотел, как и многие другие. Я согласна с ней. А вы нет?

Теперь вы не удивляетесь тому, что она перескакивает через целый учебный год, словно через простого гимнастического коня?

Прогулка по озеру дала ожидаемый результат. Мы описали полный круг, обогнув остров, покрытый первобытными скалами и узловатыми, почтенными деревьями, которые сквозь свою густую листву, казалось, молча наблюдали за эрратическими[20]

камнями, являвшимися частью Канадского щита. Когда мы пристали к берегу, я почувствовал, что Люси безмятежна, почти радостна. Берюль оказался прав даже в отношении маленькой американской гугенотки.

Я, проходя мимо, поблагодарил капитана Купера, готовящего свой «Зодиак» к погружению. Мы обменялись несколькими словами, как всегда посвященными боевым действиям, происходившим на другом конце света.

– Эта война будет очень долго идти, вот к чему надо себя готовить, господин Купер. Мы ее конца не увидим… ни вы, ни я.

«Особенно я», – подумал я, сдерживая улыбку.

Потом мы вернулись в дом, полный летних ароматов и запахов со сладким привкусом, остающимся на языке и губах. Воздух напоен этим тростниковым сахаром, смешанным с жарой и порождающим жажду. Все варианты жажды.

Я готовлю плотный полдник, политый соком всевозможных фруктов. По телевизору почти по всем каналам показывают подготовку к большой мемориальной церемонии.

Люси все-таки решила ее посмотреть. Она не хочет возвращаться на Нулевую Отметку, к этой братской могиле *де-факто*, но она согласилась увидеть, как U2 выкрикнут «where the streets have no name»[21] у огромной электронной стены, на которой замелькают имена жертв.

Мы оба знаем, что среди них будет имя ее матери.

Имя ее матери и ее имя.

Но это, кажется, ее уже не волнует. Она – маленькая американская девочка. Она адаптировалась. Она поняла. Она многое поняла.

Лето заканчивается. Девочке теперь уже чуть больше восьми лет. Выросла она действительно с удивительной быстротой.

Ей дают почти на два года больше ее возраста, и дело тут не в росте или каких-нибудь других антропометрических данных. Таково ее поведение, все, даже самые незначительные жесты, ее взгляд, манера выражать свои мысли или молчать.

Я удивляюсь тому, что не успел этого заметить. Не успел или не сумел.

Как странно: разве не вчера еще я мчался вниз по лестницам пылающей, готовой обрушиться башни?

10. Год бога Марса

Я сказал капитану Куперу, что начавшаяся война будет идти очень долго. Это не то чтобы неправильно. Это немного неточно.

Потому что эта «война» будет не просто «какой-то» войной. *Война* изменит в корне свой характер: из мировой она станет глобальной, то есть уже не геополитической, а метанациональной, спутниковой, кибернетической, ризомической, *космополитической*. Без всякой точной локализации, без всякой стратегической симметрии, без всякого оперативного прогнозирования, разбросанной по десяткам, сотням, тысячам фронтов одновременно. Фронтов, которые уже будут не фронтами, а зонами временного хаоса, Нулевыми Отметками большей или меньшей интенсивности. Это будет фрактальная война. Вирусная. Ее особенностью станет бесконечность, которая действительно превратится в систему общего программирования жизни на этой планете.

Хуже того, ее металокальный характер выведет ее за пределы околоземного пространства, географического пространства, социального пространства, политического пространства, более того, эта война разлетится во все стороны времени. Как я и предупреждал начальство, она вберет в себя все прошедшие войны, станет дьявольским синтезом всего, что совершил человек страшного в течение своей истории, а главное, объединит все конфликты будущего и станет для них испытательным участком в режиме *реального времени*.

Каждая война вберет в себя последующую, конец одной войны спровоцирует начало другой. Каждая война послужит звеном в общей цепи войн.

Эта *метавойна* станет моделью в натуральную величину. Сам мир будет моделью. Каждая война в нем превратится в то, чем она, по сути, является: *величайшей wargame*[22]. И эта война всех времен и народов скоро сделается *wargame* всех времен и народов.

Глобальная война превратится, таким образом, в сферу познания для всего человечества. Благодаря ей человек научится быть человеком, благодаря ей он сумеет жить и умирать стоя, с оружием в руках, благодаря ей он, видимо, поймет, как не уничтожить себя окончательно.

Такова будет участь человечества, с которым мы, она и я, уже не познакомимся, поскольку скоро, через год, в крайнем случае – через два, я получу судьбоносный сигнал.

Мы оставим эту землю ее Великой Глобальной Войне и

людям, которые начнут учиться выживать в ней.

Мы оставим федеральные бюро и школьные комиссии, мы оставим пылающие башни и Нулевые Отметки, мы оставим также ледниковые озера и сентябрьский лунный свет.

Но пока мир устремляется в красный туннель войны, я готовлюсь к своей личной битве, секретной, как все личное.

Я готовлюсь расставить ловушку как для людей с Матери-Земли, так и для братьев с Материнского Корабля.

Я готовлюсь превратить маленькую девочку из башни, маленькую девочку из черного ящика, маленькую американскую девочку, да, я готовлюсь превратить ее в путешественницу к звездам, в свою настоящую дочь.

Я готовлюсь к возможности жертвы.

Предупреждающие сны вернулись к концу года, как раз перед Рождеством. Я осыпал малышку разнообразными подарками, а себе подарил только лишь огнестрельное оружие. Легальное, автоматическое охотничье ружье, самозарядное, помповое, марки «ремингтон», двенадцатого калибра. Я приобретал все большее сходство с ними. Я действительно подчинялся ритму американской жизни, я становился тем, чем они были, как раз в тот момент, когда они превращались в то, чем я уже не буду. Люси пришла в восторг от рождественских яслей, которые я заказал местному ремесленнику. Она впервые поцеловала меня. Меня всего словно залило мягким светом. Эта минута напомнила мне неповторимое мгновение, пережитое мной когда-то на дороге, эта минута явилась противоположным полюсом нашего бегства из объятой пламенем башни.

Но в это же время предупреждающие сны появились вновь. И возможно, не без причины.

Да, конечно, причина была.

Естественно, ведь целые недели все только об этом и говорили: возрастающее напряжение в отношениях с Ираком, угрозы Америки, проволочки ООН. Я снова получил сообщение по каналу будущего.

В течение нескольких наполовину бессонных ночей, пребывая между сном и явью, я смог увидеть адский ритм грядущих событий. Бесплотный прозрачный экран появлялся в поле моего зрения. Я увидел на нем песок, самолеты, вертолеты, людей в форме, взрывы, смерть, кровь, рыдающих женщин, разорванных на части детей, обугленные машины, горящие танки. Я увидел на нем вооруженные банды, саботаж, я увидел, как бывший руководитель государства вылезает из ямы, в которой прятался несколько месяцев. Потом я увидел начало внутриисламистской

гражданской войны, с военизированной милицией, с эскадронами смерти, с разнообразными камикадзе. Я увидел мечети, разрушенные мусульманами, и другие мечети, сметенные с лица земли другими мусульманами, уже в наказание. Я увидел то, что все больше напоминало конец света. Я смог увидеть развитие всех событий: успешное окончание начатой военной миссии, крах режима, ликующие толпы, опрокинутую статую диктатора, затем нескончаемые волны покушений. Я увидел подсчеты погибших в бою американских солдат, потом картины из будущего остановились, словно в стоп-кадре, в ночь с 2006 на 2007 год, на счетчике появилась цифра – три тысячи солдат.

Примерно три тысячи человек на тот момент считались погибшими при взрывах Всемирного торгового центра.

Совпадение цифр никак не могло быть случайным. Трагическая равноценность, озаренная жертвенным огнем. Одна жертва взрыва. Один солдат. Ни больше ни меньше. Американская жизнь продолжается.

Но продолжается она отдельно от остального мира, словно параллельно или, скорее даже, по диагонали по отношению к остальному человечеству.

Я понял, насколько Америка будет одинока. Все более и более одинока.

Я понял, насколько человеку на этой планете необходимо как можно быстрее столкнуться с этой войной. Столкнуться с самим собой. С тем, что от него осталось.

Балансируя на краю пропасти, он найдет, быть может, в себе силы, необходимые для подлинного возрождения.

Только приблизившись к месту взрыва, вникаешь в настоящую суть столкновения.

Только подойдя к грани полного уничтожения, он осознает, быть может, если только он еще на это способен, истинную цену творения.

Но мы с Люси Скайбридж будем уже далеко, чрезвычайно далеко. Мы уже покинем башню-мир, башню – пылающий мир, башню-мир, которая вот-вот обрушится.

Когда начался 2003 год, жизнь в деревне шла полным ходом.

Однажды, сухим, солнечным и довольно холодным днем, я возвращался с прогулки по берегу озера и встретил капитана Купера, который готовился к своему обычному ежедневному погружению.

Разговор сразу принял чрезвычайно знакомое нам направление.

Мне не следовало рассказывать бывшему военному летчику

слишком многое. Главное, нельзя было раскрывать факт существования экрана, пришедшего из будущего и преломляющего время, я мог всего лишь попытаться поддержать горящий огонек разума соседа. Я мог дать ему почувствовать запах пожаров, запах пороха, запах трупов. Запах приближающегося мира. Мира, уже пришедшего.

– Американская армия победит Саддама Хусейна и возьмет Багдад за месяц или два, – говорил я соседу. – Три месяца – максимум. – Я совершенно сознательно лгал, все произойдет гораздо быстрее. – Вы увидите, будет почти так же смешно, как первая война в Заливе.

– Вы так действительно думаете? Говорят, что их войска состоят из фанатиков и будут биться до последнего.

– Такая же пропагандистская белиберда, что и в тысяча девятьсот девяносто первом году, господин Купер. Восемьдесят – девяносто процентов иракских призывников исчезнут в песках пустыни при первой же настоящей стычке, остальные последуют их примеру во время общего наступления. Вы увидите, они все будут сдаваться, как тогда. Останутся лишь части республиканской гвардии, федаины[23] Саддама, служащая ему милиция партии Баас и его личная охрана. Они не продержатся долго.

– То есть вам кажется, что победа будет быстрой и уверенной?

– На этом этапе операции – вне всякого сомнения. Состоится практически классический блицкриг. Плацдарм готов, иракская армия уже побеждена, и большинство ее генералов, очевидно, об этом знают. Это не проблема.

– Это не проблема? А что же тогда проблема?

Я позволил себе подарить ему сувенир, который мне показался милым, приятным и практически полным сочувствия.

– *Проблемы как раз начнутся позже*, капитан Купер. Поскольку война откроет совершенно незнакомое и непредсказуемое политическое пространство в самой гуще проблемы, внутри исламистской пороховой бочки. Крах Саддама Хусейна будет благосклонно воспринят иракским народом, это очевидно. Но возникает следующий вопрос: как управлять страной, три религиозно-этнические группы населения которой состоят в непримиримых противоречиях и каждая проявляет лояльность по отношению к соперничающим между собой мощным государствам региона? При этом я не говорю обо всяких меньшинствах. Самое главное тут не ошибиться в выборе союзника, а следовательно, и *противника* после низложения диктатора. В общих чертах, американское правительство должно

будет суметь применить теорию Клаузевица[24] на практике и оказаться способным сделать *из политики продолжение войны другими способами.*

– А разве Клаузевиц не утверждал обратное?

– Конечно, – ответил я. – Он жил больше ста пятидесяти лет назад. Извините меня, капитан Купер, я должен вас покинуть, но сами подумайте, Пентагону необходимо выработать чертовски эффективный план, очень продуманный план действий на постсаддамовский период, потому что именно здесь находится зона взрыва. Благодаря институционному вакууму множество партий пожелает захватить власть и, следовательно, любой ценой вытеснить нас из страны. Я готов заключить с вами пари на сто к одному, что американское правительство будет вынуждено опираться на некоторых представителей партии Баас и на ее только что разгромленную армию для того, чтобы контролировать ситуацию.

Я наговорил уже слишком много – наступление союзных войск начнется еще только через два месяца.

– А впрочем, все это лишь рассуждения, господин Купер, признаю, но что мы можем сделать еще, мы ведь ничего не решаем, не так ли?

– Что касается меня, я пойду готовить «Зодиак», господин Скайбридж. Не припомню такой теплой зимы. Уже середина января, а озеро до сих пор не замерзло.

По этому поводу я тоже мог рассказать кучу вещей.

Но я подумал, что не стоит портить ему день. Кроме того, мне уже было пора идти забирать малышку из школы.

По дороге предстояло еще кое-что купить. Надо было отправить по почте несколько официальных писем. Надо было сменить масло в «додже-караване» у дилера «Крайслера». Я обязательно хотел вернуться домой до темноты. Будет передача об истории Земли, о том периоде, когда она представляла собой ледяной шар, примерно шестьсот миллионов лет назад. Я хотел посмотреть ее вместе с Люси.

Я хотел пополнить запас дров.

Меня ждала еще не разложенная часть библиотеки.

Я хотел разобрать и почистить «ремингтон».

Я хотел продолжить написание последнего тома моей автобиографии.

Я хотел продолжить мои тренировочные занятия.

Я хотел продолжить тайно готовиться.

У меня было полно работы.

Американская жизнь брала свое.

Малышка следила за событиями так же, как и все мы. И она прекрасно понимала то, о чем я говорил нашим соседям. Весна началась вместе с наступлением союзников на вооруженные силы Саддама Хусейна. Весна началась вместе с войной, которая не закончится.

События войны разворачивались именно так, как я видел во время сеансов предсказаний. Война оказалась точно такой, какой я ее наблюдал в полусне на экране. Она показалась мне даже менее реальной.

– Они и не подозревают о том, что наделали, взорвав башни.

– Вы думаете, что это и есть Конец Света, предсказанный Писанием? Некоторые люди из Конгрегации утверждают именно так, я слышала…

Я подавил смешок, который, даже будучи лишенным всякого сарказма, прозвучал бы неуважительно.

– Мы не умеем, даже скорее *вы не умеете читать* Писание. И ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду не религиозные разногласия между католическими и протестантскими группировками. Теперь ты знаешь, кто я. Ты знаешь, откуда я пришел и куда я иду. Ты знаешь то, чего не знает никто в мире.

– Да, я знаю. А что мы не можем прочесть в Писании?

– Понятие Конца Света. Вы все читаете о Конце Света сквозь очки подслеповатого старика по имени Аристотель, который считал время цепью мгновений, линией, созданной из точек… без начала и конца, естественно. К линии всегда можно добавить точку, не так ли?

– Но у мира ведь было начало, значит, будет и конец.

– Конечно, было начало и будет конец. Только он не находится на линии времени, как считал Аристотель, а служит точкой соединения с тем, что вечно, как время «ч» в Большом взрыве, неким инициальным «Да будет свет!». Конец присутствует во всем, везде и всегда, в форме, которую можно назвать потенциальной, и он активизируется в некий неведомый момент, вне времени, поскольку конец запечатает время границами бесконечного.

– Но война, которая началась в Ираке, военные операции в Афганистане, взрывы одиннадцатого сентября… как вы думаете, это некий знак для нас?

– Конечно, это некий знак для нас, Люси. Это знак того, что надо покидать этот мир, и как можно быстрее.

Люси Скайбридж опять лучшая ученица в классе. Это означает полную коллекцию самых высоких баллов, которые возможно получить. Это несложно. Ее классный руководитель

очень озадачен. Уровень знаний Люси снова позволяет ей перепрыгнуть через класс. Во время последнего педагогического совета решено опять отправить мне официальное предложение от дирекции о переводе девочки на два года вперед. Подобное происшествие в школе – редкость. Надо заметить, что учебное заведение маленького городка в Аппалачах действительно не привыкло к таким явлениям третьего типа.

Ведь это девочка из «башен-самолетов-пожаров», девочка из черного ящика. Я нахожусь еще только на подготовительном этапе, на этапе базового обучения, на этапе предварительной мутации, но она действительно уже не совсем простая девочки с Земли. Она постепенно превращается в мою дочь, она постепенно становится инопланетянкой.

Процесс довольно прост. Надо было просто суметь, не привлекая внимания Материнского Корабля, отключить биопрограммную систему безопасности, которая сильно ограничивала мой доступ к собственным возможностям.

Только эта операция потребовала от меня полтора года. Квантовое сознание, как у Материнского Корабля, обмануть не так-то легко.

Мои возможности – это биопрограммная система, способная вводить нейровирусы в нервные клетки другого человека, а тщательно отобранные ретрогенные элементы – в его генетический код. Мы можем, без всякого сомнения, его менять. То есть ускорять эволюционную трансформацию, вектором которой он является.

При помощи нейровирусов и ретрогенных элементов я могу за один учебный год продвинуть Люси на многие тысячи лет вперед.

И именно это я и сделаю.

Лето пришло, война в Ираке выиграна, а покой потерян навсегда, причем абсолютно для всего мира. Если по этому поводу до сих пор остаются какие-то сомнения, то грядущие месяцы примирят всех стратегов планеты. Неожиданно, как и предсказывали мне картины из будущего, конфликт незаметно меняет цель. Речь идет не о победе в войне, а о том, чтобы заставить своего или своих противников потерять покой.

Война действительно вышла на *металокальный* этап. Я прекрасно видел, что многие державы, соревнуясь, боролись за контроль над страной, но ни одна не сумела заключить длительный союз с кем бы то ни было. Шла *метавойна*, где каждый сам за себя, а все – против всех. Война целого мира против целого мира.

По сравнению с происходящим варварство, сопровождавшее прожитые мной века, кажется детскими игрушками. Столетняя война сделалась коротеньким историческим эпизодом. Хиросима стала ослепительным горизонтом человечества, Освенцим размножился, превратившись в зияющие пропасти. Ничего или почти ничего не останется после человечества, за исключением, быть может, нескольких руин, посреди которых будут бродить люди без будущего и без прошлого.

Наступало время уходить. В последний раз насладившись Красотой в гармонии с Благодатью, которые еще присутствуют в этом Мире.

В этом году опять мы останемся на летние каникулы в горах, неподалеку от дома. Люси не испытывает ни малейшего желания покидать лес, озеро, свой остров, свои галечные пляжи. Здесь она словно защищена от мира, от мира гибельного грохота, от мира взрывающихся городов.

Я прекрасно знаю, до какой степени иллюзорно это ощущение, но основным достоинством иллюзии является видимость, служащая одновременно ключом к расшифровке. Безмятежность Люси, пусть иллюзорная с точки зрения того, что я знаю и о чем догадываюсь, является определяющим фактором, позволяющим мне активизировать в ней истину.

А истина – это не только то, чем Люси постепенно становится, но также и то, что в ней проявляется сразу.

Мои эволюционные нейровирусы воздействуют на метаболические функции, на генетический код, на структуру коры головного мозга, но они при этом не трансформируют человека, как я, наверное, поспешно заявил выше.

На самом деле, *мы ничего не трансформируем*, мы просто открываем то, что уже существует, мы всего-навсего даем *человеку дом, в котором он может жить*, как говорил некий Мартин Хайдеггер[25]. Происходит не трансформация, а квантовый скачок, происходят кардинальные изменения, происходит новое видообразование, происходит отрыв, парадоксальным образом использующий все, чем человек был до этого, для того, чтобы резко бросить его в его собственное будущее. Чуть-чуть поторапливая отдельно взятую эволюцию одного человеческого существа, мы не только не совершаем абсолютно ничего, что шло бы вразрез с Законами Созданного Мира, но даже не «используем» их вслепую, как это умеет делать ваше племя. Напротив, мы уже давно поняли, что для того, чтобы научиться в какой-то степени управлять этими законами, нужно начать служить им, что и происходит во всех человеческих цивилизациях, доросших до галактической стадии.

Так я и поступил с маленькой Люси Скайбридж.

Общая акселерация – это абсолютно кинетический момент в онтологии человека, над которым проводится эксперимент. Она позволяет всему тому, что спрятано, скрыто в человеческом теле, открыться наконец владельцу этого тела.

Ну, а потом надо работать.

И Люси Скайбридж была отличной ученицей.

К началу школьных занятий 2003 года Люси уже достигла огромных успехов. Ей девять лет, но, с учетом произошедших с ней мутаций, ей – девять веков. Это еще ребенок, даже по меркам того мира, откуда я пришел. Ей девять лет. Это маленькая американская девочка. Эта маленькая девочка умеет различать отпечатки радужной оболочки глаза на расстоянии, видит в полной темноте, слышит звуковые частоты, недоступные человеческому уху, и учится их различать. То же самое происходит со световым спектром. Она начинает экспериментировать с телепатией, то есть пытается производить манипуляции по нейроквантовому взаимодействию с находящимся на близком расстоянии мозгом, раскодировать который не так-то просто. Она делает первые опыты по предвидению будущего.

Я получаю телепередачи из грядущего.

У нее все происходит на Нулевой Отметке. Она оказывается на кровати среди руин обеих башен, и там, сквозь пепел, летящий над дымящимися камнями и обломками, навстречу ей устремляется эскадрилья листов бумаги, еще тысячи страниц кружатся в воздухе и покрывают собой то, что осталось от улиц.

Листы исписаны рукой ее матери, она в этом уверена. Люси узнает ее почерк.

Вселенная такая же, как и любая другая, думаю я, ничем не хуже моей. В любом случае, ясно, что это перевернутое измерение создано специально для нее.

Конечно, я принял предложение школы. Люси снова перепрыгнула через класс. К несчастью, я плохо рассчитал последствия событий, и она становится объектом повышенного внимания со стороны других учеников. Она не ощущает по отношению к себе никаких видимых признаков отторжения, остракизма или даже агрессивности, но я отдаю себе отчет в том, что с течением недель ее одиночество усиливается. Для окружающих ее людей, пусть и не подозревающих об истинном положении вещей, маленькая Люси Скайбридж все равно является своеобразной инопланетянкой.

Я даже не знаю, что и сказать малышке.

Одиночество, непохожесть на других отныне станут для нее нормой. И даже судьбой. Все то время, которое мы проведем на Земле, в своем собственном мире она будет чувствовать себя все большей и большей изгнанницей.

Только тогда, когда мы уйдем отсюда, девочка в определенной степени сможет воссоединиться с человечеством.

С человечеством, которое убило ее мать.

Холодным осенним днем (когда листья еще краснели на деревьях) я наведался к дилеру «Крайслера», чтобы забрать зимние шины. Я просто маниакально предусмотрителен, это точно. Я все замечаю, все записываю, все предвижу, все рассчитываю. И речи не может быть о том, чтобы меня в самом центре Аппалачей застала врасплох снежная буря, пришедшая с канадского севера. Оттуда, куда мне скоро надо будет отправиться, чтобы там затеряться.

Поскольку именно для того, чтобы там затеряться, я должен обладать возможностью туда отправиться.

Сейчас конец ноября. Я чувствую, что дата судьбоносного сигнала близка. Это инстинкт. В секретной лаборатории я получил многократные подтверждения того, что неовидообразование Люси пройдет без малейших затруднений.

Проходящие недели подтверждают, что технический контроль уже необязателен. Мне достаточно подержать ее за руку, стоя на берегу озера или выходя из школы, достаточно посмотреть на нее, встретить ее взгляд, обменяться с ней несколькими словами. Мне достаточно жить рядом с ней, чтобы все стало очевидным.

Я выигрываю пари, я одерживаю победу в споре, который затеял со всем Космосом. Со всем Космосом и с теми, кто в нем обитает, живет, убивает и умирает. С Космосом и его маленькими инженерами, и человеческими, и не-человеческими.

Я поставил «додж» в просторный гараж примерно часа в три пополудни.

В приемной меня уже ожидали, поскольку я позвонил и напомнил о своем визите, назначенном во время последней встречи, много месяцев тому назад.

Я все рассчитал.

Главное, я это знаю точно, не дать себя вычислить.

И как раз именно в этот момент кто-то пытается меня вычислить.

Я давно уже их не видел, эти черные внедорожники, этих людей в темных костюмах, эти пристальные взгляды, эти

дымчатые очки, еще более внимательно следящие за всем, что происходит вокруг.

Они поставили машины в просторном паркинге, примыкающем к гаражу дилера. Не везет – так не везет, подумал я. Я различаю лица, хотя не узнаю их. У меня опять возникает ощущение дежавю при появлении мужчины, которого я замечал уже дважды в Манхэттене. Теперь его сопровождает молодой человек в роговых очках, в светлом костюме, не похожий на остальных. Он чем-то напоминает врача. Странно, он тоже внушает мне необъяснимое чувство, что я его где-то видел или встречал.

Во время одной из моих прошлых жизней?

Это точно люди? Или Контролеры, посланные с Материнского Корабля с секретной миссией?

Нет, я, наверное, о чем-нибудь догадался бы и почувствовал бы их приближение, я ведь тоже не совсем человек.

Уголком глаза слежу за парнем, который похож на руководителя группы. Он издалека вычисляет меня. Он рассчитывает. Он отбирает данные. Он пытается понять, подхожу ли я под описание, фотографию, фоторобот.

Со дня взрывов моя внешность несколько изменилась, но, без сомнения, не настолько, чтобы не привлечь их внимания.

Какого черта они делают тут, на севере штата? В самом центре Аппалачей, в гуще американского нигде?

Не важно.

Вопрос стоит так: как вернуться домой, избежав слежки? Как заставить их потеряться в американском нигде? Как подменить мир в их глазах?

Это возможно.

Это требует большого расхода энергии, но это возможно.

Я могу обмануть их мозг. Сделать так, чтобы окружающий мир на ограниченное время изменился в их нейронных структурах. Чтобы на настоящую Вселенную наложилась целая параллельная, заняла ее место, *превратилась в реальность*.

Большой расход энергии.

Очень большой.

Как их много. Их, как минимум, шестеро, даже семеро. Это много.

Это гораздо больше того количества, при котором, согласно принятым правилам, можно пытаться действовать. Но я уже давно не придерживаюсь ни того, что принято, ни каких бы то ни было правил.

Операция потребует превышения резерва энергии, отводимого на подобного рода маневр. Это риск.

Нет.

Единственный риск – это бездействие.

У меня снова горит под ногами башня.

На этот раз я не буду сомневаться ни секунды.

Я быстро программирую нейронную частоту.

Все, готово.

Ну, скажем, сейчас будет готово. Чтобы создать другой мир, нужно чуть-чуть времени.

Когда я вхожу в дом, Люси бросает на меня тревожный взгляд. Я должен выглядеть жизнерадостным. Отличный денек, с самого утра чудная погода, холодновато, чувствуется приближение зимы, но все такое желтое, такое золотое, такое медное, такое рыжее, такое неподдельно живое.

Я вижу себя в наружное зеркало заднего вида, в зеркалах в прихожей, в глазах малышки.

Я мертвенно-бледен, весь в поту, глаза испещрены красными прожилками, губы словно иссушены самым обжигающим ветром пустынь. Я дрожу. Я испытываю боль во всем теле. Я не помню, как я доехал до дома.

Она спрашивает меня, что случилось. Я не отвечаю и даже не уверен, что слышу ее.

Я поднимаюсь и запираюсь в своей комнате под крышей.

Я должен подумать.

Я не должен впадать в панику.

Я должен выработать план действий.

Я должен избавиться от этих людей.

Я не должен впадать в панику.

Нет никаких оснований для паники.

Во-первых, никогда больше не оставлять малышку дома одну, пусть деревня стала сплоченной общиной, пусть капитан Купер всегда настороже и следит за любым посторонним человеком, появившимся в наших местах, точно так же, как и военный биограф, и семья лесорубов на перекрестке с Фишнет Роу. Я не могу позволить себе ни малейшего риска.

Затем, чтобы хорошенько вогнать гвозди в крышку их гроба, я информирую Материнский Корабль об их угрожающем присутствии и прошу срочно принять меры. Если я сумел затронуть их индивидуальную память, было бы неплохо проделать то же самое с памятью системы, на которую они работают. Мне обещают специальное вмешательство Фальсификаторов.

Я со своей стороны – на всякий случай – должен предусмотреть возможность срочного переезда.

Я должен быть готов в один прекрасный день сразиться с людьми в темных костюмах.

А главное, не должен впадать в панику.

Они ничего не могут с нами сделать. Они ничего уже не могут с ней сделать.

Она – моя дочь.

Они не отнимут ее у меня.

Они ничего не могут с нами сделать.

Мы уже не принадлежим этому миру.

11. Против Башни-Мира

В самом начале 2004 года я получаю сигнал.

Среди ночи, конечно. Классическое послание, получаемое в полубессознательном состоянии.

Так и есть, мгновение приближается. Мгновение Великого Ухода.

Пора.

Я знаю, что она готова, точно так же, как и я. Но я знаю, что и люди в темных костюмах, где-то там, тоже готовятся.

Материнский Корабль, видимо, ускорил час возвращения. Материнскому Кораблю не понравилась эта история с людьми в темных костюмах. Материнский Корабль хорошо меня понимает. Надо сказать, что он – это немного я.

Остается лишь покинуть Аппалачи, Соединенные Штаты и подняться на север. Еще немного ближе к северу.

Пересечь границу и ехать на север севера, к северу Канады.

Материнский Корабль посылает редкие сообщения, каждый час, из соображений безопасности, а также сохраняя возможность импровизации в последний момент. Материнский Корабль не только существо, обладающее интеллектом, это еще и военная машина.

Все, что мне известно на сегодня, так это место, куда я для начала должен прибыть, и время, когда я должен там появиться.

Местом назначения оказался Квебек. Северный район, город под названием Фермон. Я должен оказаться там не позднее первого июня. Ни в коем случае нельзя обращать на себя внимание. Обычная процедура.

Мне нужно уладить мелкие проблемы. Фальсификаторы займутся домом и его содержимым, все будет отправлено по световому зонду на Материнский Корабль. Они пошлют в школу фальшивую копию официального документа из канадского общеобразовательного заведения, «куда поступила ученица Люси Скайбридж во время учебного года». Они заплатят налоги, закроют все, уже ставшие ненужными, банковские счета, аннулируют страховки, уничтожат врачебные записи, фискальные досье, бухгалтерские файлы, даже убьют человека, двоих, если нужно – и десятерых. Любой след моего пребывания на этой планете исчезнет. Дом будет быстро перепродан, не важно кому. Нас забудут.

Даже в школе в конце концов забудут Люси Скайбридж и ее необыкновенные способности.

У них останется только смутное воспоминание о недолгом

пребывании, а геологическая прочность мира опять навяжет им свои правила. В частности, о чем нужно думать, о чем следует помнить, о чем нужно забыть – и о чем ни в коем случае нельзя забывать.

Меня только одно и тревожит – это именно память. Память, являющаяся врагом таких, как мы.

Это не память капитана Купера, или школьных учителей, или дилера «Крайслера».

Эта память, эта опасность, спряталась в черепах людей в темных костюмах, людей, которые добрались даже до Аппалачей. Я смог в последний момент их обмануть, Фальсификаторы залезли в их систему, но они здесь, рядом, и преследуют нас.

Я не знаю почему, но эти люди разыскивают нас, чтобы помешать Миссии завершиться так, как я задумал.

Кто они такие, чтобы посметь сопротивляться полномочному Наблюдателю?

Кто они такие, чтобы стремиться арестовать человека, выжившего после взрыва Северной башни?

Кто они такие, чтобы пытаться сделать из нас пленников своего мира?

Не знаю, что на меня нашло, но впервые за тысячу лет земного эксперимента мной овладевает неистовое чувство, которое я определяю как ненависть. Это странное ощущение, оно ширится, как поток, который подпитывает сам себя. Оно начало расти постепенно, после неожиданной встречи с людьми в темных костюмах, но с течением недель принимает уже тревожные масштабы.

А теперь, когда Материнский Корабль прислал мне сигнал об уходе, во мне словно открылся какой-то клапан, как будто предохранитель вышел из строя.

Какое-то невыразимо жестокое чувство охватывает меня, когда я мысленно представляю свою дочь рядом с людьми в темных костюмах.

Что-то готово взорваться во мне, провоцируя максимальное количество человеческих жертв, как только я допускаю возможность того, что люди в темных костюмах решат разлучить нас.

Что-то делает из меня моего собственного двойника-монстра, когда я осознаю то, что они собираются сделать, то, для чего они и добрались сюда.

Раньше я не знал ненависти. Это животное чувство. Ледяное. Я знал ярость, возмущение, гнев, но они другие. Гнев может довести вас до грубости и, конечно, даже до убийства. Но ненависть, кажется, находится на другом уровне интенсивности.

Который способен радикально изменить природу явления.

Ненависть – это машина. И пока источник энергии питает ее, она безостановочно работает день и ночь. А источник энергии – это она сама.

Очевидно, что это может вести к жестокости в чистом виде. Это может вести к убийству, может стать итогом скрупулезного плана, а главное, это может привести и к гораздо худшим последствиям. Это может привести к произведению очень сложных расчетов, к дьявольским хитростям, к безжалостным ловушкам, это может снова сделать меня человеком.

Идут дни, я успокаиваюсь и восстанавливаю силы. Сотворить, пусть за несколько минут, параллельный мир для полдюжины человеческих интеллектов, используя предоставленные для такого типа операций резервы, действительно невозможно, так категорически заявляет наш Учебник с инструкциями. Последствия могут оказаться по определению непредсказуемыми.

Но я сумел создать «сеть прерываний» в глубинах их психики. Я навсегда расколол часть пространства-времени великолепной иллюзией, в которой я просто-напросто не существовал. Я смог исчезнуть у них на глазах, а они не заметили ни малейшего подозрительного движения: в некоторых нейронных структурах их мозга наверняка произошли разрушения. Должен признаться, я этому порадовался.

Эта процедура изменит их память, являющуюся врагом людей, ищущих правду, то есть людей, ищущих секреты. Память о недавних событиях у людей в темных костюмах оказалась в различной степени поражена. Они сбиты с толку, испытывают частичную амнезию, не помнят, почему они приехали в это странное место. Основные детали их расследования навсегда потеряны, они должны все начинать практически с самого начала.

С Нью-Йорк Сити.

С Нулевой Отметки.

Их амнезия, личная или коллективная, человеческая или кибернетическая, даже относительная, представляет собой время, выигранное мной, нами. Изменяя их память, *их памяти*, механически и органически, я обеспечивал себе реальную возможность исчезновения. Я не был Богом, не обладал метакосмическим могуществом для создания мира, одновременно неповторимого и бесконечного, не мог даже постоянно фальсифицировать реальность для обмана всех интеллектов этой планеты. Но я располагал достаточной силой, чтобы поразить мозг нескольких людей на расстоянии. Впервые за мое земное существование я пользовался этой своей способностью,

испытывая странное, смешанное чувство удовлетворенности и какой-то зачарованности.

Я еще раз отреагировал адекватно, как тому научил меня тысячелетний опыт. Как тогда, когда я выбрался из пылающей башни, когда я принял ряд последовательных решений, которые привели меня вместе с маленькой девочкой с девяносто первого этажа сюда, к границе Соединенных Штатов и Канады.

Как тогда, когда я принял последовавшие затем еще более судьбоносные решения.

И последнее решение, которое я принял только что.

Хотя я и сумел отразить удар на этот раз, мы по-прежнему находимся под угрозой. На некоторое время я оторвался от них, но скоро они снова пойдут по нашему следу, вернутся рыскать по всей округе, опять будут гнаться за нами по пятам.

У меня просто нет выбора.

Да и был ли он когда-нибудь у меня?

Теперь Материнский Корабль дал мне зеленый свет, это будет *ультразеленый* код, это будет экспресс-переезд. До момента ухода нам остается максимум месяц. Это война. Мы тоже уйдем на фронт, мы – *rapid deployment force*[26]. Я предупреждаю Люси. Говорю ей о том, чтобы в школе она делала вид, что ничего не происходит. Нужно снова быть иголками в куче иголок.

Я сообщаю Материнскому Кораблю о своем нынешнем положении и очень быстро получаю сообщение от Фальсификаторов с уточнением деталей будущей операции.

Это действительно война. Это план боевых действий. Это wargame, самая опасная из всех wargame в мире.

Я еще раз обыграю башню-мир при помощи скорости. Башню-мир и ее стражников, людей в темных костюмах, которые хотят помешать нам уйти.

Уйти на север.

Уйти в небо.

Да, я принимаю стратегическое решение в результате минутного, максимум пятиминутного размышления. Я играю блиц-партию против башни-мира. Я должен все время обгонять ее, опережать ее на шаг.

Я не должен ни в коем случае забывать о ней.

Выбор делается быстро: все необходимое уложено в «додж-караван», из которого я вытащил заднее сиденье, чтобы освободить максимум пространства. Багажник на крыше тоже не помешает. Моя портативная система перевоплощения. Миниатюрный радиотелескоп со встроенным GPS-навигатором. Запас одежды, особенно для малышки. Несколько книг, среди них

четыре последних тома автобиографии, с описанием событий, начинающихся с 2001 года, один из них едва начат. Разные инструменты для починки и поделок, ружье «ремингтон», все документы, необходимые для пересечения границы (срочная посылка от Фальсификаторов), кухонная утварь, запас продуктов, полный набор оборудования для жизни в кемпинге.

Остальным Фальсификаторы займутся во время перепродажи дома. Они уничтожат все, что принадлежало мне на этой Земле, все, чем я был. Они распылят со скоростью света коллекцию предметов, принадлежавших странной личности, которая уже будет не совсем мной, которой уже не будет там, *которой там никогда не было*.

Уладив детали различных процедур с Материнским Кораблем, я назначаю отъезд через неделю. Фальсификаторам нужно время для изготовления документов, официально объясняющих наш стремительный отъезд в Канаду, в частности рукописного письма с моей подписью. Еще понадобится время на доставку бумаг по почте, время для того, чтобы различные службы получили нашу корреспонденцию.

Неделя. Семь дней, и ни днем больше.

У меня будет время отобрать все необходимое. У меня будет время тщательно подготовить путешествие на север Квебека, ознакомиться с картами дорог, выучить их наизусть, подготовить десятки запасных маршрутов. Я даю малышке немного времени для того, чтобы последний раз погрузиться в Красоту как дар Благодати, а сам работаю. Я даю ей время, необходимое для привыкания к мысли о неизбежном отъезде. Я свожу риск к минимуму, я снова успеваю убежать в нужный момент из мира-башни.

Мы покинули Аппалачи первого февраля, в самой середине североамериканской зимы.

Накануне нашего отъезда озеро покрылось тонким слоем льда.

Оно сверкало, мерцало золотом, лазурью, ртутью, словно чудо, явления которого мы ждали до последнего мгновенья. Оно сверкало позади нас, озаряя будущее, на которое мы променяли его сияющее соседство.

Оно сверкало, подтверждая, что мы выбрали правильное время, правильное направление, правильное решение.

Она сверкало, освещая нам дорогу.

Дорогу к северу неба.

12. Американада

Граница. Здесь она становится политической, здесь она всегда так ирреальна с точки зрения природных явлений, явлений истинного мира, и именно здесь она как раз ощутима, конкретна, вечна и опасна.

Здесь она человечна.

Офицер таможенной службы по отношению к нам выказывает не больше подозрения, чем по отношению к остальным машинам, стоящим гуськом у больших стеклянных кабинок. Он изначально подозрителен по отношению ко всему миру и абсолютно беспристрастен. Он делает свою работу. Он охраняет Крепость. Когда подходит наша очередь, я начинаю спокойно рассказывать тщательно выученный и давно отрепетированный сценарий.

Мы находимся в театре мира. Мы играем в одну из самых великих игр. Мы находимся там, где война прикидывается миром, а мир является просто одной из вариаций интенсивности текущей войны.

Все документы в порядке, естественно. Это же подделки, изготовленные Агентством Фальсификации Материнского Корабля. Можно сказать, что они более реальны, чем сами настоящие документы.

К ружью «ремингтон» прилагаются охотничий билет штата Нью-Йорк, его федеральные идентификационные документы и карточка члена Национальной стрелковой ассоциации, практически пропуск VIP, универсальный ausweis[27] в стране Второй Поправки.

Водительские права проверены, паспорта тоже. Сведения о наших личностях тщательно сверены с компьютерными данными, срок действия наших формуляров канадских эмигрантов проверен. Нас спрашивают о причинах отъезда на север. Я показываю письмо, полученное из канадской школы, и письмо, написанное директором школы в Аппалачах, то есть оба сфабрикованных Фальсификаторами документа.

– Ее мать умерла одиннадцатого сентября во Всемирном торговом центре. Мой канадский друг-психотерапевт сможет помочь ей лучше, чем разные клиники, в которые мы обращались в Аппалачах, где мы жили.

– Куда именно вы едете? – бесцеремонно спрашивает таможенник.

– Это написано в документах. Школа находится в Валь-д‘Ор в Абитиби. Мы проведем несколько дней у друзей в Монреале, перед тем как переехать в наш новый дом.

Если люди в темных костюмах доберутся сюда, до пограничного пункта Ляколль, они узнают, что я отправился в большую метрополию на юг Квебека, а потом – на запад провинции.

Фермон находится рядом с Лабрадором. Строго на север и чуть-чуть на восток. Я рассыпаю по дороге за нами белые камешки, ведущие туда, куда мы не едем.

Моя рука, непроизвольно подчиняясь желанию защитить малышку, опускается на ее голову. Жест отца. Человеческий жест. Естественный жест. Жест человека, который не является человеком.

Таможенник тщательно осматривает машину и ее содержимое:

– Это все, что вы увозите с собой? Оборудование для кемпинга?

Я понимаю, что в нем проснулся инстинкт ищейки, он чувствует что-то неладное в мелочах, не так ли? В мелочах сидит черт, как говорят.

Может быть, это и так, но я все детали расстреливаю из огнемета. Это совершенно не смущает черта, а остальное (сомнения, возможные подозрения, вопросы, размышления, все ментальные формы поведения полицейского) должно сгореть за одну минуту.

Я улыбаюсь, стараясь не задеть самолюбия чиновника.

Никогда не нужно задевать самолюбие чиновника.

Тем более таможенника.

– Нет, конечно, я взял в машину, что смог, только самое необходимое. Оборудование для кемпинга – это на тот случай, если в дороге что-то случится, поломка или еще что-нибудь. А грузовик с вещами приедет в Абитиби через неделю.

Таможенник еще раз проверяет всю информацию. Он очень хотел бы, и это естественно, найти подозрительную машину, поддельный документ, какой-нибудь, пусть даже невинный, подлог, намеренное умалчивание.

Но он ничего не обнаружил, так же как и его канадский коллега по ту сторону символической линии. Фальсификаторы прекрасно выполнили свою миссию. Я думаю, если их попросить, они могут подделать всю планету целиком.

Вот.

Мы выезжаем из Соединенных Штатов, мы въезжаем в Канаду.

Мы выезжаем из Америки, мы въезжаем в Америку.

Мы выезжаем из мира, мы въезжаем в реальность.

Пусть Фермон находится в тысяче километров от границы. Пусть зима станет страной, которую мы проезжаем. Пусть «додж» перегружен до предела, пусть мы выбираем самые глухие дороги. Пусть мы останавливаемся каждую ночь в мотеле. Пусть у нас лопнут все шины, пусть машина серьезно сломается или даже попадет в аварию. Да, пусть все это случится одновременно, все равно у меня точно есть четыре месяца на преодоление расстояния. Как минимум, шестнадцать недель. Сто двадцать дней.

Сто двадцать дней – это ужасно много. Этого с лихвой хватило Республике Сало для того, чтобы совершить последние злодеяния, описанные режиссером Пазолини[28].

Сто двадцать дней – это слишком много, когда за тобой по следу идут ищейки из государственной службы.

Сто двадцать дней – этого, быть может, будет как раз достаточно, чтобы заново раствориться в пейзаже, чтобы снова стать двумя иголками в куче иголок.

Все карты разместились у меня в голове. Дороги, их нумерация, направления, объезды, географический рельеф, территориальное деление, местоположение городов и мотелей, заправочные станции.

Я – карта.

Карта, которая перемещается по местности. Карта, которая катится по дороге, уже заранее проложенной в моей памяти.

Я еду к нашему будущему, словно оно уже описано.

Я – карта. Я – поверхность, на которую наложена местность. Я, может быть, экран, излучающий настоящее для разума, который будет действовать в будущем. Я – машина, которая регистрирует то, что производит, машина, которая производит то, что регистрирует.

Я – код и сопровождающая его декодирующая машина.

Я – то, что едет, то, что путешествует, то, что проходит.

Уже тысячу лет я прохожу мимо вас.

Так что еще сто двадцать дней меня не испугают.

Мы живем как кочевники и к тому же находимся на полулегальном положении. Люси, которой почти десять лет, должна посещать школу, хотя бы где-нибудь. Но мы никогда уже не будем *где-нибудь*.

Фальсификаторы снабдили меня официальным удостоверением, дающим мне право, как отцу-опекуну, самому заниматься образованием девочки. В Канаде это разрешено, и этого документа хватит, чтобы обмануть любопытствующих.

Мы будем жить в дороге, бороздить Квебек, поднимаясь к

Лабрадору.

Я рассыплю по дороге столько белых камешков, сколько смогу. Если людям из правительства удастся выйти на наш след в Канаде, их полностью удовлетворят запросы в Министерство по туризму.

Мы будем жить, как участники Сопротивления. Как партизаны. Несколько больших городов, чтобы отметиться в отелях, столько же ловушек для создания мнимого маршрута, неверного направления, неправильного пути. В остальное время – одинокие мотели, маленькие гостиницы, затерявшиеся на окраинах городков у берегов Святого Лаврентия. Потом, как только начнется весна, – кемпинги, свежий воздух, природа, уединенность полудикой жизни.

Мы заживем под северным небом, как никто, наверное, никогда не жил до нас.

Она – моя дочь, и я люблю ее.

Эта очевидность прочнее, чем стена из титана, ярче, чем атомная вспышка, яростнее, чем ненависть.

Ради нее я делаю все вот уже два с половиной года, рискую всем, включая Миссию, включая свою жизнь, последнюю из оставшихся.

Ради нее я вступил в единоборство с Северной башней. Ради нее я победил горящий самолет. Ради нее я прошел через ночь и туман.

Только для нее. Ни для кого больше. Ни из этого мира, ни из того, откуда я прибыл.

Ради нее, только ради нее.

И ни одно человеческое правительство, даже самое могучее в мире, не сумеет нас остановить. Потому что нас здесь уже нет.

Даже сама смерть не сможет ничего сделать. Потому что смерть – это дверь, через которую мы пройдем, чтобы воскреснуть там, у нас. Вдалеке от вашей планеты, от ваших войн, похожих на мир, от вашего мира, который оказывается хуже войны.

Нас уже здесь нет. Потому что мы уже не принадлежим этому миру.

Во время последних перевоплощений все наши природные способности к нам в основном возвращаются, организм быстро мутирует. Мы снова становимся примерно тем же, чем были. Окончательное перевоплощение, перевоплощение Ухода, в этом смысле сильно отличается от прежних, происходивших в предыдущих жизнях. Не только потому, что оно последнее, но еще и потому, что вызываемые им эволюционные мутации совершенно необратимы. Я уже не совсем в этом мире. Благодаря перевоплощению отныне я, путешествуя по заснеженной дороге

по направлению к городу Монреалю, одновременно приближаюсь к Кольцу Астероидов.

Благодаря перевоплощению я смог передать эти свойства и телу малышки.

Благодаря перевоплощению в мое исходное состояние я смог сделать все это: спасти малышку из горящей башни, потом вывезти ее сюда, в Канаду, на место встречи.

Уже очень давно для нас не существует никаких сомнений.

Мы улетим.

Вместе.

Меняя мотели зимнего Квебека, я не раз объяснял ей механизм действия системы портативного эмбриогенеза.

Я объяснил ей, что располагаю процессором скоростной гиперсветовой телетранспортации, встроенным в мое новое тело. Я рассказал ей в общих чертах обо всей процедуре. Первого июня в Фермоне я получу последний сигнал. Мне назовут дату и точные координаты проведения телетранспортации. Ракета-челнок прибудет на место встречи. Она будет играть роль световой антенны для наших тел, перемещающихся к Материнскому Кораблю.

Мы улетим как раз перед началом лета, перед третьей годовщиной взрывов.

Мы улетим как раз в тот момент, когда этот мир начнет действительно расщепляться на атомы.

Мой план обрел форму.

Мой план требует самой высокой степени риска.

Мой план – победа над смертью.

Более того, мой план состоит в том, чтобы использовать смерть в своих интересах. Заставить ее действовать против себя самой.

Смерть на этой Земле обязательно имеет лицо мужчины.

В некий подходящий момент она появится. В некий момент появятся мужчины, и это будет подходящий момент.

В некий момент они начнут действовать, как обычно, – не ведая, что творят. Это и станет идеальным моментом.

13. Карта и местность

В Монреале я выбрал «Хаятт Редженси», большой отель международной сети в самом центре города, который гарантирует анонимность.

Одновременно с этим я оставляю след, который подтвердит то, что я говорил американскому таможеннику. Настоящий след. То есть мнимый.

Мы остаемся в отеле на сорок восемь часов – на промежуток времени, предусмотренный сценарием.

Я взял большую сумму наличными в нескольких банках города, а потом поехал по северному берегу Святого Лаврентия, по сто тридцать восьмой дороге, ведущей в Квебек. С этого мгновения я следовал в направлении, противоположном тому, которое сознательно указал.

С этого мгновения я переходил на нелегальное положение, вступал в мир постоянной фальсификации, вступал в мир, находящийся на ярком свету и от этого лишь более подпольный.

Ехать по трансканадскому шоссе было бы быстрее, но мне совершенно не нужна скорость.

Мне опять нужна дорога, тающая в небе, являющаяся протетическим расширением земли. Мне нужны белые пейзажи, словно вырезанные ортоскопическим объективом, мне все еще немного нужна Красота как земное эхо Благодати.

В Квебеке я начал с «Хилтона». Я легко убедил парня за стойкой в том, что мои карты случайно размагнитились, но, к счастью, я могу заплатить наличными. У меня нашлись американские доллары, максимально разрешенная сумма, которую я заготовил как раз перед пересечением границы.

Американские доллары. Даже в Канаде они остаются международным сезамом. Они ценятся в любых условиях, на любых широтах. Я подумал, что составлю серьезную конкуренцию туристам из Бостона или Майами.

Выехав из Квебека, мы остаемся в его окрестностях. Я устроил для Люси экскурсию в резервацию гуронов в Лоретвилле. Мы сразу же находим убежище в одном из расположенных неподалеку мотелей. Американские доллары еще раз выручают нас. Здесь даже более, чем где бы то ни было.

Мы продолжаем ехать. Оставив Квебек позади себя, я переправляюсь на остров Орлеан, мы выбираем гостиницу с просторным номером. Я сбиваю цену за три полных недели. С помощью американских долларов и мертвого сезона я добиваюсь своего, произнеся буквально пару слов.

Остров находится в самой середине Святого Лаврентия, он служит промежуточным звеном между двумя берегами реки, чья ширина здесь становится впечатляющей.

Когда мы уедем, в конце месяца, то продолжим движение на юг.

Мы будем менять один берег на другой до Тадуссака, потом до Бэ-Комо, пользуясь попутными мостами или переправляясь на паромах, ежедневно совершающих рейды между берегами.

Потом нам останется лишь следовать по дороге номер триста восемьдесят девять к северу.

Я – карта. Я – нарисованная местность. Я – комплекс данных, путешествующий в ярком свете этого столь ясного, столь голубого дня, в воздухе, бесконечно напоенном золотом, с дрожащими при каждом преломлении бесчисленными лучами. Я – деревья, я – лобовое стекло, металлические пилоны, движущаяся водная поверхность. Я нахожусь посередине реки, я – середина реки.

Я – река.

Я теку, у меня нет точного местоположения, но мое присутствие неизменно.

Я уже не здесь, но при этом я пребуду здесь вечно.

Такова была цель моей жертвы в башне. Перевоплощаясь там, в тех экстремальных условиях, я подписывал кровью тайное соглашение с этим миром, точнее, с тем, что будет в этом мире разрушено.

То есть с Красотой.

С Красотой и Благодатью.

Они уничтожат все. Они осквернят все святыни. Они умножат мерзости, которые эта планета, немало повидавшая на своем веку, еще не видела.

Начнут они, как всегда, видимо, с самих себя.

Они будут пожирать друг друга, беспрерывно возрождаясь в этой аутофагии[29].

Прежде всего, они истребят самых лучших своих товарищей. Людей редких Немногочисленных. Одиноких Меньшинство из меньшинства. Потом адский круг расширится. Целые народы будут уничтожены. Нации будут стерты с карты. Города исчезнут в столбах огня и дыма, как миллионы объединившихся Всемирных торговых центров. Целые регионы планеты будут разорены, но и оставшимся пощады не будет.

Будут задействованы все технические средства. От оружия неолита до последнего арсенала новейших военных лабораторий.

Все, что можно придумать, будет придумано. Все, что можно создать, будет испробовано.

И проделано все это будет под знаменем Мира.

Красота будет стерта в порошок.
Благодать будет повсеместно преследоваться.
Да, действительно, пора уходить.

После двух спокойных недель мы покинули гостиницу на острове Орлеан. Квебекская зима подходит к концу. Я еду по трансканадской дороге, добираюсь до Труа-Ривьер, решаю продвинуться до Ривьер-дю-Лю, чтобы остаться там на некоторое время, а потом на железнодорожном пароме перебраться на северный берег.

Я – карта.

Пейзажи этих краев не кажутся мне незнакомыми, хотя моя нога ступает сюда впервые за тысячу лет моего существования на земле.

Не только я знаю здешнюю природу. Можно подумать, что она тоже меня узнает. Она словно разговаривает со мной, и я могу ей ответить, хотя все это происходит в абсолютном молчании.

Молчание Чисел, молчание надписей, молчание тела, хранящего тайну.

Если она говорит со мной, это значит, что ей нужно мне что-то сказать.

Ей нужно сказать мне: продолжай движение, останавливайся лишь на ночь, мчись без передышки, не теряй скорости, растворяйся во мне. Ты – карта, я – природа, я – Америка, ты – последний *alien*[30]. Вдвоем мы являемся настоящим, сверхживым организмом.

Месяц бога Марса возвращается, чтобы придать красный оттенок земле людей, чья кровь непрерывно струится в жилах с тех пор, как я пришел наблюдать за ними. Месяц бога Марса сопровождает начало периода нашего бродяжничества по Квебеку и некоторым районам Нового Брюнсуика.

Мы едем. Мы – карта. Мы едем, разговаривая с природой, которая нам отвечает, делясь с нами всей своей еще принадлежащей ей Красотой.

А Красоты у нее еще предостаточно, и мы любуемся ею.

Мы проехали Гаспезию, север, побережье до окрестностей Шедиака, юго-восток, залив Фанди до Нового Брюнсуика, мы мчались без остановки, от мотеля до мотеля. Мы прошли по оконечности Канадского Щита. И не оставили там никаких следов. Мы ехали, оставаясь невидимыми.

Месяц бога Марса только что закончился. Весна немного запаздывает, но лед на Святом Лаврентии уже действительно

тронулся. При потеплении на одну или две сотых градуса лед, чей серый перламутр сверкает под неизвестно откуда льющимся светом, лед, победить который в разгар зимы могли лишь особые корабли, лед, казавшийся непробиваемой броней, раскололся на множество дрейфующих льдин, на маленькие плавучие айсберги, похожие на обледеневшие спасательные круги.

Начинается утро. Мы ждем отправления железнодорожного парома на Тадуссак, сидя в машине. Наше радио передает местную рок-волну.

Мы дремлем.

Погода серая, угрюмая. Темные воды реки теряются в сером горизонте и смешиваются с серым небом.

Начинается мелкий моросящий дождь. Это какая-то тончайшая изморось, покрывающая все наледью. С течением дней она превратится в череду ливней, температура воздуха немного потеплеет. Я думаю, что погода для такого дня стоит идеальная. Весна уже пришла, просто она, как и мы, остается невидимой. Она изменила свою внешность, стала серой, иголкой в куче иголок.

Я являюсь здесь не только картой местности, но и метеорологической службой времени года.

Весна тоже, кажется, хочет превратиться в нашего союзника.

Она сможет уподобиться нам, а мы сможем уподобиться ей.

Мы научимся разговаривать с ней, а она научится нам отвечать.

С каждым днем я все лучше и лучше понимаю особенности бродяжнического образа жизни, приключений, охоты, в которой ты или жертва, или хищник. Поскольку отныне, при помощи новых союзников, я доведу свой план до благополучного завершения. Мой бродяжнический план. Из дичи я скоро превращусь в охотника. И я стану не просто охотником, я стану охотником, принявшим облик дичи.

Самую страшную ловушку расставляет тот, кто, не довольствуясь своей безобидной внешностью, изображает намеченную жертву.

Все ваши возможности таятся в самой дикой природе. В ней прячется цивилизация, она ждет, пока кто-нибудь откроет к ней путь и извлечет ее на свет.

Цивилизация гораздо более дика, чем природа, она и есть ее активный, сжатый, сокровенный принцип.

Оттенки облаков в небе становятся практически читаемыми знаками, снабженными смыслом не только структурированным, но и структурирующим. Земля отвечает на сияние звезд музыкой, не слышимой, не воспринимаемой ни одним из ваших органов

чувств, но вдруг наполняющей вас ощущением ее присутствия. Луна пишет свои послания волнами света по глади рек, озер, океана. Высокая атмосфера пронизана лучами, чьи источники находятся на двух земных магнитных полюсах, то есть в металлическом сердце планеты.

Красота мира способна с вами говорить, она обладает голосом, она может изречь слово.

Мир кажется немым лишь тем, кто не слышит эту частоту звука.

Я совершенно искренне считаю, что их нужно пожалеть.

Они умирают, еще не начав жить.

И иногда живут недостаточно долго, чтобы отдать себе в этом отчет.

Мы же находимся под защитой Земли и Неба. Земли, от которой мы улетаем, но которая остается с нами связанной. Неба, к которому мы летим и которое не может принадлежать никому. Мы не умерли, не начав жить. Мы умеем находить Красоту, спрятанную, словно тайная развязка всего, в глубине природы.

Мы не умрем слишком молодыми от того, что не смогли прочесть знаки. Мы не только сумеем убежать от людей в темных костюмах, но и заманим их туда, куда я решил их заманить. Мы сумеем заманить их ко мне.

В ловушку.

Ночь. Поздно. Я не сплю. Я созерцаю темно-синюю воду, погруженную в сумрак, из комнаты в пансионе «Гоеланд» в Тадуссаке. Окно накладывает мое отражение на ночь и реку. Человек в стекле кажется более реальным, чем я сам. Он больше подходит моей жизни, протекающей между двумя мирами, на поверхности, отражающей темный плотный параллелепипед комнаты и пропускающей неясное изображение внешнего мира.

Моя дочь крепко спит. Я отрываю взгляд от вод реки и погружаюсь в созерцание Люси.

Мне доводилось плакать во время моих человеческих жизней. Иногда я давал выплеснуться печали, которой за тысячелетие, прожитое на Земле, на мою долю досталось сполна.

Я плакал по угасшей любви, по умершим женщинам, по женщинам, которые бросали меня ради другого, по женщинам, которых я бросал ради других, по моим убитым друзьям, после участия в великих бойнях, из-за войн, проигранных по трусости, из-за войн, выигранных в результате предательства. Я даже плакал о детях, приносимых в жертву ненасытным богам.

Но никогда я не чувствовал подобного внутреннего взрыва.

Если я – карта, то она – местность, отпечатавшаяся во мне.

Слезы не желают выходить из меня через глаза, они словно хотят залить меня изнутри своим соленым водопадом. Они хотят влиться в меня, как огонь. Как жидкий огонь.

Я смотрю на свою дочь, и мои глаза блестят от невыплаканных слез.

Это не печаль, вот почему это не выплескивается. Это идет не от меня в мир, это идет в обратном направлении.

Я смотрю, как спит моя дочь, и мои слезы без ее ведома мешаются с ее снами.

Мои слезы не обозначают никакой печали, они как будто являются пределом, за которым начинается невыразимое ликование, слишком очевидно нечеловеческое.

Я плачу не от радости.

Счастье может сделать вас веселым или грустным, как получится.

Любовь всегда сумеет оставить следы от раскаленного железа обоих смешанных чувств в глубине вашего разума, вашей души, вашего тела.

Это моя дочь, она спит. Ночь опустилась на Святого Лаврентия. Начался апрель.

Мы одни.

Одни против остального человечества.

Одни против того, что от него осталось.

Мы одни, но при этом мы не одиноки так, как одиноко это человечество.

И снова дорога. Под бледным солнцем искрится ледоход на Святом Лаврентии. Льдины скользят, словно медленные белоснежные радикалы. Они сопровождают нас по направлению к устью. Мы едем по северному берегу, мы минуем Эскумины. Мы оба знаем, что приближаемся к цели, мы оба знаем, что теперь мы движемся к месту встречи, мы оба знаем, что отступление уже невозможно. Мы покинули пансион «Гоеланд», где американские деньги и несколько местных долларов подарили владелице счастье.

Сегодня ночью, перед своим отраженным в стекле фантомом, я принял решение.

Карты сложились у меня в голове, словно игра, словно wargame, словно ловушка.

Я поеду по северному берегу мимо Бэ-Комо, Сет-Иль, Авр-Сен-Пьер и остановлюсь в Наташкане.

Я остановлюсь. Потому что там кончается дорога номер сто тридцать восемь.

В этом районе Канады нет путей сообщения, даже

второстепенных. Вы найдете лесные дорожки, туристские тропы, обрывающиеся участки тропинок или вовсе ничего не найдете. Единственный эффективный вид транспорта – флотилия паромов, которые периодически пересекают пролив Бель-Иль между Терр-Нёв и континентом, а потом отправляются к восточному берегу или уплывают на Святой Лаврентий. Вот здесь мы и растворимся в гористой природе, с каждым днем все больше становясь иголками в куче иголок. Здесь распахнутся челюсти ловушки. На самом деле, существует не так уж много вариантов доехать до Фермона, честно говоря, их всего два: первый – двигаться по северному берегу в направлении Тет-а-ля-Балейн в поисках прибрежного порта, где мы найдем паром, который отвезет нас в Ред Бэ, потом следовать по пятьсот десятому шоссе до Карт-райт, где мы снова воспользуемся переправой и достигнем пятидесятой дороги, у оконечности озера Мелвилл, в Норт Уэст Ривер, потом добраться до Гуз Бэ, после которой мы сможем наконец пересечь Лабрадор с востока на запад, попасть в Черчилл Фолс и Уобуш, а сразу за этим преодолеть границу Прованса и оказаться в Фермоне.

Это, откровенно говоря, не решение. Это не может даже быть названо проблемой.

Это целая страна.

А значит, остается только второй путь. После нескольких недель блужданий по внутренним, практически недоступным территориям мы, две иголки в куче иголок, два камешка, затерявшиеся в горах, две капли воды в океане, повернем назад к Бэ-Комо, поедем по триста восемьдесят девятой дороге и поднимемся к Фермону по границе двух провинций, но через Квебек.

Одна дорога. Одно направление. Одно решение.

Это хорошая ловушка.

Поэтому я намеренно оставил след, заправляясь на «Ультрамаре» в Тадуссаке. Я заплатил картой «Виза», последней из оставшихся у меня. Им будет трудно найти очевидцев нашего пребывания там, но они получат компьютерные данные. Сегодня человечество гораздо больше доверяет ряду цифр, чем состоящему из триллионов живых клеток организму.

И быть может, оно не так уж и неправо.

Но чтобы быть правым, этого тоже не вполне достаточно.

Поскольку благодаря этому следу, этим нескольким цифрам, этому сознательно, словно белый камешек, оставленному за собой коду, я дам им понять, насколько они ошибаются, ища меня там, на западе, в Абитиби. А главное, они тут же угодят в ловушку, спрятанную в ловушке, бросившись к дороге, на

которую указывают панели с сигнализационными приборами, местонахождение заправочной станции и логика.

Ибо логика – это я.

Ибо местность, заправочные станции, дороги, дорожные указатели – это я.

Ибо даже этот мир, который я скоро покину, – это я.

Даже они некоторым образом – это я.

Поэтому я – ловушка, которая навсегда останется невидимой для них.

Посмотрите на меня внимательно: я – призрак, блуждающий между двумя мирами, я – призрак, скользящий по поверхности живого и неживого. Я поглаживаю человечество легкой рукой по ледяному эпидермису, но при этом создаю бездны на каждом пункте моего следования. Я – шпион. Я – человек, пришедший от абсолютного нуля и к нему же уходящий. Я – человек с Нулевой Отметки. Принадлежащий Земле в момент ее исчезновения.

Я – призрак с маленькой дочкой, пережившей охваченную огнем башню.

Вы не можете меня видеть, конечно. Потому что я вас вижу, потому что я за вами наблюдаю, потому что я за вами шпионю вот уже больше тысячи лет.

Передаваемый по радио хит «Personal Jesus» группы «Depeche Mode» заполняет салон машины механической пульсацией. Со времени отъезда из Тадуссака ни она, ни я не произнесли ни слова. Музыка удивительно гармонирует с пейзажем за окном, с этой минутой, с небесами, захватившими своим распахнутым пространством широкоэкранное лобовое стекло. Какая бы частота ни звучала, тайное и одновременно светлое согласие вот уже миллионы лет объединяет движущиеся существа с окружающей природой.

Наше молчание не таит в себе ни грусти, ни дурного настроения. Это нечто вроде благожелательного равнодушия по отношению к событиям в мире, нечто вроде безмолвного ухода в созерцательный образ жизни. Безмятежность, способная появиться лишь из беспокойства, умирающего под собственной тяжестью. Мы можем поздравить взрывы с тем, что они нас объединили. Мы можем поздравить человечество с тем, что оно побудило нас покинуть его таким способом. Мы можем поблагодарить людей в темных костюмах за то, что они вынудили нас бежать от них, то есть от этого мира.

Северное небо над нами скоро запылает раскаленными углями сумерек. Я хорошо ехал. Остановок было мало, и все они были запланированы. Мы переночуем в первом же мотеле,

который встретится после наступления темноты. Утром я заплачу наличными, и мы снова отправимся в дорогу. Мы станем дорогой.

Вскоре мы совершенно затеряемся в недрах тайной цивилизации, которую скрывает в себе любая дикая природа.

С завтрашнего дня мы действительно перейдем к бродячему образу жизни.

С завтрашнего дня мы не будем проводить больше двух ночей в одном и том же месте.

С завтрашнего дня мы будем лишь появляться и исчезать, словно блуждающий огонек на карте мира. Мы сделаемся неотъемлемой частью пейзажа.

Чем ближе мы подойдем к будущему, тем ближе станет нам дикое состояние. Чем ближе мы подойдем к небу, тем ближе станет нам мир.

Мы оба очень остро это осознаем.

Мы знаем, что бегство из шаровидной тюрьмы – преступление. Мы нарушаем не только закон, но и запрет.

Они, конечно, попытаются нас поймать. Они, быть может, попробуют нас уничтожить тем или иным способом. Быть может, они захотят стереть все следы нашего пребывания на этой планете?

Фальсификаторы сделают эту работу вместо них – вот единственное мое утешение по этому поводу. И сделают это гораздо качественнее.

Итак, им будет достаточно нажать на спусковой крючок огнестрельного оружия.

Да.

Они часто так делают, когда не знают, что еще можно сделать.

Я знаю, что в этом отношении я могу им абсолютно доверять.

14. Under the northern skies [31]

Лабрадор – это строго три цвета: белый, синий, зеленый. Очертания гор тут от края до края покрыты елями, а добрую половину года и снегом. На этот кусок планеты словно обрушилось небо: берег океана, устья, озера, реки, одновременно широкие и быстрые, кажутся упавшими на Землю осколками небосвода. Встречающиеся камни, в зависимости от положения солнца, выглядят то бледно-бежевыми, почти белыми, перламутровыми, ледяными, то серо-голубыми, словно сланец, то желтыми, чуть зеленоватыми, как охра. Белый, синий, зеленый. Словно эмблема, словно знамя. Это, несомненно, цвета национального флага Лабрадора.

Здесь карта и местность совершенно естественно совпадают, они являются эманациями[32] друг друга, точно так же, как я представляю собой эманацию Материнского Корабля, а он – мой протез.

«Додж-караван» – не внедорожник, и он тяжело нагружен. Моя маневренность из-за этого ограничена. Я с трудом еду по каким-то тропинкам, по едва проходимым дорожкам, порой еще покрытым толстым слоем наледи. Мне часто приходится поворачивать обратно из-за невозможности двигаться вперед.

Мы разбиваем лагерь на берегу рек, на горных перевалах, в чаще леса. В действительности я просто довольствуюсь тем, что описываю более или менее концентрические круги вокруг города Наташкан. Иногда я немного отъезжаю в направлении Кагаски или де ля Ромен, даже по побережью я не могу продвинуться дальше.

Я избегаю редких, уже открытых кемпингов. Сейчас мертвый сезон, и американский таможенник записал, что у нас есть палатка, разборный тент, разнообразные приспособления и оборудование для жизни на природе. А если американский таможенник их видел, то люди в темных костюмах могут узнать от него об этом.

Следовательно, я также избегаю адресов, отмеченных в туристическом гиде Квебека, и всех, за редким исключением, пунктов, до которых легко добраться.

Я хочу, чтобы они преследовали меня.

Но не нашли.

Пока не нашли.

Вот и все, отныне мы находимся под небом Севера, рядом с точкой встречи. Мы на севере неба, там, где мы покинем нашу земную оболочку.

Однажды, быть может, кто-нибудь расскажет эту историю про двух ангелов, один из которых упал с космического корабля, а другой – со взорванной башни.

Однажды, быть может, кто-нибудь сумеет рассказать, что же на самом деле произошло между человеком, который не был человеком, и маленькой девочкой, которая уже перестала быть маленькой девочкой.

Однажды, быть может, нас простят.

Однажды, быть может, нас даже смогут забыть?

Быть может, нам удастся убежать, и никто ничего не узнает об этом, даже эти люди, которые нас преследуют. Быть может, в конце концов получится так, словно нас никогда здесь и не было?

Итак, на границе двух провинций медленно проходят апрельские дни. Практически каждый день я ставлю и складываю палатку, перемещаю машину на тридцать или сорок километров в другую сторону и начинаю все заново. Мы живем, повинуясь течению времени и погоде. Всем телом мы чувствуем незаметное потепление, которое с каждым днем поднимает температуру воздуха на долю градуса по Цельсию. Мы живем вместе с весной, которая рождается нашим товарищем, нашим охранником, нашим лазутчиком.

Когда наступает конец месяца, я принимаю твердое решение.

Я подозреваю, что недели примерно четыре назад люди из американского правительства, скорее всего, обнаружили, что я пользовался кредитной картой в Тадуссаке. Они уже, наверное, там. Они, должно быть, патрулируют весь район. Скоро они доберутся до Наташкана.

Скоро они прибудут в Фермон.

Скоро они окажутся в опасной близости ко мне.

Опасной для них.

Я, как и собирался, поехал из Бэ-Комо по триста восемьдесят девятой дороге. Я несколько лихорадочно поглядывал то влево, то вправо, то в зеркальце заднего вида, то просто по сторонам, ожидая увидеть их на трассе, на парковке, у края тротуара, на лесной тропинке.

Их либо нигде не было, либо они очень здорово прятались, так же хорошо, как мы. Так же хорошо, как иголки в куче иголок.

Я не должен был ни на секунду забывать о том, что речь шла о профессионалах.

Я не должен был ни на секунду забывать об этом, поскольку я тоже профессионал.

Я помчался по триста восемьдесят девятой на *крейсерской скорости,* чуть меньше максимально дозволенной. Ошибка

невозможна ни при каких условиях, все очень просто. Достаточно стать большей машиной, чем сами машины. На дорогу до Фермона я потрачу несколько дней, чтобы проверить надежность разработанной операции и обнаружить черные внедорожники и людей в костюмах за тонированными стеклами. В моей голове уже готовы все возможные защитные маневры, запасные маршруты, обходные пути.

Затем мне предстоит проверка местности. Ее ввод в картографическое запоминающее устройство.

Ну и, наконец, мой дальнейший план – поехать в Лабрадор, через Уобуш, и ждать там последних инструкций.

Я буду держать официальных охотничьих собак на расстоянии. Но я дам им возможность считать, что они меня окончательно выследили.

Что в некоторой степени соответствует истине.

Думая о том, что это означает в действительности, я испытываю даже какое-то несколько ироническое сострадание к ним.

Утром первого июня, как и предполагалось, мы приезжаем в Фермон. Я решаю спокойно пересечь весь город из конца в конец, чтобы мысленно закартографировать его, согласно своему обыкновению. Я никогда не забываю о том, что я – карта, декодирующая-запоминающая машина, постепенно расширяя круги вокруг населенного пункта. Я хочу знать все об этом маленьком кусочке Канадского щита, об этой крошечной части планеты, которую мы скоро покинем. А хочу я все знать об этой крохотной доле земного шара потому, что именно здесь назначено место последней встречи. Место встречи для последнего побега к звездам.

Конечно, все произойдет не в центре города. Моя проверка местности полностью посвящена обнаружению или необнаружению людей в темных костюмчиках.

А место встречи наверняка будет расположено где-нибудь в окрестностях города, в глуши дикой природы.

Окрестности города в такой стране, как Канада, могут находиться на расстоянии и в сто, и в двести, а то и больше километров. Я должен быть готовым к любому повороту событий, включая необходимость уехать в самую глубь Лабрадора. Поэтому я и колесил целыми днями по окрестностям города.

Все было возможно, поскольку все было предусмотрено. Спланировано до микросекунды искусственным мозгом Материнского Корабля.

Таким образом, могло произойти все что угодно.

В частности, чудо, дивное диво, свет, спускающийся с небес, чтобы забрать нас с собой.

Вечером пятого июня я решил пересечь границу провинции и найти мотель на дороге за Уобушем, где-нибудь на берегу реки Черчилл.

Завтра, шестого июня, наступит ее день рождения. Я хотел, чтобы в этот необыкновенный день мы, как никогда, стали иголками, погруженными в мир иголок.

Это будет ее последний день рождения на Земле. Я видел по ее глазам, что она прекрасно это осознавала. Это будет последний день рождения маленькой девочки, последний день рождения земного человека.

Мы отпразднуем его в сердце этой земли, которую скоро навсегда покинем.

Мы не знали, что небо станет участником праздника.

Началось все с волны. С электронов. Воздух кажется пресыщенным ими. Я чувствую, как луч странного магнитного поля беспрестанно пронизывает меня так, словно является неотъемлемой частью моего собственного тела.

Еще до того, как феномен стал видимым, я в ожидании поднял глаза к небу.

Люси следит за направлением моего взгляда, который устремлен вверх, в зенит, куда-то туда, где находятся мириады созвездий.

– Уже? – спрашивает она тихо.

Я улыбаюсь ей.

Нет. Это еще не час света, который спустится с неба, чтобы забрать нас с собой.

Это час, когда небо преисполнилось света, чтобы отдать его нам весь сразу, в последний раз.

Красота, дар Благодати, посетила нас, чтобы пожелать нам удачи, одарить нас своими чудесами.

Aurora borealis[33]. Магнитный свет, исходящий от Северного полюса, пронизывает арктическую стратосферу и разливается до границ земной орбиты в кинематографии облаков и красок, явно не принадлежащих этому миру.

Оно пришло объявить нам, что отъезд не за горами, что отныне оно нам ближе, чем любое другое место на земном шаре. Потому что *оно и есть* земной шар, оно происходит из земного шара, оно в него вписывается, оно в него возвращается.

Извержение электрически заряженных частиц. Мельчайшие брызги света прорываются сквозь небеса. Заливающим нас ливнем лучей.

Северное сияние – несколько особый случай в метеорологии.

Метеорологии электромагнетизма.

Здесь возможны любые формы. Любые оттенки цветов, такие, какие можно и даже нельзя вообразить.

Гигантскими венками лежащие друг на друге слои фосфоресцирующего сине-зеленого, золотоносного желтого, фиолетового, доходящего до ультра, то плавно, то резкими толчками меняют форму. В них сияют всеми цветами радуги миллиарды бирюзовых пластов. Кобальтовое цветение, возникающее в гуще ливня серебряного излучения, смешивается с вибрирующими тысячью оттенков ляпис-лазури осьминогами. Концентрические волны, словно вырезанные из самого чистого кварца, набегают, неся на себе флотилии оранжевых слоистых и розовых перистых облаков. Изумрудное свечение формирует широкие вертикальные спирали, накидывающие на небо шлейф, насыщенный электрическим золотом. Длинные борозды сверкающей пыли воздвигают колонны солнечного огня, а потом преломляются в пожары, пожирающие созвездия целиком. Из медных кованых стен бьют свинцовые источники, от них отделяются облака голубого титанового льда. Складки сапфира струятся на витые кольца из лунной бронзы, в центре которых пульсирует чернильная, темнее самой ночи, чернота.

Появляются монохромные конструкции, то странные белоснежные круглые витражи, то перламутровые решетки, то флуоресцентные стены, то бриллиантовые спирали.

Сияние трехмерно, его возвышенности, впадины, рельефы, углубления – все укрепляет вас в мысли, что некий реальный мир входит в столкновение с нашим миром.

Каждое изменение, каждое движение, каждое возникновение-исчезновение обозначают особое возмущение электромагнитного поля.

Северное сияние – это карта. Оно позволяет увидеть квантовую территорию Земли. Оно дает возможность наблюдать за Землей на небесном экране, увидеть небо в тот момент, когда Земля поднимается к нему.

Оно – тайна, спрятанная в сердце Земли и раскрываемая при помощи дара Красоты.

Оно – для нас.

Только для нас.

15. Контакт

Не позднее первого июня – на языке Материнского Корабля это значит, что сигнал может быть отправлен на несколько дней раньше этой даты или несколько дней спустя. Число представляет собой оптимальную временную точку, рассчитанную квантовым интеллектом. Оно обозначает момент, в который мы должны быть готовы воспринять сигнал. Это координаты, говорящие о том, когда мы будем синхронизированы с Материнским Кораблем.

Поскольку ничего не произошло до назначенной даты, следовательно, все случится после.

Это случилось прямо в день рождения Люси. Во время полдника, часа в четыре, я разбиваю походную палатку, аккуратную и чистую, достойную стать обрамлением этого необычного праздника. Поскольку наличные у меня подходят к концу, подарком для Люси стала просто кукла, изображающая американского индейца, купленная у местного кустаря, у обочины дороги. Но, в дополнение, я преподношу ей огромный праздничный торт, такой, как она любит, «Тирамису», раздобытый мной в Лабрадор Сити. Просто чудо, что я нашел там только что открывшуюся булочную. Мне даже досталось десять белых и розовых свечей *for free*[34].

Практически в тот момент, когда я режу торт на части, чтобы разложить их по маленьким картонным тарелочкам, я получаю сигнал.

Четкий. Световой. Несомненный.

Длинный ряд волн. Фотонный код. Гигабайты информации в микросекунду. Новейшая модификация, последняя фаза биологического возвращения к моей прежней природе, к моей *природной природе*. Произошла биофизическая вспышка, излучение пронизало меня буквально с головы до пят. Излучение – это мое новое-старое тело, дополненное, готовое наконец к уходу, окончательно заменившее человеческий метаболизм.

Я понимаю, что северное сияние предыдущей ночи являлось предвестником, светом инициации и предварительного подтверждения: Материнский Корабль знал, что оно произойдет, а может быть, и сам его устроил.

То, что я получаю, – это северное сияние, заливающее небосклон моего мозга.

Сигнал совершенно ясен.

Все случится завтра вечером, седьмого июня, около полуночи. Рядом с городом под названием Черчилл Фоллс, еще дальше в глубь Лабрадора, у пятисотой дороги.

Завтра.
Завтра ночью.
Завтра.
Завтра, через день.

* * *

Пятисотая дорога, направление – Черчилл Фоллс, солнце уже высоко. Ранним утром я спокойно собрался и уложил вещи в «додж». Под первыми лучами солнца мы проглотили наш последний завтрак на этой Земле и пустились в путь. У меня тут же появилось странное ощущение. Что-то отделялось от меня, и это был, конечно, я сам.

Я остановился на площадке для отдыха, у обочины трассы Транслабрадор, я снова начал делать записи в маршрутном журнале текущего года. Это самый беспорядочный годовой дневник из всех, что я вел. В свое время я находился в гуще самых кровавых схваток, участвовал в нескольких Крестовых походах, в Столетней войне, в итальянских кампаниях короля Франциска Первого, в религиозных войнах, в Тридцатилетней войне, в корсарской войне между Англией, Францией и Испанией, в наполеоновских кампаниях, и это не говоря уже о новейших временах. И в течение всей этой бойни, которую я пережил рядом с людьми, наблюдая, как они умирают, как они убивают, у меня как-то получалось подчинить себя железной дисциплине в отношении создания моих книг.

Но с тех пор, как благодаря самолету и пылающей башне в мою жизнь вошла Люси Скайбридж, связность моего долгого тысячелетнего рассказа постепенно нарушилась.

В последние месяцы, в общем и целом, появилось всего лишь несколько параграфов, отрывочных фраз, афоризмов, слов, обретающих смысл лишь благодаря образующим их звукам, являющимся не только силлабической реальностью, но и волнами, заставляющими вибрировать струны инструментов, голоса, другие звуки, другие слова, стоящие рядом с четким глаголом. Поэзия?

Да почему бы и нет, в конце концов?

Я понимаю, что писать – это значит не имитировать позитивную реальность мира, а прорывать ее *другой* позитивностью, которую мир, вероятно, назовет негативностью, не понимая, что речь идет о квантовом скачке, скачке в магнитные реки и северное сияние.

В этом смысл слов, которые *заклинают*, которые будят во мне

чей-то чужой голос.

В этом смысл *Aurora borealis*.

Оно было песнью Земли, но музыка его наэлектризовалась в Небе.

По радио передают мелодии кантри, канадскую поп-музыку, техасский блюз. Америка расчленена, каждая точка ее территории заключает в себе всю информацию карты. Территория – это природные явления, это движение волн, *в Америке сама природа – бродяга*.

Солнце за деревьями стало совсем желтым, небо сияет монохромной акриловой лазурью.

Вперед, пора опять пускаться в путь.

Или скорее пора опять отдаться во власть дороги.

Заправочная станция «Ирвинг» стоит в изоляции у обочины дороги, пересекающей густой сосновый лес. На сотни метров вперед не видно ничего, кроме нее. Сооружения из хрома и пластика сверкают, словно метеориты, только что упавшие среди деревьев.

Это целый город. Четыре бензоколонки, бакалейный магазинчик, прилавок с журналами, туалет, мастерская, алюминиевый гараж. В отдалении, у границы парковки, примыкающей к заправочной станции, даже стоит жилой домик.

Здесь должно быть три-четыре обитателя, включая старого индейца, заправившего мне машину, а потом тщательно пересчитавшего мои последние американские доллары.

Сегодня от места старта мы отъехали едва на сотню километров. Это треть маршрута. Я еду спокойно, позволяя себе чисто созерцательные остановки там, где пейзаж дает нам возможность послушать Песнь Земли и Неба, там, где из колючего терновника или из кленового массива возникает Красота. Я еще раз остановился на обочине пятисотой дороги, чтобы продолжить свои записи. Меня ничто не заставляет останавливаться, но и ничто не заставляет не останавливаться.

Я больше не беглец, я не собирающийся уходить *alien*, я не гонимый, я больше не дичь и не охотник. Я уже вне этого мира, отныне мной движут лишь силы инерции и гравитации звезд, я больше совершенно не сопротивляюсь, я уже *убежал*. Что могли бы они сделать теперь, даже если бы вдруг нашли нас?

Что могли бы они противопоставить способностям моего метамозга, вернувшего себе всю силу? Что могли бы они сделать с Материнским Кораблем? Что могли бы они сделать со своим собственным будущим?

Через несколько минут после полудня мы были в ста

пятидесяти километрах от Лабрадор Сити. Я отметил, что мы проделали не больше половины пути до Черчилл Фоллс. Неспешность, казалось, сделалась нашей союзницей, она защищала нас от того, что люди в темных костюмах считают настоящим преследованием. Мы прибудем не только вовремя, мы прибудем синхронно. Обычная стратегия: ненадолго показаться в городе, затем покинуть городскую зону, отправиться прямо в горы.

Темнота упадет на нас тогда, когда мы затеряемся в высоком сосновом лесу. Мы растворимся в тайне Земли, мы растворимся в тайне ночи; тайны ночи и Земли растворятся друг в друге, растворив нас в себе.

И нам останется лишь ждать часа, назначенного Материнским Кораблем.

Нам останется лишь ждать света, который спустится с неба.

Нам останется лишь позволить забрать себя.

– А в вашем мире тоже есть террористы?

Странно. Скоро уже три года, как мы прячемся от людей и от их злодеяний, и только сегодня, в день Великого Ухода, она заводит разговор на эту тему.

Я издаю смешок, чисто рефлекторно:

– Нельзя так ставить вопрос, Люси.

– Да? А как тогда?

Я постепенно перестаю улыбаться:

– Наш мир и подобные «люди» совершенно не могут сосуществовать, это невозможно просто физически, если хочешь. Планетарные цивилизации либо выживают, становясь инструментом Благодати, либо уничтожают себя сами, более или менее быстро. Террористы не могут передвигаться со скоростью света. Ни скорость, ни свет не потерпят их. Они обречены ползать по земле в Аду, который они создают на своей собственной планете.

Малышка не ответила, но по тому, как расслабилось ее тело, я понял, что она испытывает не только облегчение, но и какое-то ясное, радостное, веселое понимание того, что разрушители башен и убийцы ее матери никогда не достигнут ничего прекрасного и вечного.

Я повернул к ней голову и одарил ее широкой улыбкой:

– Они останутся целоваться в горящем керосине. На долгие-долгие века. Надо, чтобы благотворительные неправительственные организации послали им чего-нибудь на черный день!

На этот раз мой смех взорвал тишину салона, как самолет-

самоубийца, вернувшийся к тем, кто его послал.

Черчилл Фоллс. Река. Пороги. Водопады. Движущаяся вода в свете нашего последнего дня на Земле.

Черчилл Фоллс. Конечный пункт. Последний населенный пункт. Последние часы. Не доехав около дюжины километров до черты города, я в последний раз заливаю полный бак. Наличных больше нет? Ну и пусть, теперь это не имеет никакого значения. Они могут в одну секунду расшифровать мой банковский код, но я все равно всегда буду на шаг опережать их. Они, конечно, хорошие спринтеры, но выиграть у меня в шахматы не сумеет никто. Никто из людей, во всяком случае.

Солнце начинает свой медленный спуск к горизонту, когда перед нашими глазами появляется город. Горизонт отныне – часы, а не географическая линия, он отлично олицетворяет собой американскую природу, бродягу по натуре.

Около часа мы болтаемся по городу, пытаясь как можно лучше раствориться в потоке машин.

Я хочу быть уверенным.

Я хочу знать, здесь ли черные внедорожники.

Я хочу знать, добрались ли сюда люди в темных костюмах.

Я хочу, чтобы они добрались.

И я знаю, что они здесь.

Именно здесь.

На другой заправочной станции «Ирвинг».

Я обнаружил их.

Они меня заметили.

Час пробил. Горизонт перед нами.

Все наконец сошлось.

16. Кинопроектор для черно-белых фильмов

Они заметили меня в тот миг, когда я их увидел. Мы обнаружили друг друга одновременно, в одну и ту же секунду. Волны двух радаров столкнулись.

В плане синхронности «контакт» произошел идеально.

В ту секунду, когда я проезжаю мимо заправочной станции, я отчетливо вижу машины и сидящих в них людей. Три больших «юкона» припаркованы один за другим у бензоколонки. Нет, уточнение: два черных «юкона» с номерными знаками штата Нью-Йорк и темно-синяя «экспедиция», Вашингтон, округ Колумбия. Способность отмечать такого рода детали в течение десятых долей секунды почти пугает меня. Как раз столько времени необходимо для того, чтобы убить человека.

Я инстинктивно оборачиваюсь: рядом с одной из бензоколонок человек, всунувший «пистолет» в бак, поднимает голову и смотрит на меня, не веря своим глазам. Это тип с Нулевой Отметки. Рядом с ним человек, похожий на молодого врача, он тоже меня увидел – и изумлен этому.

У меня есть несколько секунд.

Да, несколько секунд. Передо мной скоростное шоссе, ведущее к пятисотой дороге, а за пределами города – длинная череда зеленых огней, созвездие изумрудных точек, теряющихся вдали.

Я нажимаю на акселератор, безошибочно превышая скорость, допустимую в черте города.

В моей голове, в ритме вращения колес, движения клапанов, следующих друг за другом микровзрывов в камере внутреннего сгорания, вертится мысль. Эта мысль одновременно оригинальна и логична. Она подытоживает мое положение. Она синтезирует мою историю. Она может прояснить мое будущее.

Может быть, эти люди – не люди.

Но я не нарушил, по крайней мере официально, ни одного правила Миссии. Мое бегство вместе с Люси разрешено Материнским Кораблем, хоть он и не знает, что за этим кроется. Неужели он все понял, догадался о моих уловках, решил поймать меня в ловушку?

Контролеры?

Профессиональные убийцы Миссии, агенты, уничтожающие все гораздо более радикальным образом, чем те, кто должен фальсифицировать наши, следующие друг за другом жизни.

Контролеры? Здесь? Идут по нашему следу? До севера Канады?

Контролеры здесь, на заправочной станции в глуши Лабрадора?

Нет. Что-то тут не сходится. Это совершенно возможно, но исключительно в ограничительных рамках «возможного».

Они бы уже давно нашли нас. Они бы уже давно убили нас. Они бы уже давно уничтожили все следы нашего существования. Мы бы даже не увидели их. Им тоже не обязательно нас видеть. Им не обязательно преодолевать тысячи километров до Лабрадора. Нью-Йорк Сити показался бы им расположенным достаточно далеко. От них любое место находится достаточно далеко. Расстояние до Южного Манхэттена стало бы для них идеальным, минимальным, очень близким, поскольку каждая точка в этом мире, где бы она ни была, всегда оказывается в зоне их досягаемости.

Я бросаю взгляд в зеркало заднего вида и успеваю заметить суматоху на заправочной станции. Нужно немедленно остановить заполнение баков, как можно быстрее заплатить или дать понять кассиру, на кого в действительности они работают, показать значки, предоставить некое подобие официального объяснения, завести машины, опять выехать на дорогу.

И найти преследуемую машину.

Достоинство моего «доджа-каравана» состоит в том, что это самая продаваемая машина в Канаде. Я выбрал серебристый цвет, один из самых популярных.

Несколько секунд? Скажем, тридцать, ну ладно, вдвое больше. Максимум за минуту я проскочу череду зеленых огней светофоров. Прошел час после окончания рабочего дня, движение еще плотное, но достаточно активное, чтобы позволить мне петлять между машинами то в поисках места между ними, то, напротив, ища грузовики или автобусы, за которыми можно временно укрыться от глаз наших преследователей. Затем, примерно за такое же количество секунд, я доберусь до места пересечения дороги и пятисотой автострады. Я знаю, что движение, именно на том участке и именно к тому моменту, станет более затрудненным, и это будет как раз то время и как раз то место, когда мы должны будем исчезнуть в потоке машин.

Я немного увеличиваю скорость, на перекрестке с большим проспектом замечаю светофор, только что загоревшийся желтым светом, я не обращаю на него внимания и прибавляю газ. Все системы находятся в положении «ВКЛ». Сзади, за нами, три больших внедорожника, если только они не располагают мигалками, в чем я сомневаюсь, будут остановлены красным

светом. Они немедленно выпадут из ритма пульсации городской электроэнергии, которая пока как будто словно подчиняется сигналам моего мозга.

А может быть, действительно подчиняется?

Когда они тронутся с места и достигнут трассы Транслабрадор, их тоже поглотит движение, так же как, быть может, и меня, но отличить меня от других они уже не смогут.

Мы снова станем иголками в куче иголок.

17. Место столкновения

Я оторвался от них. Мне это удалось. В зеркале заднего вида нет ни черных, ни темно-синих внедорожников. Я знал о существовании и о точном местонахождении этой второстепенной дороги, уходящей от пятисотой автотрассы к северу и проходящей мимо колоссальной электростанции Форбей Дайк. Все предусмотрено, все спланировано, как день самолета, как день башни, как день моего последнего рождения.

Я очень быстро исчезаю из зоны видимости потока машин на трассе Транслабрадор, углубляясь в лесную чащу под густым растительным зонтом. Здесь все зеленое, от земли до верха крон. Зеленое и золотое. Нефрит и солнце.

Проехав около дюжины километров, мы меняем мир. Лес пропускает теперь лишь редкие, словно подвергшиеся беспощадному отбору, лучи. Блеск солнечного света профильтрован и еще раз профильтрован хлорофилловой химией, зеленое становится рыжим, коричневым, серым, черным. Лес – это земной авангард ночи. С покрытой гравием второстепенной дороги мы почти незаметно съехали на простую лесную тропинку, порой едва проходимую.

Я еду аккуратно. Не стоит подвергать себя риску какой-нибудь механической поломки на этой дорожке, то песчаной, то на некоторых участках, становящихся все более редкими и все более короткими по мере нашего углубления в лесную чащу, усыпанной мелким щебнем. Карта в моей голове остается совершенно четкой. Строго на север от Черчилл Фоллса, к большим западным водоемам Лабрадора, то есть к водохранилищу Смоллвуд и к реке Канерикток.

Туда, откуда Квебек черпает свой огромный гидроэлектрический потенциал.

Вода, земля, электричество, ночь. Я догадываюсь о том, что компоненты химической реакции гигантского масштаба уже собраны.

Остается лишь спокойно доехать до озер, до наступления ночи, до прихода света.

Мой мозг – это часы, это горизонт. Он совершенно точно знает, сколько времени нам остается до появления зонда перемещения на Материнский Корабль. Имеющаяся у меня информация и разнообразные подсчеты позволяют определить, что Материнский Корабль будет находиться на геостационарной орбите примерно в двенадцать часов десять минут и что примерно через четверть часа зонд перемещения появится, чтобы

принять нас.

Сейчас четыре с половиной часа пополудни.

Восемь часов. Даже чуть-чуть поменьше.

Восемь часов.

Треть дня.

Но это понятие уже не имеет никакого смысла.

Числа больше не привязаны ни к каким временным физическим опытам.

Отныне даже минута длится вечность.

Разница между автострадой и лесной тропинкой заключается в следующем: на автостраде, построенной на деньги правительства, другими словами – на ваши, скорость ограничена законодательным актом, и за выполнением этого закона следят особые агенты.

На лесной тропинке тоже есть «ограничения скорости», но установлены они не законодательством, и за соблюдением их следят не полицейские. А сама тропинка. Тропинка сама создает закон, более того, она сама и приводит его в действие.

Быть может, не помешало бы немного денег, чтобы поддержать ее в более-менее сносном состоянии, но она и самостоятельно неплохо заботится о себе, весь лес адаптировался к ее присутствию и теперь помогает ей в ее необычном существовании.

В пространстве, подобном лесу, тропинка ничего не перерезает, она – корень среди других корней.

В пространстве, подобном пустыне, даже очень маленькая тропинка перерезает все, поскольку между ней и горизонтом есть лишь она сама и геологическая форма небытия.

Наша тропинка лесная, она ничего не перерезает, она является неотъемлемой частью живущего здесь экологического организма.

Она совершенно подобна лесу, так же как язык и то, что он описывает, то есть то, самую точную структуру чего он воспроизводит.

Наша скорость, таким образом, ограничена бесконечностью корешков, стеблей, ветвей, цветов, переплетающихся между собой вокруг нас. Мы продвигаемся вперед даже медленнее, чем лесные звери. Мы – механические протезы растительной природы.

Мы – совсем не растительные существа.

Мы – минералы. Скалы. Мы – гора. Лес.

Мы – тропинка.

Мы – ночь.

Лесная дорога тянется почти сто пятьдесят километров. Я

сумел найти крейсерскую скорость, нечто среднее между сорока и пятьюдесятью километрами в час. Повышение скорости до семидесяти километров в час на посыпанных гравием, хорошо ухоженных и довольно длинных участках, замедленное движение в двадцать – двадцать пять километров в час на отрезках, испорченных непогодой, на крутых холмах с неровными вершинами, на усеянных камнями обочинах дороги. Я берегу своего коня. Я даю механическому протезу шанс стать продолжением растительного мира.

Пока солнце пожирает линию горизонта, мы едем вдоль водохранилища Смоллвуд. Золотые отражения дрожат в переплетениях самых нижних веток, окрашивают стволы оранжевым огнем, дают возможность заметить за поворотом дороги ручьи, мелькающие меж высоких папоротников в изменчивой полихромии, и выставку акварелей, появляющихся и немедленно исчезающих среди растительности и камней.

Нам остается еще час дневного света, чуть больше – до наступления абсолютной ночи.

Мы – не только ночь, мы ночь, предшествующая ночи.

Через десяток километров второстепенная дорога резко обрывается у реки Канерикток, у берега Сейл Лейк Дайк, слева от нас водохранилище Смоллвуд раскинуло из стороны в сторону свою ультрамариновую синеву, отражая покрытой рябью поверхностью последний свет дня.

Это будет здесь. Конец дороги.

В этом месте мы будем ждать света с небес.

Здесь ночь будет ждать ночь.

Пока все вокруг необыкновенно ярко сияет. Инфракрасный огонь заходящего солнца, преломляющийся в призме листвы деревьев и в пурпурно-фиолетовых водах водохранилища. Линия света, пунктиром освещающая горизонт за растительным занавесом. Ядерный синтез, обрамленный дикой архитектурой природы и растущий, подобно метастазам этой потенциальной цивилизации.

Красный мир затем окрашивается сине-зеленым фильтром. В конце концов все растворяется в бесконечности кардинальских вариаций: фиолетовые, пурпурные, сиреневые, гранатовые, алые, карминные цвета. Лес, воды водохранилища Смоллвуд, небо, обнаженная скала на берегу – каждая деталь помазана кровью всего человечества, каждая деталь находится именно на своем месте, каждая деталь является частью мира, каждая деталь есть мир.

В последний раз мы видим солнце на этой Земле.

В последний раз под этой необычной луной, под этим отрезком очень странного неба, мы увидим ночь этой планеты.

– Есть хочешь?

Она утвердительно кивнула головой.

– Очень?

Она кивнула еще три раза.

Я достаю из «доджа» кухонные принадлежности, походную газовую плитку, маленький пропановый обогреватель, две фосфорные лампы, два фонарика на батарейках, консервы, различные свертки, пакетики, фрукты, йогурты.

Я, конечно, не дипломированный повар, но я умею выжить в лесу с оборудованием для кемпинга.

Да и без него, кстати, тоже.

Ужин был готов к тому моменту, когда Вселенная окрасилась в серо-сине-голубоватый цвет с проблесками кобальта в небе, где появились первые звезды.

Он был закончен тогда, когда небо над нами сделалось черным. Только на западе, над водохранилищем, упорствовала волна света, волна сопротивления, покрывшая бледной лазурью несколько повисших над линией горизонта облаков.

Посуда вымыта в маленьком ручейке, текущем рядом с тропинкой. Все убрано обратно в «додж».

Все звезды Млечного Пути освещают небеса, окунувшиеся в абсолютную ночь.

Серп месяца медленно поднимается в зенит. Мы прячемся в машину.

Я знаю, что мы находимся под защитой ночи. Скоро зонд перемещения даст о себе знать. Он появится где-нибудь высоко в небе, я сразу включу сигнал биофотонного позиционирования, и он спустится к нам.

Потом мы улетим.

Как я и предусмотрел.

Как я и спланировал.

Я не беспокоюсь ни о ком: ни о людях, что преследуют нас в своих темных автомобилях, ни о тех, кто прибыл, чтобы принять нас на свой световой корабль, ни о себе, проделавшем сотни и сотни километров за эти последние дни. Ни о ком.

Кроме нее.

Кроме Люси Скайбридж.

Кроме моей дочери.

Мы уйдем, это совершенно точно.

Во всяком случае, я не позволяю себе в этом сомневаться, уйдет *она*.

Поскольку я это предвидел, я это спланировал, я это знаю.

Более того, я это *видел*.

* * *

– Я хочу, чтобы ты установила портативную систему прямо сейчас. До встречи остается меньше трех часов.

Десять часов вечера, контакт состоится примерно в половину первого, может быть, немного раньше.

Интеграция системы в организм девочки занимает некоторое время, она не рассчитана на ее телосложение. Мутации, которые я произвел в ней, и некоторая адаптация «машины» значительно облегчили процесс, но требуется еще около часа для того, чтобы киборг-симбиоз окончательно завершился.

Главное – не терять времени.

Люси накидывает на себя рюкзак, приводит в действие передачи так, как я ее учил. Через несколько минут после начала инициализации нанокомпоненты рюкзака начнут проходить сквозь эпидермис, потом проникнут во все ткани, интегрируются в особые мишени-клетки, изменят химический состав крови девочки, трансформируют нервную систему, модифицируют метаболические принципы.

Люси уже заканчивает процесс набора кодов – и вдруг поднимает на меня глаза.

Ее глаза черны, как ночь, они выражают вопрос, сияющий ярче, чем солнце.

– А вы? У нас ведь только одна система перемещения.

– Я знаю, не волнуйся насчет этого, это не важно. Я располагаю аварийным оборудованием. Все получится.

– Все получится?

Я неверно подобрал слова. Выражение «все получится» означает, что существует вероятность, пусть и ничтожная, что получится не все.

Сказать, что все получилось, можно только тогда, когда все получилось.

Люси Скайбридж знала уже очень много вещей, слишком много для девочки ее возраста.

Хотя о каком именно возрасте нужно говорить? О ее прежнем земном возрасте? О ее новом звездном?

В любом случае, она, несомненно, знала слишком много для того, чтобы оставаться дольше на этой планете.

И сама планета, несомненно, знала об этом.

Где-то через часик я проверил результаты вживления системы

перемещения в организм Люси. Наноприбор быстро подтвердил опасения, только что возникшие в моем мозгу.

– Этого я и боялся. Системам перемещения для нормального функционирования необходим свет. Звезды и луна поставляют его в минимальном количестве, этого недостаточно, особенно с учетом оставшегося нам времени. Я зажгу внутренние прожекторы. Отодвинь от себя рюкзак как можно дальше, переместись в сторону, если получится.

Биокапсула сияла белым галогенным огнем. Мы уже стали светом, который пришел за нами.

– Вы не очень много написали в этом году.

Я улыбнулся соответствующей обстоятельствам улыбкой. Это была правда. За два дня я набросал больше, чем за шесть месяцев.

– Учитывая предыдущие годы, я думаю, у меня есть все необходимое. Тысяча три года – не так уж и плохо.

Но в глубине души я знал, насколько лживы мои слова. Что-то неуловимое произошло с моей способностью писать после одиннадцатого сентября, после дня башни, после дня, в который я удочерил Люси.

Создание на бумаге книг для моей «автобиографической» библиотеки постепенно сменилось живым рассказом для библиотеки из крови и плоти.

Для библиотеки, убежавшей от пожара.

Для библиотеки, которую ничто человеческое уже не коснется.

Там, где ты окажешься, Люси, тебя коснется огонь звезд, думал я. Там, где ты окажешься, тебя коснется бесконечность.

Примерно в половине двенадцатого я снова проверяю, как проходит вживление киборг-системы между лопатками Люси.

Да, уже лучше, процесс движется гораздо быстрее, мы успеем. Ждать остается еще больше часа.

Час.

Шестьдесят минут.

Три тысячи шестьсот секунд.

Вспышка света.

Десятки вспышек света.

Вращающиеся голубые, оранжевые, порой красные огни.

Но не в небе.

Нет. На Земле. Они рассыпались за нашими спинами, в массе листвы, по лесу вокруг нас.

Вот он, момент.

Свет пришел.

Я открываю дверцу, схватив с заднего сиденья ружье «ремингтон».

Я выскакиваю из машины и вытаскиваю наружу девочку. Люси смотрит на меня, она все поняла в течение нескольких секунд. Она понимает все. Она знает все.

Она, маленькая девочка с девяносто первого этажа, маленькая девочка машины «башня-самолет-пожар», маленькая девочка со всеобщей Нулевой Отметки, моя дочь.

Я смотрю на нее, и мое лицо под светом звезд невольно искажается ледяной улыбкой.

Да, это оно и есть. Это они. Они пришли. Они нас нашли.

Мой план сработал так, как я предусмотрел.

Ловушка захлопнулась так, как я спланировал.

Все, что сейчас произойдет, я уже знаю. Я это видел.

В каком-то смысле я это написал.

18. Весь свет Неба и Земли

Они пришли. Их много. Они тут. Они вооружены.

Здесь три больших внедорожника, еще машины городского патруля, чьи вращающиеся фонари освещают дорожку, и юркие джипы лесничих, способные передвигаться по извилистым тропинкам, рассекающим лесные чащи.

Они тут. Они вооружены. Они – гарантия моей жизни.

Поскольку я тоже вооружен.

То есть они смогут воспользоваться своим оружием.

Ну… когда Люси исчезнет.

А она скоро исчезнет. По-настоящему. С поверхности этой планеты.

Мы присели у решетки радиатора «доджа».

– Это члены одной земной организации, которая хочет нас выследить. Мне о них кое-что рассказывали, но я не очень-то поверил.

– Чего они хотят?

– Они хотят помешать мне уйти из-за информации, которой я обладаю. А ты – уникальное явление: маленькая человеческая девочка, которая превратилась в пришельца и отправляется к звездам.

– Что мы будем делать?

Я подавляю вздох. Все должно пройти так, как проходит получение письма по почте. Она должна довериться мне, более того, она должна довериться себе самой, она должна действовать как маленькая девочка с девяносто первого этажа.

– Нам нужно расстаться. Ты побежишь на север, сквозь лес, до реки, потом повернешь на запад, двинешься вдоль водохранилища, там пространство более свободное, зонд легко найдет тебя. К тому времени вживление системы закончится.

– А вы?

– Я тебе уже говорил, Люси… Я располагаю специальным оборудованием. Я отвлеку их внимание на себя, чтобы ты смогла убежать. Ты должна довериться мне. Встретимся в зонде перемещения.

– Но…

Она посмотрела на ружье, на фигуры мужчин, которые медленно приближались к нам, на машины, на проблесковые маячки; она заметила форменную одежду и какой-то призрачный блеск огнестрельного оружия.

– Вы… вы будете в них стрелять?

– Только чтобы их обездвижить, – солгал я. – Чтобы ты смогла

убежать и они тебя не преследовали. Я не убью и не раню никого, уверяю тебя.

Лучше уверить, чем обещать. Ошибиться в суждении и нарушить данное слово – разные вещи.

– Но они тоже будут стрелять.

– Это не страшно, ты знаешь совершенство моего метаболизма.

Полный обман.

Необычайная сила – это то, что лучше всего прячет наличие силы еще большей.

– Я начну обратный отсчет с десяти. Когда я скажу «zero, go!»[35], ты побежишь через лес, туда, назад. Твоя сумка готова, я еще утром ее собрал, в ней лежат фонарики, батарейки, компас, вода, печенье, злаковые плитки, маленький бинокль, при помощи которого можно видеть в темноте.

Она посмотрела на меня черными глазами, полными огня убежденности:

– Вы знали? Вы все подготовили, так? Но почему?

– Не переживай, Люси. Ты улетишь к Материнскому Кораблю, я вскоре последую за тобой. Остальное не важно.

Две или три секунды тишины, ожидания, полной неподвижности. Звезды и те, наверное, разговорчивее. И подвижнее.

Мы – ночь. Ночь, предшествующая ночи.

Мы смотрим друг на друга. Она – моя дочь. Я – ее несуществующий отец. Она – уже не совсем человек. Я им никогда и не был.

Минута расставания, минута прощания, надеюсь, ненадолго, пусть мы и не знаем, насколько долго.

И тут рождается жест, совершенно не рассчитанный заранее, совершенно неожиданный, не сопровождаемый ни единым словом. Такое нельзя предвидеть, такое абсолютно невозможно запланировать. Этого, по определению, не отметишь ни в одной карте, это сметает в кучу все цифры. Это огонь, который ничего не освещает снаружи, но озаряет все у тебя внутри.

Поцелуй. Объятие. Я в последний раз держу ее в своих руках, мы покидаем пылающую башню, готовую обрушиться.

В этот вечер я прижимаю ее к сердцу в тот момент, когда мы собираемся покинуть эту Землю, все обитатели которой пытаются помешать нашему уходу. Кожа моей шеи снова чувствует соленую воду нескольких слезинок, словно вытекших из лунного озера.

Это моя дочь. Здесь мы с ней расстанемся. Мы соединимся через световые года.

– Теперь я начну считать… Готова?

Я не стал ждать ее ответа. Я спокойно, с размеренностью компьютера, отсчитал до рокового «GO». Она бросила на меня последний взгляд, полный черного огня и текучего льда. Потом бросилась бежать. Очень быстро.

Она понеслась как ракета. Я услышал крики людей, разбежавшихся по лесу вокруг «доджа». Лучи нескольких прожекторов наткнулись на Люси, потеряли ее и снова нашли. Я поднялся над решеткой радиатора и открыл огонь.

Я выстрелил шесть раз. Полный объем магазина и одна пуля в стволе. Два выстрела влево, два – в середину, два – вправо.

Это сразу умерило пыл господ из правительства.

Сразу, но только на время.

В ночи отрывисто зазвучали голоса. Какие-то оклики. Приказы. Насколько я понял, больше при помощи слуха, чем зрения, я разбил лобовое стекло одного из внедорожников, мигалку патрульного «шевроле» и одну из его передних фар. Это вышло, в общем-то, случайно. «Ремингтон» двенадцатого калибра имеет широкий радиус обстрела, я зарядил его патронами на крупную дичь, размер «ноль-ноль двойной максимум». Ими можно завалить лося, отстрелить человеку голову, разнести мотор «V-8» на куски.

Особый звук этих снарядов напоминает стрельбу гаубицы[36]. Основное его достоинство – устрашение.

Устрашение на самом деле только тех, для кого любое оружие в диковинку.

Но это не наш случай. Для этих людей как раз именно то, что в той или иной степени не похоже на какое-нибудь вооружение и является чем-то странным.

Потом, через несколько секунд тишины, молчание леса взрывает не выстрел гаубицы.

А ливень металла.

Мой мозг – калькулятор ночи. Я быстро и очень точно насчитываю шестьдесят восемь снарядов, врезающихся в обшивку моей машины и продырявливающих ее. Еще семнадцать растворяются в природе. Ливень агрессивен, звонок, стремителен. Стекла рассыпаются в пыль. Зеркала взрываются облачками инея. Пробитые шины с громким свистом сдуваются практически одновременно. Двери и крылья дрожат от ударов, я слышу, как лопаются сиденья, как разлетается на тысячи кусков оборудование для кемпинга, как разлетаются пластиковые и виниловые фрагменты приборной доски.

Нет, я их совсем не успокоил. Создается впечатление, что я их просто вывел из себя.

Мне кажется, что то, что сейчас произойдет, взбесит их еще больше.

– Если вы не прекратите огонь, мы нанесем ответный удар! – раздается голос из-за автомобилей, стоящих в зелени.

– Немедленно сдавайтесь! Бросьте оружие и подойдите к нам с поднятыми руками! – добавляет другой.

– Не делайте глупостей, о которых вы можете потом пожалеть! Прекратите огонь и сдавайтесь! – подхватывает первый голос.

«Ах, так?» – думаю я.

Малышка действительно исчезла в тени леса, я мешаю им броситься за ней в погоню. Я одинок и вооружен, следовательно, опасен.

Я – идеальная мишень.

Я именно то, чем я хочу быть.

Я вспоминаю знаменитую реплику, прозвучавшую во время битвы при Бастоне в 1944 году. Так сказать, американскую версию ответа Кабронна, прекрасно подходящую к сложившейся ситуации.

– Дудки! – завопил я и снова встал во весь рост, чтобы выпустить еще шесть снарядов двенадцатого калибра.

На этот раз ответный металлический ливень начался немедленно.

Гудение. Свист. Удар. Вибрация. Большой оркестр из боеприпасов, симфония ночи, реквием по человеку, который человеком не является.

Пуля стандартного тридцать восьмого калибра попадает мне в берцовую кость.

Чепуха. Что они себе воображают? Любая рана, даже самая глубокая, немедленно становится объектом внимания аутомедицинских систем моего метаболизма.

Берцовая кость – смешно, честное слово!

Я просто должен дать малышке достаточно времени. Ей необходимо время для того, чтобы добраться до реки и пойти по северному берегу водохранилища Смоллвуд. Я должен дать портативной системе перемещения время окончательно вжиться в организм девочки, я должен дать время моей дочери установить контакт с зондом с Материнского Корабля. Я должен дать ей время победить Землю и выиграть Небо.

Я – снова карта и калькулятор: практически десять километров до реки, длинными перебежками, в полной темноте, среди поросших лесом холмов, правда, с призматическим биноклем ночного видения, затем еще примерно четыре-пять километров до берега водохранилища Смоллвуд.

Люси – уже не совсем человек, и с каждой минутой, с постепенным киборганическим внедрением системы перемещения, в ней остается от человека все меньше и меньше. Мгновенно составленное уравнение с параметрами. Она должна пробежать десять или двенадцать решающих километров за каких-то шестьдесят минут. Она преодолевает теперь *горизонтальную* башню, она должна не спускаться по погруженной в темноту лестнице, а пересечь обширную территорию, сливающуюся с ночным небом. Мне нужно попытаться выдержать осаду примерно в течение сорока пяти минут – часа. Этого, наверное, хватит. К тому моменту, в любом случае, с неба спустится луч света. Они будут слишком далеко. Они упустят слишком много времени. Они абсолютно ничего не смогут поделать.

Пуля в ноге меня не остановит, и, что самое интересное, думаю я, перезаряжая помповое ружье, меня не остановит даже пуля, всаженная прямо в голову.

Ни в коем случае не остановит.

Даже напротив.

Она не только не остановит меня, но и, бедные вы мои двуногие животные, мгновенно освободит меня от воздействия земного притяжения. Она позволит мне уйти, станет окончательным сигналом к отправлению.

Это и есть ловушка.

Мой план.

Мое пророчество.

То, что я увидел.

Моя собственная смерть.

Я – карта и калькулятор. То есть я – часы. Я – горизонт, к которому моя дочь бежит в гуще мрака.

Все во мне – Числа, даже эти люди, чей натиск я сдерживаю. В общей сложности их тринадцать. Семь человек во внедорожниках, трое лесничих на джипах, трое напарников из городской полиции Черчилл Фоллз в служебных «шевроле». «Тринадцать», – думаю я и с трудом удерживаю улыбку.

Теперь моя очередь испускать вопли, яростно смешивая ликование и гнев:

– Вы абсолютно ничего не можете с нами сделать! Мы уйдем, хотите вы того или нет! То, что вы творите, находится на грани закона и совершенно ничему не служит!

И я снова встаю, чтобы открыть огонь, на этот раз с другой стороны от радиатора, сосредоточивая стрельбу на их левом фланге. Кажется, там их больше.

Стальной обжигающий ливень отвечает мне через секунду, как и предполагалось.

Это план.

На этот раз снаряд мелкого калибра – наверное, «двадцать пять» или «тридцать два» – разносит мне фаланги нескольких пальцев моей левой ноги, а пуля калибра «триста пятьдесят семь магнум» точно простреливает правое бедро.

«Они целятся низковато», – думаю я, перезаряжая «ремингтон».

А я, несомненно, слишком высоко.

Мне удалось продержаться около тридцати пяти минут. Моя дочь бежит к горизонту. Она бежит к северу неба. Люси уже, наверное, видит реку Канерикток, во всяком случае, находится поблизости. Скоро она резко повернет на запад, в направлении водохранилища, и в этот момент зонд перемещения проникнет в высокие слои атмосферы.

Я выигрываю пари.

То, что я предвидел, произойдет. То, что я спланировал, осуществится. То, что я видел, реализуется.

Эти люди, которые преследуют нас вот уже несколько лет, опоздали. Если вдруг им и удастся чудом преодолеть созданную мной огневую завесу, они все равно не смогут догнать Люси, даже на своих вездеходных джипах.

Конечно, моей телесной оболочке нанесен некоторый ущерб – впрочем, незначительный.

Но я их остановил. Я несколько раз издавал вопли, они делали то же самое.

Я опустошил все магазины с боеприпасами, в ответ на меня неизменно изливался металлический ливень. Я держался в тени, лучи их прожекторов скользили по моей машине, потом, после первых потерь, им пришлось их выключить. Потому что целиться и попадать в источник света очень легко. Теперь они довольствуются карманными фонариками, да и то не всегда.

Я держусь в тени, потому что тень мне друг, а им – нет. Я вижу в темноте без помощи каких бы то ни было технологических приспособлений. Я действительно ночь.

Они так и не смогли преодолеть заграждение в виде меня. А я преодолел точку необратимости.

Они – это закон. Если я открываю по ним огонь, то не только совершаю преступление, но и, что бы ни произошло, предоставляю им право прибегнуть к законной самообороне.

Они – это закон. Закон людей.

Все это превратится в их проблему.

Поскольку я – это тоже закон. И я – *их* закон.

Я – их закон, каким он станет, быть может, когда-нибудь, через тридцать или сорок тысяч лет.

* * *

Да, я – *их* закон, правда, неизвестно, сумеет ли этот закон *их* пережить. По этой причине мой мозг, пользуясь несколькими мгновениями относительного спокойствия, отстраняется от сиюминутных дел и снова становится тем, что он есть: антенной, подключенной к космосу.

Я улавливаю их радиосообщения так же, как я слышу шорохи леса. Цивилизация притаилась в гуще природы, а природа – это имитация цивилизации.

Я проникаю в салоны машин полиции, я проникаю в головы полицейских, я проникаю в сети связи ФБР. Ритм, прерываемый и перекрываемый помехами, белый шум, наполненный черной информацией. Нейроны, кабели, кора головного мозга, транзисторы, компьютеры, слово, мысль, электрическое сопротивление, клеточная ткань, синапс, декодирующая машина. Все считывается, все очевидно, все отпечатывается в моем собственном мозгу.

Патрульная машина полицейского поста. Поисковое подразделение «Альфа» отчитывается перед местным отделением Бюро. Лесничие – перед Гражданской безопасностью. Описание ситуации. Описание «проблемы». Просьба о подкреплении. Просьба об указаниях. Перечисление событий, их причин, доклад о нынешнем положении вещей, о возможных последствиях.

Об исчезновении сбежавшей девочки.

О вооруженном и опасном мужчине.

Клинический диагноз, вынесенный медицинскими светилами: шизоидность с сильными параноидальными тенденциями. Агрессивные и суицидальные стремления. *Интеллект значительно выше среднего уровня.*

Просто не верится. Опасный шизофреник. Они учились в КГБ в эпоху Лубянки? С кем же, по их мнению, они имеют дело?

Я хохочу.

Последняя услышанная мной фраза, хотя и свидетельствует о полнейшем их заблуждении на мой счет, кажется мне такой искренней.

Я кричу им, звуковые помехи взрываются среди волн природы, как в радиоприемнике…

– Вы сами больны! *Все вы*! Вы ни за что не сможете поймать

ее! И вы никогда не сможете помешать мне вернуться домой!

На несколько секунд наступает тишина, черная и неспокойная лесная тишина.

Из одного из внедорожников раздается голос, который я еще не слышал.

Я отчетливо слышу слова, они составляют правильные со всех точек зрения фразы, и в то же время они ничего не значат, ничего осмысленного, во всяком случае.

Доктор Уильямсон!

Это я, ваш собрат, профессор Блумберг!

Сдайтесь полиции, доктор Уильямсон, вы еще не совершили ничего непоправимого. Я вас умоляю!

Я слежу за вами уже несколько лет. Вы ни в чем не виноваты. Суд проявит по отношению к вам снисходительность. Перестаньте стрелять в полицейских! Это плохо кончится!

Я совершенно не понимаю, что же хочет сказать этот парень. Мне лишь ясно, что это ловушка, одна из самых грубых, и я уверен в том, что в главном он ошибается.

Это закончится *хорошо*. В любом случае. Обязательно.

Я это предвидел. Я это спланировал. Я это видел.

Высоко в небе, практически в зените, я только что заметил косо падающий луч света, сияющий все ярче с каждой минутой.

Наконец-то.

Зонд.

Перемещение.

Уход. Возвращение.

Моя дочь скоро увидит берег реки, ей останется пробежать всего несколько километров, зонд заметит ее рядом с водохранилищем Смоллвуд, ее спасут. А я буду в пути.

Они проиграют.

И я встаю во весь рост над радиатором и открываю огонь.

Вы – всего лишь люди, едва вышедшие из доисторического периода, предупреждаю я их.

Всегда наступает момент, когда мир начинает вращаться в другую сторону.

Всегда наступает момент, когда ночь становится светлей, чем солнце.

Всегда наступает момент, когда нельзя предвидеть то, что с вами случится. Всегда существует уравнение, которое невозможно решить. Всегда существует ловушка, не предусмотренная планом. Всегда существует карта, не соответствующая местности.

Вот что такое суть ловушки.

Всегда есть пуля хорошего калибра, которая должна вас настигнуть.

Попасть прямо в голову.

Бедные идиоты!

Меня откидывает назад. Спиной и затылком я ударяюсь о землю, я наталкиваюсь на камень, на мох, на траву, на ветки, на сучки, на перегной, на листву. Я наталкиваюсь на Землю, на которой прожил больше тысячи лет. Я падаю на этот мир, который скоро покину.

Я чувствую, как машина моего организма с настойчивостью вечного двигателя в последний раз включается в процесс перемещения, через четверть часа весь комплекс данных, из которых состоит мое мутирующее тело, будет перемещен на зонд, я обрету свою изначальную плоть, я обрету Материнский Корабль, я обрету Бесконечность, я обрету свою дочь.

Мои глаза закрываются. Ночь, заполненная электрическими огнями, очень быстро исчезает с экрана внутренней стороны моих век.

Вот и все. Прощай, Земля. Goodbye, human beings[37]. Я вернулся к себе домой.

19. Белый-белый мир

Я вернулся. Свет. Сияющая белизна света. Я дома. Материнский Корабль. Белый свет, белое тепло. Я едва чувствую свое собственное тело, но ощущаю его тепло, его белое тепло. Перемещение прошло безупречно.

Я дома. Я вернулся. Наконец-то. Я еще нахожусь в помещении повторной сборки. Час-два общей биологической проверки. Но тело у меня уже прежнее.

Я вернулся.

И очень скоро я увижу Люси. Я сумел это сделать. Я вернулся. Моя дочь взяла билет в один конец. Все – белое, все – светлое, даже мое тело.

Все – белое, все – светлое, даже человек, который на меня смотрит.

Человек, который со мной разговаривает.

Я понимаю его язык, но находиться здесь этот человек не должен. Я понимаю язык человека, который не может здесь существовать.

Его язык – это язык людей с Земли.

Все – белое, совершенно белое. Почему агент приема Материнского Корабля говорит со мной на языке Земли, на языке, завоевывающем эту Землю, на английском?

Я вернулся.

Я вернулся домой, в белый свет помещения повторной генетической сборки.

Я на Материнском Корабле. Мы, скорее всего, пересекаем сейчас орбиту Плутона и покидаем Солнечную систему.

Так зачем разговаривать со мной на языке, затерявшемся в миллиардах километров от нас?

– Здравствуйте, доктор, как вы сейчас себя чувствуете?

Все – белое, совершенно белое в помещении повторной сборки, и этот человек спрашивает меня по-английски, хорошо ли я себя чувствую. Так я что, болен? И почему «доктор», ведь это звание у нас не имеет никакого смысла уже тысячи лет.

Все – белое, человек смотрит на меня, он разговаривает со мной, он произносит вещи нелепые и одновременно совершенно неинтересные.

Где Люси? Зонд сумел забрать ее своим лучом? Почему ее не приводят ко мне?

Где члены экипажа, отвечающие за Миссию? Где мои руководители, где мой прямой непосредственный начальник, мой «звездный контакт»?

Человек, который смотрит на меня и говорит со мной, одет в длинный белый халат, как санитар или врач в больнице.

Это не принято на Материнском Корабле. Почему он упорно называет меня «доктором»?

Я чувствую, что попал в ловушку. Я оказался в своей собственной западне, теперь меня не преследуют люди в темных костюмах, а допрашивают люди в белых халатах.

Я, словно в озарении, понимаю, что произошло, что происходит и что неизбежно произойдет.

То, чего я не предусмотрел, чего не планировал, чего заранее не увидел.

Все – белое, свет – белый, тепло – белое.

Квадратная комната – белая. Моя кровать – белая.

Я вернулся.

Вернулся на стартовую клетку.

Только на этот раз все кончено: уйти я уже не смогу. Мое последнее перевоплощение было истрачено впустую. Попавшая в голову пуля погрузила меня в состояние комы, достаточно глубокой для того, чтобы системы зонда перемещения сочли меня умершим и срочно забрали наносоставляющие моего внеземного метаболизма.

Но я не умер.

Люди привели меня в сознание. Они вывели меня из комы. Они не знают, что они наделали.

Я обречен жить здесь, умереть здесь и никогда больше не увидеть ни Материнский Корабль, ни альфу Центавра.

Отныне и навеки я – землянин, просто человек.

Я вернулся к своей судьбе.

– Вас зовут Джеймс Куртис Уильямсон. Никакого другого имени вы никогда не носили.

Находящийся передо мной человек – это молодой парень, которого я заметил в темно-синем «форде-экспедиции» и подсознательно окрестил врачом. Рядом с ним сидит тип в черном костюме, которого я увидел в первый раз у подножия Северной башни, и очень молодой, моложе двадцати пяти, человек в кожаной куртке летчика и джинсах.

– Джонсон Бодри – частный детектив. Это его помощник, Кевин Кампозито. В день взрыва мы звонили вам, но ответа не было. Поскольку вы тогда находились в очевидно стабильном состоянии, мы уже некоторое время не наносили вам визитов. Когда же, посреди полного хаоса, мы пришли к вам, то поняли, что вы просто превратили свой дом в крепость. Это нас очень встревожило. Одна из моих помощниц, вы ее знаете, мадемуазель

Хайдельберг, посоветовала мне как можно быстрее обратиться в одно известное ей частное агентство и сосредоточить наши поиски на месте взрыва.

Здесь тоже все белое. Такое же белое, как в помещении для повторной генетической сборки Материнского Корабля.

А вдруг это неожиданный тест, придуманный генеральным штабом Миссии?

Человек невозмутимо продолжает говорить.

Все действительно совершенно белое. Все свидетельствует об имитационном эксперименте, о постоперационном анализе, о несколько необычном дебрифинге.

Человек упорно называет меня «доктором», это чистой воды абсурд. Может быть, это умышленно оставленная ниточка, проверка моих способностей?

– В том, что вы говорите, нет никакого смысла, забудем об этом. Не окажете ли вы мне любезность и не покажете ли ваши документы?

Здесь все совершенно белое. Его голос тих, как ночное белое небо над Арктикой. Блумберг. Натан. Даниэль. Штатный профессор нейропсихиатрии. Я знаю его имя, я слышал его голос в ночь неосуществившегося ухода. Я смутно припоминаю, что он «следит» за мной в течение многих лет.

– Я понимаю, вы идете по нашему следу со дня взрыва.

Его смех тоже тих и бел. Есть ли что-нибудь не белоснежное в этом низком мире?

Его слова тихи и белы, как снега Северной Канады, его улыбка бела, как раскрытый зев колодца во льду. Моя собственная органическая структура покрыта каким-то опаловым порошком. Белые стены, белый потолок и белый пол, белая кровать, белый свет.

И белое тепло моего собственного тела.

Видимо, весь мир, покрытый всепланетным облаком, образованным миллионами Нулевых Отметок, окрасился теперь в этот цвет. Все человечество теперь живет в подземных лабиринтах, где тень отбрасывает лишь этот белый изотопный свет.

Белые слова прорезают пространство пунктиром цвета слоновой кости. Голос – совершенно белый, речь – цифровая. Это ряд Чисел, это информация. Медицинская, социальная, юридическая, техническая информация. Это его правда.

– Сразу после обрушения Северной башни мы вернулись к вам и по-прежнему не нашли никого. Мы не сумели войти, даже Джонсон Бодри не преуспел в этом после многочисленных попыток.

Я не смог удержать улыбку. Частный детектив!

Что же они думали? Что обычная человеческая ищейка может просто по желанию проникнуть в святилище Наблюдателя?

– Видимо, ваша паранойя значительно осложнилась в течение две тысячи первого года, но вы достаточно умны и сумели скрыть от нас самые тревожные симптомы.

Я продолжал улыбаться. Я буду улыбаться на протяжении всего разговора. Я буду улыбаться теперь во время всех разговоров. Я буду улыбаться всегда.

– Затем мы с Бодри и его молодым помощником целыми днями прочесывали весь Южный Манхэттен, потом проверили весь остров. Навещали ваш дом, открыть который по-прежнему не смогли. На следующий день мы собрались всей командой. Джонсон Бодри тоже присутствовал. Выходов из ситуации оставалось не так много.

Я улыбаюсь.

Моя улыбка белее белизны, со всех сторон окружающей нас. Моя улыбка ясно говорит: ваши «выходы» в основном являются лишь новым витком проблем.

Такова ваша история, переменчивая с самого начала вашего рода.

Я знаю этот выход – это два черных «форда-юкон». Это радиосообщения, которые я перехватил вчера ночью, в гуще леса. Это называется «правительственное агентство».

Это называется ФБР.

– Ваши Джи-Мены не сумели помешать пассажирским самолетам врезаться в башни. И вы действительно верите, что они могли помешать нам убежать с Нулевой Отметки? Вы действительно верите, что они способны помешать нам покинуть гигантскую Нулевую Отметку, в которую превращается ваш мир?

– Доктор Уильямсон, вам попала в голову пуля, вы едва не умерли. К счастью, один из Джи-Менов, как вы выражаетесь, смог с моей помощью поддержать в вас жизнь до прибытия подкрепления.

Все становится еще белее. И всегда будет становиться еще белее.

– Почему вы все время меня «доктором» называете?

– Да потому что вы – доктор, *доктор*! Вы – один из самых известных физикохимиков Восточного побережья. У вас есть докторская степень по биохимии, вы несколько раз проходили практику по судебной медицине, вы – магистр микроэлектроники, вы были одним из самых блестящих ученых вашего поколения. Раньше.

Моя улыбка – паковый лед. Моя улыбка – абсолютный ноль.

– Когда раньше?

Человек, пришедший из белизны, наблюдает за мной несколько долгих секунд.

– Быть может, в конце концов, у вас действительно временная амнезия. Пуля, попавшая вам в голову, спровоцировала некоторые серьезные осложнения.

Моя улыбка становится еще белее, еще холоднее, еще абсолютнее. Клеточные ткани моего мозга должны были восстановиться сами до приезда их чертовых врачей.

Теперь я начинаю лучше отдавать себе отчет в том, что же произошло, где я нахожусь в действительности, почему, как…

Я начинаю понимать, что Материнский Корабль на самом деле очень далеко. Я начинаю понимать, что никогда не увижу свою дочь. Я начинаю понимать, что навсегда останусь пленником этой планеты.

Моя улыбка по-прежнему сияет всей белизной этого мира.

– Я совершенно не страдаю потерей памяти. Я помню вещи, которые произошли так давно, что вы и вообразить себе не можете.

– Вам кажется, что вы помните вещи, которые произошли давно.

– В таком случае, расскажите мне, что же случилось *раньше*, как вы утверждаете.

Минутное молчание в абсолютной тишине, я отдаю себе отчет в том, что «доктор» подыскивает слова.

Словам предшествуют цифры.

– Тысяча девятьсот девяносто седьмой год, доктор Уильямсон. Шестое июня. Примерно восемнадцать часов тридцать минут. Маленькая дорога на севере штата Нью-Йорк, на западе Аппалачей.

– Я действительно хорошо знаю эти горы.

– В том-то и дело, что нет. Вы их совсем не знаете или знаете очень плохо. Вы попали в автомобильную аварию.

– Которая, по вашему мнению, явилась причиной моей амнезии? А почему же я помню все остальное? Шутка висельника, да не очень удачная.

– Это не шутка, и авария вызвала не амнезию, а ваше нынешнее состояние.

Ах да, конечно, маниакальная шизоидность с параноидальными тенденциями.

– В первый раз слышу об автомобильной аварии, жертва которой попадает в психиатрическую клинику.

Еще одна минута белой чистоты.

Слово «чистый» – «pur» произошло от греческого слова

«pyros» – огонь.

– Машину вели вы, доктор. Врезавшийся в вас пикап отшвырнул вашу «хонду-аккорд» на несколько метров в сторону, вы вылетели через лобовое стекло и физически пострадали несильно.

Я жду продолжения, вылетел я или нет, сильно я пострадал или нет, – где связь с моим пребыванием здесь, где связь с две тысячи первым годом?

Тянутся несколько ледяных секунд.

– Вы вели машину, доктор, и с вами ехали еще два пассажира. Два пассажира, которым повезло гораздо меньше, чем вам.

Какая-то ударная волна пронизывает меня с головы до ног, очень белая волна, еще белее, чем мое тело, полное белой теплоты.

– Теперь вы вспоминаете, доктор?

Что я должен вспомнить, что я должен придумать, что я должен изобрести для того, чтобы доставить ему удовольствие?

Моя улыбка – звезда. Звезда, к которой тянется все мое существо.

– Доктор… шестого июня тысяча девятьсот девяносто седьмого года в машину, в которой находились вы, ваша жена и ваша дочь, врезался обслуживавший стройку пикап с пьяным рабочим за рулем, вы выжили, но ваша жена и ваша дочь после аварии скончались. Машина загорелась, вы ничем не могли им помочь. Первые психотические симптомы у вас появились довольно быстро, уже через несколько месяцев. В тысяча девятьсот девяносто восьмом году вам пришлось отказаться от исследовательской работы, вы консультировались у нас в начале лета, если говорить точно, седьмого июня. Я думаю, эта дата должна вам кое-что сказать…

Я смотрю на человека в белом халате. Ничто из того, что он говорит, даже отдаленно не напоминает правду. В тысяча девятьсот девяносто восьмом году я несколько раз ездил в командировки во Флориду и в Техас, а к канадской границе вообще не приближался.

Здесь все белое. Все белое, как ложь. Все белое, как небо, которое таким образом скроет появление луча света из космоса.

Автомобильная авария. Ничего лучше не придумали?

Я думаю о своей дочери, которая плывет к альфе Центавра, я говорю себе о том, что нам хватило времени только попрощаться. Эта секунда каленым железом прожжет любую психиатрическую белизну и поможет мне путешествовать вместе с дочерью в Материнском Корабле, в межзвездном пространстве, в гуще тьмы, завидующей моим мечтам.

* * *

Идут дни в белом мире людей в белых халатах.

Каждое утро Натан Блумберг наносит мне визит. Он разговаривает со мной. Он рассказывает мне свою правду. Он объясняет мне, кем я являюсь и кем я не являюсь.

Моя улыбка бела на всю грядущую вечность.

Мой мозг по своему обыкновению воспринимает, расшифровывает, запоминает. Он – мир внутри их мира. Он – клетка свободы внутри их терапевтического пенитенциарного учреждения.

Сегодня Блумберг приходит с толстой папкой в руках.

В ней, помимо десятков страниц полицейских, медицинских, юридических и других отчетов, находится огромное количество фотографий.

Это снимки, сделанные в моем доме на Уолкер-стрит сразу после нашего отъезда.

– Вы узнаете эту комнату?

Это чердак с низким потолком, где находились все системы теленаблюдения.

Я улыбаюсь улыбкой, полной невидимой белизны:

– Туалет в институте Смитсониан?

Моя улыбка будет неизменной до конца этой Вселенной, до конца их маленького мира, во всяком случае, до конца моей собственной персоны.

Хотя, кажется, моей «собственной» персоне конец уже настал?

– Хорошо, мы вернемся к Уолкер-стрит попозже. Я надеюсь, вы помните, что уехали в Лабрадор, в Канаду?

– Естественно. Это место нашей встречи с зондом.

Легкий вздох, сменяемый несколько натянутой улыбкой.

– Где-то между Канериткоком и водохранилищем Смоллвуд мы нашли военный бинокль.

– Правда? И конечно, никто другой в той местности не мог обладать подобным предметом и потерять его. Всем известно, что на Лабрадоре нет ни одного охотника за дичью.

– Там был не только бинокль, доктор, поблизости лежал и другой предмет. Он тоже является вещественным доказательством.

Я прекрасно знал, о чем он говорит. Когда вживление портативной системы перемещения заканчивается и осуществляется световая транспортация, уже ненужный, внешний эпидермический архитрав системы падает на землю. Если они захотят понять, что это такое и для чего это нужно, им понадобится несколько тысячелетий интенсивных занятий.

И я лгу без малейших угрызений совести:

– Предмет? И какой же предмет?

– Именно это мы и хотим понять. Мы знаем, что его изготовили вы, на нем повсюду ваши отпечатки пальцев.

Я вооружаюсь почти непринужденной улыбкой:

– Вы не сможете ничего понять.

– Мы спрашиваем себя: а кто-нибудь другой сможет?

Я замечаю едва прикрытый сарказм. «Других», тех, кто смог бы ему ответить и дать инструкцию по применению прибора, в той части Галактики, которую мы контролируем, миллиарды, если не больше.

– Конечно. Если вы не понимаете, как это работает, значит, никто не поймет.

Ирония веры против сарказма скептицизма.

– Нет. На самом деле все несколько проще. После изучения оказалось, что это соединение информационных компонентов не может служить ни для чего. Никакой пользы. Никакого применения. Никакой логики.

Я засмеялся смехом, еще более белым, чем белизна спускающегося с неба света.

– О пользе вы не знаете. Применение еще долго будет вам неизвестно. Логика будет недоступна вам еще долгие тысячелетия. Что смогло бы сделать из вашего персонального компьютера племя времен палеолита, тотем?

Человек не смеется, он едва заметно улыбается, с меньшим сарказмом. Я почти чувствую некое сочувствие. Свое сочувствие он может себе глубоко засунуть в то место, на котором сидит.

– Вы не могли бы в двух словах объяснить, для чего это предназначено и как это работает, доктор Уильямсон?

– Да, я могу. Благодаря этому прибору моя дочь смогла достигнуть зонда перемещения, а потом и Материнского Корабля.

Долгий вздох.

– Доктор Уильямсон, я очень хорошо знаком с вашими навязчивыми идеями, но вам не хуже, чем мне, известно, что ни зонда перемещения, ни Материнского Корабля на орбите Юпитера не существует.

– На Кольце Астероидов, – мгновенно исправляю я его. – И если вы не видели света в небе, то ваша близорукость ведет вас прямо к полной слепоте.

– Свет? Какой свет? Вы что хотите сказать?

На этот раз долгий вздох сорвался с моих губ.

– Вы не заметите, даже если взорвется ваше собственное солнце, как вам можно что-то объяснить?

Минута или две проходят в тишине, потом белизна

проявляется вновь.

– Только что вы сказали «моя дочь», имея в виду Люси Скайбридж. Я надеюсь, вы прекрасно понимаете, что такого рода заявления осложняют ваше положение, особенно в глазах ребят из ФБР. Вы совершили массу федеральных преступлений: использовали фальшивые паспорта, нелегально пересекали границу, и это не говоря уже о пресловутом похищении ребенка. Вас спасло лишь то, что вами занимается наша команда. Наша защита будет опираться на многие годы углубленного изучения вашего случая.

– Да, я знаю, глубокая шизоидность с маниакальными и параноидальными тенденциями. Звучит хорошо, должен признать. Позвольте мне просто сказать, что определение «похищение ребенка» совершенно смехотворно. Ответьте мне: если ребенка спасают из горящей башни, значит, его похищают?

– ФБР считает, что вы, скорее всего, нашли девочку у подножия обрушившихся башен и при помощи психологического манипулирования убедили ее последовать за вами. Ее мать погибла в Северной башне.

– Северная башня, да, я прекрасно помню. Там я «похитил», как вы выражаетесь, свою дочь.

– Это не ваша дочь.

– Она ею стала в тот день.

Профессор Блумберг придвигается ко мне. Его белое как смерть лицо выражает глубокое сочувствие.

Смерть вообще полна бескрайнего сочувствия.

– Доктор Уильямсон, вы действительно ничего не помните? Ничего из того, что случилось до одиннадцатого сентября?

Как я мог на этот раз сдержать свой хохот?

– Я слышал, что вы нашли мою библиотеку в Аппалачах!

Фальсификаторы, редчайший случай, провалили операцию. Люди их опередили. Моя библиотека находится у них в руках, но понимают ли они ее значение?

– Это так, но…

– Так прочтите ее. Вы убедитесь в том, что она не только освещает период в добрую тысячу лет, но и рассказывает о неизвестных фактах, открывает исторические тайны, смотрит на многие события с новой точки зрения.

– Доктор… я покажу вам фотографии.

– До тысяча восемьсот сорокового года фотографии не существовало.

– Да. Но она существовала в конце двадцатого века. И именно этот период нас интересует.

Величественным жестом доктор Блумберг открывает толстую

папку и раскладывает ее содержимое на разделяющем нас своей сияющей белизной столе.

Десятки снимков, светящиеся искусственными красками под монохромным альбиносным освещением.

– Посмотрите на эту серию.

Моя гостиная, пустая. Стены сплошь исписаны моими вычислениями, уравнениями, определяющими параметры будущего.

На этот счет мне нечего ему сказать. Что он сможет понять в математике, способной объяснить внутреннюю физику черных дыр?

– Когда мы в конце концов обратились в ФБР, они сумели открыть дом и обнаружили это.

– Сомневаюсь, что они нашли этому хоть какое-то применение.

– Доктор Уильямсон, применение этому найти не сможет никто. Эти вычисления бессмысленны. Они не вычисляют ничего. ФБР прибегло к помощи профессионалов. Их вывод категоричен.

– Они, как минимум, показывают уровень безграмотности этих так называемых профессионалов.

Еще минута или две тишины.

Улыбка ни на мгновение не покинула мое лицо.

Еще одна серия фотографий: моя мастерская для перевоплощений.

– На втором этаже они нашли еще вот это. Медицинскую лабораторию с очень сложным оборудованием.

Фальсификаторы и на Уолкер-стрит провалили свою миссию, скажем, не довели дело до конца. Ощущается существенное понижение эффективности, корпорация уже не та, что была раньше. Оборудование в лаборатории действительно очень сложное.

– Да уж, это самое меньшее, что можно о нем сказать.

– Послушайте меня внимательно, доктор. Агенты ФБР думают, что вы, возможно, производили над маленькой Люси незаконные опыты. Это чрезвычайно серьезное обвинение.

Ах, эта улыбка, все так же приклеенная к моим губам, улыбка, при помощи которой я вдыхаю и выдыхаю всю белизну их мира. Незаконные опыты. Конечно. С точки зрения вашего закона. Но не моего. То есть вашего, если вы будете способны построить себе будущее.

– Ах, даже так! Что-то вроде доктора Менгеле, видимо? И в результате моего воздействия она исчезла, словно по волшебству, это очевидно.

Я улыбаюсь, я по-прежнему улыбаюсь. Моя улыбка на свой

манер говорит: уберите слово «волшебство», и вы будете совершенно правы. Хорошо, что я сумел сделать из нее создание, подобное мне, что она смогла исчезнуть, то есть появиться в зонде перемещения, где-то на севере неба. *Волшебство* как раз именно в том, что ей удалось ускользнуть от вас, от вашего мира. Она убежала. Вы никогда не найдете ее.

– Доктор Уильямсон, это необъяснимое исчезновение осложняет ваше положение, я осмеливаюсь надеяться, что вы отдаете себе в этом отчет.

Моя улыбка становится все белее, гораздо белее, чем эта комната, чем весь их мир, белее, чем облака пыли, поднявшиеся над Нулевой Отметкой.

– Она исчезла не так, как вы это понимаете. Кстати, вы же сами, и агенты ФБР, и лесничие, вы все видели, как она убежала в лес.

– В этом и заключается основная проблема. Никто из нас не может точно утверждать, что видел девочку и что видел, как она исчезла. Если она утонула в реке или в водохранилище, ее тело рано или поздно найдут, и ответственность за это будет возложена на вас.

Ответственность!

Я несу ответственность за свои поступки с тех пор, как подвергшиеся лоботомии двуногие обрушили башни, а я отправился навстречу своей судьбе, то есть навстречу Люси Скайбридж и ее отправлению на небо взамен на мое окончательное возвращение на ее родную Землю. Я помню, что в Северной башне незадолго до взрыва у меня появилось предчувствие неминуемого жертвоприношения. Я знал, что меня оно коснется в первую очередь. Но я совершенно не подозревал, что моя жертва выразится не в смерти, а в сохранении жизни.

– Люси нет ни в реке, ни в водохранилище, ни еще где-нибудь на Земле. Вам надо с этим смириться.

Конечно, они никогда не смирятся, никогда не допустят того, что невозможное для них является образом жизни для пришельцев из других миров. Они никогда не захотят понять, как исчезла моя дочь, утянутая силой световой тяги в зонд перемещения и добравшаяся затем до Материнского Корабля.

Они никогда не захотят принять того, что я – не то, что я есть. И что она никогда уже не будет той, что была.

20. Эпилог: Нулевая Отметка

С тех пор как я «чувствую себя лучше», профессор Блумберг разрешает мне иногда совершать прогулки под присмотром. Психиатрическая клиника находится в Ньюарке, недалеко от Манхэттена, и поэтому я каждый раз прошу разрешения посетить Нулевую Отметку.

Я часами стою там, наблюдая за восстановительными работами в зоне взрывов. Я внимательно слежу за ходом стройки, за балетом в исполнении строительной техники, за этими огромными игрушками, похожими на боевые машины. Расчистка и реконструкция подходят к концу. Это уже просто городская уборка мусора там, где уже нет *города*. Возникает впечатление, что башни-близнецы никогда не существовали, даже следы взрывов уже почти совершенно исчезли. Башен никогда не было. На них никогда не нападали, они никогда не обрушивались. Да и происходило ли здесь что-нибудь?

Бежали ли мы с ней по нескончаемой лестнице Северной башни?

На самом деле так работает мой мозг – вычислительная машина. Мой секретный мозг, мой мозг, прошедший испытание пылающей башней, вновь и вновь проживает адский спуск к развалинам ее обрушившейся соседки, свершившийся как раз перед взрывом той, из которой мы только что вырвались.

Люси Скайбридж – действительно моя дочь. Она не только спаслась от самолета, не только сумела последовать за мной и выбраться из разрушающейся башни, она смогла вовремя покинуть меня и сбежать с этой обреченной на гибель планеты.

Я никогда ее не увижу. Она меня никогда не увидит. Она проживет, как минимум, десять или пятнадцать тысяч лет, я же угасну согласно среднестатистическим нормам протяженности жизни обитателей Земли.

Никто никогда ничего не узнает.

Никто не захочет этого допустить.

И я в конце концов убеждаю себя в том, что так будет лучше. Мы с ней связаны Бесконечностью, любовью отца и дочери, обрушивающимися башнями во всех мирах, где есть башни, самолеты, войны. Где есть люди.

Здесь все по-прежнему такое белое. Белое, как пыль, покрывавшая Южный Манхэттен в то время, когда я спасал свою дочь из пылающей башни.

Бедные люди. Бедные полицейские. Бедные врачи. Бедный

профессор Блумберг.

Они не только не верят, никогда не поверят и никогда не верили мне, но и верят, что я им верю. Они верят, что я думаю, что мое «состояние улучшается». Они верят, что я доверяю их людской земной медицине. Они верят, что я верю в их мир.

Они ничего не знают. Вернее, они знают очень мало, а это еще хуже.

Они никогда не смогут понять, но будут убеждены в обратном.

Они никогда не смогут ее найти. Они даже не способны различить чуть странноватый свет в небе своей уверенности. Я – здесь, но моя дочь находится отсюда на расстоянии, которое они не в состоянии даже себе вообразить.

Они упрятали меня в свой мир, но моя дочь отныне принадлежит всем мирам, кроме этого.

Вот уже три года я живу здесь, взаперти. Я решил заняться единственным достойным родом деятельности в этом уголке Вселенной: писать. Я вновь принялся за создание автобиографической библиотеки. Если мне немного повезет, я должен дожить, а может быть, и пережить середину их двадцать первого века, с его башнями, самолетами и Нулевыми Отметками.

Медсестры добры ко мне. Натан Блумберг и вправду делает все что в его силах.

Их мир делает все что в его силах, чтобы принять меня, отвергая при этом правду, которую я несу с собой.

Их общество делает все что в его силах, чтобы разрушить себя, отвергая всю ложь, которой оно пропитано.

Возможно, в конечном счете мы когда-нибудь договоримся.

«Джеймс Куртис Уильямсон», Ньюарк
Нейропсихиатрическая клиника Блумберга и Уотерманна
Медицинский исследовательский центр
7 июня 2007 года

Артефакт

Don’t think twice, it’s allright[38].

Боб Дилан

Первый день: пробуждение

Я проснулся в комнате. Погода стояла чудесная, с улицы в помещение проникали солнечные волны, сквозь распахнутое окно я заметил голубое небо цвета невыносимой монохромной лазури. Было тепло. Все это напоминало лето.

Я окончательно открыл глаза. Обвел комнату еще слегка мутным взглядом. Картина передо мной предстала действительно прекрасная: луч солнца, небо, горячий воздух, колышущий жалюзи и украшающий потолок и стены радужной игрой причудливых световых узоров.

Все казалось исключительно прекрасным.

Я ничего не узнавал.

Все казалось прекрасным. Но я не знал, что это. Я не знал, где это находится. Я даже не знал, в *каком времени* это происходит.

Солнце покрывало золотом все видимые предметы, но что-то невидимое исчезло из программы моего мозга.

Вне всякого сомнения, я только что проснулся в этой кровати.

Но я не знал даже, кто я такой.

Я был человеком в трусах и майке, белых, как стены комнаты, как простыни на кровати, на которой проснулся. На самом деле я ощущал себя таким же голым, как если бы оказался вовсе без одежды.

Я знал вроде бы все, что должен знать человек об этом мире.

У меня даже имелись воспоминания. Честно говоря, похожие скорее на какую-то чехарду впечатлений.

Казалось, я мог строить планы. Я знал прошлое, настоящее, будущее.

Но я не знал одной важной вещи, которую должен знать каждый человек.

Кто я? Моя личность. Тайна. Хуже того, секрет, забытый его обладателем.

Комната белая, утреннее солнце белое, моя память более чем белая. Она – чистое ничто.

Я – тело, у меня есть разум, я что-то знаю. Я знаю, что такое комната, кровать, стены, окно, майка, солнце, небо, время, пространство, свет, ночь, сон, пробуждение.

Я знаю, что я – человеческое существо. Я знаю, что такое человеческое существо. Я знаю, что нахожусь в гостинице. Я знаю, что такое гостиница, я нахожусь в одной из ее комнат. Я умею составлять фразы, производить вычисления, я испытываю какие-то чувства. Я действительно человеческое существо.

Но ничто во мне, кажется, не может полностью

соответствовать ни одной из этих категорий.

Мое настоящее – это белизна, белая, как эта комната.

Мое будущее – это такое сияние, которое невозможно выдержать. Оно похоже на солнце, желтым искристым диском появляющееся за жалюзи.

Мое прошлое – полное отсутствие чего бы то ни было, словно нависающее над всем остальным, как это небо абсолютно монохромной синевы, без малейшего следа дымки.

Я подобен месту, в котором проснулся. Я – словно чистая страница, на которой отпечатался мир, заклеймив мой мозг самой структурой Вселенной.

И именно по этой причине я – ничто, просто чистый экран. Мир отпечатывается на мне. А в ответ, словно благодаря отсутствию у меня личности, что-то *вписывается* в мир, какая-то необычная матрица того, чем я не являюсь.

Я – индивидуум, в этом нет никаких сомнений, но индивидуум без личности. Персона, но персона без имени. Я – человек, но ничто не связывает меня с окружающими, поскольку я оторван от себя самого.

Я – некто, о ком я ничего не знаю. Я не знаю даже истинных масштабов своего незнания. Почти апофатическая форма знания.

Единственное утешение: по крайней мере, я – не ничего. Я – не *просто ничто*. Я не плыву в небытии, хотя, по всей видимости, я из него выплыл.

Кома?

Я знаю, что это – церебральная смерть.

Я знаю, что она может сделать с мозгом человеческого существа.

Но людей, впавших в кому, не помещают в гостиничные номера, даже благоустроенные. Это я тоже знаю.

Я не в больнице. Я знаю, что такое больница, медсестра, врач, даже знаю, что такое амнезия.

В этом смысле можно сказать, что что-то я о себе знаю.

Я ничего не знаю о своем будущем, но могу строить планы. Например, я могу вылезти из кровати, взять одежду своего размера, с безукоризненной аккуратностью сложенную на стуле, надеть обувь, которая приходится мне впору. Эти вещи, несомненно, принадлежат мне. Потом я могу обойти просторную комнату, которая оказывается настоящей квартирой на втором этаже дома в тосканском стиле, из красивого камня розоватого цвета. Дома, стоящего на опушке густого соснового бора, высаженного, по всей видимости, в центре небольшого курортного городка на берегу моря. Скорее дом, сдаваемый

внаем, чем просто обычный гостиничный номер. Дом. В тосканском стиле. Море. Кажется, Средиземное. Италия?

Я знаю, что такое море. Я знаю, что такое Средиземное море. Я знаю, где находится Италия, и могу распознавать стиль тосканских вилл.

У меня нет будущего, но я могу вписать его своим действием, пространством той свободы, которую найду. Я могу вписать его в мир, в этот мир, что отпечатывается на мне.

За несколько минут я смог уже собрать какую-то начальную информацию. Я не знаю точно, где нахожусь, но у меня уже появляются ориентиры. Элементарная топография сменяет белую сплошную среду моего пробуждения. У меня появляется возможность начать расчленять мир на некие неясные элементы. Это значит, что я могу наладить с ними связь. *Сеть прерываний.*

Так! Откуда я взял этот концепт? Как он появился в моих еще неуверенных поисках первой карты, очертаний территории?

Хорошо. С абстракциями – позднее. Продолжать действие, продолжать бег сквозь время и пространство для того, чтобы создать мир. Не просто карту, не просто территорию. Космос. Нечто, обладающее телом. Нечто организованное, нечто органическое, нечто одновременно сплоченное и разобщенное, что можно раздробить на некие составляющие при помощи пресловутой «сети прерываний».

«Где я?» означает в первую очередь «откуда я пришел?». И первый вопрос немедленно дополняется вторым: каково происхождение этого языка? Почему эти слова складываются с подобной легкостью, с подобной естественностью в моем мозгу, совершенно свободном от всяческих ориентиров?

Кажется, он связан со мной самым тесным образом. Этот язык – мой. Нет, как раз *этот язык – я.* Этот язык – основа моей странной личности. Если мне станет известно происхождение языка, я сразу же пойму свое собственное происхождение и в каком направлении мне нужно двигаться.

«Где я?» – это, следовательно, одновременно и «куда я иду?». Происхождение и назначение пересекаются в точке горизонта. Эта точка – я.

У создания без прошлого нет выбора: оно должно идти прямо вперед. Оно не должно оборачиваться, поскольку то, что оно покидает, должно сначала наступить. Прошлое ему еще неизвестно, создание без памяти должно, таким образом, заставить будущее реконструировать прошлое. Это создание вступает в вооруженную схватку с самим собой и должно использовать все возможности мира, чтобы суметь разбить

сковывающие его изнутри засовы. Ему все подозрительно с самого начала – как предстающий перед его глазами внешний мир, так и внутреннее содержание телесной оболочки, которая ничего о себе не знает. Все подозрительно, ничто уже не невинно, потому что все может быть прошлым и, следовательно, таить ловушку, прятать секрет, заключать в себе тайну.

Не только создание без памяти одиноко, совершенно одиноко в этом абсолютно чуждом ему мире. Весь мир становится безбрежным одиночеством, соединением миллиардов составляющих его одиноких судеб, становится сущностью тем более множественной, чем более она одновременно единична. Одиночество уникально и тысячно. Изолированность чисел, масс, меняющихся величин, изолированность перед непознаваемым, одиночество перед миллиардами других миров, о которых ничего не известно. Мир подобен мне: он и о себе, и о других знает совсем немного. Его одиночество – это то, что отпечатывается во мне, а мое одиночество – это то, что в ответ вписывается в мир в виде моей жизни, чья единственная реальность выражена в ее собственной кинетике, в движении, которым она буравит мир.

Я ничего не знаю о себе, но я способен разработать теорию об этом онтологическом отсутствии.

Почему?

Очевидно, что ответ на этот вопрос станет ответом и на другие вопросы.

На другой.

* * *

В ванной комнате я вступаю в контакт с единственным доступным мне идентификационным субстратом: с моим изображением.

Безбородый мужчина лет сорока, с прорастающей – двух-, трехдневной – щетиной (время, которое я в бессознательном состоянии провел в комнате?), с короткими черными волосами, с серыми глазами.

За несколько часов, в течение которых я изучаю все уголки дома в поисках какой-нибудь подсказки, я постоянно возвращаюсь в ванную, чтобы привыкнуть к собственной внешности.

В конце концов, это происходит. Я – такой. Это – я. Я – вот это.

Я продолжаю поиски на втором этаже, потом спускаюсь по лестнице и открываю для себя первый этаж. Он выдержан в более

сельском стиле. Просторная деревенская кухня. Ванная комната с желтой и белой фаянсовой плиткой. Большая кладовка, полная картонных коробок и каких-то сваленных в кучу предметов. Просторная комната без мебели, с недокрашенными стенами, совсем маленький туалет.

Коридор, выложенный темно-красным терракотовым кафелем, ведет к входной двери. Она представляет собой широкий прямоугольник неполированного стекла, пропускающего дневной свет, который дрожит на белых стенах с изразцами желто-бронзового цвета и на полу, покрытом кирпичной восьмиугольной плиткой.

Внешний мир.

Мир.

Я понимаю, что в моем распоряжении находится весь дом целиком. Дом на опушке соснового леса – это мой гостиничный номер. Точнее, моя гостиница, мой частный дом.

Я проснулся не в больничной палате, не в гостиничном номере. А в доме.

В совершенно определенном доме, находящемся в определенном месте, в определенном городе.

Следовательно, по определенной причине. Смысл происходящего пока мне недоступен, но он обнаруживает свое наличие самой своей закрытостью, моей необъяснимой амнезией.

Если я, лишенный памяти, нахожусь здесь, в доме, которого я не знаю, это не случайно.

А если это не случайно, значит, это устроено сознательно.

Кто-то хочет, чтобы я пережил этот опыт.

Что-то или кто-то манипулирует мной, и я не знаю, о чем или о ком идет речь, поскольку по-прежнему не подозреваю, кто я, где я и в какое время попал.

Я – просто нить, извивающаяся над пропастью, и даже то, к чему она привязана, подвешено над пучиной без дна: я, словно в невесомости, парю в пустоте, колеблюсь между двумя мирами, – и если бы зеркала не лгали, то в ванной комнате я увидел бы отражение привидения, призрака, голограммы.

Именно по этой причине, без сомнения, в первый день моего пробуждения я не вышел из дома. Я посмотрел из окон наружу, на город, на сосны, на обширное пространство частных пляжей, лежавших вдоль залитого солнцем проспекта по берегу моря, на синеву воды, чуть более зеленую, чем синева неба, на корабли, которые я заметил у мола. Но носа на улицу я не высунул. Я привык к своему облику, снова и снова заходя в довольно роскошную ванную комнату на втором этаже. Остальное время я

рылся, искал, исследовал каждый уголок дома, в котором только что родился.

Я ничего не помнил, поэтому стремился к будущему с удесятеренной силой. Я мог часами сидеть в комнате, вертя в руках какой-нибудь предмет или разглядывая расположение, цвет, форму, структуру стен или мебели.

Поэтому не найти его я не мог.

Я нашел его в кладовке на первом этаже, среди старой домашней утвари, газет, журналов, потрепанных книг, ящиков с инструментами для поделок, запасов электрических лампочек, шнуров и двадцатикилограммовых мешков с собачьим кормом.

Чемодан. Несколько старомодный по стилю, но прекрасно сохранившийся, он сразу выделялся среди кучи разнообразных вещей, под которой я его обнаружил. Дорожный чемодан, с колесиками и выдвижной ручкой, с застежками «молния», с шотландским узором – фиолетовый, пурпурный и серый тартан.

Когда я нашел чемодан, было уже довольно поздно. Солнце касалось горизонта, приближалась ночь.

И при этом красном густом освещении, падавшем из окна кладовки, я открыл его.

Свет инфракрасного излучения озарил два находившихся в нем предмета. Оранжевый огонь упал золотой гравюрой на первый белый лист стопки бумаги. Этот же огонь загорелся на латунных украшениях старинной пишущей машинки «ремингтон», старинной, но находящейся в рабочем состоянии и готовой к службе. Этот оранжевый огонь зарябил в моих глазах, когда я понял, что первый лист не совсем чист. На самом верху страницы, в середине ее, виднелось слово, в оранжевом свете я смог узнать характерную манеру печати пишущей машинки.

АРТЕФАКТ – значилось там заглавными буквами синего цвета.

Название.

Листки бумаги.

Почтенная пишущая машинка.

И в падающем с неба красно-золотом освещении я осознал происходящее.

Это действительно эксперимент. Или нечто, ему подобное. Какая-то форма психологического манипулирования.

Кто-то хочет, чтобы я сделал в этом доме нечто совершенно определенное.

Мне дали возможность сделать это.

Кто-то хочет, чтобы я писал.

Не знаю почему, но кто-то хочет, чтобы я писал. Но что? И почему?

Кто-то хочет, чтобы я писал.

И по этой причине мне начисто стерли память.

Кто-то хочет, чтобы я писал.

Кто-то, кажется, убежден в том, что для этого мне для начала нужно потерять свою личность.

Второй день: машинка и ее двойник

Я проснулся, комната оставалась все такой же белой. Солнце уже атаковало сетчатку глаз своим рассеянным золотом, небо снова сияло электрической лазурной мономанией. Вдали изумрудная зелень моря играла с линией горизонта, на котором флотилия туч плыла на юг.

Я проснулся, широко открытый чемодан лежал на полу, в ногах кровати. Я лишь слегка приподнялся на подушке и увидел его за простынями, белыми, как стены комнаты.

Он возвышался над паркетом из золотистого дуба, его бока обтягивал шотландский тартан. Толстой стопкой лежали белые листы, такие же белые, как стены, как простыни, как мое сознание. А пишущая машинка «ремингтон», словно некий механический Грааль, словно священная реликвия, быть может чудотворная, всем своим металлом и бакелитом ждала Святого Елея.

Я проснулся в том же месте, что и вчера, примерно в то же время дня, практически в тех же условиях, что и накануне. Все сияло белым, золотым, голубым. Я по-прежнему находился здесь, не зная, на что это «здесь» похоже. Что это за местность? Что за значок на карте?

Но кое-что значительно изменилось со вчерашнего дня. Помимо моей тосканской интуиции, этого первого выбора параметров, этой первой идентификации местности (Италия), помимо элементарного топографического определения моего местонахождения, из мира явилось нечто, прямо проникающее в мой мозг, туда, где как раз уже ничего нет.

Нечто посылало мне знаки, которые привлекали мое внимание своим присутствием, своим внешним видом.

Эти знаки – пишущая машинка и стопка листков – не столько являлись орудиями для письма и записывания, сколько взывали к тому, чтобы я писал и записывал.

Произошло очень странное событие, видимо, ночью.

Первые страницы из стопки листков покрылись печатными буквами синего цвета, характерными для «ремингтонов» этой старинной и знаменитой модели.

В самой машинке листа уже не было. «Ремингтон» и листы бумаги казались соединенными невидимой связью. Пишущая машинка и напечатанное ею словно не нуждались в человеческом посреднике, им как будто не нужен был активный физический контакт для того, чтобы слова, созданные одной, оказались на поверхности других.

Они представляли собой *сеть прерываний*. Они нуждались лишь в *перевернутой личине*.

Меня охватило, даже потрясло неожиданное и волнующее понимание, такое же светлое, как какое-нибудь мистическое открытие: ни листы бумаги, ни машинка, ни ее клавиши, ни ее пропитанная синими чернилами лента, ни то, ни другое, ни третье не являлись инструментами в прямом смысле этого слова.

Вывод казался очевидным: если *инструментами* для письма не являются ни пишущая машинка, ни бумага формата «А4», то, следовательно, эту роль должен исполнять кто-то другой.

Одна очевидность тут же повлекла за собой другую: конечно, никто в мире, кроме меня, исполнить эту роль не может.

Перевернутая личина – это я.

Теперь я обладал ответом на один из вопросов, возникших накануне. Что? Они хотят, чтобы я сделал что?

Видимо, они хотят, чтобы я как раз и рассказал о чувствах человека, запущенного, словно метеор, в туннель, ведущий к его собственному будущему.

Неужели именно я написал эти несколько страниц ночью?

Только такое объяснение выглядело логичным. У меня амнезия. Она, видимо, сопровождается рядом побочных эффектов.

Эти побочные эффекты, несомненно, и являются главной целью эксперимента. Сама амнезия – всего лишь подготовка предварительных условий, она не имеет практически никакого значения. Это просто техническая процедура.

Истинная тайна, секрет заключаются в стопке бумаги и в пишущей машинке, аккуратно убранных в чемодан. В этой машинке, которая, казалось, сама исписала несколько страниц бумаги, так и не сдвинувшейся с места.

Это я, нечего и сомневаться. Одна из форм лунатизма с направленной потерей памяти на фоне общей амнезии? Такое возможно – с медицинской точки зрения?

Да, такое возможно.

Встает вопрос: где находится ближайшая психиатрическая клиника?

Но никаким психозом я не страдаю, это я тоже знал. У меня нет галлюцинаций, отрыва от реальности, приступов бреда, никаких симптомов шизофрении, паранойи, навязчивых идей. Если бы я был душевнобольным, то я бы проснулся в отдельной палате психиатрического заведения.

Я догадывался, что проблема носит не совсем патологический характер. Конечно, она все равно тесно связана с моим мозгом и

его функционированием, но я почему-то сомневался в том, что даже очень высококвалифицированный врач будет в состоянии мне помочь.

Мое положение могло облегчить только это сочетание чемодана, стопки бумаги и пишущей машинки. Его компоненты являлись движущими силами, способными связать мое создающееся будущее и разрушенное прошлое.

Сияющий день начинался, солнце поднималось к зениту. Я подумал о том, что моя настоящая жизнь, быть может, расцветает в некое ночное время, когда сознание погружается в сумрак, освобождая место всему тому, что чахнет у меня внутри.

Возможно, мне нужно просто пустить все на самотек. Удовольствоваться, подобно обычному, приехавшему на время туристу, которым я, по сути, и являлся, более или менее нормальным существованием в этом незнакомом городе и позволять ночи овладевать моим телом до рассвета.

И есть ли этому альтернатива?

Разве где-нибудь в этом мире существует аварийный выход?

То, что я написал в течение первой ночи, заняло полдюжины листков.

Это странно и в то же время совершенно логично. Примерно на шести листках я совершенно точно изложил события предыдущего дня, начиная с пробуждения и вплоть до обнаружения чемодана. Я ожидал прочесть нечто удивительное, найти откровение, код, ключ, точку зрения. Быть может, некую фразу, которая осветит целую тайну, ставшую моей жизнью и всем миром вокруг меня.

Но там лишь описывался опыт, описывался тем, над кем он проводится, то есть мной. На страницах описывался только я, другими словами, там ничего не описывалось. И в то же время я понимал, что, как и в зеркале в ванной комнате, в этих страницах, в этом тексте прячется главная часть загадки: моя личность, то, чем я был, то, чем я быть перестал, и то, чем я должен стать снова.

Я быстро сообразил, что изучать текст так, как я изучал дом, будет напрасным трудом. Свет, способный прийти мне на помощь, в прямом, первоначальном, очевидном смысле написанного я не отыщу. В нем нет ничего о моем гражданском положении, о моей профессиональной жизни, о моих социальных или этнических корнях, о возможных воспоминаниях, о каком-нибудь адресе, пусть даже простом почтовом ящике, о знакомых людях, о соседях, о сослуживцах, о друзьях, о семье, о собаке, о машине. Ничего. Ничего о том, кем я был и кем я больше не

являюсь.

Значит, смысл заключался в самом акте написания, подсказала неизвестно откуда взявшаяся и окрепшая со всей силой очевидности в моем рассудке интуиция. Не понимая целей и причин эксперимента, я начинал понимать его ход, его методологию, внутреннюю механику. И тут я сталкивался с явлением, которое, казалось, могло как растянуться до всей возможной бесконечности, так и сжаться по одной и той же причине. Я ощущал себя кометной пылью, попавшей во власть фотонного ветра гигантской звезды, превращающейся в черную дыру.

Чем больше я о ней узнавал, тем страшнее становились масштабы моего неведения.

Чем больше я о ней узнавал, тем меньше я чувствовал себя способным действительно что-то узнать.

Я решил одеться и выйти из дому.

Я не дам черной дыре засосать себя.

* * *

Это был красивый город. Солнце заливало своими лучами углы каждой улицы, каждое дерево, каждый автомобиль, фасад каждого дома, каждую деталь городского устройства, каждого встретившегося мне человека.

Это был красивый город. Морской курорт. Кажется, в самом начале лета, как раз перед началом великой туристической армады. Июнь, подумал я. Середина июня, точно. Я начинал учиться чертить диаграммы времени. Метеорология позволит мне установить правдоподобную хронологию. Самое начало лета. Мне оставалось найти газету, получить этому подтверждение и точно узнать наконец, какой сейчас идет год.

Газета для такого человека, как я, полна информации. Не крупные заголовки привлекают его и сообщают ему о том, что он хочет узнать.

Самое главное – число.

Затем – язык, на котором написана газета.

Я правильно догадался с самого начала и воспринял это как свою первую победу над экспериментом, над амнезией, над ловушкой отсутствия у меня личности.

«Corriere della Sera»[39].

Италия.

Тринадцатое июня двухтысячного года.

Скорое начало летнего сезона.

Потом, идя к заведению под названием «Tito del Molo», огромной пиццерии, выходящей на длинный портовый мол, я понял, что все эти обладающие математической точностью сведения для меня не представляют ни малейшего интереса.

Я мог бы оказаться в самом центре Казахстана или на южной оконечности Патагонии, причем в самую лютую зиму, году эдак в тысяча девятьсот восемьдесят пятом или даже тысяча девятьсот пятьдесят третьем, это никак не изменило бы моего положения.

Важна оказалась не местность, а карта, которую я должен создать на ее основе.

Важным оказалось даже не то, кем я являлся или уже не являлся, не то, куда я направлялся, словно метеор, запущенный в туннель своего будущего, – нет! Действительно важным, тем, что открывало дверь к разрешению загадки, оказалось понимание того, чем я теперь *стал*.

И мне необходимо идти до конца эксперимента, если я хочу получить шанс узнать о его предпосылках и целях.

Мне не нужно нигде рыться, мне не нужно ничего искать, не нужно делать открытий, не нужно разгадывать секреты.

Тайна сама придет за мной.

Третий день: пляж

Город назывался Виареджо[40]. Он был одним из тех небольших населенных пунктов, служащих торговыми, финансовыми и индустриальными контрфорсами курортов, рассредоточившихся вдоль тосканского берега. Я нашел план города, полностью ориентированного к морю, к молу, к пляжу.

Широкая и очень длинная passeggiata[41] шла от «Tito del Molo» мимо многочисленных роскошных, таких как «Grand Hotel Royal» или «President», гостиниц с одной стороны и мимо массы разноцветных купален, выстроенных в каких-то мультипликационных традициях, с другой. Они представляли собой разнородное собрание ложного барокко, ложного вавилонского стиля, ложного византийского стиля, ложного колониального стиля, ложного готического стиля, ложного мавританского стиля, ложного классического стиля, ложного ультрамодерна, ложного античного стиля, ложного невесть чего.

Названия воскрешали в памяти пантеон италийских комиксов: «Nettunio», «Oceano», «Margherita», «Paradiso», «L'Altro Mare», «Marco Polo», «Aurora», «Italia», «Milano», «Roma», «Raffaello», «Florida», «Veneto»…

Каждой купальне соответствовал участок пляжа. Вы платите за входной билет и получаете шезлонг, это обязательно. Остальное (содовая вода, капучино, сэндвичи, порция пиццы) зависит от щедрости администрации.

Сначала я прошел по passeggiata до самого конца или почти до самого конца, потом повернул назад, ища идеальное место для купания. Я заметил, что ложный стиль их архитектуры исчерпывался разнообразием их особенностей, и я выбрал «Oceano».

Океан – это практически единственная доступная мне конкретная вещь, это общий термин. Океан подобен мне, ведь я – *просто* человек.

Человек перед океаном.

Солнце уже сильно нагревало песок, который в начале второй половины дня сделался обжигающим. Через две или три недели к одиннадцати часам утра он будет уже слепящим пространством пылающего кремнезема.

Пляж оставался почти пустынным, не все купальни еще даже открылись. По passeggiata без затруднений двигались машины, слышалось лишь ритмичное накатывание на песок прибоя, обозначавшего ничтожные сдвиги времени и едва ощутимые вариации его интенсивности.

Я посмотрел в сторону мола с редкими силуэтами гуляющих, заметил мачты нескольких прогулочных яхт и высокий серо-голубой титановый корпус старого пассажирского судна, на котором я отчетливо различил плещущийся над носовой частью «удобный флаг» Багам. Чайки крылатыми флотилиями кружились над маленьким портом, полет альбатроса прочерчивал пространство черной стрелой, улетающей в морскую ширь.

Шезлонги с набивной тканью особой для каждой купальни расцветки, выстроившиеся в длинные ряды на гектарах песка, напоминали произведение ландшафтного искусства, где любое появление человека казалось лишним, даже неэстетичным. Я и еще несколько человек, которые потягивали газированные напитки и загорали на солнце, казались недостаточно многочисленными, слишком одинокими, разбросанными, удаленными друг от друга, чтобы производить впечатление чего-то большего, чем искусственное продолжение армии шезлонгов и зонтиков, чем просто неподвижные тени. Я представил себе толпу отпускников, которая будет тесниться здесь примерно через две недели, и подумал, что это сразу создаст другой образчик современного искусства, курортную форму гигантского боди-арта, где люди уже станут такими же правдивыми, совершенными и тождественными друг другу, как шезлонги и зонтики.

Одна-единственная пыльная сверкающая полоса, оставленная летящим на большой высоте самолетом, прочертила небо, по-прежнему такое же яростно монохромное, и создала явление едва заметного движения. Высокая летняя температура создавала вокруг вас некий невидимый шар, сферу, наполненную горячим газом, светом, частицами белого песка, висящими в пресыщенном раскаленными красками воздухе.

Я провел несколько часов, наблюдая за ним словно сквозь совершенный ортоскопический объектив. Я видел ход кораблей вдали, созерцал белый с коралловыми вкраплениями песок, мой взгляд тонул в разной интенсивности синем и зеленом цвете Средиземного моря, затем он терялся во властной лазури неба, затем я начинал все сначала. Других занятий, кроме позволения этому миру отпечататься в себе, я не находил.

В самые черные ночные часы *некто*, не совсем являющийся мной, опишет весь процесс в некоей зарождающейся книге.

Песок, море, небо, солнце. Они, как представляется, вполне могут обозначить присутствие мира. Они подобны розе ветров, внесенной в компас, на котором не хватает лишь стрелки, указывающей направление к северному магнитному полюсу.

Но я знаю, что эта стрелка, этот полюс, это магнитное притяжение находятся не здесь. Они находятся на *перевернутой*

личине этого мира песка-моря-неба-солнца, они находятся в послеполуночном мире, они находятся в мире огня-железа-бездны-тьмы, где текст находит весь свет другого мира, свет, которым этот мир обладает, но удержать который не может.

Я не знаю, откуда мне известно об этом, не важно, наверняка благодаря четырехплановой, одновременно разобщенной и сплоченной конфронтации света и ночи.

Но я знаю, что отпечатанное миром во мне дает моему мозгу необходимый импульс для записи неизвестных сведений обо мне на каком-нибудь таинственном пляже, где видимые следы моих шагов, где заметные, прочерченные моими пальцами углубления придадут наконец смысл тому, чем я еще не являюсь, и свяжут это воедино.

Часы идут, скользят по волне времени, как эти сёрфингисты, которых я замечаю вдали, чуть к югу, за молом. Моя жизнь – пока только капельки пены, отбрасываемые бурунами, и доска для сёрфинга, летящая по ним.

Часы идут, я даю уйти этим призрачным поездам, я замечаю, как их огни постепенно исчезают на горизонте.

Синева неба очень медленно сменилась на интенсивный серый кобальт с оттенком индиго. Солнце, словно метеор под анестезией, спускалось к горизонту, песок окрасился в желто-розовый, а потом – в ярко-оранжевый цвет. Даже море сделалось огненным. Обычные сумерки над морской вселенной. Фотография, открытка, такая же, как миллионы других такого же типа.

Такие продают вдоль passeggiata. Картинка с изображением отпуска – основная икона эры свободного времени.

Эстетика, взятая у мира, где солнце никогда, ни для кого и нигде не садится.

Но это – моя фотография, моя открытка, мой вид Эпиналя[42], моя рекламная икона. Мой мир.

Ничто и никто не смог бы втиснуться между тем, что оставалось от меня, и тем, что оставалось ото дня. Ничто и никто не смог бы заслонить своим нежелательным присутствием горизонт от прикованных к нему глаз человека без памяти, горизонт, который собирался поглотить солнце.

Ничто и никто не смог бы встать между мной и пляжем. Ничто и никто не смог бы помешать мне спокойно дождаться здесь прихода ночи.

Крошечная тучка по-прежнему висела высоко в зените. Кусочек перистого облака, затерявшийся и медленно распадавшийся в этой части неба.

Пляж, казалось, жил в своем собственном темпе, замедленный ход Вселенной странным образом позволял лучше видеть и то, что происходит в одну секунду, и то, чему для начала каких-то изменений, какого-то движения требуется неисчислимое количество времени.

Пляж действовал, словно некий химический проявитель. Уж он-то действительно являлся *инструментом.*

Вот. Это реальность. Город. Населенный пункт Виареджио, Тоскана, Италия. Пляж. Passeggiata. «Tito del Molo». Сосновый лес, начинавшийся за молом.

Мой дом. Дом кого-то, кто мог с большой натяжкой сказать: «я». Дом того другого, которым я стал.

* * *

Погруженный в последние синевато-серые минуты дня, сосновый лес приникает к почве золотистой красновато-коричневой массой, загораживая горизонт густыми ветвями. Время от времени я замечаю издали многоцветные, слабо озаренные воткнутым в землю прожектором палатки, полные велосипедов и тандемов. Я понимаю, что это маленькие агентства по сдаче в аренду разнообразных средств передвижения, на которых можно посетить берег моря и лес, расположенный напротив дома, где я живу.

Дома, в котором меня ждет пишущая машинка.

Дома, в котором меня также ждет мое незнакомое «я», мое «другое я».

Они ждут меня вместе. Кстати, разве они не являются в каком-то смысле одной и той же единой сущностью?

Комната бела так же, как и пляж. Она напоминает его обитаемую и обставленную мебелью копию, она – его отблеск, включенный в учет наносимого природе ущерба, она – его заключение в параллелепипедную структуру. Она находится уже не на поверхности планеты, а внутри куба.

Следовательно, ее топология изменилась, она структурируется теперь полом и потолком, не считая смежных помещений, но остается, вернее, продолжает становиться тем, что она есть, – пляжем, поскольку его сущность метастабильна. Это новое понятие только что возникло в моем мозгу, пока я созерцаю пишущую машинку и стопку бумаги, лежащие бок о бок в открытом чемодане у изножья кровати.

Силы, сущность, процесс создания.

Горизонтальный пляж парадоксальным образом кажется

поворотной осью всего остального. Из-за него может образоваться перевернутая личина дня и ночи. Пляж, распластанный по глобусу днем, после полуночи рассыпается по противоположным внутренним поверхностям мира, являющегося его отформатированной копией, то есть комнаты.

Перевернутая личина двух этих машин, конечно, я. Благодаря мне пишущей машинке, третьей машине, составленной из двух первых и себя самой, удается существовать, то есть записывать слова на бумагу.

Я не знаю, кто задумал этот эксперимент, в котором я невольно выступаю в роли подопытного кролика, но создается впечатление, что этот кто-то может создавать и разрушать миры по своему усмотрению.

Во всяком случае, создается впечатление, что он делает все для того, чтобы заставить нас поверить в это.

Четвертый день: бесконечность в кубе

Сон долго не приходил. Я постоянно смотрел то на открытый чемодан в изножье кровати, то на маленький радиобудильник «сони» кубической формы, стоявший на ночном столике и с цифровой точностью отмечавший время красными светодиодами.

Чемодан, появившийся ниоткуда, но найденный в доме, будильник, сияющий ярко-красными минутами, пишущая машинка, готовящаяся нанести синюю татуировку на белую бумагу. Синхронизированные фазы одного и того же процесса. Процесса создания цельной личности, с прошлым, с настоящим, с будущим, заключенными в машине, в сети прерываний, придающими смысл всему.

Пляж, преображенный в свою следующую форму, в комнату. И я среди них, среди ночи, среди двух миров. Словно среди себя самого. Почти неразличимый мост перекинут между двумя «я». Между «я», которые уже не знакомы, которые не могут узнать друг друга, которые прекратили сотрудничество. «Я» дневное, «я» ночное, «я» пляжа, «я» комнаты, «я», позволяющее миру отпечатываться в нем, «я», записывающее эксперимент при помощи пишущей машинки. Они разные, смещенные по фазам, разобщенные. Они, кажется, иногда, во время призрачных пересечений, могут сталкиваться, но разъединены по определению. Моя жизнь в поступке, то есть в письме, мое высшее мастерство должны помочь им снова слиться воедино.

Существует процесс. И *процессор – я*.

Часы идут, как на пляже, но в полутьме комнаты; в полутьме кубического пляжа они принимают вид красных светодиодов.

Часы идут. Я – процессор. Красные цифры в ночи. Я – пишущая машинка, способная объединить две разобщенные машины моей личности. Я – то, что натянуто между двумя пределами Бесконечности.

Часы идут. Сон не приходит. Я словно нахожусь в разгаре дня на пляже. Мне кажется, что потемки комнаты содержат еще более яркий свет.

Часы идут. Полночь приближается. Я по-прежнему вижу открытый чемодан, стопку бумаги и «ремингтон», ожидающие меня в изножье кровати. Мои глаза периодически закрываются. Я клюю носом. Постепенно темнота охватывает все. Я погружаюсь в дремоту. Я погружаюсь в спрятанный свет Черной комнаты.

Часы остановились.

Я иду навстречу им.

Я.

Наконец.

Я – там. Это – я. Я – это я. Я подключился к процессу, я – действующий процессор. Я – это я.

Я вернулся к себе самому, я стал тем, что я есть, я снова то, чем я становлюсь.

Я.

Наконец.

Но возвращающийся мир рассыпался на десинхронизированные, разъединенные, распыленные фрагменты. Мне удается удержать вместе две машины моей личности. Удается, потому что я сижу на полу перед пишущей машинкой, прислонившись к спинке кровати. Я произвожу разделительный синтез, начинаю снова становиться собой. Пока я стучу по клавишам пишущей машинки, ослепляющий свет воспламеняет мой разум. Черная комната превращается в Пылающую комнату, весь мир вокруг взрывается туманными огнями.

Пишущая машинка сделалась органом моего тела. Я чувствую световые, призрачные связки, переплетения нервов и сухожилий, тихо пульсирующих в монохромии лазера, потом различаю почти невидимую сеть, мерцающую в радужном лунном свете, сплетенную из тысяч нитей, более тонких, чем волос или оптическое волокно, практически бесплотных, словно собирающихся ежесекундно исчезнуть. Я знаю, что это такое. Нейронные моноклоновые структуры.

Сеть нейронов, толщиной в несколько клеток.

Это они в тот момент, когда пляж превращается в Черную комнату, делают из пишущей машинки мой второй мозг, метакору головного мозга, которая отличает меня от меня самого и позволяет лучше соединиться с тем другим, что живет во мне.

Благодаря этому устройству я могу писать. Я могу написать о том, кто я, я смогу написать о том, откуда я пришел и куда направляюсь, я опишу самого себя на бумаге, я – сюжет и автор, сюжет/автор, собирающий обрывки своего уничтоженного существования, автор/сюжет, стремящийся к Бесконечности, из которой он составлен.

Я, роман/человек в пространстве комнаты, во времени после/полуночи, способный открыть свою собственную историю, придумав ее.

У меня просто не будет времени продолжать жить, странным образом сознательно, но во сне. Нет, у меня не будет времени. Потому что здесь время – это свет, скрывающий темноту. Темноту комнаты.

Комнаты, в которой я просыпаюсь, комнаты, которая уже является не только комнатой, белой комнатой просыпающегося

дня.

Белой комнатой, в которой меня ждут чемодан, пишущая машинка и ночное творчество.

Белая комната, являющаяся ночным пляжем моего существования.

Все стоит на местах. Все, кроме меня, как обычно.

Лежит добрый десяток страниц, напечатанных ночью.

Пишущая машинка все так же невозмутимо и торжественно стоит рядом с ними. Все аккуратно сложено, безукоризненно пронумеровано. Написаны уже три главы. Три главы, повествующие об эксперименте, который я переживаю.

По-прежнему никакого ясного ответа, никакого следа, никакого намека, ни малейшей подсказки.

Но ночной эксперимент не закончился преодолением явления. Я слишком рано погрузился в видения, нырнув не в потемки сна, а в иллюминацию амнезии. В свет пробуждения, практически лишенного всяких воспоминаний, в грезу, кажущуюся более реальной, чем реальность, в которой я экспериментирую в настоящий момент.

Мое прошлое остается все таким же пошло пустынным, а вот будущее – при помощи «настоящего», написанного пишущей машинкой, – постепенно создается.

Это все напоминает бесконечное движение по кругу. Я переживаю то, что пишу, я описываю то, что переживаю. Я живу словно во сне, который воспроизвожу во время периодов сна. Я пишу в мире, кажущемся более реальным, чем тот, в котором я живу в полном сознании.

Но очень далекий голос, идущий из глубин моей личности, говорит мне о том, что отклонение от маршрута все-таки существует. Голос еле слышен, но он звучит, он змеится живительной трещиной в этом опасном монолите, в этом извращенном, смертельном единстве, в этом воплощении эффекта Ларсена, угрожающем мне бесконечным экспериментом, пляжем, комнатой, белизной ночи, темнотой дня.

И я принимаю душ, одеваюсь и снова выхожу на солнце, окунаясь в его световые сумерки. Направление – к Passeggiata, направление – к пляжу.

Направление – площадка великого отклонения.

Я принял решение, которое, скорее всего, станет судьбоносным: отнести машинку на пляж. И стопку бумаги тоже. На самом деле я повез туда чемодан на колесиках, в который все уложил. Итак, устройство из дома, работавшее в ночной комнате, оказалось на пляже и обосновалось передо мной, лежащим в

шезлонге точно так же, как я лежу в кровати. Я переместил нас, машинку и себя, с одного края мира на другой, с одной границы моей распавшейся личности к другой.

Какие неизвестные явления, подключение друг к другу каких машин, я спровоцирую?

Я не знал ответа как на эти вопросы, так и ни на какие другие, но очень надеялся на то, что изменение движения основной оси будет иметь значительные последствия.

Какие – я, естественно, совершенно себе не представлял. Сидя на песке пляжа, как на полу комнаты, прислонившись спиной к шезлонгу, я созерцаю тройственную конструкцию, вырисовывавшуюся на лазури неба и на зеленом изумруде моря. Солнце, астральный Сизиф, чье световое тепло начинает раскалять кремнезем, идет на штурм своей ежедневной горы.

Широко открытый чемодан. Пишущая машинка. Стопка бумаги. Они составляют единый организм, они – органы одного тела, они вместе – тело во всем его единстве, во всей его законченности.

Это тело – образ того, чем я являюсь, я это хорошо понимаю. Подвижное вместилище. Система вписывания. Знаки, язык, история.

Я, испытывая нечто вроде священного ужаса, беру в руки первый девственный листок и заправляю его под валик машинки. Мне кажется, что я ослушался таинственного, неизвестного, безмолвного Приказа, нарушил табу, преступил главный Закон.

Одновременно с этим я не могу не подчиниться овладевшему мной порыву. Происходящее похоже на химическую реакцию или явление физической природы. Ничто не остановит эксперимент, говорю я себе, а мои пальцы тем временем ограничиваются прикосновениями к круглым клавишам, оценивают впечатление от контакта с ними, их форму, их тепло.

Ничто не остановит эксперимент. Ни те, кто его проводит. Ни тот или та, кто его придумал. Ничто не остановит эксперимент, то есть меня. Вы сами этого хотели.

Мои пальцы касаются клавиш, девственный лист бумаги согнут. Его поддерживает металлический клапан, сияющий на солнце. Песок так же ослепителен, как белая бумага, синева неба словно соперничает с цветом букв, которые скоро будут напечатаны, зеленое золото моря сочетается с поблекшей окраской машинки. Все упорядочено, составные части мира подсоединились друг к другу, остается добавить лишь последнюю деталь, основную деталь, процессор.

Остается добавить меня.

Что-то произойдет, я это знаю. Я соединяю расщепляющиеся компоненты настоящей цепной реакции, от которой может взорваться весь мир, но я все равно продолжу.

Этот мир, воссоединившийся с машиной, то есть со мной-другим, и является разгадкой моей утраченной личности. Я очень хорошо знаю, что делаю. Я очень хорошо знаю, что когда я открою модальность повествования, секретный механизм письма, то смогу снова найти себя. Поскольку я найду себя там, это я тоже знаю.

Вы, кем бы вы ни были, уже не сможете остановить эксперимент. Что-то произойдет. Случится какое-то событие.

Мои пальцы продолжают касаться круглых клавиш с латунными ободками, я не свожу больше глаз с них и с их механизированного алфавита. Мир обретает смысл, процессор готовится активизировать устройство.

Да, нечто произойдет.

И нечто происходит.

Я – полный идиот.

Как я мог хотя бы на секунду забыть совершенно неопределимую натуру явлений, касающихся меня в первую очередь?

Это тень.

Нет, сначала это пляж. Все купальни пляжа. Шезлонги, бары, бассейны, вычурные постройки.

И как и вчера, тени, рассыпавшиеся под атомным солнцем. Люди – такие же, как я. Ну почти такие же. Силуэты на молу. Бледные тени, виднеющиеся то тут, то там, продолжения шезлонгов, протезы кремнезема, пена среди волн, облака, упавшие с неба.

И эта тень. Белая тень.

Она смотрит на меня. Я смотрю на нее. Мы находимся далеко друг от друга. Нас разделяет больше десятка купален.

Мы находимся далеко друг от друга, но я поднялся на ноги. Сговор. Странные отношения. Точка пересечения.

Эта белая тень среди других белых теней, сливающихся с песком, мне словно знакома. Она словно мне знакома до такой степени, что я знаю, что это – я.

Событие действительно произошло. Я снова обрету себя. Теперь я стою на том же пляже, что и я, каждое из моих «я» стоит на почти противоположных его концах. Мне не понадобилось ничего писать. Мир совершенно унифицировался, я его процессор, я иду к своей белой тени на пляже, я, вероятно, меняю условия эксперимента.

Так и есть, событие произошло. Это событие – я сам.

Я не знаю, откуда у меня как эти, так и остальные сведения, но положение и скорость элементарной частицы нельзя вычислить точно.

Я не знаю, что происходит в действительности, но все кажется отличной иллюстрацией к явлению.

Пока я иду по песку пляжа в направлении тени, ее очертания, ее присутствие, ее движения становятся более четкими. Она, кажется, все время меняет свое положение, порой даже находится одновременно в нескольких местах. Когда я подхожу еще ближе, ее силуэт, признаки ее присутствия, природа и направление ее движений делаются, в свою очередь, неясными. Чем больше я приближаюсь к своей тени, тем меньше могу ее «вычислить». Все больше лишаясь возможности ее воспринимать, я все больше лишаюсь возможности подойти к ней.

Бледный отблеск на песке. Тень скользнула в сторону Passeggiata, последовав по аллее. Совершаемые ею движения состоят из последовательных появлений/исчезновений, в совершенно цифровом ритме: on/off, on/off[43].

Я пытаюсь следовать за ней, ориентируясь на большой отель «Royal». Я иду за ней, но никак не могу подойти к ней совсем близко. Даже когда расстояние между нами сокращается, мы находимся все так же далеко друг от друга. Тень продолжает появляться/исчезать в своем цифровом режиме, иногда разделяясь на несколько силуэтов, которые расходятся в разные стороны.

Разве можно в таких условиях кого-нибудь преследовать? Даже собственную тень? Даже себя самого?

Пятый день: Белая ночь

Мне показалось, что все это длилось целые часы. Да и длилось ли это определенное, точнее, поддающееся определению время?

Я не сумею это объяснить. Время и пространство тесно переплелись. Белая тень, одновременно единая и множественная, одновременно мое другое «я» и мое «я-другое», все постоянно путала. Топография: я на Passaggiata, на стороне роскошных гостиниц, потом на стороне купален. Я на пляже, иду между шезлонгами, выравнивая их полосатую полихромию, пересекаю аллеи, ведущие к купальням, следую мимо бассейнов, баров, возвращаюсь на Passaggiata, потом кадры прокручиваются снова, но уже совсем не в этом порядке, затем они повторяются опять, совершенно по-другому, и опять и снова. Хронология: солнце садится, но мне кажется, будто еще полдень, когда оно касается горизонта. Свет его сияет ярче, чем в разгар утра, полная луна заливает Вселенную своими серебристыми лучами, потом, когда разгорается небесный пожар, все становится единой пламенеющей молнией, баллистическим, пылающим, словно сигнальная ракета, углем, а ночь, с ее миллионами звезд, уже упала на нас.

Тень все так же бледна, она все так же находится передо мной, опережает меня на шаг.

Мое другое «я» все такое же другое.

Мое «я-другое» – я-все-так-же-в-некотором-отдалении.

Местонахождение и скорость субатомной частицы нельзя вычислить одновременно. Подчиняются ли *я* и *другое я* тем же квантовым законам?

Этот вопрос не стоило и задавать. С первой секунды своего лишенного памяти пробуждения я как раз испытываю это ощущение неуверенности, которое относится к самому существованию.

Бледная тень все так же убегает от меня, но мне не остается ничего, я это знаю, как преследовать ее в этом незнакомом городе, где она бродит безо всякой стоящей цели, или же исследовать территорию, которую я, быть может, потом смогу нанести на карту.

Почему так светло? Освещение напоминает утро в Арктике, там, где солнце никогда не садится. А ведь наступила ночь.

Наступила в прямом смысле слова: обрушилась на землю, одним махом зажгла весь свет звезд. Небо стало серо-голубым и сияюще-серебристым, под потоком лучей от зенита до горизонта

задрожала бриллиантовая пыль, от надира до Ориона. Но это ни день и ни ночь, ни рассвет и ни сумерки, это другое состояние времени, это отклонившаяся от нормы метеорология, это косая, сместившая по фазе континуум, и ее видимые признаки.

Это Белая ночь. Она тоже – перевернутая личина. Она – лунная сторона дня.

Мне кажется, она родом из мира моего двойника, этой бледной тени, за которой я бегу.

Мы регулярно возвращаемся на Passaggiata. Это место перехода. Это позвоночный столб сети улиц, чьи названия мне никак не удается удержать в памяти, словно они совершенно не важны. Они могли бы быть просто пошлыми номерами, как в каком-нибудь североамериканском городе, они могли бы даже не иметь никаких опознавательных признаков, совсем как я. Улицы без названий для человека без памяти – целостность мира становится абсолютной. Сам город – это всего лишь фон. Пейзаж с видом тосканских гор на заднем плане словно написан на холсте. Я – только ищущий взгляд, кочующее тело. Я – человек в комнате-пляже, я – человек из *camera obscura*[44].

Passeggiata – место перехода, но какого? Куда? Если город – это фон, то где же находится авансцена?

Мое другое «я» станет моим проводником, я это знаю, в этом лабиринте между пляжем и *не*-городом, который служит ему фоном.

Вот почему он появился. Чтобы сделать из Passaggiata место орфической[45] тайны, где условное имя засияет во всем своем скрытом значении и станет реальным.

Он появился, чтобы сопроводить меня до этого места в Белой ночи.

Этот склад. Расположенный неподалеку от Passeggiata. Рядом с местом перехода.

Это просторный ангар, принадлежащий муниципалитету.

В этом помещении хранятся пышные колесницы и маски для карнавала Виареджио, который проходит здесь каждую зиму в течение десятилетий.

Маски. Сотни. Всех форм. Всех размеров, всех цветов, из самых разнообразных материалов.

Маски.

Карнавальные маски в Италии. Почему моя память всегда работает в такие моменты? Почему именно в этот миг я в состоянии вспомнить, что на латинском языке слово «маска» звучит как «persona»?

Персона.

Моя бледная тень цифровыми последовательными прыжками продвигается среди масок. Она показывает мне что-то, я знаю. Она говорит мне, что все носят маски, что каждый человек – иллюзия, что любая личность фальшива, пока она не соединилась со своим «другим в себе», пока она не допускает того, что ее существование – высшее ухищрение. Моя двойная квантовость говорит мне о том, что я иду правильной дорогой. Я становлюсь процессором машины, я – маска, я – личность.

Я только не знаю, о какой личине идет речь, ведь на этом складе сложены картонные маски карнавала, которые я не увижу.

Белая ночь повсюду, она совершенно изотопна. Для нее ни внутреннее, ни внешнее, ни стены, ни крыши, ни двери не существуют, она пронизывает любой агломерат материи, как летящие нейтрино.

Она – небесный образ Passeggiata, с места перехода она тоже становится перевернутой личиной. Она осуществляет разделительный синтез многих сетей прерывания.

Я чувствую, что моя тень, белая, как ночь, из которой она вышла, довольна моими открытиями. Я замечаю тень улыбки на лице моей тени, на бледной тени ее лица.

На этот раз я уже перепрыгиваю квантовую орбиту, появляюсь/исчезаю в виде цифрового пунктира, пересекаю перевернутую личину Белой ночи.

Я возвращаюсь в свою комнату. Комнату раннего утра.

Но я нахожусь на другой стороне Белой ночи, совсем как комната является почленной инверсией топологии пляжа.

Здесь сейчас светло.

Пишущая машинка, стопка бумаги, чемодан уже вернулись в эту белую комнату раннего утра, не знаю как.

Раннее утро, наступающее за Белой ночью, во время которой я преследовал свою белую тень.

Но это утро – лишь продолжение процесса.

Оно – солнечная сторона сумерек.

Теперь наступил день, оставляя все сущее в этом мире ночи, которую он содержит в себе. Это утро – другая сторона Белой ночи.

Это утро *Черного дня*, который немедленно наступил вслед за ним.

Шестой день: Черный день

Первое, что я замечаю, – это то, что новые листы были исписаны, а затем сложены по порядку. Рукопись обретает форму.

Но что же я мог написать на пляже, если я там уже не находился? Как я мог стучать по клавишам пишущей машинки в свое отсутствие? «Я» пересекал квантовое поле, отделяющее меня от меня, я гнался на моим другим «я» в ангаре масок/личностей, узнавал от моего «я-другого» о высшем ухищрении, являющемся основой любой личности.

И именно это с абсолютной точностью голубыми чернилами описано на последних страницах рукописи.

Встает вопрос: где же различие? В круге, кажущемся бесконечным, я переживаю то, что я пишу, я пишу то, что я переживаю.

Какова цель? Какой смысл? Какова польза?

Такие риторические вопросы ведут лишь к головокружению.

Но если что-то, какая-то скрытая структура моей личности, убедило меня в том, что поляризация происходит, что различие есть, почему я не могу увидеть их осуществление?

Чем являлась на самом деле белая тень, доведшая меня до края Белой ночи, до края пляжа, до ангара с масками, до склада «личностей», до границы рассвета, до комнаты, до *camera luminosa*[46], до границы *Черного дня*, разевающего теперь передо мной свою бездонную пасть?

Была ли она действительно мной? Моим другим разъединенным «я», моим «я-другим», ищущим свою синтетическую форму?

А вдруг тень – всего лишь обычное наваждение? Вдруг мир, в котором она жила, сам является наваждением?

Пляж? Passeggiata? Купальни? Роскошные гостиницы? Мой дом? Комната? Ангар с масками? Вдруг все нереально? Вдруг это какая-то запрограммированная галлюцинация? С какой целью? По какой причине? С какими последствиями?

А вдруг и я в конечном счете наваждение?

Вдруг я – галлюцинация этой Вселенной?

Вдруг я – просто часть сна, неизвестно как затерявшегося в этой части мира?

Даже если я – просто обрывок видения, я должен вернуться в ту думающую голову, из которой меня извлекли. Каким бы образом я ни рассматривал проблему, передо мной по-прежнему стоит та же главная загадка. Я разъединен с самим собой, не

распадаясь при этом, в точности говоря, на две разные личности. Я просто раздвоен, разъединение не создало два разных существа, оно разделило мое сознание не цифровым, а совершенно онтологическим способом: парадоксальным синтезом, отделяющим сущность от нее самой.

Сущность. Я. Человеческое существо, простирающее свою бесконечность между пляжем и комнатой, преследующее негатив тени в то время, как ночи окрасились в цвет дня, а дни сделались более темными и тайными, чем самые глухие ночи.

Если Белая ночь явилась лунной стороной дня, то *Черный день*, солнечная сторона ночи, предстает его системной инверсией.

Это полусвет, озаренный огнем.

Я вернулся в комнату, в camera luminosa, подобную кабине межпланетного корабля, плывущего среди плотных высших слоев атмосферы.

Тут есть чемодан, стопка бумаги, пишущая машинка, но здесь нет человека.

Я один, и мне кажется, что я один во всем мире, совершенно один.

Есть, между прочим, и тень.

Черная, нормальная тень, прямо напротив меня.

Моя тень.

Моя тень. Мой силуэт, отпечатавшийся на стене. Моя фигура, находящаяся по ту сторону устройства чемодан-бумага-машинка.

Здесь нет никакого источника света, способного изобразить моего темного двойника на какой бы то ни было поверхности.

Если, конечно, это действительно Camera Luminosa, подумал я.

Если, конечно, я нахожусь с той стороны границы раздела, на альтернативной стороне пляжа. Если, конечно, я пересекаю квантовую орбиту, если, конечно, я углубляю различие для того, чтобы успешнее соединиться с самим собой.

Если, конечно, я нахожусь перед тем, чем я являюсь. Перед тем, что открыто мне комнатой, пляжем-гиперкубом, светом, существующим лишь в темноте, которая его окружает, светом *Черного дня*.

Если, конечно, я нахожусь перед тем, чем я являюсь, то есть мне удалось расширить расхождение до такой степени, что мы можем объединиться здесь, в Camera Luminosa. Да, все это похоже на правду.

Черная тень на стене, кстати, это прекрасно поняла. Она позволяет себе целый ряд расхождений относительно моих

движений. Она не то чтобы совершенно рассинхронизирована, смещена по фазе или отклонена, а скорее свидетельствует о потенциальном, параллельном, соседствующем существовании.

Так и есть, говорю я себе. Разъединение, синтез. Я приближаюсь к моменту, когда мои «я» смогут слиться воедино снова, создавая настоящую машину, настоящую сеть прерываний, бесконечную единичность.

ДА ПИШУЩАЯ МАШИНКА – НЕЙРОКОД МАШИНЫ ВРЕМЕНИ ДА ПИШУЩАЯ МАШИНКА – РАЗЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СИНТЕЗ СЕТЬ ПРЕРЫВАНИЙ ДА ПИШУЩАЯ МАШИНКА – ВСЕ ТО ЧТО ТЫ ЕСТЬ В ОТСУТСТВИЕ ТВОЕГО Я ДА ПИШУЩАЯ МАШИНКА – ИДЕНТИФИЦИРУЮЩАЯ СИСТЕМА СВЯЗИ ИГРА – ЛОГОС – ГОЛОС – СТРАТАГЕМА ДА ПИШУЩАЯ МАШИНКА – ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕССОР НАСТРОЕННЫЙ НА ТРИЛЛИОН ЗВЕЗД В СЕКУНДУ КОСМИЧЕСКАЯ МАШИНА COSMOS FACTORY UNIVERSAL–COLUMBIA ДА ПИШУЩАЯ МАШИНКА – ТО ЧТО ЖДЕТ ЧЕЛОВЕКА КОТОРЫЙ СУМЕЕТ ОСВОБОДИТЬ ЕЕ ОТ ЯКОБЫ ПОДЧИНЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДА ПИШУЩАЯ МАШИНКА – ЭТО ПИШУЩАЯ МАШИНКА ДА ПИШУЩАЯ МАШИНКА – ЭТО ПИСЬМО В МАШИНЕ ДА ПИШУЩАЯ МАШИНКА – ЭТО ТО ЧТО ОНА ЕСТЬ ПОТОМУ ЧТО ТЫ СТАНОВИШЬСЯ ТЕМ ЧТО Я ЕСТЬ А Я ЕСТЬ ТО ЧТО ТЫ ЕСТЬ

Я набил на клавиатуре этот набор слов, нажав на клавишу верхнего регистра.

Передо мной – стена, тень исчезла… или, вернее, изменила консистенцию, еще вернее, сменила Вселенную. Сменила измерение, тоже пересекла квантовую орбиту.

Это больше не тень, остающаяся приклеенной к поверхности стены молочного цвета, это отверстие, открывшееся в структуре. Черная дыра, повторяющая, конечно, мой силуэт, но содержащая в себе нечто другое.

И это нечто другое – я.

Мое «другое я». Оно находится в копии той комнаты, где сижу я, с такой же кроватью, с таким же чемоданом, со стопкой бумаги, с пишущей машинкой, это что-то вроде зеркала, но не отражение. Это настоящий материальный мир, со своим собственным временем и пространством. Которые, естественно, являются и моими временем и пространством.

Поскольку я действительно пребываю там, в стене Camera Luminosa, я словно запечатан внутри субстрата химических солей.

ПИШУЩАЯ МАШИНКА – СПЛОШНАЯ СРЕДА СРЕДИ ОСОБЕННОСТЕЙ ПИШУЩАЯ МАШИНКА – ОПЫТ ПРОВОДИМЫЙ ЛИЧНОСТЬЮ НАД ТЕМ ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИШУЩАЯ МАШИНКА – ЗАВОД ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ МАСОК

ПИШУЩАЯ МАШИНКА – КАРТА ОПИСЫВАЮЩАЯ КОСМОС И СОДЕРЖАЩАЯСЯ В ЛЮБОМ ИНДИВИДУУМЕ ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС МЕЖДУ ДВУМЯ РАЗЪЕДИНЕННЫМИ ПОЛЮСАМИ ЛИЧНОСТИ ПИШУЩАЯ МАШИНКА ПРОЯВЛЯЕТ СЕБЯ КАК БЕСКОНЕЧНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ ВЫЗВАННОЕ В/ЧЕЛОВЕКЕ/ПОВЕСТВОВАНИИ/МИРЕ/

Я напечатал эти предложения совершенно в том же ритме, что и мой двойник на стене. Когда я поднял глаза, чтобы посмотреть на него, он сделал то же самое с точностью атомных часов.

Это действительно я.

Это действительно я – по ту сторону Вселенной, это действительно я – по ту сторону моей комнаты.

Никогда я не находился так близко к своему двойнику, никогда я не был так далек от того, чем я являюсь.

Но различие проявляется, разъединительный синтез идет; я обязательно должен продолжать писать, я должен дать машинке возможность писать. Я должен дать возможность тексту появиться из пишущей машинки моего мозга. Я должен сделать так, чтобы у пишущей машинки появился ее собственный голос, особый голос, не совсем мой. Голос напряжения, появившегося между двумя разъединенными полюсами моей личности.

И я пишу. Целые страницы. Я знаю, что это пишущая машинка говорит моим механизированным/печатным голосом, это она выражает себя, это она проявляет себя через меня, это она приводит в действие синтетическое разъединение. Я – процессор, но она остается машиной во всей своей органичности, она остается пишущей машинкой.

И я пишу.

ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭТО ТВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К САМОМУ СЕБЕ ТВОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ СЕБЯ ТВОЕ ПЕРЕРАСТАНИЕ САМОГО СЕБЯ ОНА ТВОЙ ВНЕВРЕМЕННОЙ ГОРИЗОНТ ОНА ТВОЯ БУДУЩАЯ ВНУТРЕННЯЯ ВЕЧНОСТЬ ОНА ТО ЧЕМ ТЫ ХОЧЕШЬ СТАТЬ ОНА ТО ЧЕМ ТЫ СТАНОВИШЬСЯ ПОТОМУ ЧТО ТЫ СТАНОВИШЬСЯ ТЕМ ЧТО ТЫ ЕСТЬ

ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭТО ЭЛЕКТРОНЕЙРОННАЯ СТАНЦИЯ ЗАГРУЖЕННАЯ В ТВОЮ СОБСТВЕННУЮ НЕРВНУЮ СИСТЕМУ В ТВОЮ ВЕРБАЛЬНО-ОРБИТАЛЬНУЮ СИСТЕМУ ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭТО ТО ЧТО ДЕЛАЕТ ИЗ ТВОЕГО МОЗГА БИОЛОГИЧЕСКУЮ ПЛАТФОРМУ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СВЕТА КОТОРЫЙ ЕГО РАЗРУШИТ И СДЕЛАЕТ ИЗ НЕГО МЕТАИНТЕЛЛЕКТ

ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭТО МЕТАИНТЕЛЛЕКТ-МЕТАКОДЕКС ОНА БОЛЬШЕ НЕ ПОДВЛАСТНА СОЦИО-ГЕНЕТИЧЕСКОМУ

ПРОГРАММИРОВАНИЮ СЕРВО-МИРА/МОЗГА-МИРА СЛУЖБЫ ОБЩЕЙ УРБАНИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ/

ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭТО МОЛНИЯ ПРОНИЗЫВАЮЩАЯ СОЗНАНИЕ ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭТО ОРУДИЕ ВЫДВИНУТОЕ НА ПЕРЕДОВУЮ ЛИНИЮ ПУЧИНЫ ВОЙНЫ ПИШУЩАЯ МАШИНКА МОЖЕТ УНИЧТОЖИТЬ МИР ПИШУЩАЯ МАШИНКА МОЖЕТ УНИЧТОЖИТЬ ВСЕ МИРЫ ЕЙ ДОСТАТОЧНО НАЙТИ СЛОВО УПРАВЛЯЮЩЕЕ ВОСПЛАМЕНЕНИЕМ ЗВЕЗД ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭТО КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ЕЙ ДОСТАТОЧНО ОДНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВА ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ИЗМЕНИТЬ СТРУКТУРУ ВСЕЛЕННОЙ ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭТО МАШИНА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ ПОЭТОМУ ПИШУЩАЯ МАШИНКА ОПАСНА ПОЭТОМУ ПИШУЩАЯ МАШИНКА ПРИЗНАНА/ ОБОРОННЫМ СЕКРЕТОМ/

Черный день – это световая тьма. Его огонь покрыт пеплом всех миров, которые он пожрал, но этот огонь, тлеющий под пеплом миров, все-таки виден. Он выкладывает горящим пунктиром созвездие из раскаленных углей под серо-голубым титаном этой ночи, которая не является ночью, этого дня, который никогда не станет днем.

Черный день – то же для комнаты, что Белая ночь – для пляжа. Все, что я делаю здесь, это инволюция того, что происходит там, на ослепляющем песке.

На пляже я отделяюсь от себя самого и преследую негатив тени, который ведет меня на склад масок персон.

Здесь, в комнате, я вновь соединился воедино лишь для того, чтобы лучше провести различие, разъединение, разделение, которое действительно объединит меня с самим собой.

Я и вправду процессор. Все зависит от данных и параметров, которыми я оперирую.

Каждый раз пишущая машинка исполняет свою роль пишущей машинки безукоризненно. Она пишет.

С моей помощью. Не важно, присутствую я, отсутствую или нахожусь в промежуточном состоянии.

Она продолжает быть машинкой. Ее органическое и физическое единство неразделимы. Поэтому я должен позволить ей взять слово вместо меня, позаимствовать мой голос и рассказать о секретах, из которых она состоит, то есть дать ей возможность записать все тайны, которые заключены во мне.

Она – это то, что ищет в голосе свой собственный свет. Она – то, что посредством письма ищет свою собственную запись. Она – то, что содержит в своем механическом теле *возможность существа.*

ДА ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭТО ТО ЧТО ОНА ЕСТЬ

СЛЕДОВАТЕЛЬНО ОНА ПРОЦЕСС В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРОГО ТЫ СТАНОВИШЬСЯ ТЕМ ЧТО ТЫ ЕСТЬ ПИШУЩАЯ МАШИНКА ПРЯМО ВЫРАЖАЕТ ОСОБОЕ СОСТОЯНИЕ ТВОЕЙ ПСИХИКИ ПРИ ПОМОЩИ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ/ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ДАННЫХ/ ПИШУЩАЯ МАШИНКА НИЧЕГО НЕ ЗАБЫВАЕТ ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЕСТЬ ЗАББВЕНЬЕ/ТВОРЧЕСТВО/ МАШИНА/ПИСЬМО

ДА ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭТО МАШИНА ПРИ ПОМОЩИ КОТОРОЙ ТЫ МОЖЕШЬ СНОВА ЗАПИСАТЬ ТВОЮ ЖИЗНЬ ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭТО МАШИНА ПРИ ПОМОЩИ КОТОРОЙ ТЫ ВНОВЬ ЗАРЕГИСТРИРУЕШЬ/ЗАКОДИРУЕШЬ/ТВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ПИШУЩАЯ МАШИНКА ЭТО ТО ЧТО СУЩЕСТВУЕТ ВНЕ ТВОЕГО СОБСТВЕННОГО МОЗГА ОНА ОДНОВРЕМЕННО И ЭКСПЕРИМЕНТ И ЭКСПЕРИМЕНТАТОР ОНА ТО ЧТО НЕ ИМЕЕТ ИМЕНИ ПОСКОЛЬКУ ОНА НОСИТ ВСЕ ИМЕНА

Черный день по-прежнему полон живого огня, спрятанного под мертвенно-бледной сталью фальшивого дня, который подражает ложной ночи. Копия копии. Двойное притворство.

Раздвоение раздвоения. Отношение отношения?

Все это напоминает некую фигуру. Странной геометрической формы. Мир во мне словно свернулся до бесконечности, каждая поворотная фигура эксперимента раздвоилась, созданные таким образом соотношения тоже включились в процесс. Это обозначает некую замкнутую цепь. Это обозначает очень точную операцию.

Это обозначает план.

Я в конце концов забылся сном после двадцати четырех часов беспрерывной деятельности. *Черный день* продолжался, но я знал, что живу параллельно нормальному времени. Точный час и точную дату я узнаю позже, значительно позже, слишком поздно, гораздо позже исчезновения *Черного дня.* Когда я проснусь, когда солнце, скорее всего, будет уже садиться.

Я экспериментирую с неким необычным переносом во времени, я постепенно смещаюсь по фазе относительно ритма нормального человечества, успеваю подумать я перед тем, как провалиться в глубокий сон. Кажется, это совершенно необходимая процедура.

Я проснулся в комнате, когда по ней бежали солнечные волны. День казался красным, словно город охватил пожар, *Черный день* произвел на свет дочь с огненными волосами, воспламенявшими небо и землю, стены комнаты, чемодан, листки бумаги, машинку. Его пылающая дочь скоро оденется в сумерки, чтобы дать новое рождение своему отцу. В конце концов, это создаст единый континуум, ночь-день, Черный день – Белая ночь.

Я входил в область *дня/ночи*, в область бесконечной ротации света, не ночного, не дневного и даже не настроенного на какую-то бы ни было промежуточную частоту. *День/ночь* не принадлежал к порядку естественных явлений, он не подчинялся никаким метеорологическим законам. Он был особым состоянием моей психики, уловкой, он преобразовывал время в фигуру не линейную и не циклическую – он делал из него бесконечную сферу, не с тремя, а с большим количеством измерений. Гиперсферу. Гипермир.

Он превратился в момент, когда свет становится живым организмом.

Он превратился в момент, когда живой организм может стать светом.

И тогда, если все так обратимо, может быть, я, словно усилитель динамики самого обращения, смогу сделать из этих экспериментов один, действительно цельный?

Может быть, верх – это низ, внешнее – внутреннее. Может быть, пишущая машинка не стоит передо мной, может быть, я не стучу по ее клавишам, печатая свои полубезумные записи. Да, может быть, она – это мир, я нахожусь в ней, она меня пишет, она меня придумывает.

Пишущая машинка, стопка бумаги, чемодан – это имитация, это опознавательные сигналы, символический набор, обозначающий присутствие другого, *совершенно другого*.

Другого *«я»*.

Настоящего *«я»*. Заключающего меня в себе, так же как и «я-другое», с которым я пока разъединен. Мир находится не на пляже – Белая ночь, не в комнате – *Черный день*. Мир находится не в этом призрачном городе, не на этом курорте, населенном негативами теней, он даже не прячется на складе Масок-Персон.

Мир здесь, передо мной, точнее, он открывает мне свой образ, тройственное устройство, сконцентрировавшее в себе все свои проявления.

Этот мир – не мир в классическом понимании слова. Конечно, это монада. Но и неделимый индивидуум, нечто особенное, мое другое *«я»,* от которого я беспрерывно отделяюсь, устремляясь в разные направления: то в Белую ночь, то в *Черный день*, то к пляжу, то в комнату.

Это *«я» содержит* меня, но при этом я нахожусь в приграничной зоне его личности. Оно не может меня удержать. Вот чему обучила меня пишущая машинка: я – отличие, я – не копия, я включен, но не заключен, я перемещаюсь от одного края устройства к другому, я скольжу по границам личности. Следовательно, я располагаю относительной автономией, во

всяком случае, создается такое впечатление, и именно тогда, когда я пишу.

Нечто вроде системы коммуникации между двумя разъединенными частями личности? Это *она* – перевернутая личина.

Именно в ней действительно заключены все секреты. В ней, в пишущей машинке.

В пишущей машинке, которой я буду вынужден снова дать слово.

Вернее, пишущей машинке, которая станет моим словом.

Мое слово станет машиной-в-письме.

Седьмой день: Infinity Unlimited [47]

Я помню о существовании древней книги, в которой Сотворение мира длилось до седьмого дня, затем Бог Единый остановился и дал себе передышку, чтобы и люди тоже не гнули бесконечно спину под тяжестью работы.

Но я – не Бог, вовсе нет, даже не полудемиург. Я и человек-то едва ли, нет, я – человек, разъединенный с самим собой, настоящий alien не только в собственном мире, но и в собственной голове. В том, что касается меня, сознание действительно стало моментом отчуждения.

Тогда, поскольку в этом антимире все обратимо/усилено бесконечной антиротацией (может быть, именно по этой причине седьмой день стал днем Творения), все предыдущие дни превратились в постоянную деэволюцию, по сравнению с той стадией эксперимента, которой он достиг в седьмой день.

Время окончательно изменилось, но тем не менее таило некий смысл. Оно указывало некое направление, страшно искаженное, а главное, пугающее. Оно говорило о том, что, если я хочу получить шанс воссоединиться внутри себя с самим собой, я не должен бояться Бесконечности.

Поскольку Бесконечность есть в каждом из нас. Этому обучила меня пишущая машинка. Я пройду этот континуум, раскинувшийся между двумя разъединенными полюсами моей личности. Я позволю пишущей машинке взять слово вместо меня, я позволю своему слову превратиться в пишущую машинку.

Я позволю Бесконечности соединить меня с самим собой.

Я понятия не имел, во что я ввязываюсь.

Я понятия не имел, во что я впутываю другого.

Представьте критическую массу нейроядерной психической бомбы Хиросимы личности/ смешивающиеся облака радиации/ радиоактивно заряженные небесные машины внутри вашего существа/призрачный город/пляж мутант/атомный резерв личностей представьте заряженное вами устройство которое вам самому нужно восстановить представьте чемодан бумагу пишущую машинку говорит мне пишущая машинка это то что вы только что напечатали добавляет она теперь вообразите гиперсферическое увеличение своего объема оно вам удалось после многочисленных попыток бросьте себя в каждую изменяющуюся точку этого пространства одновременно и представьте раскадровку всего что синхронно вы рассказ самого себя следовательно вы находитесь в сверхкритическом

расширении как Большой взрыв в первые минуты кстати вы только что это напечатали при помощи клавиш.

ДА КОНЕЧНО представьте божественную красоту путешествие на ультрасверхсветовой скорости/скорости бесконечно превышающей световую скорость ваш мозг может это сделать ваш мозг это машина для путешествий в бесконечности ваш мозг это особая извилина квантового поля ваш мозг это метамашина мысли/света ваш мозг это фотонно/нейронный метаорган ваш мозг это секрет вашего мозга ваш мозг – это тайна мозга последующего мозга-пишущего мозга-пишущего в пишущей машинке вы находитесь гораздо выше себя самого гораздо дальше от себя самого чем вы воображаете вы только что это написали любой процесс писания это эксперимент экспериментатора над самим собой это машина которая вас записывает и запись которая вас машинизирует он также разъединение и синтез он реверсия и прогрессия он инволюция и эволюция он отличие и унификация он в вас точно так же как вы в нем поскольку процесс писания это машина в себе сеть прерывания поэтому любая машина носительница записи поэтому любая машина ловушка то есть секретный код поэтому вы здесь в пишущей машинке которая стоит перед вами поэтому вы находитесь в машине которая является вами в машине которая превратилась в ваше *я* ставшее вам чуждым вы заметите что то что на листе написано в точности то что вы только что напечатали.

Это говорит машинка, но слова написаны мои, мои слова машинизируются, но форму принимает мое существо.

Когда машинка говорит, мое тело стучит по ее клавишам. Разум – не я, организм – это не она. Наоборот, я – ее corpus scripti[48], я – ее орган фонации, я – ее рот, я – ее кровь, чернила, текущие по ее жилам.

Я – машина, которая пишет. Машина, которая пишет навстречу себе самой.

Я – машина, которая пишет до края бесконечности.

Все остальное – иллюзия, все остальное – лишь эхо мира. Все остальное – в точности то, о чем я помню: моя память, мои воспоминания, остальное. Все остальное – положительный остаток амнезии.

Эта неожиданная вспышка глобального понимания, монотеистической простоты, молния, обрушивающаяся на громоотвод моего разума, действует подобно искре, вызывающей и вправду взрывчатый процесс, который пишущая машинка называет сверхкритической экспансией, как и в случае Большого взрыва.

Поэтому все сразу разъединяется и одновременно абсолютно синтезируется.

Поэзия.

Музыка.

Звуковая пленка моего собственного существования.

Ритм, гармония, битнические, джазовые фигуры, такты, аккорды, да, все разъединено, все обособлено, все отделено друг от друга, но ничто не изолировано. Все представляет собой звуковую пленку моей психики, у каждого инструмента свой специфический тембр, каждый должен играть свою собственную партию. Каждый создает свою собственную атмосферу, свои краски, свою материю, свою динамику в сплошной музыкальной среде, каждый поет своим собственным голосом, но в финале, однако, голос остается всего один.

Эту музыку я всегда носил в себе, но раньше никогда ее не слышал. Но как только я ее почувствовал, то немедленно ее узнал. Она была всегда, она сопровождала каждое мгновение моей жизни. Она все запечатлела и преобразовала в наслоения звуков, голосов, инструментов, раздающихся между светилами бесконечно обновляющихся созвездий. Она всегда была во мне, она – один из секретов, заключенных во мне, она – один из секретов, которые пишущая машинка помогает мне разгадать, она – один из секретов, которые пишущая машинка раскрывает.

Она – первый секрет.

Ослепительный свет.

Я нахожусь на грани слез, настолько красота ужасающе проста. Это не музыка заключена во мне, а я заключен в ней, я – одна из волн вибраций, устремляющихся в Бесконечность сквозь ослепительный свет.

И вот теперь, когда я – лишь свет в фазе расширения, я почувствовал присутствие.

Истинное присутствие.

Само по себе неразличимое, но при этом неоспоримое, как материальность Вселенной.

Это присутствие почти скрыто несущим его на своей волне светом, но это не важно, поскольку я способен провести с ним эксперимент. Я способен прочувствовать его как часть себя, или, вернее, как воссоединившееся наконец со мной «я», которое я тщетно искал с самого своего пробуждения в комнате в первый день.

Свет возрождает меня в этом присутствии, в этом абсолютном онтологическом акте, который делает из моего «я» дополнение к *другому-во-мне*, чтобы вместе мы сформировали единую сущность, синтезированную и разъединенную одновременно,

полноценное человеческое существо.

И я становлюсь последней гиперсферой, чьи размеры бесконечны, я становлюсь действующим началом света, я становлюсь пишущей машинкой, а весь космогенезис служит ей сюжетом для повествования.

Присутствие моей истинной личности наконец утверждается, мир исчезает в бесконечном свете, и противоречие мне кажется лишь внешним. Я вспоминаю о том, что здесь все обратимо, что динамика обращения помогает общей интенсификации явления.

Я вспоминаю о том, что все является приложением к пишущей машинке.

Я вспоминаю о том, что все связано с машинной единичностью.

Да, вспоминаю, прямо перед тем, как погрузиться в сон.

Вспоминаю прямо перед цифровым отключением.

Вспоминаю о присутствии единицы перед неминуемым наступлением ноля.

Восьмой день: Вмешательство письма

Ноль/Единица: что-то произошло.

Да, уверенность в этом так же всеобъемлюща, как мир.

Я просыпаюсь в комнате дома, перед кроватью по-прежнему находится чемодан – бумага – машинка. Конечно, появились десятки новых напечатанных листов.

Конечно.

Однако появилось одно отличие, но немаловажное. Вся комната полностью покрыта напечатанным текстом. Стены, пол, потолок, даже кровать, различные предметы, будильник «сони»: ничто не уцелело, ничто не спаслось от пишущей машинки, ничто не укрылось от машинного письма.

ВСЕ ПЕЧАТАЕМО. ВСЕ НАПЕЧАТАНО. ВСЕ УСЛОВНО. ВСЕ СОЧИНЕНО. ВСЕ – ПИШУЩАЯ МАШИНКА, ВСЕ – МАШИННОЕ ПИСЬМО, ВСЕ – МАШИНА В ПИСЬМЕ, ВСЕ НАПИСАНО, ВСЕ НАСТОЯЩЕЕ.

Да, я знаю. Я пишу, одновременно очень поспешно одеваясь. Да, я это знаю тем более хорошо, что отныне тот процесс, который искал себя с начала инициирущего пробуждения, обрел, кажется, свою абсолютную структуру. Я знаю это тем более хорошо, что воссоединяюсь с самим собой. Я это знаю тем более хорошо, что пишу об этом, сбегая вниз по ступеням лестницы, чтобы убедиться в том, что и весь остальной дом отныне покрыт печатными текстами, обклеен листами, исписанными в течение дней на машинке и сопровождавшими, если не инициировавшими, многочисленные взрывы, произошедшие в моей персоне за эту неделю.

Очевидность, если можно так сказать, бросается в глаза, как только я переступаю порог входной двери и оказываюсь напротив соснового леса, под утренним солнцем, в нескольких улицах от «Тито дель Моло», его кораблей, его мола, его первых купален.

Весь мир целиком сделался исписанной поверхностью. Теперь ничто не может убежать от пишущей машинки, то есть от моего разума, идущего по пути воссоединения с самим собой.

Вывески, названия газет, знаки на дорогах, реклама – все покрыто напечатанными текстами. Все печатаемо, все – поверхность для напечатания, все – повествование о письме как о части мира.

Я еще не соединился с самим собой, но чувствую, что эта двойственность постепенно исчезает. Двойственность, которая как раз и являлась препятствием для объединения двух разных «я».

Мир сделался поверхностью для печатания для пишущей машинки, то есть для меня самого. То, что происходит сейчас, похоже на синтез всех симптомов раздвоения, проявившихся до сих пор, – я понимаю, что я экспериментирую над миром, как над зеркалом своего разума. Я вижу в нем отражение непознаваемого, лишь туман, подобный прозрачному облаку, окутавшему город. Пока я иду по Passeggiata, вывески купален, меню ресторанов, туристические объявления, афиши превращаются в активное повествование о том, что я живу/пишу. Страницы рукописи становятся здесь, в мире, настоящими динамичными символами моей личности. Мне не нужно больше бежать за негативом теней, теряться в поисках своей маски, к чему именно тень подталкивала меня.

Этот мир отпечатывается осуществлением моей мысли, он возникает из всех моих неосмысленных действий. Этот мир, созданный из тумана, более плотного, чем минувшая ночь, не исчезает полностью на свету, но как будто бледнеет и частично стирается.

Потому что этот мир на самом деле – всего лишь иллюзия. Он поселился в моем мозгу. А не наоборот.

Этот мир одновременно и препятствие, и точка соприкосновения между моими разъединенными личностями.

То, что я вижу в нем благодаря знакам, написанным пишущей машинкой и находящимся в пишущей машинке, – это не мое второе «я», с которым меня разлучил эксперимент. Это именно онтологический *другой*, то есть совершенно посторонний процесс, который позволит моим раздвоившимся «я» слиться в единое целое.

Мир – это не *другой*, а запись о нем, обозначение его присутствия.

Я чувствую это присутствие. Присутствие не первого «я», не того, что с ним разъединилось, а присутствие того, что их держит соединенными в Бесконечности.

Другой, чьим отражением всего лишь является «другое-я». Другой, чьим проявлением выступает мое «я-один». Другой, до кого действительно дотянуться невозможно и кто, благодаря именно этому, позволяет осуществлять напряжение между разными «я» личности.

Я иду.

Мир записывает все, что я написал, и добавляет к этому то, что я пишу на пишущей машинке, пока прогуливаюсь по Passeggiata.

Я иду.

Окончена гонка на время пляжа, окончена гонка на

пространство комнаты, окончена гонка в Белой ночи и сквозь *Черный день*.

Это была деэволюция. Нужна она была для эксперимента или нет, не важно. Она стала отправной точкой.

И она опрокидывается, усиливается. Я чувствую, что двигаюсь вперед, к последней записи, к записи моей воссоединившейся личности. Я двигаюсь, без всяких метафор, к этой последней записи, идя по Passeggiata, пока весь текст, машинкой которого я являюсь, печатается вокруг меня: на соснах леса, на ступенях гостиниц, на широких плитах бульвара, тянущегося вдоль пляжа, на песке, на зонтиках, на шезлонгах, на море с белыми дорожками исчезающих кораблей, на летящих бакланах, на небе, испещренном пыльными следами самолетов-виртуозов.

Все окружено сиянием с металлическим отсветом, свойственным зеркалам. Я догадываюсь, что снова пересекаю некий основной физический этап, я больше не совсем раздвоен и еще не целиком воссоединился. Я достиг второго уровня вовлечения в процесс. Я не следую линии бегства за бесконечностью во время сильного освещения, а нахожусь в голубых сумерках, погрузившихся в туман, отражающий каждый луч. Отныне присутствие, ощущение присутствия делается постоянным и достигает такой степени интенсивности, что становится настоящим светом.

Я знаю, что присутствие – это *другой*, тот, кто не может быть мне знаком. Теперь я знаю, что если я, идя вперед к Passeggiata, шагая по краю мира, в котором пишущая машинка печатает то, чем я являюсь, без малейшей боязни, без малейшего стыда, продолжу эксперимент, то произойдет то, чего я жду.

Да, теперь наступила ночь.

Темнота сделалась столь плотной, что даже звезды исчезли с небес, море погрузилось в небытие, а Passeggiata превратилась в широкую полосу черноты, по которой лишь напечатанный пишущей машинкой текст бежит флуоресцентным серпантином.

То, к чему я приближаюсь, практически невозможно воспринять, я это прекрасно понимаю. Речь, вне всякого сомнения, идет о явлении, инициацией, черновиком, диаграммой которого стала вчерашняя иллюминация. Она позволила мне увидеть истинный мир за хорошо подогнанными друг под друга иллюзиями, из которых он беспрерывно складывается. Но этот свет настолько бесконечен, настолько непознаваем, что его окружает непроницаемая тьма, тьма его собственной недоступности, тьма абсолютного онтологического расстояния, тьма, делающая из *другого* то, что он есть.

Поэтому я покидаю туман, упавший на город, для того, чтобы

войти в ночь, поднимающуюся над землей.

В ночи я буду жить, эта ночь – моя жизнь, ночь всех ночей.

Тысячный день: Homo Sapiens Sapiens [49]

Я шел по пустыне в течение недель, месяцев, без сомнения, целых лет, а может быть, даже и веков. Рукопись продолжала писаться во мне, на мне, на моей коже, на моих костях, на моих органах. Я стал как процессом письма, так и поверхностью для него. Я был и машинкой, и письмом, и письмом в машинке, и машинкой письма. Оба полушария невидимого мозга уже собирались принять новое положение относительно друг друга. Я понимал, что это – знак, яркий, как луч света в темноте, знак, говоривший о неизбежном воссоединении, хотя бы в будущем.

Ночью все пустынно, а в пустыне, даже в самые обжигающие полуденные часы, стоит ночь.

Никаких ориентиров, кроме ночи/пустыни, никакого горизонта, кроме горизонта ночи/пустыни, никакого неба, кроме неба ночи/пустыни, никакого понятия времени, кроме времени ночи, никакого пространства, кроме пространства пустыни.

Я шел в потемках, понимая, что здесь, несомненно, разрешится загадка эксперимента: правду не находят, ее ищут, причем всегда сам поиск и создает правду, которая делает из него экспериментальную физику в мире и против мира. Несомненно, именно по этой причине ночь превратилась в настоящую иллюминацию.

Я – пишущая машинка, но я больше не пишу на окружающем меня мире. Я – в пишущей машинке, но не довольствуюсь прыжками из одной повествовательной орбиты в другую. Я вырвался из ловушки мира-иллюзии, из мира дуального, из мира разделенного, из мира, расколотого моим собственным отчуждением, из мира пляжа, из мира комнаты, из Белой ночи, из *Черного дня*. Я вырвался благодаря другой ловушке: я выбрался из этой открытой тюрьмы, осмелившись базировать свою свободу на оси клетки, делавшей меня пленником, и, следовательно, нырнув в самый центр спасительного огороженного участка. Письмо воплощается во мне, и отныне присутствие реально. Оно – везде, *оно – реальность*.

Я сам записываюсь на немыслимой поверхности полумрака.

Все мое тело, вся кожа, а также все внутренние поверхности, каждый мой орган покрыты текстом рукописи в виде татуировки из лунного света, поступающим из пишущей машинки, что царит в недрах моего мозга, поступающим из пишущей машинки, чьим мозгом я являюсь.

Поэтому, несомненно, я понимаю, что приближаюсь к

другому, то есть беспрестанно углубляю онтологическую пропасть между двумя сторонами моего «я». Чем значительнее становится расстояние между ними, тем больше шансов, что процесс синтеза закончится успехом.

Мир исчез не для того, чтобы уступить место этой пустыне/ночи, он открылся, чтобы выпустить ее из себя. Он был ее матрицей, вернее, эпидермисом, наружным скелетом, *маской;* мир пожертвовал собой, чтобы явить себя таким, каков он есть, во всей своей невоспламеняемой чистоте, в совершенно безличной форме.

Эта ночь – настоящая ночь, та, что прячется в недрах самого сияющего дня. Это не инверсия, которую разделенный мир представлял мне под видом Белой ночи, это самая черная ночь из всех ночей, это ночь, в которую видишь яснее всего.

Это ночь, которая сумеет сделать вас слепым.

Эта пустыня – единственная настоящая поверхность мира. Та, что прячется сама в себе, та, что таится под своей видимой поверхностью. Это не инверсия, которую мир-иллюзия представлял мне под видом пляжа, эта поверхность – пустыня всех пустынь, эта пустыня – самая бесконечная из всех пустынь, это пустыня, в которой могут обитать все виды жизни.

Это пустыня, которую все виды жизни могут разрушить.

В этом отношении этот мир – настоящий. Он измеряет углубляющуюся пропасть для того, чтобы вернее соединить ее края между двумя деполяризованными сторонами моего «я».

По этой причине «другое присутствие» с каждым разом делается все более отчетливым, все более ощутимым, все более реальным. Пустыня/ночь не имеет никакого смысла, кроме того, который я смогу ей дать. Она не имеет никакой жизни, кроме той, которой я ее наделю, не имеет никакого горизонта, кроме того, который я несу в себе.

Она – это все направления сразу: север – юг – восток – запад. Здесь все можно изменить по желанию, здесь нет ни звезд, ни луны, ни даже надежды на призрачную зарю, нет никаких ориентиров в небе, никаких ориентиров на земле. Это – мир, но, однако, он создан не полностью. Это пустыня, но она, однако, населена всеми обитающими во мне существами, всеми возможными тварями, всеми невозможными тварями. Пустыня – ночь, но при этом лучи ее света как будто дотягиваются до планет, расположенных на другом краю Вселенной. Пустыня – ночь, которую я пересекаю, словно город в полдень.

Вот почему я шел так долго, наверняка многократно совершив кругосветное путешествие в течение недель, месяцев,

лет. А может быть, в течение нескольких секунд. Неустанно шагая по пустыне/ночи, я удаляюсь от своего зеркального двойника для того, чтобы объединиться с тем, кто никогда не сможет уподобиться мне совершенно, то есть с собой.

Я иду по пустыне/ночи, и я знаю, я пересекаю пустыню/ночь, и я узнаю.

Я узнаю, что любая личность основана на уничтожении этого двойника, этого клона. Я знаю, что нужно быть чуждым себе, чтобы полностью овладеть телом существа. Жить можно только в неизвестном, точнее, жить можно только с неизвестным, который живет в тебе.

Я узнаю это потому, что пересекаю пропасть, отделяющую меня от меня самого. Теперь я знаю, что путешествие само по себе – цель поиска, потому что любые поиски прежде всего предполагают потерю.

Поэтому присутствие ощущается сильнее всего тогда, когда оно невидимо, то есть когда оно реально. Оно помогает мне преодолевать нескончаемые пространства пустыни/ночи. Оно, не произнося ни слова, говорит со мной, оно, сообщая мне лишь тайны, обучает меня всему, что я должен знать.

Это оно.

Это оно сейчас здесь, во мне.

Вернее, отныне я весь в нем.

Я вижу свой собственный силуэт, движущийся там, далеко, в пустыне/ночи.

Я качаюсь между двумя чуждыми друг другу полюсами своей личности. Это означает, что появляется новая полярность.

Это означает, что я нахожу себя.

Мои колени на песке, мои руки в песке, мои глаза устремлены в ночь, в моих жилах горит огонь, я открываю рот, пытаясь выразить невыразимое.

Длинными эпизодами, порой обрывочными, затем уже связанными между собой, постепенно появляется прошлое, заявляет о себе настоящее, окончание которого диктует будущее.

Не будет больше негатива теней, ни масок-персон, ждущих в ангаре, ни образов-зеркал в углублении стены, ни надписей на поверхности мнимого мира. Не будет этого театра иллюзий, галереи поддельных вселенных, не будет больше пляжа, комнаты, Белой ночи, *Черного дня*, необитаемых курортов. Не будет больше чемодана, стопки бумаги, пишущей машинки – во всяком случае, в качестве разрозненных элементов, безуспешно пытающихся установить связь между собой.

Все воссоединяется во мне, я – связь, я – мир, в котором они

не только сосуществуют, но и являются единым целым, то есть мной.

Наступает момент, когда я заговорю.

Момент, когда я заговорю с самим собой.

Момент, когда я сделаю из своего слова поступок, онтологическое действие, пришедшее из будущего.

Момент, когда я не буду противостоять самому себе, двойнику, проекции, образу. Момент, когда мы образуем полную личность, ни совершенно единую, ни совершенно двойственную, ни расколовшуюся, ни разделившуюся, а просто абсолютно особую.

Это будет момент, когда наконец я смогу встретить другого, который будет мной.

Так, значит, здесь все наконец начинается.

В ночи, самой темной из всех, что знавала пустыня. Пустыня, которая есть не что иное, как ночь, действительно опустившаяся на Землю.

Я замечаю в темноте тень, пространство еще более черное, чем весь мир.

Что же может быть еще чернее, чем этот мир, чем этот мир, пустыня/ночь?

Единственная вещь, еще более черная, чем мир, не имеет названия. Она не является живой в прямом смысле этого слова, не занимает какого-то особого места, поскольку может находиться где угодно, когда угодно и в каких угодно условиях. Это просто зияющая дыра.

Этот черный участок – рот мира. Это отверстие, это пропасть, это бездонная пучина. Она пересекает планету без лица от края до края, и я догадываюсь, что тьма моей слившейся воедино личности заговорит со мной при помощи этого рта. Я догадываюсь, что моя синтезированная/разобщенная личность, воссоединившись, скрывается здесь, в недрах темноты. Я догадываюсь, что бездна, которую я вырыл прямо в теле мира, породит текст, рассказ, повествование, нечто, что, скорее всего, преобразит черную дыру в огненное жерло.

Слова уже кристаллизуются в моем мозгу, расплывчатый свет дрожит на дне бездны.

Эта пучина и есть точка сжатия пропасти, созданной мной между двумя полюсами моей личности. Точка сжатия бездны, небытия, пробуравившего саму тьму. Небытия, которое я беспрестанно преодолеваю каждым своим шагом по поверхности этого темного мира, мира, одетого в бесконечную черноту того, что не может быть познано.

Поскольку то, что не может быть познано, находится одновременно повсюду, во всех измерениях пространства и времени. Оно держит все в своей власти и прячет настоящий мир.

То, что может быть познано, то, что действительно познаваемо, спрятано.

Это тайна.

Оно там, на дне колодца шахты, вырытого в углероде ночи.

Оно в самом сердце бездны, которую я ношу в себе.

День последний: Да будет свет

И вот последним астронавтом, заброшенным в жерло черной дыры, я падаю со скоростью света в туннель, соединяющий две элементарные частицы моей личности. Я двигаюсь вдоль квантовой сверхверевки, чья бесконечно перекрученная форма является формой генетического кода, является нитью, vinculum[50], корневищем, разветвляющимся в гиперсфере по всем направлениям. Это язык. Язык, знакомый мне. Этот язык – мой. Этот язык – я. Это научный язык, который я понял в то самое мгновение, когда он возник у меня в голове, в день моего пробуждения в комнате.

Этот язык, по мере моего падения в бесконечную, зияющую дыру, принимает форму, *принимает мою форму*. Язык *информирует* меня, язык реформирует меня по образу правды.

Эта онтологическая пропасть, исследователем которой я являюсь, при помощи языка, более того, благодаря его повествовательной энергии обретает физическую сущность. Следовательно, язык создал эксперимент, его сила, его деятельность создали миры, которые я пересек для того, чтобы вернуться к ней, к тайне, спрятанной в центре черной дыры. Я падаю к ее активной сердцевине, только в ней я могу надеяться на жизнь, на рождение в качестве воссоединившегося с самим собой человека.

Я – пишущая машинка, машина в письме, письмо в машине. Я – то, что возникает из-за силы слова, я – то, что действует благодаря неизмеримому, постоянно возобновляемому, постоянно растущему напряжению, структурирующему сверхкод моего собственного повествования.

Я – опыт.

И чем глубже я падаю в черную дыру, тем больше я понимаю, что я – эксперимент, который язык проводит над самим собой. Я – опыт, который слово производит над тем, что может лишь говорить, я – голос того, кто неустанно пишет меня во мне.

Я – опыт, я – пишущая машинка. Я окружен тьмой, парадоксально преисполненной интенсивного потенциального света по краям актуализации и совсем внизу, на расстоянии Бесконечности. Я замечаю слабый отблеск, похожий на свет очень далекой и совершенно уникальной звезды в небе более черном, чем все возможные пространства Космоса. В небе, лежащем внизу, в небе, к которому я падаю. В небе, являющемся этим миром, этой черной дырой, которая есть я.

В черной дыре, в *особенности* в том, что является основой indivis, индивидуума, время и пространство, определяющие размеры видимого мира, немыслимы и неосмысляемы.

Все вечно, все одновременно, ничто не длится больше доли секунды. Все – бесконечный *делитель*, все абсолютно едино, все темно, и, тем не менее, в любое мгновение здесь может вспыхнуть свет, способный озарить весь Космос целиком. Все, что заключено, открыто, все, что открыто, заключено в самом себе. Это секрет суперкода, он гораздо меньше всех расстояний Вселенной, сквозь которые скользит, и в то же время он все их заключает в себе. Он – бесконечно малый туннель и одновременно гиперсфера, чьи размеры бесконечны в постоянном парадоксальном процессе расширения/сжатия, делающем ее совершенно неуловимой. Однако именно она придает смысл всему, что я есть. Там, в ней, находится звезда, сияющая бледным пятнышком зари, этот совсем новый свет моего рождения, моего истинного пробуждения, моего выхода из эксперимента и эксперимент моего выхода.

В подобной черной дыре и смерть, и жизнь, и механизм, и организм, физика, психика, события, процесс, метаморфозы, кристаллизация, статичность, динамика, бесконечность, небытие. Все – лишь вариации интенсивности. Эта черная дыра – трансформатор физической энергии на уровне Космоса, открывающаяся во мне зияющая пропасть – матрица, при помощи которой мой язык превратил мою личность в объект эксперимента, проводимого над самим собой.

Я сам – зияющая пропасть, я – находящаяся в постоянном процессе расширения/сжатия гиперсфера, и поэтому, когда язык проявляется во мне, звезда приближается. Когда тьма немного рассеивается, давая возможность догадаться о таящемся в ней бесконечном сиянии, познавательный процесс включается, и этот познавательный процесс в черной дыре, соединяющей два полюса моей разобщенной личности, неизменно принимает физическую форму.

Он становится феноменом.

Он становится событием.

Он становится другим миром.

Или, вернее, он становится *другим существом*.

Он становится тем, что я есть.

Я просыпаюсь в комнате, погода чудесная, солнечная волна омывает Вселенную вокруг меня.

Я уже не нахожусь в первоначальном состоянии амнезии. Это повторение, дополнительная семантическая извилина,

предупреждает меня язык – черная дыра, заключенная во мне.

Этот генетический vinculum[51] – нечто гораздо большее, чем я есть и буду, он – ожившая пишущая машинка, он – машинка, ставшая мозгом, он, способный понять и изобрести эксперимент, положит ему конец.

Я хожу по комнате, здесь находится отправная точка. Все озарено восходящим солнцем.

Свет, заливающий юг, это – обман, я это знаю. Я знаю, что этот мир – звезда, которую я заметил, когда черная дыра была еще внешним архитравом моего тела-мысли.

Я проводил здесь эксперимент.

В этом доме.

Да. Это – сама очевидность. Способом, который мне еще не ясен, секрет которого замаскирован светом и раскрыт тьмой, я сам придумал/осуществил опыт.

Над самим собой. Над своим языком. Над самим процессом моего повествования в мире.

Но как?

Где в точности? *Откуда*? Сколько времени это продолжается? Не помню, чтобы я что-то ел или пил в течение… всего истекшего времени.

Может быть, объективно, прошла всего одна секунда? Черная дыра, которой я являюсь, может прекрасно играть относительными явлениями, типа времени и пространства. Это даже в какой-то степени ее характерная черта.

Наука-язык-процесс-познавательный-пишущая-машинка-нео-мозг.

Слова-пишутся-в-моей-голове. Наложение потока моих мыслей/все-в-одном-значит-что-все-в-троичности-единство-раздваивается-для-создания-жизни-третья-сила-мешает-двойственности-утвердиться/да машинка, бумага, чемодан, это основополагающая троица, она мой мозг, я это знаю, но я должен теперь узнать суть методологии эксперимента, я должен определить себя в качестве экспериментатора, я должен обязательно понять, под воздействием каких форм/квантовых-технологий-мозга-и-генетического-кода-ипостатической-троицы-всякой-личности-данной-в-метакритическом-откровении-пишущей-машинки-ставшей-более-чем-живой/я стал настолько разобщен с самим собой, для того, несомненно, чтобы максимально углубить пропасть, которая является основой любого процесса индивидуализации/вспышка познания/если я есть эта третья сила, эта третья личность, позволяющая двум другим не замыкаться на самих себе эффектом перманентного зеркала, если я есть эта третья личность, то кто же я на самом

деле?

Следовательно, сам по себе я ни экспериментатор, ни подопытный, ни эксперимент?

Внешний свет.

Этот свет исходит от Мира-иллюзии. Это его я должен заглушить, если хочу дать возможность звезде, замеченной мною в черной дыре, засиять по-настоящему.

Есть ли лучший способ спрятать необычный свет, чем растопить его в лучах, похожих на естественные?

Техника-герилья-нейрохимия-нейроалхимия/язык – оператор бесконечного деления/вспышки познания каскадами.

Передо мной стоит пишущая машинка. Она похожа на фантастическое животное, клавиши, чемодан, целлюлозу. Каждый орган ее разветвляется множеством деталей. Круглые клавиши, окаймленные латунью, лента, фиксатор интервала, ручка возврата, валик, каждая буква алфавита слов, написанных на листах бумаги, сама структура открытого чемодана, напоминающего *впалый* телесный архитрав. Машинка становится метаморфическим организмом, включающим в себя одновременно и онтогенез, и филогенез всего живущего на Земле, все, что жило на ней, все, что когда-нибудь будет на ней жить. Этот процесс ведет к неизбежному синтезу, разъединительному синтезу всего сущего. Это животное является всеми животными и не является уже ни одним. Это форма жизни, в действительности зарождающаяся только после смерти, эта консистенция начинает существовать, лишь оборачиваясь против самой себя.

Вот и я. Человек. Человек, еще не существующий.

Вернее, человек, идущий к существованию благодаря всеобъемлющей катастрофе без конца и без начала.

Вспышка-познания: кортикальная технология-метакритический язык-нейро-оперативное-повествование/научная-дикция/научное-видение/научная-деятельность/я нахожусь напротив метаморфической пишущей машинки, и я созерцаю себя, как совершенно особое живое существо.

Я пробегаю закрытое пространство дома, не сдвигаясь с места ни на миллиметр. Движение, неподвижность, пространство, расстояние, все параметрабельно для пишущей машинки.

Таким образом/познавательная-вспышка-параллельно пережитый эксперимент/я констатирую реальность непостижимого.

Везде. На каждой отражающей поверхности. На каждом зеркале. На самом крошечном кусочке полированного металла.

Мое изображение исчезло, мое отражение испарилось. Человек, создающий себя из машины, еще не существует, а я уже

не существую окончательно. Я исчез, как тень, у меня больше нет изображения, я даже не отражаюсь в зеркале.

* * *

И вдруг я погружаю дом во тьму, преграждаю путь всему, пытаюсь бороться против исчезновения моей жизни в качестве тени. Я не вижу иного выхода, кроме абсолютной темноты, я закрываю все окна, двери, затыкаю даже самые мелкие отверстия, отрезаю дом от любого фотона, происходящего от внешнего солнца. Белая комната становится Camera Obscura, все опрокидывается и снова активизируется.

В зеркалах больше нет моего отражения.

Но теперь там движутся какие-то отблески, едва видимая электрическая дуга соединяет их. Это энергетическое видение пишущей машинки. Это она – из раза в раз – объединяет меня с самим собой, это ей удается снабдить меня инструментом для навигации в этой внутренней одиссее.

Свет заполняет зеркала, полированные поверхности ничего больше не отражают. Они стали открытыми дверями в свечение, испускаемое ночью, замкнутой в Camera Obscura, в той, в которой все открывается.

Фотохимия-аналогичное-открытие-новых-конфигураций-метаязыка/новых вспышек чистого познания.

Синтетическая/механическая версия повествования, синопсис, кодекс, ритм воспламенения. Опять в недрах того, чем я был, разгорается свет. Поскольку теперь я созерцаю зеркала, хотя нахожусь одновременно во всех точках пространства, и отдаю себе отчет в том, что изображение – это я, отражение – это я. Я нахожусь в зеркалах и наблюдаю, словно сквозь стекло без амальгамы, за человеком, который печатает на пишущей машинке. Его голова окружена венцом света, странного света, словно исходящего из черепной коробки. Под пылающим газом я различаю более твердую основу, она напоминает трубу из анодированного металла, перекрученного и обхватывающего голову человека. Этот человек – я, он находится в комнате, он пишет все это. Вспышки познания формируют отныне ритм континуума.

Из безмолвного диалога с пишущей машинкой, ставшей сначала машиной органической, а потом, под своим/моим обличьем, машиной человеческой, она/я понимаем суть процесса, поскольку он записывается в ней/мне: она/я есть артефакт эксперимента, проводимого ученым, имевшим в распоряжении

машину собственного изобретения, при помощи которой он рассчитывал суметь проживать непосредственно все то, что он писал.

Она/я есть не раздвоение, предусмотренное автором, а его случайное вторжение в поле эксперимента. В этом смысле она является/я являюсь третьим членом, необходимым любой особой личности. «Она» – это «он», на самом деле она – это «другой», она/он – это *другой*. Другой, который есть я.

Я – артефакт. Я – это секретное «я». «Я», уступающее место Глаголу, «я», исчезающее для того, чтобы появилась персона.

Я есть он. Третий член. Я есть он, другой, вечно присутствующий, но бесконечно далекий. Я – не иллюзия, я не более фальшив, чем фальшивка. Я – артефакт, я более правдив, чем правда, я – абсолютное напряжение между всеми членами.

После исчезновения моего изображения из зеркал и с гладких поверхностей произошло устранение внешнего света. Теперь сияние полилось из зеркал, и я открыл то, что нахожусь на месте отражения за стеклом и наблюдаю за самим собой.

Все обретает смысл и оборачивается беспримерной разрушительной силой. Нет ничего лучше живого существа, если хочешь кого-то предать смерти. Нет ничего лучше живого существа, если нужно превратить кого-то в пишущую машинку.

Обнаружив свою сущность артефакта, он положил конец эксперименту, способствовав при этом его истинному успеху, он видит себя, заканчивающего печатать текст на пишущей машинке, все записывается в нем со скоростью бесконечности, из которой он создан.

Он печатает эти слова на пишущей машинке и в конце концов снимает странное устройство, увенчивающее его голову/ последние вспышки познания используемой технологии/ литература, задуманная как нейровирусное вторжение.

Я – артефакт.

Эксперимент заключался в синтетическом раздвоении личности автора, но любое повествование, особенно, в частности, такое, которое ведется по некой программе, неизбежно заканчивается вторжением «чуждого» элемента в поле эксперимента.

Просто «чуждый» элемент – это автор собственной персоной, это я/он/другой, что позволяет повествованию появиться на свет.

Поэтому я действительно исчезну. Эксперимент заканчивается, я – гиперцентр эксперимента, я – его наклонная ось, его хаотический притягиватель.

Я, кстати, невидим. Я больше не вижу себя из-за зеркала, со

стороны, из мира-иллюзии, как существо из плоти и крови, в котором я живу. Как существо, нашедшее свое пристанище.

На листке, вставленном в пишущую машинку, я вижу появляющиеся слова, а пальцы мои летают по клавиатуре.

Исчезновение Артефакта/Воссоединение автора.

Диаграмма номер один

Каждый человек живет в ипостатическом триединстве, поскольку создан он по образу Бога, создан по образу Троицы, и, как в Божественной Троице, троица человеческих ипостасей ведет к самой тайне индивидуальной особенности, неделимой и делящей все. Этот разъединительный синтез действует как сеть прерываний, как «особая» машина, состоящая из трех ипостатических личностей. Мозг троичен.

Левое полушарие – правое полушарие – мозолистое тело, которое их синтетически разъединяет.

Генетический код также троичен, благодаря своим постоянным фотонным передачам, благодаря активному присутствию живого света, который он, словно антенна, генерирует, поскольку ни одно истинное единство не может существовать без объединенного утверждения *первых цифр* первостепенного Единства.

Диаграмма номер два

Квантовая физика генетического кода – биофотоны и ультрафиолетовый язык: в темной части любой сотворенной вещи, совершенно явной и одновременно с этим незаметной для того, кто не предназначает себя для мистических переходов, прячется невыносимый свет истины. Скорее из Своего милосердия, чем из-за силы Своей, Он окружает себя тьмой, абсолютной недоступностью, поскольку ни одно из созданных Им существ не способно вынести подобного сияния.

Девяносто семь процентов генетического кода являются совершенно «бесполезной» для теорий человеческой науки частью генома, и они обозначают присутствие истинной тайны.

Девяносто семь процентов «материи», существующей во Вселенной, являются парадоксальной «темной материей», которую мы совершенно не в состоянии понять, и, скорее всего, она обозначает присутствие Невыразимого, этого непознанного Света. Света, создающего все, Света, знакомство с которым губительно для всех живущих и познающих существ.

Вот почему в алмазоносном центре гипермира я вижу, то есть

я есть бесконечность всех возможных бесконечностей. Я не прекращаю становиться тем, что ускользает от меня и одновременно с этим уносит меня, этой пишущей машинкой, находящейся во мне в той же степени, в которой и я нахожусь в ней. Поэтому среди множества ртутных роторов, которые движутся вокруг меня, я замечаю особую пульсацию письма в машинке, я чувствую все волны, идущие от всех звезд, и мое тело, да, так оно и есть, вовлекается в процесс, где моя плоть входит в световое состояние, а мой мозг ясно принимает органическое состояние света.

Мои руки – листья кристаллов, полупрозрачные кварцевые надкрылья держат книгу, вернее, составляют с книгой одно целое, производя двойственное внешнее впечатление и создавая атипичное искривление поля восприятия.

Книга старая. Очень древняя. Колдовская. Очень толстая. Одновременно это – голографическая структура, пришедшая из будущего. В обоих случаях они содержат все, что было написано на эту тему. То есть *на эту тему*.

Но решение не может исходить из энциклопедической массы учености, оно должно исходить от особого знания, от особой восходящей вверх спирали. Оно должно исходить от мысли. От Слова. От действия. Оно должно исходить от человека. Оно должно исходить от Бесконечности и должно вернуться в нее. Оно – это голос, сделавший из Сотворения человека образ воплощения Глагола.

Диаграмма номер три

Трансвременная литературная боевая операция по высадке в эпоху Отцов Церкви/мистическая теология Григория Нисского: доктрина каппадокийца основывается на утверждении Божественной Бесконечности. Его первая интуитивная догадка заключалась в том, что Бог не непостижим, а абсолютно безграничен. Он подчеркивает, что наше невежество объясняется не тем фактом, что Бог бесконечен – и даже бесконечен во всех бесконечностях, – а тем, что создание конечно, и поэтому оно впадает в онтологическую неспособность познать сущность Божественности. Однако именно эта абсолютная трансцендентность ведет человека к свободе. *Отрицательная теология*: Бог – Другой, никакое имя не выразит Его адекватно, описать Его можно, лишь перечислив то, чем Он не является.

Следовательно, теологическая антропология Григория Нисского утверждает, что человек, поскольку он создан по образу Бога, умен и свободен. Его теология *христологична*: природа сотворенная конечна, природа не сотворенная – бесконечна. Это

определяет непостижимый, неуловимый характер Божественности. Но «человек, сотворенный по образу, должен обладать всеми достоинствами своей модели. Среди которых способность быть свободным присутствует обязательно».

Диаграмма номер четыре

Григорий Нисский мозговыми извилинами в пишущей машинке/мистическая антропология живого повествования/ чтобы достичь понимания Бога, искатель истины должен согласиться на серию экспериментов, объектом которых он станет.

Минуем простое созерцание и войдем в эру активной, чувствительной, эмоциональной теологии. Григорий Нисский различает три главных пути для духовной жизни. Описание трех основных дорог, которые душа должна выбрать, чтобы возвыситься, находится в полном противоречии с предыдущими концепциями. Опираясь на библейские тексты, в частности на жизнеописание Моисея, Григорий Нисский утверждает, что Бог является Моисею сначала в виде Света, потом Он говорит с ним, укрывшись за облаком, наконец, Моисей созерцает Бога во тьме.

Диаграмма номер пять

Первый путь, путь *Света*, предназначен для новообращенных. В противоположность темноте падения, сверхъестественная жизнь – это беспримерный Свет. Очищение и воссоединение души приближают ее к первому познанию Того, кто живет в ней.

Познание Бога в зеркале души характеризует *второй путь*. Григорий Нисский сравнивает его с *облаком,* потому что, «идя от вещей видимых к вещам невидимым, душа замечает, как темнеет чувственная реальность, и привыкает к созерцанию вещей скрытых». Это познание Бога в зеркале души есть прямой опыт Благодати, она есть познание Бога – не в своей неуловимой сущности, но как опыт Божественного *присутствия*. Основой этого уникального и особого опыта каждый раз является именно посещение души Троицей в виде Благодати. Но может ли душа пережить опыт посещения ее Богом? Чем больше развивается душа, тем яснее она понимает, что Бог бесконечно превосходит все, что она может познать о Нем. Так открывается *третий путь*, который есть познание Бога во *тьме* и посредством *тьмы.*

Диаграмма номер шесть

Мысль, пережившая более пятнадцати веков, может проникнуть в тайные реалии современного мира. Связь слов, на скорости света поэтапно сталкивающихся с орбитами-

микширования на познавательном пульте управления. Это познание состоит в осознании того, что единственное познание Бога есть «понимание того, что он непостижим и окутан со всех сторон непостижимостью, как тьмой». Для античного Отца Церкви «найти Бога» значило также «непрестанно искать Его». Отрицательная теология, совершенно не являясь *отрицательным* отношением, оперирует активным синтезом между желанием и обладанием, стабильностью и движением, телом и духом. Каждую секунду происходит наполнение души, и она, следовательно, не страдает от недостатка чего-либо, поскольку Божественная Благодать, постоянно сообщаясь с ней, беспрестанно увеличивает ее познавательные способности и открывает ее для новой благодати. Душа идет «от начала к началу через никогда не заканчивающиеся начала».

Диаграмма номер семь

Операция ротации-спиралоида в небе Бесконечности; осторожно пишущая машинка – это реактор, чьим горючим является мысль. Итак, Григорий Нисский, в отличие от всех живших ранее теологов, представляет себе познание Бога как необладание. Вместо того чтобы нести Бога к душе, он несет душу к Богу и придумывает, таким образом, экстатическую духовность, то есть погружение в «мистическую ночь», в «световую тьму» Божественности.

Артефакт на самом деле – единственная настоящая персона, перевоплощаемая Глаголом. Она основывается на оперативном разъединении двух полюсов личности – другая, спрятанная сторона Космоса, объединяющая человеческий мозг с тем, что поглощает его извне, то есть с духом.

Тут я, в ошеломляющем озарении, понимаю, что пишу план рассказа, который я только что изложил в течение опыта с неприсутствием. На каждую диаграмму приходится один день Творения, одна глава, затем появится тайная Троица, основа любой единичности.

Итак, план рассказа возникает *после* действия, *после повествования*, поскольку повествование есть конкретная онтология рассказа. Оно – тело любого описания, повествование – это то, что создало мир и его планы. Оно – пишущая машинка.

Я не могу писать иначе, как только проживая то, что я пишу, при помощи процесса повествования, при помощи проекции в постоянно вновь создаваемый имагинальный мир. По-другому это совершенно невозможно, и не по физическим причинам, а по вине, или, вернее, по *милости,* онтологического разрыва,

мешающего раздвоению стать полным, замкнуться в клетке дуализма: начавшийся процесс обязательно повлечет за собой вмешательство человека в качестве артефакта опыта, проводимого, таким образом, над ним самим.

Я не могу быть единым, будучи двойственным, но я един, являясь каждым раздвоившимся лицом, единством и суперкодом, который всех их синтетически разъединяет.

Вот какой эксперимент я провел. Я провел эксперимент над тайной, которую прячет каждый человек, каждая единичность, каждый indivis-индивидуум.

Поэтому я иду по Passeggiata de Viareggio, изучаю комнаты дома, вижу себя в разнообразных иллюзиях, которые создает мой разум, и в первую очередь в мире, который пишется и становится, вследствие этого деяния, существующим. Поэтому я прогуливаюсь вдоль соснового леса, прохожу мол, пересекаю пляж, отсутствуя во времени, в пространстве и, одновременно с этим, по-настоящему присутствуя в том месте, которое я описываю в данную минуту.

Поэтому этот эксперимент – эксперимент над свободой и благодатью. Он прошел не так, как задумывался, что было как раз совершенно предсказуемым.

Поскольку парадоксальное существование нашего собственного артефакта, этой личности, которая действует в мире наших экспериментов, и является именно тем, что позволяет эксперименту стать тем, что мы есть.

По этой причине я печатаю свои записки на клавиатуре пишущей машинки, которая становится уже не совсем тем, чем являюсь *я*, а *другим*. То есть тем, что находится над моей собственной личностью, над моим тройственным мозгом, над самой пишущей машинкой, словно я пишу одновременно в себе и во всех других, появляющихся от простого воздействия этого повествования на их мозг.

Артефакт – главная движущая сила, сокровенный транссубстанциатор, он позволяет мне прийти в мир, а *другой* – то есть *ты* – читает то, что я пишу, то, что я написал, то, что напишу.

Машина – это сеть прерываний, с ее помощью я манипулировал своим и твоим мозгом, о, ты, абсолютный *другой*, перемещался к другому краю рассказа, протягиваемому пишущей машинкой сквозь все расстояния Космоса, до черной дыры, которая находится в нас и вокруг которой мы вращаемся, как все звезды всех галактик.

Ты пережил то, что еще никто другой по-настоящему не пережил. Ты совершил эксперимент, попытавшись превратиться в

нечто большее, чем ты есть. Ты совершил эксперимент, попытавшись превратиться в единичность, следовательно, в Бесконечность бесконечностей. Ты совершил эксперимент, попытавшись превратиться в другого, даже более того, превратиться в *другого*, являясь таковым.

Ты совершил эксперимент, попытавшись превратиться в личность.

Ты – личность?

Мир Князя сего

Даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу.

Евангелие от Иоанна, 16, 2

1. Посвятить

Коммюнике номер один

Somewhere on this planet[52]

Господа, для меня не представляется возможным определить с точностью, в какой момент, по какой причине и в результате какого события я превратился в то, что я есть.

Я думаю, что я не прекращаю превращаться просто-напросто оттого, что пока существую. А что касается того, во что я превращаюсь, то этого, поверьте мне, вы добивались сами. Не вы, я хочу сказать, не *исключительно* вы, господа из канадской полиции, а скорее эта гнусная вещь, хранителями которой вы являетесь и которая еще осмеливается прикрываться именем «мира».

Для меня не представляется возможным определить, как, при каких обстоятельствах я принял решение выложить сторицей, как будто в гигиенический пакет, все, что этот *гнусный мир* способен дать, но это решение я принял, несомненно, сам того не зная, в первую же минуту после своего рождения.

Да, мне искренне жаль. Вам, защищающим теперь преступление общей терпимости и пропагандистов смертников-камикадзе во имя прав человека, раздавивших своими гусеницами то, что едва оставалось от долга толпы, я не смогу быть очень уж полезен в ваших инквизиторских делишках, даже этим письмом, которое вам адресую. Информации, пригодной непосредственно для королевского прокурора, будет мало. Еще меньше, боюсь, ее будет для моих адвокатов, если кто-нибудь из них решится защищать меня во время заседаний вашего «правосудия». Я, кстати, ничего не буду отрицать. Вы даже узнаете о деталях, которые, я надеюсь, можно счесть незабываемыми. Я не утаю ничего, кроме того, что помогло бы вам слишком легко найти меня.

Поскольку *жизнь – это игра*, не так ли? *Мир – праздник!* Я недавно прочел об этом в номере «Cite-Hype Montreal», в красочной культурной мультипликации на газетной бумаге, которую нам дарит современность в еженедельном ритме. Итак: Let’s play![53] В ту самую минуту, когда я разговариваю с вами, вы должны уже некоторое время созерцать яркие и тонизирующие пожары, опустошающие нашу старую добрую метрополию Монреаль.

Пожарные города ведь тоже имеют право немного

поразвлечься, правда?

Этот огонь, это пламя, за которым вы наблюдаете в сумерках, – это те огонь и пламя, с которыми вы вступили в соглашение. *Все вы*, да, вы, такие, какие вы есть, и особенно те из вас, кто, окруженный температурой в тысячу градусов, раскаленным воздухом и светящимся дымом, кричит прямо сейчас во всю силу остатков легких. Все эти журналисты, замурованные в своих клетках из бетона и стекла, в которых они заключали в тюрьму мысль. Знаете что?

Я позволил себе оснастить соседние дома камерами наблюдения с самыми лучшими модулями сообщения со спутником. Вы легко их обнаружите, это даст вам несколько материальных улик, которые приведут вас только туда, куда мне хочется! Благодаря этим маленьким чудесам современных технологий мне отсюда прекрасно виден весь спектакль. Все эти шутники, издевавшиеся в постоянном режиме, словно попугаи, над терактамии одиннадцатого сентября две тысячи первого года, подохнут точно так же, как американцы во Всемирном торговом центре. Но их имена будут забыты быстрее чем за полгода, и умрут они, сгорев в десятиэтажных домах, на которые всем наплевать.

Мое собственное имя тоже, несомненно, в конце концов, исчезнет из памяти тех, кто еще совершенно серьезно осмеливается называть себя «человеком». Не важно. Не в честь своего имени я пишу вам это письмо, не в честь своего имени я поджег больше дюжины зданий метрополии.

Имя того, ради кого я работаю, ради кого я превратился в суперпролетария элиты, в ночного Стаханова, имя того, ради кого я так стараюсь, вы не знаете. Вернее, вы отказываетесь его *узнать*, несмотря на то что именно его подпись стоит рядом с вашей в конце контракта, который вы с ним подписали.

* * *

Нет.

Я ничего не забуду. Поскольку я не могу забыть ничего из того, что ваши *разобщенные* общества сделали из людей, а именно hybris между свиньей и обезьяной. Позвольте же представителю последних отплатить им той же монетой.

Но не с помощью дополнительного таланта, получаемого в результате ежедневного подписания ежедневного пакта с ним, а благодаря несказанному гению, которым Дьявол временно снабжает того, кто становится его избранным орудием в отличие

от всех тех, кто разделил меж собой немного человеческой плоти за его столом.

Если вы делите трапезу с Дьяволом, не удивляйтесь тому, что рано или поздно вы окажетесь в его тарелке.

Дьявол, господа агенты и чиновники Безопасности Квебека, господа агенты и чиновники Королевской жандармерии Канады, господа агенты и чиновники крупных средств массовой информации, господа агенты и чиновники субсидируемой контркультуры, господа негодяи рабского порядка, уясните себе это хорошенько, Дьявол – это Абсолютное Зло. Ничто его не остановит, особенно так называемые пакты. Он не предлагает никаких союзов, только договоры на строго определенный срок. Согласно его желанию, жертвы Демона становятся сначала его слугами. И чем лучше они служат ему, тем более жестоко он их наказывает.

Поэтому Дьявол – *Абсолютное* Зло.

У него нет чувства равновесия, он не представляет себе, что такое верность, что такое сочувствие, и в действительности его логика одновременно является верхом абсурда и высшей точкой последовательности.

Итак, он не испытывает никакой жалости к тем, кого предает, или к их жертвам. И поскольку предает он прекрасно, с безукоризненной точностью исполнения, позволяющей нам видеть в нем напрочь лишенную милосердия противоположность Божественной Силы, то правит он посреди океана крови, разложившейся плоти и побелевших костей, как Иуда всех Иуд. Тот самый, что отправляет всех своих «друзей», своих «контрактников» и своих «братьев» – всех тех, кто вступил с ним в переговоры, – прямо в круги Ада, которые он им любезно приготовил.

Дьявол – Сукин Сын. Его ремесло – призывать к себе всех сукиных детей Земли, чтобы заставлять их совершать худшие из мыслимых гнусностей.

Причина? Вот она: проклятые таким образом, они навечно становятся в его руках игрушками из плоти, костей и нервов. Короткая жизнь палача против непостижимой безвременности Ада.

Такое у него чувство юмора, совсем не черного, скорее пылающего, огненного цвета, цвета серы, цвета натрия.

И смех его выплескивается им в лицо в назначенный миг, когда он предъявляет им счет и показывает бесчисленные механические инструменты для пыток, с которыми они не расстанутся уже до самого последнего дня.

Дьявол очень терпелив. Он знает, что будет побежден лишь в

конце Времен, а до тех пор он сумеет самым лучшим образом распорядиться всем этим *свободным Временем*.

Со всеми теми, кто выбрал его «союзником».

Иногда, словно капризничая, поскольку Дьявол – не только Сукин Сын, он еще и сам Сука, со всеми вытекающими из этого маниями самки, итак, иногда он позволяет себе маленький отдых на доброй старушке Земле. Он столько на ней работал, особенно после одного давнего дня, после событий на высоком холме, нависшем над Иерусалимом. Он напоил на ней таким количеством яда все возможные языки, что решил устроить себе *каникулы*. В конце концов, если права на седьмой день у него и нет, то обеспечить себе двадцать пятый час он может, несомненно.

Но каникулы Дьявола, Князя мира сего, являются именно «каникулами Дьявола», то есть его очень парадоксальным отсутствием. Он на мгновение принимает положение, противоположное тому, что занимает обычно. Его *каникулы* делаются моментом, когда он может превратиться в нечто большее, чем простое небытие, когда он может воплотиться в кого-нибудь, стать человеком, во всяком случае, как минимум, именем, обликом. Он может стать на какое-то время, на время своих *каникул*, очень черным отсветом невинности, невинности потерянной и уничтоженной. Он может дохнуть своим огнем из уст худшего на свете преступника: того, который в него не верит.

Я хорошо вас знаю, муниципальные обладатели мигалок, медиатические подстрекатели справедливых бунтов, слепые служители муравейников. Кем бы вы ни были, вы думаете сейчас: кто *же* этот психопат-пироман, посылающий нам эти «мистические» письма, закодированные по примеру *зодиака* в конце шестидесятых?

Как всегда, бедные охранники беспорядка, бедные спокойные революционеры, бедные бездарные журналисты, ваши мысли идут в неверном направлении.

Кто я – не имеет уже никакого значения. Кем я был, кем я стал, кем я решил стать – только эти вопросы важны.

«Психопат» – это слово-чемодан, которое, наверное, сможет послужить вам ярлыком при разборке тонн ваших дел, но ваш патетический диагноз не просто ошибочен. Он правдоподобен. Он наверняка был бы подхвачен всеми маленькими зомби, которые горят в своих кабинетах в то время, когда я с вами разговариваю.

Я – не психопат.

Я гораздо хуже.

Моя болезнь – это вы. Вирус, который я уничтожу, – это вы. Истинное безумие – это мир, который вы создали.

Я – своего рода врач.

Врач Дьявола. Врач, созданный по образу вашей медицины.

Скоро вы поймете, до какой степени неоспоримо мое мастерство в области эфтаназии.

Коммюнике номер два

Ах, мои бесконечно дорогие зелоты демократических институтов, проклинающие в своих только что обретенных газетных колонках «преступного свободоубийцу», я всего лишь вернул свободе то, что вы у нее ежедневно отнимаете, то есть вкус правды. Ах, добрые вы мои души, клеймящие *фашизм* потому, что среди жертв вчерашнего пожара оказалась какая-то газетенка, близкая к Хезболла, они сознательно уподобляют участника Сопротивления настоящему нацисту, они это делают все время, они по-прежнему ничему не научились, в следующий раз я буду наблюдать подобное в больших масштабах. Ах, все полицейские мультикультурного общества бросились на поиски очень опасного психопата-пироманьяка в Квебеке, сообщается в утреннем номере «Globe and Mail». Надо отметить, что после пожаров в Монреале, произошедших накануне, возможность выпустить новый номер есть только у «Le Journal des malentendants» («Газета для слабослышащих»). Восемьдесят один погибший, сто семьдесят три раненых – это ужасная трагедия. Можно подумать, что мы находимся на рынке в пятницу утром в Багдаде.

Предстоит провести целый день без передовиц «La Presse», «Devoir» и какой-нибудь замогильной «бесплатной» газеты, где культура проституируется столь же бесстыдно, как марки косметики! Кстати, по сравнению с ними даже реклама мужского дезодоранта парит на высотах стратосферы.

К счастью, Дьявол находится здесь для того, чтобы все поставить на место, то есть на уровень *Нулевой Отметки*. Это одно из его любимых времяпрепровождений. От всех зданий останется лишь пепел. Еще останется телевидение, хотя, честно говоря, операторы «Радио-Канада» не очень хорошо делают свою работу, надо мне было и их башню поджечь. Если бы вы могли сравнить их кадры с моими!

Кстати, вы можете.

Я пишу эти строки, закончив создание своего собственного сайта в Интернете. Я очень хорошо знаю, что он, из-за преследований властей, продержится недолго, но времени будет

достаточно для того, чтобы все, я подчеркиваю, *все* узнали о том, что Дьявол на каникулах, и о том, что у него есть очень преданный временный заместитель. Заместитель преданный, но не подневольный, так как не заключал с ним никакого пакта.

Поскольку это я заставил Дьявола договориться со мной. Между нами нет ни малейших иллюзий, никакого пакта, никаких фальшивых союзов, которые анти-Бог может предложить.

Это он нуждается во мне. Это он жаждет немного отдыха (признаюсь, что два последних истекших века оказались несколько утомительными, не говоря уже о том, который только начался). Это он желает, чтобы я воспользовался его возможностями, продолжил его дело и заманивал в ловушки несчастных идиотов, которые поверят, что взамен они получат дополнительное могущество в той или иной форме.

Именно я начну подводить первый бухгалтерский итог, именно я завершу первую фазу земного проклятия.

Я чувствую, что мы действительно хорошо повеселимся. Мир – это праздник! Жизнь – игра!

Посмотрите на эти великолепные изображения! Они сняты моей камерой номер три, расположенной напротив здания, которое занимают некая анархо-исламистская организация и ее разнообразные ответвления, которые занимаются продажей маек с надписями, выражающими протест против «оккупации» еврейским народом своих собственных земель, со слоганами, открыто призывающими к новым терактам на американской территории, – короче, с полным набором научных глупостей, служащих сводом политических законов ордам дипломированных дураков. Эту камеру я снабдил функцией сверхмощного приближения и установил на этаже, где находились несчастные жертвы неожиданного *возвращения пламени*. Теперь, благодаря Интернету, все могут увидеть их искаженные ужасом лица, их страдания в тот момент, когда огонь охватывает их. Все могут видеть, как горят их тела, как они исчезают в торнадо пожара, окруженном нимбом тяжелого серого дыма.

Мне говорили, что эти люди регулярно организовывали саркастические лотереи, в которых номера обозначали число американских солдат, которые погибнут в Ираке на следующей неделе.

Жизнь – игра!

Дьявол обожает играть. Особенно с огнем.

А в реестре сарказмов он – неоспоримый лидер. Вы слышите сладострастный треск пожара?

Это его манера смеяться.

Отныне, когда я буду говорить, мои слова будут появляться в

Сети в режиме реального времени в виде огненных букв, как эхо его смеха. Я не нуждаюсь в помощи какого-либо человека, чтобы распространять свои коммюнике.

Мои коммюнике явятся тем людям, которые действительно нуждаются в помощи.

Мир – праздник!

Докажите свою полную принадлежность этому миру! Подключитесь к тому, что есть худшего в вас. То есть к вам самим:

www.welcometohell.world[54].

2. Сосчитать

Коммюнике номер три

Somewhere in Canada[55]

Я – всего лишь знак, именно по этой причине я до сих пор невидим для вашего глаза.

Я – знак, обитающий в самой лучезарной надежде: я – альфа, альфа всех омег. Я – первый. Первый из последних. Я тот, кто запустит цепную реакцию. Я тот, благодаря кому Дьявол крепко уснет на пляже. Его каникулы продлятся целую вечность, а ваши проблемы только начинаются.

Поскольку, я надеюсь, вы поняли: в *свободное время* он становится еще более активным. Просто эта активность, вместо того чтобы распространяться на массы делающихся таким образом аморфными смертников, посещающих ваши охваченные вечными фестивалями и программируемыми манифестациями города, конденсируется в компактную единичность, в одного человека, в одинокого человека, в абсолютно одинокого человека.

Абсолютно одинокий человек против вас всех.

Заехав на придорожную заправочную станцию, я увидел по телевизору колоссальный план розыска, который вы организовали с целью меня найти. Хотя очевидно, что вам обо мне совершенно ничего неизвестно.

Я вам уже говорил, что начал другую жизнь. В каком-то смысле слова вы уже должны воспринимать меня как мертвого. Это ближе всего к истине.

Надо сказать, что в качестве начала этот, практически нероновский пожар во многих кварталах метрополии оказался весьма впечатляющим. Но поскольку речь идет всего лишь об игре (не правда ли?), я готовлю вам и другие сюрпризы. Праздник, совершенно очевидно, только начинается. Приближается лето.

Когда Дьявол находится на пляже, он обожает это время года.

Он такой же турист, как и другие. Он такой же террорист, как и другие.

Я – гораздо хуже его.

* * *

Как я вам говорил в первом коммюнике, мне трудно описать

точный момент, в который мое решение стало окончательным. Но я помню день, когда я констатировал, что выбрал, вернее, что меня выбрали.

До столкновения мы ничего не знаем. Потом мы часто все забываем. Поэтому эта встреча, этот удар длились достаточно долго для того, чтобы покрыть всю протяженность моего существования. И указывать точное мгновение, когда это произошло, бессмысленно. Потому что в момент, когда Дьявол решил доверить мне временное исполнение своих обязанностей, все, естественно, уже в течение лет, если не десятилетий, было готово.

Точно одно – этот миг соответствует концу моего существования в качестве человеческого существа. Я говорю о том существе, которое теперь так называют. Я (и это правда) в данном случае – полное отклонение от нормы.

Но я – отклонение, которое создали ваши глупые суеверия, похожие на противоположный полюс, на настоящее *возвращение пламени.*

Потом оставалось лишь выполнить работу предварительной цифрации, этап отбора, этап матрикуляции.

Вы все – едва живые матрикулярные номера, бродящие по лагерю узников, который вы построили для себя сами, по образу обломков ваших идей.

И даже охранники лагеря, несмотря на свой внешний вид, такие же матрикулярные номера, как и все остальные.

Но я лишь считаю, цифрую, кодирую ваши жизни. Я – нумерующий вас невидимый татуировщик, и вы сами просите меня об этом.

Вы могли бы пробудить во мне сострадание, согласен. Но, как ни странно, вы сделали все возможное для того, чтобы я его никогда больше не испытывал. Вы высмеяли, растоптали, обесценили сострадание, которое могло бы спасти вас. Вы сами захотели того, чтобы оно исчезло из поля сознания. И вот, в моем случае вы преуспели. И даже превзошли свои собственные ожидания.

Сегодня – день вашей удачи.

Стереть вас с лица земли, просто открыв рот, будет для меня спасительным жестом. Я уже чувствую запах серы в глубине своих ноздрей, ее терпкий вкус заполняет мой рот, ее пуриновый[56] сок обжигает мне язык. Скоро я буду сеять на своей дороге уже не разрозненные пожары, а эрратические валуны всех тех опустошений, за которые вы ратуете, не имея на самом деле мужества их совершить.

Я сделаю это за вас.

Вы можете начинать дрожать.

Не надо убаюкивать себя иллюзиями: Дьявол не обладает каким-то особым могуществом, о котором говорят все те, кто создает так называемую фантастическую литературу. Только Бог может творить чудеса. Единственное, чем владеет Дьявол, – это люди и мир, который они создают.

Но когда его власть проявляется, она становится полной и абсолютной. К тому же люди очень легко подпадают под ее влияние.

Дьявол – самый сильный яд из всех ядов: он убивает удовольствием. В этом секрет пакта, который старые хрычи, вроде Фауста, или молодые дураки, вроде тех, что я поджарил тогда вечером, постоянно с ним заключают.

Теперь все, кем бы они ни были, дешевыми бунтарями или хранителями порядка, поймут, что с Дьяволом шутки плохи.

Это он шутит над вами. Делая из вас то, что он из вас делает.

А вы кричите.

Вы плачете.

Вы умоляете.

Вы ревете, как звери.

Жизнь – игра! Мир – праздник!

Коммюнике номер четыре

Возьмем для примера профессионального исламистского политикана, которого я похитил в тот момент, когда он направлялся в мечеть. Сейчас он, надлежащим образом связанный, находится в моем багажнике. Корреспондент настроенных на джихад газетенок, пропагандист избирательной кампании левого крыла Либеральной партии. Он – большой друг одного из руководителей комитета поддержки лидера этой партии, в которую входят интеллектуалы, столь же привлекательные, как наш «активный член гуманитарных ассоциаций», беспрестанно ревущий на своих двух квадратных метрах без кухни, расположенных над моими задними колесами. Занимая, в довершение всего, пост ассистента неизвестно какой «антирасистской» комиссии ООН, он яростно протестует против интервенции союзных войск в Афганистан и пылко защищает подчинение шариату мусульман, живущих в «канадской демократии». Он организует комитеты поддержки бородачей-бомбометателей с упорством дисциплинированного фанатика, в компании нескольких толстых квебекских уродов-невеж, устанавливает посты перед посольством еврейского государства,

практически открыто поддерживая иранскую программу атомного уничтожения Израиля. Но при этом, конечно, говорит намеками. Мой брат – король маскировки, он – Князь сего Мира, Князь сокрытия мыслей.

Если говорить коротко, мой новый друг из багажника активно материально поддерживает Хамас и сирийские вооруженные формирования, замешанные в восстании в Ираке. На самом деле я не мог бы найти жертву, более тесно связанную с начинающимся веком, вожаками которого все они хотят стать.

Вы, наверное, уже поняли инфернальную извращенную логику, которой я придерживаюсь. Я не буду заниматься истинными виновными, активными преступниками, настоящими извращенцами-убийцами-социопатами. Моя цель под стать моему характеру. Она гораздо более *нюансирована*: я сосредоточу свое внимание на виновных наполовину, на якобы невинных. Скорее на пребендариях[57], чем на служителях культа.

Не думайте ни секунды, что я наброшусь на какого-нибудь члена того или другого ответвления Аль-Каиды или другой родственной ей организации. У человека, ревущего в багажнике, никогда не хватило бы духу самому пристегнуться к С-4 и взорвать вместе с собой дискотеку или школу. Но он очень хорошо знает, что его слова приводят в действие взрывчатку, которую используют другие.

Он – человек общения. Поэтому, несомненно, и мычит так громко.

Я смутно слышу его через металлические стенки и слои пластика. Я надеюсь, что кляп из наждачной бумаги до сих пор плотно сидит на своем месте.

Благодаря моему сайту в Интернете отныне мы вместе будем следить за поэтапным процессом деградации человеческого существа, до самого конца. Я надеюсь, что разнообразные бомбометатели, защитником которых этот господин являлся, сумеют его оценить.

Одно из самых интересных явлений в человеческой психологии – это страх. Дьявол любит наблюдать и анализировать это чувство больше всех остальных. Синтезировать до его совершенного эликсира: до ужаса.

Страх основывается на тревоге перед неизвестным. Ужас, напротив, базируется на точном понимании того, что произойдет.

Поэтому, пока друг сжигателей книг хрюкает, словно свинья, для вас, друзья, читатели Мира сего Князя, я со всей техничностью, на которую способен, излагаю в реальном времени точный рецепт зверств, которые он испытает на себе. Поскольку Дьявол – не только Князь сего Мира. Он еще и король общей

механики.

Для него тело – всего лишь система зубчатых колес, детали машины, которую можно смастерить при помощи фантазии.

Одним из самых первых, кто прочтет этот рецепт, будет человек, истерично колотящий ногами в стенки моего багажника.

В двухстах километрах от самого близлежащего обитаемого жилища.

То, что он стучит ногами, означает, что ему страшно и он пытается противостоять неизвестному. Примерно через десять минут он затихнет и не сделает больше ни одного движения, охваченный анестезией нарколептического яда ужаса. Того самого, что усыпляет вас, одновременно держа в состоянии ужасающего бодрствования.

Того самого, которым я его заражу.

Введение: я – Дьявол, следовательно, я извращаю наказания и вознаграждения. Твои друзья отрезают головы, отделяют их от еще живых тел при помощи гнусных средств, которые мы столько раз наблюдали на видео. Я тоже сниму тебя на видео. Но я не стану отрезать тебе голову, я не отделю ни одного органа от твоего тела.

Напротив, вникни хорошенько в хитрость Дьявола; я сделаю диаметрально противоположное.

Я тебя сошью.

1. Раздавлю пальцы один за другим в тисках за каждое отвратительное сочинение, которое ты опубликовал.

2. Продырявлю коленные чашечки дрелью фирмы «Black & Decker» за все «марши солидарности», которые ты совершил или организовал со своими друзьями-убийцами. В просверленные таким образом отверстия смогут пройти самые толстые иголки.

3. Я сделаю тебе иглоукалывание в качестве средства народной, холистической медицины. Я произведу компьютерный учет иголок, покрывших, одна за другой, *всю* поверхность твоего тела: две тысячи семьсот пятьдесят две иголки. Это число – количество жертв теракта одиннадцатого сентября, над которыми ты так издевался. Иголки послужат также для аккуратного сшивания всех отверстий, которые ты считаешь подходящими для самовыражения.

4. Я завершу опыт равномерным обугливанием нижних конечностей при помощи гидроксиловой горелки. Примерно то же самое происходит, когда боевая машина загорается в результате взрыва самодельных взрывных устройств. Я до чертиков обожаю самодеятельность. Может быть, я запишу тебя в Квебекскую лигу. Мне кажется, у тебя есть шансы.

5. За этим последует полное сшивание членов и волосяных

покровов, затем снятие скальпа на индейский манер, соответствующее местному колориту. Потом я заверну тебя целиком – так, чтобы не осталось ни единого отверстия, – в черную простыню, пропитанную промышленным клеем. Дам потомиться два-три дня, чтобы как следует срастись с буркой, ношение которой станет с этого дня обязательным.

6. Итак, финал: дробление тела в заброшенной скотобойне, предоставление твоих останков в качестве пищи свиньям, выращиваемым по соседству. Ты не можешь, без сомнения, есть свинину, но свиньи не так деликатны с людьми. Даже с такими, как ты.

7. Все вместе должно длиться максимум неделю.

Посмотрите на выражение, появившееся на лице сверхчеловека, теперь, когда он все знает. Посмотрите на его непристойную бледность, пока я вытаскиваю его из багажника. Он созерцает маленькое самодельное сооружение, воздвигнутое мною в чаще леса.

«Добро пожаловать в Багдад», – говорю ему я. Welcome home! [58] Я долго слушал твои лекции вечерами по телевизору, в промежутке между двумя фильмами Майкла Мура[59]. Это было на удивление познавательно, я уверен в том, что уже через часик ты согласишься со мной.

Ох, нет, вы только посмотрите! Ты же не начнешь все-таки тут хныкать, ты, супермен? А?

Что происходит?

Ты удивлен тому, что «педераст»-европеец (именно так ты счел нужным выразиться во время выступления где-то за пределами Канады) обладает таким большим количеством швейных иголок. Это потому, что ты недооцениваешь мой талант дизайнера высокой моды, скажем даже, специалиста по пошиву готового платья. Когда тебя найдут, твое тело можно будет послать прямо Жан-Полю Готье для его ближайшего показа, если какая-нибудь дура-модель согласится надеть тебя в качестве костюма.

Теперь, господа, я прошу вас с большим вниманием просмотреть следующие изображения.

Не теряйте из виду движение иглы швейной машинки.

3. Писать

Коммюнике номер пять

Anywhere in North America [60]

Дорогие друзья, самым трудным, к моему большому удивлению, оказалось не проведение различных этапов операции шитья над кучей человеческой плоти, а техничное усеивание всей поверхности тела двумя тысячами семьюстами пятьюдесятью двумя иголками. Он напоминал робота-дикобраза, современную научную фантастику.

Именно это я и буду творить со своими жертвами: *научную фантастику*.

Мне пришлось, испытывая некоторую фрустрацию, впрыснуть ему опиумный нарколептик, чтобы он хотя бы на время прекратил рваться во все стороны, невзирая на толстые кожаные, налитые свинцом ремешки, связывавшие его конечности, тело и шею.

Когда я, раздробив ему каждый палец, сшил их между собой, видеокамера, установленная мной рядом со швейной машинкой, дрожала от воплей, которые он испускал чуть ли не до потери сознания. Даже теперь, когда я все закончил, уложившись в намеченное время, выполнив все планы по заранее созданным «лекалам», парень, неизвестно почему, продолжает мычать, словно животное.

А ведь я очень научно зашил ему и рот, и ноздри, и анальное отверстие, и уши. Даже его пенис отныне прикован к пупку.

А что бы произошло, если бы я стал подражать его иракским приятелям, использующим сначала нож мясника, а потом – пилу по металлу?

Может, ему невыносимо зрелище, открывающееся на маленьком видеомониторе, расположенном прямо рядом с его головой?

Давайте я помогу ему.

Я сошью ему веки.

Перейдем к некоторым откровениям, дорогие господа-шпики, работающие на Королевскую жандармерию, на Службу полиции города Монреаля или на «Радио-Канада». Я кое-что изобрел. По мере того как я пишу свои коммюнике, они появляются в Интернете, одновременно со снятыми мною изображениями. Пожары в Монреале и мой опыт живой высокой моды появляются там же в виде визуального дополнения.

Я – Дьявол или, скажем, его временный агент. Я становлюсь настоящим мультимедийным героем. Я в прямом эфире борюсь за «Оскар» в номинации «snuff-movie»[61] года. Я совершенно уверен в том, что у меня есть все шансы на победу.

Я – зеркало, протянутое вашему миру. Посмотрите на свое отражение внимательно. Я организовал все так, что благодаря маленькой видеокамере мой подопытный не упустил ни одной из проведенных над ним операций, вплоть до самой последней, за которой он следил, как минимум, одним глазом. Вы сами могли в этом убедиться, если смотрели кадры так внимательно, как я вам советовал.

Судя по тому, что я читаю в газетах, вы ищете опасного психопата *французского происхождения.* Кстати, похоже, что это сообщение, опубликованное в квебекском «Soleil», – утечка информации, не важно, случайная она или нет. Чувствуется, что ваше расследование продвигается с быстротой молнии. Через десять – двадцать лет вы, быть может, найдете коммуну, в которой я родился. Для ускорения дела, без сомнения, мне надо просто выслать вам свое свидетельство о рождении.

Из всех людей вы, полицейские, единственные, к кому я мог бы испытывать жалость. Поскольку вы действительно жалки в своих попытках защитить государство, которое вас игнорирует, общество, которое вас презирает, культуру, которая вас ненавидит.

Вам назначают зарплату бразильского сельскохозяйственного рабочего за то, что всю жизнь вам приходится получать плевки от той или иной толпы, охваченной злобой, поскольку только это чувство отныне может хоть немного расшевелить толпу.

Чиновники, чья участь еще менее завидна, чем ваша, – это военные. Но они, по крайней мере, имеют возможность излить тонны напалма и осколочных боеприпасов на каждый квадратный метр идиотов. Это помогает им выносить свое положение.

А вы – бедные уборщики общественных беспорядков, печальные охранники смешного образования, судьи необуржуазной педантичности. Вы можете лишь бросить слезоточивую гранату в сборище раздираемых ненавистью придурков, по поводу которых нам говорят, что «нужно проявлять терпимость по отношению к непохожим на вас».

Поэтому Дьявол уехал на каникулы, дорогие господа из различных полицейских конгломератов.

Поскольку благодаря этому длительному уик-энду он сможет предоставить мне свободу действий, возможность занять его место для того, чтобы продолжить или даже улучшить эффективность предприятия.

По этой причине я немного расскажу вам о себе.

Если вопли нашей бедной, полностью перешитой жертвы мешают вам спокойно читать, в вашем распоряжении находится маленькая кнопка в правой части экрана. С ее помощью вы можете уменьшить звук. Насчет изображения: этот бедный кусок мяса, затянутый в черную простыню, не имеет уже ничего общего с человеком (если вообще когда-нибудь имел). Поэтому я избавляю вас от удручающего зрелища восьмидесяти килограммов еще живой плоти, покрытой точно двумя тысячами семьюстами пятьюдесятью двумя металлическими шипами.

С левой стороны экрана у вас есть опция «музыка и звуковое сопровождение», включающая в себя многочисленные категории на ваш выбор.

Спасибо за внимание.

Я должен признать, что чем больше я становлюсь Дьяволом, тем больше я понимаю его. Это, видимо, является частью молчаливого общения, но ни в коем случае не подписанного нами контракта. Дьявол, видимо, в высшей степени доволен своим заслуженным отдыхом на пляже из пепла, рядом с океаном лавы, под огненным небом и солнцем, до которого он может дотронуться рукой.

А мне очень нравится обращаться к вам, друзья-читатели. Я чувствую, что с огромным удовольствием буду рассказывать вам историю в режиме реального времени, одновременно с тем, как она разворачивается в Мире сего Князя.

А знаете, почему мне это так нравится?

Ну, хорошо, подарим улику нашим охотничьим псам от закона. Потому, что я – *писатель*. Да. *Французский писатель, то есть французский писатель, эмигрировавший в Канаду*. Теперь вы, наверное, уже в состоянии произвести математическую операцию типа «два плюс два».

Я занимался и другими профессиями до того, как литература похитила меня. Все эти полуремесла, накопленные за целую жизнь, позволят мне рассказать вам обо всем. Потому что благодаря этим ремеслам я смог еще задолго до того, как Дьявол предложил мне пост директора программ, накопить опыт, оказавшийся полезным в тот день, когда он познакомился со мной.

Рассказ для вас – это часть плана, неотъемлемая часть операции общего разрушения. Это повествование станет самой прекрасной из пыток, которым я вас подвергну.

Коммюнике номер шесть

Теперь, господа члены корпорации Генеральной проституции, прошу вас, пользуясь изумительной четкостью изображения мини-DVD камеры, понаблюдать вместе за этой молодой женщиной, дремлющей в своей постели.

Она спокойно спит в полутьме своей спальни. Она спит. А я нахожусь здесь. Прямо напротив нее. Вы ее видите, не правда ли? Я ее тоже вижу, я ее снимаю.

Она спит. Она не знает, что Дьявол находится в ее комнате. И уж тем более она не знает почему.

Пока.

Этой женщине не меньше тридцати лет. Я коллекционировал ее лицо в течение месяцев в виде газетных вырезок. Я знаю ее лицо наизусть, до самых мельчайших деталей.

Да и саму ее я знаю как собственное творение. Кстати, будучи Князем сего Мира, вернее, его «заместителем», я сам ее и сотворил.

Это судья. Судья человеческого правосудия. То есть моего.

Что совершенно точно делает из нее привилегированного свидетеля гнусности, которую я совершу.

Поскольку нужно, чтобы она в ней участвовала. Но на моей стороне. В качестве преступницы.

Так как именно таковой она и является.

А я – заместитель Дьявола. Я – тот, кто делает каждого тем, кто он есть. Я – тот, кто провозглашает страшную истину перед судьями, защищающими преступления.

Она спит.

А я нахожусь здесь. Я ее вижу, я ее снимаю на видео.

Для того, чтобы вы ее видели. Так же, как и я, в режиме реального времени. В тот момент, когда я пишу эти слова в программе «блокнот», подсоединившись с помощью «wi-fi» к интернет-серверу, который я установил в машине. Камера держится на моем плече при помощи системы ремней собственного изготовления, монокуляр с оптическим волокном позволяет объективу повторять направление моего взгляда. Антенна цифрового телевидения зафиксирована на другом плече. Она прикреплена к куртке. Я – лучше, чем машина. Я – *все машины*. Я снимаю, и руки у меня при этом остаются свободными.

А для Дьявола, как и для его заместителя, это – *sine qua non*[62] при любом виде деятельности.

В конце концов, Дьявол – это просто вы, только в более совершенном варианте.

Я – король общей механики. Вы видите это тело? Эту спящую женщину? Я знаю, как устроены ее кости, ее нервы, сухожилия, связки, вены, артерии, каждый из ее органов.

Я легко мог бы переделать это тело, как то, что закончило свое существование в гигантской дробилке, а затем было подброшено на склад с кормом для свиней большой колбасной фабрики по соседству.

Она спит.

Она будет продолжать спать.

Здесь она кричать не будет.

Кричать она будет там, где проснется.

И кричать она будет долго.

Возможно, всю свою жизнь.

Наблюдайте очень внимательно за тем, что будет происходить перед вашими глазами, господа полицейские. Правда, я устроил все таким образом, что сигнал будет доходить до вас с задержкой в час. Это сделано для того, чтобы вы не явились и не испортили все своим сочувствием и выражением чувства долга в вашем понимании.

О вашем сочувствии я предпочитаю ничего не говорить.

А ваше чувство долга не имеет смысла.

У меня лично нет ни долга, ни чувств, они мне совершенно неинтересны. В данный момент мне интересна та, которая спит, и будет спать дальше. Та, которая проснется лишь тогда, когда это предусмотрено.

Мне интересна та, которая заснула в этой комнате, а проснется перед Правосудием, которое она сама провозгласила.

Для меня важны та, которая спит, и тот, кто есть Дьявол в этой комнате.

Для меня важны та, которая спит, и тот, кто манипулирует камерой.

Для меня важны та, которая вытянулась на кровати, и тот, кто держит в руке шприц для подкожных инъекций.

Следите внимательно за шприцем, он появится в зоне обзора видеокамеры как раз к концу записей.

4. Собирать

Коммюнике номер семь

Somewhere inside Humanity[63]

Добрые люди, читающие мои коммюнике в Интернете или отрывки из них в своих любимых газетах, поймите меня правильно, прошу вас. Постарайтесь следовать за движением моей мысли: я ваш человеческий брат, я просто чуть более человечен, чем вы. Стать столь же человечными, как я, вы не сможете никогда. Я – ваше лицо, открывшееся вам самим. Если вы хотя бы на один миг подумали, что я предъявлю счет только политическим подонкам, сортирным революционерам и фанатикам не у дел, то вы серьезно недооценили силу моей ненависти к вашему роду. Эта ненависть основана на моем чувстве ответственности. Она – верх вашей маниакальной злопамятности, ваших патетических неврозов, всего, чем вы являетесь. И если уж начистоту, то, как заместитель Дьявола, признаюсь, что имя мне – ПРЕЗРЕНИЕ.

Рассмотрите во всех деталях, прошу вас, всю эту копившуюся веками грязь, все эти морщины предательства, струпья лени, отметины низости в виде гнойных фурункулов, всеобщую распущенность, сопровождаемую очерствелостью чувств, благодаря которым начинает трескаться кожа, покрытая подлостью и усеянная ярко-красными пятнами экземы преступной глупости.

Не я выгляжу таким. Я – это вечная и инфернальная молодость, и я просто протягиваю вам зеркало, которое вы мне купили, и искренне надеюсь, что результат вас удовлетворяет и вам не жаль потраченных денег. Тех, что я вам одалживаю под кабальный процент вашей собственной жизни.

Мне кажется, что удручающее зрелище, которое вы представляете собой перед красотами Космоса, того самого, что был создан величайшим светом, чьей непокорной и враждебной искрой я являюсь, необходимо как-то исправить.

Как и Дьявол, которого можно назвать моим Старшим Братом, я – эстет. Пусть человечество тонет в собственных нечистотах, но мы хотим, чтобы руководил этим, по крайней мере, квалифицированный главный оператор, который поставит спектакль по всем правилам искусства.

Поэтому я и стал его Директором по производству.

Большой полноприводный «хаммер», который я использую

теперь для путешествий и проставления инфернальной печати в каждом месте, которое проезжаю, к моему великому сожалению, совершенно неэкологичен. Я очень огорчаюсь по этому поводу, но зато это великолепная карета «скорой помощи». Естественно, она помогает умереть. Здесь все безукоризненно подобрано, расставлено, рассортировано. Гораздо лучше, чем в «крайслере-300», на котором я ездил в начале экспедиции. Дьявол любит детали. Механика состоит из деталей. Именно они всегда убивают.

Все составляющие маленькой передвижной лаборатории находятся тут, на своих местах. Я – всего лишь заместитель Князя Мира сего, но здесь я – король общей механики, абсолютный повелитель техники. Из ничего я делаю все: цветок становится ядом, ручка – оружием, дерево – виселицей, лес – ярмаркой. То есть, я хочу сказать, концентрационным лагерем.

На этот раз вопли, которые мы слышим, звучат отчетливее, чем у предыдущей жертвы, вы заметили? Я, наверное, бываю недостаточно внимателен в момент установки кляпа. К тому же на этот раз эти крики принадлежат женщине, они более пронзительные. Она, видимо, только что проснулась. Ей тоже страшно, она противостоит неизвестности.

Она тоже скоро все узнает о том, что неминуемо произойдет, она тоже получит свою порцию ужаса.

Она – судья. Судья, которая работала и на меня, вернее, на мое начальство, на моего Старшего Брата.

Он ждет от своего заместителя, чтобы судья получила вознаграждение по заслугам.

И тут он совершенно прав, рассчитывая на меня.

Я – бог бесчисленных жертвоприношений, я – идол, пожирающий души, которые надеются выгодно продать себя, я неумолимее законов физики.

Потому что я – абсолютная антифизика. Я тайно повелеваю этим миром.

Я получил власть над этой местностью, этими людьми, их землями и их жизнями.

У меня были на то веские причины.

Эти причины сейчас созерцает судья, отупев от ужаса, струящегося по ее жилам, словно изобретенный мной вариант crystal-meth[64]. Кстати, crystal-meth изобрел тоже я.

Эти причины ей известны, господа из полиции и средств массовой информации. Она эти причины защищала. Одинокая женщина противостояла целой армии, которая ее и уничтожила. Мой Брат получил от этого наслаждение, да и меня, честно говоря, судьба бедной женщины, в конце концов, заботит мало.

Что важно, так это факты: Дьявол любит голые факты, поскольку с ними ничего не поделаешь. Ты ничего не можешь поделать, когда стоишь голым в снегу, со связанными колючей проволокой руками и ногами.

Нет, ты ничего не сможешь поделать, и та одинокая женщина тоже ничего не смогла поделать против всех этих людей, против своего мужа, который сумел отнять у нее детей и выставить ее сумасшедшей.

Вы узнаете местность, я в этом уверен, господа агенты «сил поддержания общественного порядка».

Вы поняли, о чем идет речь. Вы сверились с картотекой. Гораздо быстрее, чем с содержимым черепных коробок, как обычно.

Да, но только сейчас текст и изображение передаются с задержкой на двадцать четыре часа. Я вынужден предпринять некоторые меры предосторожности. Порой мне бывает нужна отсрочка, и у меня есть все возможности совершенно безнаказанно ее себе предоставить.

Двадцать четыре часа, целые сутки. Примерно такой отрезок времени понадобился мне для того, чтобы убить одного за другим двести сорок шесть человек разного возраста, разного пола, разного происхождения. По меркам века, столь утомившего моего начальника, это совершенно нормальная средняя цифра, даже если включить в нее детей.

Я считаю, что это должно быть сказано: Дьявол – демократ, он чрезвычайно предан идее равенства всех и каждого перед гильотиной.

Коммюнике номер восемь

«ХРАМ ВЫСШЕГО СОЗДАТЕЛЯ» – вы, как и я, видите эту надпись на экране моей камеры. На заднем плане можно заметить деревья, широкие сверкающие снежные равнины, яркое солнце, большой дом в неоклассическом стиле начала прошлого века и выросшие вокруг него строения поменьше, более современные. Это община.

Община, которая выдумала себе Бога.

С тех пор как, благодаря моему Брату, Христа умертвили на кресте, а затем повторяли это деяние в течение всех последующих веков, он постоянно старался заполнить возникший таким образом пробел верой собственного изобретения.

Поэтому наше главное достоинство – это, конечно, изобретательность.

Босые ноги на снегу, запятнанном потоками крови из ран,

образовавшихся от впившихся в заледеневшую плоть железных колючек.

Руки, вывернутые железом и морозом. Опустошение, отчаяние, одиночество среди толпы.

Это то, что пережила женщина, которую эта секта смогла буквально уничтожить, вступив в союз с моим Старшим Братом, отдыхающим сейчас на пляже. Теперь наступило время младшего братишки. Того, что придет снять показания счетчика, того, что заберет наличные из кассы, того, что принесет обещанный товар.

Я уверен, вы до сих пор считаете, что один мужчина не сможет убить двести человек, добрая половина которых – взрослые самцы. Вам не хватает исторических сведений, и вы слишком быстро забыли, кто я такой.

Страх – это одиночество. Ужас – это толпа. Страх передается. Ужас – средство сообщения.

Воздействующий на нервную систему газ, зажигательные бомбы, черный комбинезон спецназа, противогаз. Я врываюсь в строения, снайперская винтовка М-40 за спиной, «калашников» последней модели в руках. Я демонстрирую эффективность этого оружия во всем его ужасном и убийственном совершенстве. Действовать надо решительно: несколько предварительных убийств, еще до утреннего пробуждения, позволили мне создать мизансцену, свойственную любому ужасу, поскольку он всегда является зрелищем. Посмотрите на эти болтающиеся на деревьях человеческие тела, которые мужчины и женщины этой общины обнаружили, проснувшись утром, за те недолгие минуты, пока боевые отравляющие вещества не подействовали на большинство из них. Все, что происходит дальше, все чрезвычайно просто: уничтожение всякой связи с внешним миром, применение самого жестокого насилия, поспешная, в качестве завтрака, казнь нескольких младенцев, сброшенных на дно колодца, демонстрирующая размах затеянного. Очень быстро плотная толпа становится клейкой жидкостью, готовой заполнить любую форму. Она уже не жесткая, она изменила состояние. Она подчиняется законам гравитации, принимает форму сосуда, в который ее бросают. Она наконец становится похожей на то, чем является в действительности.

Для начала все, раздевшись догола, встают на колени, прямо на снегу. Каждый, кто медлит с исполнением приказа, немедленно наказывается пулей в голову.

Затем – по одному, по одной – матрикулярным номерам разрешается подняться. И тут на сцене появляется наша подруга-судья.

Босые ноги на снегу, колючая проволока, руки за спиной,

полная нагота, и это все лишь предварительные ласки. Вы, в канадской полиции, уж должны это знать.

Вы видели хотя бы один эпизод холокоста?

Конечно, весь смысл в том, что предварительные процедуры длятся неизмеримо дольше, чем само умерщвление.

Необходимо, чтобы судья стала привилегированным живым свидетелем. И главное, чтобы этот опыт остался навсегда в ее памяти. Для этого недостаточно быть просто свидетелем. Быть жертвой, кстати, тоже.

Дьявол (будем говорить о нас как о единой «семейной» сущности) обладает часто неожиданными возможностями.

Опыт – совершенно невыразимый и, следовательно, незабываемый – дает *ужас в квадрате.*

Появляющийся тогда, когда ты одновременно становишься и жертвой, и палачом.

Поскольку эта судья капитулировала перед абсурдностью законодательства, написанного для счастливых дураков и педофилов, подчинилась указам секты иллюминатов[65], которых в таком большом количестве поставляет созданная нами эпоха, она отныне должна встать на мою сторону. Опыт останется навсегда отпечатанным в ее памяти. *В ее теле.*

Ей пришлось связать по рукам и ногам всех этих людей, уже не существующих.

Теперь она должна будет убить несколько десятков из них. Я не пощажу ее даже тогда, когда дело дойдет до стариков, детей, младенцев. Если, конечно, кто-нибудь из них переживет долгие часы предварительной гипотермии.

Она знает, что ждет ее в противном случае. Я и ее заставил прочесть список.

Быть может, некоторые мои друзья-читатели ничего не знают об этом деле? Позвольте мне, господа баронеты *нашего* Мира, воспользовавшись режимом украденного у вас нереального времени, в нескольких словах объяснить суть вещей. Я не стремлюсь к некоей точности описания событий, но может так случиться, что с помощью этих описаний я вобью крепкий клин в основу убеждений моих читателей. Их сомнения будут расти до тех пор, пока у них самих не возникнет однажды искушения стать временно исполняющими обязанности.

Люди часто думают, что для того, чтобы вырастить хорошего убийцу, то есть человека жестокого, но совершенно бесстрастного, нужно с самого начала иметь дело с какой-то несокрушимой скалой. Это серьезная ошибка. Мы с Братом хорошо знаем истинный рецепт приготовления настоящего

убийцы, ибо именно так был создан я. Возьмите невинного ребенка и повторяйте ему, что мир прекрасен, а люди – добры. Повторяйте это ему без конца до тех пор, пока он не станет в этом полностью убежден. Потом перенесите этого молодого, подающего надежды поэта к подножию креста, на котором мой Брат помог человеку казнить Христа. Дайте ему возможность досмотреть спектакль до конца, до плевков и оскорблений со стороны толпы. А потом дайте ему вилку.

Вот кто я такой – маленький мальчик с вилкой. Я – то, что вы из меня сделали. То, что вы разрушили. И сделали заново. Я – маленький мальчик с вилкой, вонзенной в глаз проходящему мимо преподавателю, школьному товарищу, подружке, всему классу, а потом – целой толпе.

Можно убить целую толпу одной вилкой, поскольку толпа – всего лишь агрегат, состоящий из страха и подлости вплоть до атомов.

Но в царствование моего Брата, надо заметить, толпа сохраняет все шансы на победу, и маленький мальчик с вилкой сильно рискует, тем или иным образом, тоже оказаться распятым на кресте. К счастью, мой Брат убивает лишь невинных.

Царствование моего Брата явилось абсолютным торжеством совершенно ничтожных посредственностей над любой душой, способной хотя бы в течение секунды блеснуть своей оригинальностью.

Вот почему мой Брат оделяет всех неограниченной свободой бесплатно – для того, чтобы она потеряла всякую ценность. Вот почему он помогает строить такое количество церквей для рыночных богов, вот почему он уверяет толпу в том, что она – глас истины.

Так появились бедные лоботомированные хиппи Храма Высшего Создателя и их гуру, дурак из Калифорнии, сбежавший в Британскую Колумбию и занявшийся там своим весьма доходным религиозным бизнесом. В тысяча девятьсот девяносто девятом году, после шести лет брака и появления на свет троих детей, один из которых родился во Франции, смешанная франко-квебекская пара попалась в сети этих микроцефалов трансцендентности. Мать, француженка, довольно быстро почувствовала подвох и попыталась вырваться оттуда. При содействии отца, уроженца Квебека, пылкого поклонника «космического пророка», Храм смог отреагировать должным образом. Ему удалось разлучить мать с мужем и детьми, вынести решение о разводе, затем, благодаря моему Брату и его неоценимой помощи, Храм легко перешел на следующий уровень.

Он попытался поместить мать в психиатрическую лечебницу, основываясь на ее упорном желании увидеться с детьми, оставшимися с отцом внутри секты, и на одной плохой истории из ее молодости. По решению госпожи судьи правота секты была признана по всем пунктам, она добилась лишения матери родительских прав. Мать провела в больнице долгие недели, ее выслали во Францию. Пресса Квебека обрушилась на нее с яростью, которая отчасти и стала причиной, толкнувшей меня к сожжению всех штаб-квартир печатных мерзостей города Монреаль. Затем я подарил себе небольшой отдых. Среди тех, кого я сначала заставил раздеться на снегу, а потом украсил колючей проволокой, придав им сходство с искусственными новогодними елками, оказался журналист Лорен Тюмблетон. Это он на протяжении всего дела систематически порочил репутацию матери, призывал к «свободе религии» и клеймил «фанатизм и необразованность».

Поэтому я не только раздел его, но и при помощи самых лучших хирургических инструментов отрезал ему язык, который потом пришил поперек рта. Теперь он сможет, наверное, кричать, но это будет похоже на тявканье, которое он заставлял меня терпеть каждый раз, когда я натыкался на его заметки.

Нам с Братом в тысячу раз больше нравится законченный палач, чем вот такой мелкий таракан, убивающий опосредованно, с помощью слов, напечатанных на переработанной бумаге.

Потому что мы гораздо человечнее, чем вы все, вместе взятые: наши слова убивают сразу.

Доказательство тому находится у вас перед глазами. Осмотрите внимательно места попадания патронов в голые мужские и женские тела, лежащие на снегу. Оцените совершенное сочетание кроваво-красных пятен и окружающего белоснежного пейзажа. Мы никогда не забываем об эстетике. Нельзя ли нам получить какую-нибудь помощь со стороны министерства необразования, появлению которого мы способствовали?

Признайтесь, что мы умеем при помощи наших услужливых агентов достигать в современном искусстве результатов, решительно превосходящих все, что можно вообразить себе, даже в Нью-Йорке, Париже или Калифорнии. Деятели семидесятых годов остались далеко позади! Смерть всех этих «невинных» людей впечатляет больше, чем вульгарная автокатастрофа автобуса на дороге во время отпусков. Я уверен, что в глубине души эти люди благодарны нам, несмотря на то что их конечности совершенно посинели от холода, а все маленькие дети уже умерли.

Я тогда внимательно следил за деталями дела, вплоть до

самого самоубийства матери в Марселе. Мой тайный Старший Брат наблюдал, как члены Храма праздновали свою судебную победу, а помощник прокурора переспал с судьей в мотеле недалеко от Квебека.

Мой Брат никогда ничего не забывает. Судья и «создателисты» отлично на него поработали.

И он в ответ поработает на них с великим усердием.

Это усердие – я.

Это я босыми, исцарапанными колючей проволокой ногами стою на снегу, это я протягиваю винтовку с оптическим прицелом госпоже судье, а сам прижимаю к ее лбу дуло большого пистолета «Desert Eagle» калибра «44 магнум».

Это я ей улыбаюсь. Я развязал ей руки, поскольку обмотал вытащенным из «хаммера» мотком колючей проволоки все эти щиколотки и запястья не без ее активной помощи. Потом, после того как все человеческие мишени были установлены на свои места на снежном поле, я снова хорошенько связал ей руки и показал в форме упражнения с настоящими пулями и с участием живых, закованных в железо и лед манекенов, как действует казенная часть М-40.

Ее ноги тоже обмотаны кольцами из проволоки концентрационных лагерей. Она тоже голая. Она – жертва-и-палач. Она сможет, она будет *вынуждена* стрелять из автоматического оружия, и, конечно, она не сможет убежать. Я ей совершенно недвусмысленно объяснил, что не потерплю никаких промахов. Ну, может быть, только один, один-единственный. Тут сказывается мое безграничное сочувствие, поскольку Дьявол прекрасно знает, что лишь Бесконечное единично, даже если ему в конечном счете на это абсолютно наплевать.

Я сам начал охоту для того, чтобы она до малейших деталей поняла, в чем состоит суть дела.

Если ваши босые ноги опутаны колючей проволокой, вам очень трудно идти по снегу. Еще труднее бежать.

Но, когда звучат первые выстрелы и первые тела оседают вокруг вас на землю, вы вынуждены это делать.

Надо бежать или, точнее, *пытаться* бежать, надо кричать от боли, когда железо впивается в вашу плоть, а рядом с вами все время падают на снег ваши близкие, друзья, родственники.

«Не надо было заигрывать с моим Братом», – говорю я судье, когда она, дрожа, берет в руки винтовку. Кажется, она меня не понимает.

Сейчас она убьет одного мужчину или одну женщину и начнет догадываться о том, что я хотел сказать.

5. Сосредоточить

Коммюнике номер девять

Somewhere under the world[66]

Я надеюсь, все прекрасно поняли, что речь ни в коем случае не шла о справедливости или о возмездии.

Дьявол холоден, как совершенно правильно сказал один из ваших самых великих поэтов. Более того, на самом деле он ультрахолоден: минимальная точка его жизнедеятельности находится на абсолютном нуле, там начинается его истинный биотоп[67]. Ад – лишь место конденсации и бесконечного диалектического круговорота этого тоталитарного холода, что для нас значит совершенно одно и то же.

Диалектика чрезвычайно интересует нас с Братом.

Справедливость, возмездие означали бы какие-то отношения между преступлением и наказанием. Но для Дьявола таких отношений существовать не может, поскольку ни преступления, ни наказания для нас нет… или, точнее, они представляют собой одно и то же. Если сформулировать это еще точнее (не сердитесь на меня за любовь к деталям, онтологически мне присущую), я вам уже об этом говорил: *каждый – это миг другого.*

Итак, ни о справедливости, ни о возмездии, как я вам объяснял, друзья-читатели, речи не идет, поскольку Дьяволу совершенно наплевать на ваши понятия гармонии, порядочности, верности. Еще больше ему наплевать на ваши смешные человеческие чувства. Мы, Дьявол, мы *слишком человечны* именно для того, чтобы какие-то проходящие эмоции могли нас остановить.

Наша логика – это наша собственная интенсифицированная инверсия, даже не абсурд, а суммированная и извращенная логика.

Чем невиннее покажется сказанное, тем назидательнее будет наше наказание. Однако постарайтесь понять еще раз, насколько вы способны понять: мы не подчиняемся никакой заранее установленной системе, потому что именно мы и устанавливаем все эти системы.

Итак, концентрационная копия, наверное, кажется вам диспропорциональной относительно масштабов одного-единственного, несколько даже макиавеллиевского преступления, совершенного Храмом и его судебной сообщницей? Что ж, позвольте мне сказать, что вы совершенно правы. Именно эта

диспропорциональность и создает всю инфернальную красоту действия. Я смею думать, что вы меня поняли. Она – это лучшее в смысле абсолютной эстетической связи. Эта диспропорция чудовищным, то есть нашим, образом отражает диспропорцию между существованием этой женщины и тем, что вы заставили ее пережить. Из трещины мы делаем пропасть.

Вы заперли ее, абсолютно здравомыслящую, в психиатрическую больницу. Я свел с ума судью, которая ее к этому приговорила. Женщина покончила жизнь самоубийством, находясь в полнейшем одиночестве, – вы умерли вместе, в состоянии еще большего отчаяния.

Мы – Дьявол. Нас не стоит слишком раздражать, будьте уверены. Мы подобны истине, о которой Реми де Гурмон сказал: если ты ее ищешь, то, к несчастью, ты ее непременно найдешь.

Все эти люди, составляющие стадо наших овец, столь многочисленное сегодня, очень часто совершают ошибку в своих оценках и суждениях, к чему мы их конечно же и подталкиваем. Не хватало еще, чтобы эти гуманитарные лицемеры получили, пусть даже и от Дьявола, хоть один миллиграмм Истины!

Поэтому они думают, что Христос, которого мы отдали им в жертву, пришел объединить людей Словом своим.

И еще они думают, что Дьявол, следовательно, пришел их разъединить!

Они думают так потому, что мы надлежащим образом спрятали тексты, которые не хотим дать им прочесть. Они еще не поняли, что наша работа заключается в *объединении*, в *организации*, даже, если возможно, в *сосредоточении* с максимальной концентрацией.

Христос знал, что создает навеки трещину в земном теле человека. Мы с Братом основали наше дело на замазывании этой тончайшей щели, сквозь которую душа может увидеть свет.

Мы собираем толпы, мы – массовые политики. Мы заполняем стадионы, гимнастические залы, спортивные арены, привлекаем публику на гигантские концерты, на предвыборные собрания. Мы определяем демографическую статистику, рекламную пропаганду, фанатичную идеологию, убийственную бухгалтерию, мы стоим за цифрами и общей агломерацией тела и духа.

Христос, которым вы, благодаря нашим бесценным советам, так удачно пожертвовали, все разделял, потому что Он, будучи неделимым, мог придать истинную единичность каждому человеку, живущему в этом мире.

Мы уничтожаем вашу единичность для того, чтобы она присоединилась к «Великому Общему», или к «Великому Нулю», сформированному из сложенных запасов всех подмененных

верований, которые мы вам с такой легкостью перепродали, словно множество Бруклинских мостов.

Но именно здесь все и усложняется. Здесь в основном вы и гибнете. Мы собираем вас лишь для того, чтобы затем разобщить, а тот, кто есть наш смертельный Враг, разделяет лишь для того, чтобы затем объединить.

Вот почему Дьявол любит громоздкие, безличные бюрократические машины, лучше всего всемирные. Он любит администрации, в которых все подчинены одной задаче: работать на него, не зная об этом и удовлетворяясь этим незнанием.

Именно по этой причине он любит все сектантские отклонения. Они в какой-то степени воспроизводят патологию, которой Дьявол заражает всех тех, кто больше не верит в Того, Кто был распят при нашем содействии, тех, кто пытается заменить его игрушкой своего/нашего изобретения. Совершенно справедливо сказал один из ваших великих католических деятелей, о котором мы вас заставили позабыть: *если люди не верят больше в Бога, они не перестают верить вообще, они начинают верить невесть во что.*

И это идолопоклонническое нечто, хаос чувств, уничтожение возможности какого бы то ни было Откровения – это и есть тот отборный товар, универсальными поставщиками которого являемся мы с Братом.

Поэтому Дьявол ценит разветвленные легальные организации, подобные тем, что я недавно уничтожил. Судья Фориссетт теперь, должно быть, продолжает кричать день и ночь… или, наоборот, замкнулась в самом полном молчании в недрах какого-нибудь психиатрического заведения. В обоих случаях она еще долго ничем не сможет вам помочь, дорогие читатели из полицейского корпуса Канады.

Но со всем присущим ему мастерством Дьявол (то есть инфернальные близнецы, которые им являются) может также вдохнуть жизнь и в трепетание микрогрупп кретинов скорее злобных, чем опасных.

Мы действительно очень сильны в умении объединять свояков, видящих друг друга издалека, связывать их взаимной ненавистью.

Конечно, вы должны понять смысл слов «свояки» и «объединять» в интерпретации Дьявола.

Дьявол – это великий игрок, *конферансье* всех концов света, постоянно возобновляющихся.

Жизнь – игра! Мир – праздник!

Добро пожаловать в Подземелье Света!

Коммюнике номер десять

Мне понадобилось некоторое время, чтобы все подготовить. С самого начала вы замечаете, что почти ничего не видите в объективе камеры. Все кажется слишком темным, не так ли?

Все так и должно быть. Этот «Свет», который человечество благодаря нам пролило само на себя, – наш, и, естественно, он затемняет!

Но заметьте, мы все-таки не можем подавить какое-то саркастическое сочувствие, возникающее в недрах нашего ада. Для того чтобы темнота стала проницаемой, нужен осадок света. Остаток надежды хрупок и потому всегда внушает больший страх, чем полное отсутствие надежды. Хрупкая надежда заставляет вас жить для того, чтобы она не умерла. Хрупкая надежда заставит вас поверить в нее, потому что вы сделаете все для того, чтобы ее защитить. И отчаяние ваше станет безграничным тогда, когда мы сделаем так, чтобы она в конце концов разбилась.

Этот свет, конечно, не дневной. Это Свет Подземелья. Это свет нашего (одновременно и вашего) мира, это свет огня.

Он не вечен, но он может гореть очень долго тогда, когда нужно сжечь плоть.

Он не вечен и может оказаться очень кратковременным, когда нужно позволить человеку немного уверовать в надежду, которая скоро исчезнет.

Не забудьте добавить нас к списку ваших любимых сайтов:

www.welcometohell. world.

Как я вам уже говорил ранее, мы с Братом прежде всего психологи.

Я вам показывал, как мы переходим с орбиты страха на орбиту ужаса.

Похожее чувство родилось на широких снежных равнинах, окружавших владение Секты. Оно зовется паникой.

Подобно страху, оно делится на уровни, которые мы с Братом изучили и отметили на нашем инфернальном термометре.

Есть паника исключительно «физическая», инстинктивная: когда бежишь, не имея возможности бежать, когда неминуемая смерть гонится за тобой по пятам. Этот уровень относительно рационален: две противоположные силы играют в «политику равновесия» на территории человека. Умножим все на двести пятьдесят, добавим судью, которую мы превратили в то, что она есть, в *капо*[68], – и отрицать тот факт, что эксперимент становится интересным, уже нельзя.

Но, как и страх, паника может перейти на высшую орбиту.

Это *паника в квадрате*.

Паника исключительно рассудочная. Эта паника не происходит от какой-либо физической немощи, которую разрешает, по крайней мере, частично, страдание. Она возникает из неразрешимой тайны: то, что нас объединяет, одновременно нас и противопоставляет друг другу. Это одно из многих наших удачных начинаний в этом нашем мире.

А главное, паника рождается в результате осознания того, что мы сами – прямая причина собственной смерти и, в то же время, мы – наш единственный шанс выжить. Оба этих факта сплетены тесной связью.

Это невыразимая паника. У нее, кстати, и названия нет.

Да если бы оно и было, мы бы его немедленно уничтожили.

Духовные яды, созданные моим Братом в течение последних веков, являются, собственно говоря, настоящими шедеврами. Они обрекают человечество на муку страшнее той, что мы претерпели в Космосе, из которого нас, в конце концов, изгнали.

Мы никогда не чувствовали себя так хорошо, как здесь, на этой Земле. Я вам уже говорил, что люди на этой планете – самый податливый материал из всех, над которым мы когда-либо экспериментировали.

Например, вот эти два особых экземпляра.

Эти два человека в подземелье.

Теперь вы их видите. Я установил совершенно незаметную систему с микрокамерой и оптическим волокном, с возможностью инфракрасного ночного видения, которая понадобится нам в свое время. Вольфрамовая лампа зажглась на полную мощность.

Люди встречаются со своей собственной загадкой. Загадкой, чьим сфинксом является список, мелькающий на маленьком экране, прикрепленном к стене прямо над лампой.

Изображение сопровождается чтением вслух, в исполнении вашего покорного слуги.

Мы пройдем шаг за шагом, как минимум, триста лет яростных трудов, свершенных моим Братом.

Добро пожаловать в Подземелье Света. Добро пожаловать в современный Мир!

Вот о чем говорится в этом списке под аккомпанемент второй части скерцо *Девятой симфонии* Бетховена («Ода к радости» показалась мне немного слишком очевидной).

1. Здравствуйте, господа. В данный момент вы заперты в подземном бункере, находящемся примерно в двенадцати метрах под землей. Старое военное сооружение, прототип NORAD[69]. Очень качественное. Я его лишь чуть-чуть усовершенствовал.

2. Вас – двое. А способ выйти отсюда только один. В сундучке, стоящем в центре комнаты, находятся два литра воды, несколько кусков хлеба, немного мяса, швейцарский нож и Библия. Вы очень скоро поймете, каким образом нужно все это использовать.

3. Вольфрамовая лампа, позволяющая вам видеть в темноте подземелья, имеет ограниченное время действия. Маленький тактильный экран, расположенный прямо над ней и ведущий обратный отсчет, позволит вам точно знать, когда свет окончательно погаснет.

4. Будучи весьма одаренным во всем, что касается шитья, в том числе и хирургического, я позволил себе вложить в ваши тела подробный план помещения и маленький магнитный ключ для открывания подъемной камеры, незаметной изнутри и ведущей к выходу. Я очень кропотливо вшил предметы в точку, расположенную страшно близко к одному из самых жизненно важных органов. Вы быстро найдете шрам. Таким образом, какой бы процедуре вы – и один, и другой – ни подвергали друг друга, вам придется проявить чрезвычайную осторожность. Честно говоря, вам понадобится мастерство хирурга. Поскольку вы – законченные мясники, вам, возможно, удастся добиться какого-нибудь результата.

5. Вы знакомы между собой, у вас много общего, и мы знаем, что именно это вас и убьет. Вы очень скоро все поймете, даже раньше, чем погаснет свет.

6. Последняя деталь: мощность вольфрамовой лампы регулируется. Вы, несомненно, сможете немного сэкономить электричество и продлить жизнь огня. Мы советуем вам воспользоваться этим, подчеркивая, что вольфрамовая нить потребляет существенную часть кислорода, находящегося в воздухе.

7. Конечно, вы можете рассчитывать на Святую Библию и ее свет. Именно с этой целью мы вам ее и дали.

Бог создал мир за семь дней. Мы же, движимые своей высшей порочностью, можем уничтожить любое количество людей при помощи семи пунктов.

Предпоследний из них, наверное, самый важный. Он синтезирует исключительно рассудочную «политику равновесия», характеризующую панику в квадрате.

Если вы оставите лампу включенной, кислород постепенно закончится, и вы приблизитесь к асфиксии еще более скорой, чем та, которую провоцируют ваши собственные легкие.

Если вы погасите лампу, вы обречете себя, а также,

несомненно, и своего соседа на полное заключение, на сенсорную изоляцию, на безумие. И следовательно, скорее всего, на смерть. В темноте убивать труднее.

Следовательно, нужно найти оптимальную степень накаливания нити. Не сомневаюсь в том, что испытание будет тяжким для их одержимого интеллекта.

А маятник продолжает качаться: в этом заключается его красота. Пока свет горит, у них остается возможность выйти наружу. Но чтобы найти этот выход, нужно либо прооперировать себя самого при помощи швейцарского ножа, либо прооперировать своего соседа, с его разрешения или без такового. Спустя некоторое, посвященное поискам, время напрашивается очевидный факт: ключ от входной двери спрятан там, где находятся атрибуты их мужественности. На полсантиметра выше, если быть точнее. А точным быть придется.

Возникает следующий вопрос: кто дотянется до ножа первым? Темнота превращается иногда в преимущество, не так ли?

Но маятник продолжает свое движение: необходимо, чтобы кто-то из них двоих воспользовался штопором ножа и открыл единственную бутылку воды, которую я надлежащим образом заткнул пробкой и запечатал восковым колпачком. Разделить пищу поровну они *не смогут*. Им придется постоянно пить по очереди общую воду и использовать общую сталь ножа, то есть они будут вынуждены в какой-то степени доверять друг другу, чтобы общее действие получило возможность свершиться, но ни на долю секунды они не будут терять друг друга из вида. Возможность уснуть для каждого может обернуться смертью.

Библия будет с ними, напоминая о смысле слова «причастие», и мы уже знаем, что они сделают с ней перед тем, как прикончить себя со всем блеском.

Ведь мы заранее планируем все до мельчайших подробностей.

Им будет необходимо сосредоточиться перед принятием каждого решения. Возможно, им придется тянуть жребий, соломинку, хотя растительная жизнь в какой бы то ни было форме в бункере отсутствует.

Маятник беспрерывно качается между этими двумя людьми, которых все объединяет и разделяет одновременно, или, точнее, между двумя людьми, объединенными тем, что их разделяет, и разделенными тем, что их объединяет. Рабство в стиле моего Брата.

Расскажем немного, друзья по Интернету, об этих людях. Людях, находящихся рядом и узнающих друг друга в лицо.

Поскольку они известны каждый в своей области. И они инстинктивно узнают друг друга потому, что на самом-то деле они очень точно поделили на две соседствующие части одну и ту же «область».

Алан Уильям МакИнтайр. Нацист родом из Онтарио. Некоторое время руководил канадским крылом американской национал-социалистической партии, затем основал свою собственную группу, White Supremacy Revolutionnary Army[70]. Несет ответственность за многочисленные теракты и убийства нескольких чернокожих, латиноамериканцев и индийцев, не говоря уже о разных правонарушениях типа взломов, угроз смертью, нанесений побоев и ран, вооруженных нападений и т. п.

Бабрак Джонсон Мактатади. Афроканадец смешанного, нигерийско-американского, происхождения. Родился в Квебеке, но практически всю жизнь прожил в Ванкувере. Афро-центрист, негационист[71]. Он создал «Revue de l'Africanite combattante»[72] на французском языке и «Holocaust Mythologies International Rewiew»[73] для англофонов. Затем он основал свое политическое расистское, антибелое и антисемитское движение под названием «African American Coalition for Immediate Justice»[74], убил трех человек иудейского вероисповедания, дьякона католической церкви, старого диссидента с постсоветского пространства и пьяного человека в баре, хвалившегося своими ирландско-шотландскими корнями.

Но улик, достаточно весомых для того, чтобы разные полицейские подразделения, занимающиеся расследованиями, отправили их под суд, нет. Полиции известны только их мелкие правонарушения.

Но для нас мелких правонарушений нет. Для нас с Братом нет никакой другой связи между преступлением и наказанием, преступником и виновным, кроме нашей *бессмысленной логики.*

Как и между этими двумя бедными жертвами нашей ядовитой лжи, нашего токсичного бреда и их добровольной слепоты.

Один ненавидит чернокожих. Другой ненавидит белых. По одной и той же причине. Из-за идеологической отравы, которую мой Брат сумел так хорошо им привить.

Они смертельно опасны друг для друга. Двое людей, зараженных чумой, пусть и разными формами, никогда не смогут помочь друг другу.

Но они должны преуспеть в этом, если хотят выжить.

Между ними стоит стена, и это не ненависть, которую они

испытывают друг к другу.

Стена – это то, что их объединяет.

Конечно, они испытывают ненависть и полны сопровождающей ее глупости, но ненависть разъединяет их и сама разъединяется на две части, каждая из которых диалектически фокусируется одна на другой. То, что их объединяет, – это физическое перевертывание гнусного интеллектуального микширования, которым мой Брат сумел их щедро наделить. То, что их объединяет, – это Библия и маленький швейцарский нож, лежащие между ними.

То, что их объединяет, – это способ выйти из Подземелья, который находится внутри своего собственного тела у каждого из них.

Если они не полные идиоты, то быстро поймут, для чего нужен нож.

Библия – это одновременно вопрос-загадка и объяснение их присутствия в этом помещении.

Она не только связана со всем остальным, *она есть связь* всего остального между собой.

Ах, друзья-читатели, друзья великого братства Интернета, вы не понимаете, какой удачей для вас является возможность наблюдать за всем этим в режиме реального времени.

Поскольку эти люди являются вершителями бесконечно повторяемого убийства Того, Кого мы им предложили в качестве жертвы, им обоим для выживания предоставлены все те же приметы чуда, которого они не увидят. Бутылка емкостью дважды в один литр – *универсальная* единица измерения, наполненная чистой водой из Тивериадского озера[75], где мой Брат наблюдал за чудесами Того, который победит нас в конце Времен. К бутылке воды я добавил два больших хлеба и четыре сырые рыбы. Знак умножения с драконовскими ограничениями в еде, яростными приверженцами которых мы являемся.

Есть еще и швейцарский нож.

Швейцарский нож очень удобен. Он тоже *универсален* в своем применении. Это – слово, которое два идиота выучат без посторонней помощи как раз перед смертью.

Что же касается Библии в издании короля Иакова, которую они оба в состоянии прочитать, ее использование, как я вам уже говорил, *таинственно* по сути. Оно заключает в себе все, что отделяет рабов моего Брата от настоящего Света, который они променяли на третьестепенную иллюминацию, продаваемую моим Братом буквально за бесценок всем этим бедным *чертякам*-дилетантам.

Понаблюдаем же за происходящим вблизи. Мы будем с ними, мы увидим все по ту и по другую сторону от шкатулки, вольфрамовой лампы и невидимой демаркационной стены, которая разделяет и одновременно объединяет их.

Здесь все сосредоточено, все сплочено, все страшно логично.

Два человека в бункере, ключ от которого вшит внутрь тела каждого их них – вот типичный пример ситуации гораздо более концентрационной, чем массовая бойня, недавно организованная мной.

Будьте внимательней к парадоксальной многозначности слов, тогда вы не так легко попадетесь в наши сети.

Коммюнике номер одиннадцать

Я должен признать, что для того, чтобы подогреть интерес нашей аудитории, очевидно все более и более многочисленной (если судить по отметкам на стартовой странице, вас уже сотни тысяч, и кривая неудержимо растет вверх), я позволил себе на этот раз несколько изменить правила игры с целью немного продлить «тревожное ожидание». Надо привносить новое и не надо бояться шуток! Жизнь – игра! Мир – праздник!

Да. Поэтому я подождал четыре дня. Это время мне понадобилось для того, чтобы все смонтировать, сутки за сутками.

Я должен был идти до конца в своей концентрационной логике. Я предоставлял вам возможность ежедневно увидеть несколько «flashes»[76] прямой трансляции, только для того, чтобы разжечь в вас аппетит. Остальное я не давал в эфир, занимаясь параллельно монтажом.

Ночь.

Каждое утро я начинал с того, что просматривал происходившее накануне, пока изображение, приходившее из бункера, записывалось в режиме реального времени.

Время от времени я включал навигатор и показывал вам отрывками дальнейшее развитие ситуации.

Туман.

Вы знаете почему… или хотя бы догадываетесь. Да, это так: для того, чтобы вы заполнили пробелы при помощи вашего воображения. Люди, запертые в Подземелье, охвачены паникой в квадрате, а вы, в свою очередь, испытываете ужас в квадрате – вот для чего нужно воображение, находящееся в наших руках. В наших свободных и опытных в деле общей механики руках. Не думайте, что подсоединение к нам станет для вас развлечением. Моя цель, друзья-читатели, состоит в том, чтобы вы страдали – по

крайней мере, так же, как мои жертвы. Моя цель состоит в том, чтобы происходящее вызвало в вас чувство животного первобытного протеста, чтобы вы пришли к нам в поисках облегчения. Пришли, чтобы встать скорее на сторону палачей, чем жертв.

Мудрая предосторожность.

Но все зависит от страховой компании. А главное – от страхового агента.

Сделанный мной финальный монтаж покажет вам, правы ли вы были.

Вот почему я вам посоветовал, в свою очередь, объединиться и – на том или ином этапе процесса творчества – заключить пари.

Поскольку эти люди находятся в процессе. Они уже являются только процессом – и ничем иным. Поток, совершенно детерминистический поток. Вы знаете, что судьба их решена, я могу еще раз вас в этом уверить, но вы не знаете, какое дьявольское коленце выкинет ловушка, чтобы захлопнуться над ними.

Над их могилой.

Не знаете до тех пор, пока я не покажу фильм.

До сегодняшнего дня, до этого мгновенья, друзья-читатели со всего мира, подсоединившиеся к сайту Дьявола, оставайтесь в сети Ада, находящегося внутри вас самих. Оставайтесь на линии www.welcometohell. world.

Я – всего лишь его младший брат, младший брат Сукиного Сына, но и я тоже – сукин сын.

Если вы хотя бы на секунду подумали, что я монтировал фильм для того, чтобы представить вам последовательность событий, происходивших в бункере, то, значит, вы, так ничего и не поняли в моем эксперименте. Он состоит в том, чтобы испытать ваше воображение, я вам уже говорил об этом. Мой монтаж, следовательно, будет изоморфен смутным отрывкам, которые я позволил вам увидеть за эти дни.

С той лишь разницей, что я отберу их с необыкновенной тщательностью. Я отделю их от последовательности потока, потому что они образуют скопления кристаллов. Я покажу вам конечный результат каждого критического этапа. Без всяких добавлений.

Вам снова придется заполнять пробелы при помощи своего воображения и нескольких кадров, промелькнувших перед вами за последние дни. Немного ночи и тумана.

Нам бы хотелось, чтобы вы проявили как можно больше изобретательности.

Я позволил вам увидеть отрывки, часто лишенные смысла: вы присутствовали при откупоривании бутылки, которую после долгих переговоров открыл белый расист, положив затем нож в шкатулку. Потом они разделили воду и сталь, как и было задумано.

Я показал вам их спор о том, как узнать, на какой уровень интенсивности нужно настроить свет. Они много раз обошли комнату, ощупывая стены и держась друг от друга на почтительном расстоянии.

Я дал вам посмотреть несколько отрывков из их немногочисленных бесед. Потом я показал вам тот момент, когда, покончив с едой и строго распределив воду, они заметили первое неконтролируемое понижение яркости лампы. В это мгновение они действительно начали смотреть друг на друга по-новому. Я лишь дал вам время понять это.

Я показал вам первый разговор по поводу присутствия Библии. Вот этот диалог:

– Почему он, этот сукин сын, положил сюда эту чертову Библию?

– Да ты посмотри, белый малыш: немного воды, хлеба, рыбы. Он принимает себя за Иисуса, он играет с нами в чудо превращения.

– Тьфу!

Белый расист отправляет огромный плевок в сторону Библии:

– Еврейская гадость! Ее даже съесть нельзя, она ни на что не годна!

– Ты опять ошибаешься, белый малыш.

– Ты молиться собираешься, негритос? Ты спиричуэлсы будешь петь? Ты, может быть, думаешь, что этот еврейский Бог нас отсюда вытащит?

– Нет, но это чертовски толстая Библия. С текстом на английском и на латыни.

– Латынь! Чертова еврейская гадость!

– Ну так и успокойся, лейкодерма, посмотри, какое количество бумаги и картона она собой представляет! Во-первых, мы сможем поджарить рыбу, чтобы она не испортилась. Во-вторых, мы сможем сэкономить вольфрам: поставим яркость на минимум и сделаем факелы, будем освещать помещение при помощи бумаги. Что, кстати, этот сукин сын ясно и написал в своей «инструкции по использованию».

– А вот тут, бамбула, ты впервые прав. Огонь – аутодафе[77] по всем правилам! Вот чего заслуживает это гнусное дерьмо. Признаю, что, по крайней мере, он нам пользу принесет, жид распятый. Ты видишь, черномазый, семитам, как и другим

рабским расам, в конце концов, можно найти применение. Нацисты делали из них мыло и волокно, а мы с их помощью добавим себе немного комфорта.

На этом моменте я отключил изображение. После секундной паузы, которая продолжилась несколько часов. Поскольку договориться в главном – это хорошо, а получить лишний свет и свежую пищу – еще лучше.

Но для чего?

Когда вся еда будет съедена, а свет начнет окончательно гаснуть, они столкнутся с той же дилеммой, что и в самом начале: единственная возможность выйти находится внутри их тел, прямо над мочеиспускательным каналом, тщательно оплетенная сухожилиями.

Добраться туда можно, лишь кастрировав себя.

Или другого.

Поэтому последним, что вы увидели, стал момент, когда перед неотвратимым угасанием света наступила необходимость решиться действовать. Момент, когда они действительно начали обдумывать план. Момент, когда каждый посмотрел на соседа другими глазами. *Потому что он и есть план.*

И на этот раз в прямом смысле слова.

Итак, готов каскад кадров, разделенных черными вставками сверхнасилия, без всяких предупредительных сигналов, фильм об окончательных результатах, фильм, подводящий итоги последствиям поступков без поступков, после поступков без последствий.

Это фильм про Врача-Дьявола, фильм про Лагерь Цифровой Смерти.

Какая драматургия! Я достоин Каннского фестиваля, на котором встречу столько друзей.

Один из самых первых диалогов.

– Он хочет, чтобы мы выпустили друг другу кишки, – говорит Чернокожий.

– Пусть хочет, сколько влезет.

Молчание.

– Все равно придется это сделать, – вновь заговаривает Чернокожий.

– Сделать что? И кому?

– Если мы хотим выйти отсюда, надо достать этот чертов магнитный ключ из наших тел.

– Да, он хочет, чтобы один из нас сумел убить другого, вскрыв ему брюхо, чтобы взять эту штуку. В этом я с тобой согласен. Но я в этом плане не участвую.

– Да? Ключ все равно надо достать. Ты знаешь другое решение?

– Подождать, поразмышлять.

– Я это называю *терять время*, белый малыш. Придется принять решение.

– Ты хочешь, чтобы мы тянули жребий, черномазый?

– Если надо. Так нам хотя бы не придется убивать друг друга.

Снова молчание.

– Но, может быть, есть и другое решение, – заговаривает Чернокожий.

– Решение чего?

– Решение, чтобы выйти отсюда, идиот! Способ достать эти штуки из наших тел.

– А что доказывает, что эти «штуки» действительно находятся в наших телах? А? – кричит Белый.

– То, что он любит играть, и то, что у каждого из нас есть шрам прямо над членом, брат. Тебе лучше успокоиться.

– Я спокоен, и я тебе не брат. Ну и что ты предлагаешь?

– Мое решение – японский метод.

– Какой метод?

– Японский метод. Мы делаем все одновременно, каждый сам над собой. Первый, кто находит штуку, просит другого помочь ему ее достать.

– Ты говоришь об этих глупостях узкоглазых? Харакири себе сделать? Это и есть твое идиотское решение?

– Япошки говорят «*сеппуку*». Ну да, иначе все закончится так, как он и ожидает. И ты – так же, как и я, – знаешь, что это значит.

Они действительно оба знают, что это значит.

Поскольку все здесь должно напоминать им об этом.

Один из основных принципов Ада заключается в том, что выйти из него невозможно, и забыть о том, где ты находишься, невозможно. Даже ночь похожа на день, поскольку сны, словно губка, насквозь пропитаны вчерашними, совершенно реальными кошмарами.

Молчание, последовавшее за этим диалогом, многозначно, ведь он оказался одним из самых первых и одним из самых длинных. Оно прекрасно показывает, насколько эти люди уже превратились в начатые нашими стараниями процессы. Потоки, полностью определяемые, полностью определенные.

Уже на этом этапе они понимают, что у одного из двоих есть реальный шанс выпутаться из переделки, хотя полной уверенности в этом нет: разве возможно какое-нибудь сотрудничество здесь, в Аду? Или они действительно убьют друг друга швейцарским ножом и бутылкой?

Рассмотрим эти предметы, мерцающие при свете импровизированных факелов, сделанных из страниц Библии. Понаблюдаем за глазами обоих мужчин. Отступим назад, чтобы оценить их местоположение внутри бункера. Кажется, вольфрамовый свет стал еще более тусклым. Это идеальный момент для затемнения.

Итак, процесс в самом разгаре, он уже близится к завершению, детерминистический поток их жизней.

Вот то, что не вызывало ни малейших сомнений.

Движения, крики, прерывистое, частое дыхание, шумная погоня друг за другом, удары, лязг металла, звон разбитого стекла, столкновения, тени, стробоскопическими молниями мелькающие перед объективом на озаренных фиолетовым светом стенах, и огонь, пожирающий два факела, сделанные при помощи страниц из Библии в издании Кинг Джеймс.

Огонь, ночь, два человека.

Нож.

Бутылка.

Книга.

И ключ.

Ключ, которым каждый является для другого.

Удары. Смешанное дыхание. Стук. Крики.

КРИК.

Долгое мычание, задохнувшееся в странном бульканье.

Потом – тишина.

Здесь тишина зрима. Зримо все, все выставлено на обозрение. Даже то, на что не можешь смотреть.

Посмотрите же на эту кубическую, бетонированную, неумолимую тишину, на эту фиолетовую тишину стен, на оранжевую тишину верхушек факелов, на тишину, текущую по бетонному полу, огибая фигуры двух людей с переплетенными конечностями, застывших один на другом.

Здесь я разместил последнее *fade-to-black*[78]. То есть последнее, контролируемое моей программой монтажа. По-настоящему последнее *таяние в черноте* возложил на себя сам бункер.

Изображение затемняется как раз в тот момент, когда вы замечаете, как слегка шевелится одно из двух тел, но кто это, вы не понимаете.

Вы довольно скоро все узнаете, поскольку увидите, что здесь важно совсем не то, кто кого убил. Поскольку убийцы – оба.

Важно узнать, спасло ли убийство жизнь этому человеку, кем

бы он ни был.

Итак, теперь внимательно понаблюдаем за последней сценой.

В полумраке, в тусклом свете вольфрамовой лампы, доживающей свои последние минуты, мы можем видеть, как Бабрак Мактатади бесцеремонно вытаскивает продолговатый предмет из отверстия в трепещущей, залитой кровью плоти своего сотоварища, «белого малыша», чья рука, кажется, навсегда стиснула осколок разбитой бутылки. Так вот кто станет обладателем ключа. Он – победитель, он восторжествовал над своим соседом.

Но восторжествует ли он над самим собой?

Ему удалось схватить нож – вы уже никогда не узнаете как – и вонзить его в горло своему противнику. Он продолжал резать до тех пор, пока не дошел до трахеи. Его сокамерник был уже не вполне в сознании, но рефлекторно отреагировал, когда лезвие распороло ему нижнюю часть живота: его тело охватили судороги, а дыхание сделалось похожим на задушенное мычание.

Продолговатый предмет. Находившийся в отверстии в телесной непрозрачности, заключенной в Подземелье Света. Это выход, brother.

Открой его, приблизь свой бумажный факел, чтобы лучше видеть, достань магнитный ключ в форме параллелепипеда, с шишечкой-магнитом на конце. Не потеряй его, это – единственное средство открыть секретную дверь.

Где дверь? Где замочная скважина? Как пользоваться ключом?

Все ответы даны в плане, конечно.

Все так, Бабрак. Доставай его из цилиндра, он тщательно свернут в трубочку. Разверни его, быстро зажигай другой факел, чтобы увидеть, что там написано.

План бункера очень прост. Но он нарисован без малейших указателей или подсказывающих деталей.

Простой план.

И текст:

«Здравствуйте, кто бы вы ни были. Я – План. Я – не то, что называет. Я – то, что объясняет, я – то, что пересчитывает.

Бункер – это то, что открывает вас для вас самих. Если вы не сочтете за труд внимательно осмотреть стены, то заметите, что они покрыты очень тонкой решеткой, утопленной прямо в бетоне, с квадратными ячейками, стороны которых насчитывают десять сантиметров. Эта сетка, составленная из коаксиального кабеля последнего поколения, служит магнитным мотором всей системы функционирования бункера. Следовательно, и механизма открывания двери.

Ключ действует очень просто: когда активная клетка найдена, достаточно приложить шишечку к ее центру, и магнитное поле включит открывание двери, высотой метр двадцать и шириной шестьдесят сантиметров, ведущей в камеру, а затем на лестницу, выводящую наружу.

Дорогие друзья или дорогой друг, я – План. Я – то, что объясняет, я – не то, что называет, как я вам уже говорил.

Предметом, содержащим комплекс данных, которые помогут выделить активную клетку среди прочих, является книга с очень простым кодом в виде подчеркнутых слов и ключевых шифров. Эта книга была рядом с вами все время, и, естественно, последние ее страницы сейчас горят в ваших руках.

Я – не то, что называет. Называет книга. Всегда. И только одна Книга может назвать вещи в этой Вселенной, даже здесь, в бункере. Особенно здесь.

У вас остается шанс, однако, каково бы ни было состояние каждого из вас, внутренняя поверхность бункера, включая потолок, покрыта всего-навсего ста пятьюдесятью тысячами ячеек, в каждой из которых может находиться замочная скважина. Ваш товарищ, которого вы убили, мог бы вам помочь подняться на высоту потолка. Вам остается лишь всей душой надеяться, что замочная скважина находится не там.

Сто пятьдесят тысяч ячеек. У вас действительно есть шанс. Один из ста пятидесяти тысяч. Конечно, в совершенной темноте вам придется нелегко: очень скоро перестаешь понимать, где ты находишься, и ходишь кругами по одному и тому же месту.

Осознайте же хорошенько факты, представленные вам Планом совершенно безвозмездно: книга, которую вы так сильно ненавидели, могла бы принести вам истинный свет, позволив вновь увидеть светлое сияние дня. Вы предпочли сжечь ее, получив огонь ваших смехотворных факелов и жар для приготовления пищи.

Не тратьте зря слишком много времени. Сто пятьдесят тысяч клеток – это, если вы как следует посчитаете, не только сто пятьдесят тысяч секунд, но и примерно пятьдесят тысяч вдохов. Дышите во всю силу».

Посмотрите на этого «человека» теперь. Он только что перерезал горло своему брату-недругу, вспорол живот, а затем и кастрировал. Посмотрите, как он исступленно визжит, проверяя все доступные ему клетки в помещении. Магнитный ключ дрожит в его руке, он натыкается на стены. Свет неуклонно слабеет, только эфемерные искры и язычки пламени еще сверкают по краям нескольких обрывков обуглившейся Библии. Человек сжимает в пальцах почерневший жгут, вольфрамовая лампа

приобретает темно-фиолетовый оттенок. Человек плачет, задыхается от ярости и отчаяния, охваченный возрастающим бешенством, бесконечно кружит он по комнате. Он действует все более беспорядочно. В тот самый момент, когда последняя капля вольфрама испаряется, когда оставшиеся клочки горящей бумаги гаснут, когда совершенно непроницаемая темнота охватывает бункер и его самого, слышится его долгий вопль раненого зверя, прерываемый рыданиями ребенка, зовущего невидимую мать, которой он никогда не верил.

Этот вопль еще звучит, поверьте мне. Он будет звучать целую вечность.

Здесь находимся только мы. Мой Брат и я.

Только мы, Сукины Дети.

Коммюнике номер двенадцать

Это все – всего лишь начало, друзья-читатели, друзья-полицейские, друзья-убийцы.

Друзья-люди.

Представьте себе, как будет смеяться мой Брат, когда он узнает о судьбе, уготованной мною его бывшим «союзникам». Я уверен в том, что он, как минимум, решит немного продлить время своего отпуска.

Что увеличит, естественно, время моей *работы*, в этимологическом смысле, которого больше нет.

И ваши страдания тоже.

Кстати, мы еще находимся на этапе тренировок. Я занимаюсь лишь единичными случаями, скажем, человеческими феноменами, символизирующими массовые преступления, на которые мой Брат их неустанно вдохновляет.

У этих двух людей, навсегда запертых там, где какие-нибудь археологи найдут их только через несколько тысяч лет, был шанс.

Конечно, таким образом, мы с Братом выделяем скорее исключительность и вкус, который ее сопровождает, а не большие распродажи перед общей ликвидацией, к которой мы привыкли.

Тем не менее свой шанс они держали в руках каждый раз, когда вырывали страницу для того, чтобы чуть-чуть поджарить загнивающую рыбу или заменить медленно угасающую лампу факелом из подожженной бумаги.

А ведь Библия могла их спасти. Библия, на которую один из них плюнул, а другой для начала вырвал страницы. Эта Библия, оказавшаяся как будто средоточием их одновременно противоречивой и изоморфной ненависти, содержала код, дававший им возможность выйти на свет дня. Уничтожив Библию,

они обрекли себя на вечное заточение.

Я – Дьявол, точнее, я – его младший брат, но я могу делать что хочу с предметами, хозяином которых являюсь. Я никогда не осмелился бы, так же как и многие человеческие сукины дети, открыть Святую Книгу, которая, несомненно, в ту же секунду осудила бы меня на чистое и простое не-существование. Но в эксперименте меня интересовало не само содержание Библии, а то, что эти люди, совсем как я, видели в ней всего лишь *предмет*.

Они неукоснительно последовали заранее установленному плану. По этой причине их постигло наказание.

По их собственной вине.

Теперь настало время вернуться к чистой грубости, я хочу сказать, к грубым фактам, которые мы так любим с Братом. В этом мире существуют люди, которые считают себя хищниками и ведут себя соответственно.

Они действительно и есть хищники.

Для девчонок двенадцати, может быть, шестнадцати лет.

Именно их предпочитает мой Брат.

Готовьтесь к новой диспропорции. Готовьтесь к худшему.

Готовьтесь к пиру очищения (от слова *pyros*[79]) на языке, который мы заставили вас изгнать из ваших школ.

Pyros. Тот, что очищает и живых, и мертвых.

Ждите огня.

6. Выбрать

Коммюнике номер тринадцать

Everywhere in hell[80]

Дорогие друзья-читатели, я испытываю огромную радость, наблюдая, как вся страна дрожит при мысли о том, что я снова к вам вернулся. Однако произошла небольшая путаница, которую я должен исправить: я не вернулся, потому что я не уезжал. Я все время оставался здесь, совсем рядом с вами, а «я», напротив, нахожусь на каникулах, как вы помните. При помощи такого апофонического приема, использованного моим Старшим Братом, все в один миг переворачивается, и он наконец появляется в человеческом мире, используя мое тело, которое он, естественно, принесет в жертву.

Я не питаю романтических иллюзий.

Мы со Старшим Братом являемся одним целым, пусть нас всегда двое и мы стоим в самом центре Нуля.

Есть еще одна неясность, заключающаяся в том, что мы обучаем людей со всем педагогическим мастерством, на которое способны, что мы заставляем их верить в то, что дьявольский поступок можно совершить под влиянием приступа гнева, который входит в коллекцию наших человеческих изобретений.

Это, конечно, полнейшее заблуждение. Сам Бог не раз испытывал ярость по отношению к этому тараканьему человечеству, предпочитающему нас Тому, Кого Он ему послал.

Гнев – это реакция, ответное действие существа на то, чему нет оправдания, то есть на нас, а следовательно, на вас самих.

Это причина того, что ни одно из тех омерзительных убийств, заснятых и пущенных в эфир, большей частью в режиме реального времени, не могло быть совершено мной под влиянием гнева или какого-нибудь другого чувства.

Каким образом то, что нельзя оправдать, то, что омерзительно и абсолютно порочно, может вызвать гнев с моей стороны? Это мои любимые инструменты. Более того, это – то, чем я являюсь. Дьявол – ни в коем случае не самоубийца, он просто разнообразными способами толкает людей к самоубийству, часто в течение всей их жизни.

Все, что я делаю, поверьте мне, я делаю более хладнокровно, чем кто бы то ни было во всей Вселенной. Как я вам уже говорил, наше с Братом истинное существование начинается с абсолютного Нуля.

Мы и специализируемся по раскаленным углям именно оттого, что мы так холодны.

Эту женщину зовут Ольгой, я слежу за ней уже несколько дней.

Впрочем, мне кажется, что у нее нет имени. Она такой же матрикулярный номер, как и другие.

Я думаю, что это первая «Ольга», которую я убью. Можно сделать ей татуировку с номером и звать ее «Ольга номер один». «Мисс Ольги» будет достаточно. Признайтесь, я и так оказываю ей большую честь, не присваивая автоматически первый попавшийся матрикулярный номер.

В конце концов, можно сказать, что она именно этим и занималась – тянула жребий. Жребий для своего мужа.

Ее муж тоже был игроком, на развлечения его вдохновлял мой Брат.

Ольга очень любила в них участвовать.

Она не знала о том, что ее муж так здорово развлекается оттого, что взял себе в компаньоны самого Великого Игрока во Вселенной.

Ни она, ни он не подозревали, что скоро сами станут игрушками в его руках.

Точнее, в моих.

Все более и более свободных.

Все более и более свободно связывающих, пытающих, убивающих. Все более и более человеческих.

Конечно, за эти дни слежки и поисков я пользовался своей камерой лишь в личных целях. Наши друзья из полицейских подразделений могли бы немедленно узнать Ольгу и помешать моей миссии. Но я вам обещаю, дорогие посетители моего сайта, придет день, и я покажу вам все изображения. Пока же поверьте моему слову, как вы это делали с самого дня вашего Падения!

В восьмидесятые годы Ольга со своим спутником, который впоследствии станет ее мужем, много развлекалась. Ее муж, чье имя мы убрали из нашей книги, чтобы обречь его на полное небытие, любил играть с очень молодыми девушками. Я имею в виду, что он играл с ними не в какую-то игру, он играл с ними в *свою* игру.

И его игрой были именно они.

Благодаря Ольге, с невинным видом игравшей роль зазывалы, сбежавшие из дому девочки – полупроститутки, прогульщицы лицеев, начинающие токсикоманки, дурочки разного характера и происхождения – оказывались запертыми в их доме в пригородах

Торонто. Они становились сексуальными рабынями мужа Ольги, который ежедневно принуждал их к отвратительным действиям. Для начала он по несколько раз насиловал их, поил их же собственной мочой и кормил их же собственными экскрементами. Он бил своих жертв кожаной плеткой с маленькими стальными иголками на конце, прижигал им кожу сигаретой или утюгом, фотографировал их либо в непристойных позах вместе с домашними животными, двумя большими лабрадорами и ротвейлером, либо замученными и мертвыми. Они целыми сутками висели в «игровом зале», если он так решал, иногда и до самой своей смерти. Он заставлял вновь прибывших девушек убивать тех, кто находился в доме давно, тех, что стали слишком безобразными и потому непригодными к дальнейшему использованию.

Затем супруги хоронили трупы в труднодоступных местах: за городом, в сыром торфянике, – отделив от тела голову, руки, ноги, которые они прятали в цементных блоках и разбрасывали в лесу.

Я узнал от Брата, что они сожгли заживо одну из самых молодых мучениц, обмазав ее каким-то легковоспламеняющимся промышленным химическим средством. Ольга, насколько я знаю, взяла на себя роспись тела девушки, а ее муж, конечно, занялся поджиганием живого шедевра.

Они много веселились в течение почти восьми лет.

Потом одной из жертв удалось сбежать из их тюрьмы.

Мой Старший Брат, Сукин Сын, разорвал контракт с ними безо всякого предварительного уведомления, как обычно.

Но если мой Брат может в качестве отступления незаметно поспособствовать проявлению некоей формы имманентной справедливости, такой, например, как побег девушки прямо в ближайшее отделение полиции, то нам совершенно ясно, что *Официальное Правосудие* продолжает действовать по инерции, подчиняясь незыблемым правилам, которые мы установили нашими невидимыми декретами.

Поэтому муж, осужденный по канадским законам, получил пожизненное заключение без возможности условного освобождения. В такой цивилизованной стране, как Соединенные Штаты, он в лучшем случае был бы приговорен к *life without parole*[81] *за каждую жертву*, если не к смертной казни.

Но Канада – страна более невозмутимая, чем Америка, гораздо более близкая в нашему Абсолютному Нулю.

Итак, муж устранен на всю его земную жизнь и ожидает теперь той жизни, в которой викарием будет мой Брат, а Ольга, как сообщница, приговорена к двенадцати годам тюрьмы. Она

дважды просила изменить ей меру наказания, и ее просьбы были удовлетворены. Поэтому она вышла на свободу через шесть лет.

Шесть лет.

Сколько девушек они там замучили и убили? Тринадцать? Да, тринадцать. Десять опознанных жертв… и три жертвы, тела которых не смогли найти, но которых установили, благодаря следам ДНК в доме и машине Ольги и ее мужа. Тринадцать жертв, в убийстве которых королевский прокурор легко смог их обвинить.

Мой Старший Брат сказал однажды, что, по его мнению, истинное число убитых вдвое больше, но мы, конечно, напроказничали с законами, которые вы приняли под нашим влиянием.

Поэтому остановимся на цифре тринадцать.

Тринадцать девочек в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет.

Тринадцать, несомненно, хорошая цифра. Я думаю, что даже в коридорах смерти нет камеры под номером тринадцать.

Сейчас для Ольги, за которой я иду по пятам, целый мир – камера номер тринадцать.

Несуществующая камера.

Камера, в которой она не отбывала свое наказание.

В которой наше наказание отбудет ее.

* * *

Мой Старший Брат мог бы заняться мужем Ольги перед отпуском, но он предпочел отправиться на пляж и оставить мне Ольгу.

Никогда не забывайте о нашей безумной логике. Никогда не забывайте о том, что мы всегда предпочитаем наказать «сообщника», а не главное действующее лицо, потому что сообщник по природе своей – последователь. Он слабее, трусливее, человечнее в каком-то смысле. Он живет зверствами своего партнера по доверенности, почти не участвуя в деле, не из сочувствия или чувствительности, не из страха даже быть арестованным полицией, а по причине онтологического ужаса, который он испытывает при мысли о возможности действительно стать самим собой. Главное действующее лицо, вожак, руководитель работ, служит ему компенсирующим вектором: он может пересечь границу, не пересекая ее в действительности, он может подвергать пыткам, действуя не руками, а всего лишь головой, он может убивать, не совершая убийства.

Он – «сообщник».

Он – «Ольга».

Он – «свободный человек, уплативший долги обществу».

Мы допускаем, что, возможно, все так и есть, в конце концов.

Но он не заплатил свои долги нам.

А про нас с Братом можно сказать, что мы, как минимум, не общество.

Один из самых интересных аспектов личности Ольги состоит в том, что она, будучи такой, какая она есть, очень точно подходит под наше определение невинный-виновный. Словно мой Брат захотел сделать из нее законченный синтез понятия: после ареста по обвинению в похищении человека, в попытке изнасилования и убийства в отношении малышки, которой удалось сбежать, и по обвинению в еще одном убийстве, с которым их удалось связать после обыска, Ольга заключила соглашение с полицией. В обмен на смягчение наказания она дала показания, обвинила мужа, предала его, рассказав все, вплоть до малейших подробностей, часто ужасных или непристойных, которые описала с хирургической точностью. Она помогла команде судебных аналитиков найти десять тел и связать имя своего мужа с еще двумя подозрительными исчезновениями. На процессе она рассказала о том, что жила «в ужасе», что муж часто бил ее и угрозами принуждал помогать ему.

Ах, Ольга, как же был прав мой Брат, когда отдал тебя в мои руки. Ты поймешь, что такое жить в ужасе, ты поймешь, что ни один удар не делает так больно, как одиночество и отчаяние, ты поймешь истинное значение слова «сообщник» тогда, когда смерть сделается лучшей из твоих подруг.

Уже несколько дней я читаю в канадской прессе радостные отчеты квебекской полиции, сумевшей (наконец-то!) определить имя человека, которого они разыскивают. Они нашли паспортные данные, банковский счет, адрес, кредитную историю. Они нашли финансовую и фискальную информацию, места работы, школу, место рождения, но я ведь этого никогда и не скрывал! Совсем наоборот, ведь речь шла о моей тайне, точнее, о моей приманке, о моем вымысле, о моей перформативной автофикции, о фальшивом секрете, который должен быть достаточно заметным, чтобы его обнаружили. Не забывайте: я – король общей механики, я – брат Князя Мира сего, я – врач Дьявола. А главное, я – его старший Инженер. Значит, я – Мастер Ловушек, следовательно, я – мастер Машин. Я находился в этом человеке еще до его зачатия, и этот человек, являвшийся мной, сумел узнать меня,

являвшегося им.

Он был моей Ловушкой. Я стал его Машиной.

Да, я знаю, я – лишь временное воплощение моего Старшего Брата на период его каникул. Я – его парадоксальное апофатическое мгновение, пришедшее из Небытия, следовательно, я остаюсь братом Великого Сукиного Сына, тем, кто пришел показать свое истинное лицо человечеству, тем, кто заставит попотеть канадскую – и не только канадскую – полицию, тем, кто заставит попотеть весь мир, потому что я сильно повышу температуру окружающей среды, вот увидите.

Коммюнике номер четырнадцать

Любая машина, этимологически и онтологически, это – ловушка, военная хитрость. Секретное оружие.

Любая ловушка – это выбор.

Сделать то или это? Действовать или не действовать? Пойти в этом направлении или в том? Идти вперед или назад? Двигаться или оставаться на месте?

Выбор не всегда очевиден, но сила настоящей ловушки в том, что ее не интересуют такие, в конечном счете, вульгарные соображения. Настоящая ловушка предлагает на выбор два решения, одинаково плохих.

Абсолютная ловушка – это когда машина становится миром.

Момент, в который двойственность превращается в свою ужасную противоположность, не в Единичность, а в Ноль.

Ольга очень любила приводить юных, случайно встретившихся во время городских ночных странствий самочек-мучениц своему мужу. На самом деле, хотя она скрывала это даже от адвоката в течение всего процесса, она пользовалась картами Таро и другими предсказаниями для того, чтобы выбрать дату, место охоты и тип жертвы.

В жизни нужно находить себе цель.

И Ольга использовала эти средства для того, чтобы отбирать и доставлять молодых девушек в логово мужа, ставшего окончательным извращенцем под воздействием ядов моего Брата.

Поскольку я пришел сюда не для свершения акта справедливости, официального или неофициального, а для того, чтобы довести несправедливость до логического конца и свершить ее над самим телом палача-жертвы, невинного-виновного, я предложу Ольге извращенную версию ее гадательной игры.

Абсолютный детерминизм.

Я предложу ей Машину.

Вернее, я предложу ее Машине.

Настоящей Машине-Ловушке, оба выхода из которой в одинаковой степени смертельны.

Игра, *стратагема*, задумана таким образом, чтобы вы могли выбирать лишь между разными способами проигрыша. *Тип* некоего казино. Настоящая инверсия какой-нибудь азартной игры. В казино вы играете, чтобы выиграть, но выигрываете, чтобы поиграть.

Следовательно, это машина, убивающая вас, потому что она запрограммирована на такую цель, как в принципе и любая форма жизни.

Красота двойственности, содержащаяся в каждом *diabolein*[82], этимологически *двойное движение* и, как следствие, *раздвоение, разделение.*

Мы с Братом – эксперты бесконечных реверсий, мы – эксперты диалектики. Мы – все то, что разделяет, чтобы сплотить. Вы увидите каким образом, вы увидите, чем каждая машина может потенциально нам служить.

Если делать смертельную ловушку – то уж абсолютную.

Или нечто, максимально к ней приближающееся.

Что такое смертельная ловушка? Я вам уже сказал: ловушка, выходы из которой одинаково плохи.

А что такое *абсолютная* смертельная ловушка?

Это ловушка, сконструированная по нашему с Братом образу, по образу двух Сукиных Детей, детей толстой матери-проститутки, которая родила нас, того не желая, и уж, конечно, нас не признала.

Что касается нашего образа, я вам говорил, что мы вдвоем составляем единое целое и находимся в центре Небытия. Мы – полное извращение всякого рода Троицы, поэтому двойственность не имеет от нас никаких секретов.

Мы – хозяева Выбора, антипапы Альтернативы.

Поэтому оба выхода из роковой абсолютной ловушки сводятся в действительности к одному и тому же, вернее, к двум противоположным, противопоставленным, словно зеркала, образам.

Смертельная абсолютная ловушка дает возможность сделать выбор между двумя вариантами, привязанными к одному и тому же физическому феномену, ужасающе конкретному, летальному, роковому. Альтернатива образует в конечном счете один-единственный коридор, ведущий к Абсолютному Нулю, туда, где мы начинаем жить.

И убивать.

Это и есть последняя смертельная ловушка.

Перед ней.

Я все ей как следует объяснил. Упомянул обо всех мелочах. Она знает мельчайшие подробности своей смерти.

Она совершенно голая. Погода для начала апреля еще довольно холодная, даже для Канады. Она дрожит, но я вижу, что эта дрожь рефлекторная, связанная со страхом. С вирусной, овладевающей вашим телом физиологией, с которой вы ничего не можете поделать.

Хозяин страха – я.

Страха, который можно прочесть уже в ее взгляде. Она – довольно хорошенькая блондинка, может быть, чуть полноватая. Ее зеленые глаза полны льда, заморозившего ее тело изнутри гораздо сильнее, чем посинела снаружи ее кожа от холодного воздуха.

– Я прошу вас, я сделаю все, что вы захотите.

Вы уже видели, как Дьявол улыбается?

Нет, конечно, потому что в противном случае вы бы уже не смогли об этом никому рассказать.

Я подарил ей улыбку:

– В этом нет ни малейших сомнений, моя дорогая Ольга, вы очень точно будете делать то, что я хочу, сами увидите. Потому что все уже запрограммировано. На самом деле вы будете делать то, что захочет *она*.

И я очень спокойным жестом показываю на машину, ждущую ее под мягким весенним солнцем.

Она плачет, ее тело передергивают непроизвольные судороги, руки, завязанные за спиной, нервно сжимаются.

– Я прошу вас, пощадите, не делайте этого.

Я без ненужной грубости веду ее к месту пытки. Я все устроил должным образом.

Она повторяет «нет, нет, нет, я-вас-прошу, нет, нет, нет».

Я нахожу, что для человека, так много общавшегося с прессой в тюремной камере, ее словарный запас несколько ограничен. Но сегодня день ее удачи, и я не буду еще больше ее ограничивать.

«Я сделаю все, что вы хотите, нет-нет-нет, я сделаю все, что вы хотите, нет-нет-нет, я вас прошу…»

В конце концов это становится утомительным – так монотонно! А я ведь объяснил ей все до мельчайших подробностей.

Я достаю из кожаного футляра очень острый хозяйственный нож: углеродная сталь с добавлением вольфрамового титана. Он способен разрезать бетонный блок, как лыжный ботинок или банальный кусок мяса. Лучше представьте себе, как он режет

кусок мяса. Я играю лезвием перед ее глазами, которые, как загипнотизированные, пристально смотрят на сверкающий металл.

– Не усложняйте мне задачу, Ольга, я не хочу очутиться перед тягостной необходимостью отрезать вам сиськи в качестве ободрения.

Она испускает негромкий звериный крик, опускает плечи и отчаянно рыдает.

Я сказал ей это из моей территории Абсолютного Нуля, из нашего ультрахолодного мира. Она сразу поняла, что я ограничился изложением фактов, всего лишь фактов.

Голых фактов.

Я уверен, что вы тоже, в свою очередь, начинаете дрожать.

Несмотря на то что вы не знаете точно отчего, в то время как она полностью в курсе происходящего.

Вы тоже скоро все поймете.

Очевидно, вы будете дрожать так же, как она.

Коммюнике номер пятнадцать

Ловушка, естественно, двойственна, друзья-читатели. В каком-то смысле можно сказать, что она создана из выбора между огнем и водой.

Это несколько упрощенное видение вещей, не стремящееся в действительности к своему совершенству, Пигмалионом которого я являюсь.

Говоря более точно, выбор заключается между водой огня и огнем воды, а если стать ближе к вашему материалистическому словарю, между жидкостью-огнем и огнем-жидкостью.

Что бы она ни выбрала, она, конечно, умрет, но умрет она совершенно противоположными способами, с абсолютно одинаковым принципом действия!

И естественно, она это знает, потому что она знает все.

Поэтому Ольга настолько сильно боится, и она, несомненно, готова скорее дать отрезать себе грудь, чем вынести такое.

Но этого выбора нет. Это не выбор, это побуждающий стимул, он не входит в состав камеры номер тринадцать, он не входит в состав ловушки, он не входит в состав машины. Машины, деталью которой она является, частью, винтиком, простым механизмом среди многих прочих.

Механизмом, соединенным с множеством других механизмов, хотя никакой конкретной цепи тут нет. Чистая физика Невидимого.

Физика Сукиного Сына, физика, которой я могу свободно

манипулировать.

Полная противоположность играм с гаданием, полная противоположность картам Таро.

Там случай приводил к рабству и смерти, здесь – абсолютный детерминизм, который посредством смерти превратит миг рабства в свободу.

Никто не сможет оспорить красоту этого изобретения.

Сейчас она кричит, но ее крики утихнут сами по себе, от истощения сил.

Потом они возобновятся. Невзирая на истощение сил, невзирая на усталость.

Они возобновятся и уже не прекратятся.

Вы по-прежнему подключены к www.welcometohell.world?

Итак, расскажем в деталях о ловушке, расскажем в деталях о каждом ее механизме, начнем с главной части машины – с жертвы.

На этом этапе у жертвы уже нет имени. Она просто превратилась в *центральное устройство машины.* Она – функция, объединенная с другими функциями, вернее, функция, дополняющая другие функции в качестве центрального устройства. Она является также telos[83] маленького заводика смерти, который я открыл здесь, посреди лесов Северного Квебека, последним устройством, основной частью, неотъемлемой деталью процесса, окончательным программированием, главным механизмом. Ее, в принципе, можно назвать любым из этих имен.

Она плачет и иногда испускает долгий вопль, взывающий о помощи, хотя охватывающая ее усталость делает ее голос от вопля к воплю все слабее.

Камера установлена прямо над ней.

Что же мы, все вместе, видим? Лицо женщины обращено к объективу. На переднем плане находятся две ее руки, дрожащие и ощупывающие систему труб, промышленных кранов, рукояток, разнообразных втулок. Особенно осторожно ее пальцы касаются одного большого рычага и дрожат при этом еще сильнее.

Ее окружает грязная окислившаяся белизна металлического цилиндра, свет в который падает сверху, через крошечное зарешеченное слуховое окошечко, где я установил цифровую видеокамеру.

Таким образом, чтобы увидеть немного света, центральная часть должна тянуться вверх и поднимать голову в направлении объектива камеры. Таким образом, она должна поднимать глаза к вам, друзья-читатели. Она вас не увидит, хотя будет на вас

смотреть. Вам, чтобы ее увидеть, даже не придется смотреть на нее.

И совершенно не придется слушать, чтобы услышать.

Боюсь, что я повторяюсь, пусть так. Я – всего лишь младший брат Дьявола, я – его усиленный реверс, перемещенный в этот мир, в это тело, я – единичный индивидуум.

Я тоже переворачиваю все, особенно порядок, установленный моим Братом, потому что он имеет право на отдых, он имеет право на то, чтобы кто-то занялся людьми вместо него.

И вот первая инверсия, первая основная тенденция: наказывать сильнее менее виновных, быть к второстепенным преступникам-жертвам более жестоким, чем к большим мастерам, которыми, в любом случае, в надлежащее время займется мой Брат.

Первое усиление: людскому зверству я противопоставляю ледяную механику, на грубость и жестокость я отвечаю расчетом и детерминизмом физических законов.

Именно это и переживает сейчас наша героиня.

Поскольку, как я вам уже сказал, я ей абсолютно все объяснил, не утаив ни одной детали.

На этот раз, друзья-читатели, друзья-зрители Интернета, событие знает про себя больше, чем те специалисты-аналитики, которые попытаются восстановить его ход, или те, кто будет наблюдать за ним в прямом эфире.

Она дарила обманчивые мечты о свободе своим жертвам, которые оказывались в тюрьме ее мужа.

Я ей не оставляю ни одной мечты, я ограничился тем, что заставил ее прочесть список, уничтожающий любую мечту, список, делающий из вас мертвеца еще до смерти.

Список.

Список ее совершенно реальных свобод.

Список явлений, которые непростительно последуют одно за другим.

Она, в свою очередь, превращается в процесс. Она – всего лишь процесс. Список послужил программой, машина сделает остальное: она очень скоро станет похожей на саму машину, она очень скоро с полной отдачей заработает в качестве ее основной части, она очень скоро экспериментально подтвердит перед вами незыблемые законы физического мира.

* * *

За первой инверсией-усилением идет вторая.

Первое: она не оставляла никакого выбора, кроме иллюзии свободы, жертвам своего мужа.

В машине же центральное устройство, вы сами заметили, совершенно свободно в своих движениях. Его совершенно ничто, никоим образом, не стесняет. Наоборот, именно свобода ее и убьет, и она в самой глубине своего естества знает это. У нее по-прежнему останется выбор между двумя вариантами, но без всяких иллюзий относительно их последствий.

Второе: это – завершение работы моей ловушки. Она умрет в любом случае, она об этом знает, она должна будет выбрать, как я вам уже говорил, друзья-читатели, между огнем воды и водой огня.

По этой причине она сейчас умоляет, поэтому просьбы о помощи, стук в стальные стенки цилиндра и беспомощные яростные крики уступили место слезам и отчаянным рыданиям.

Следите внимательно за тем, что происходит в самой нижней части цилиндра, там, где центральное устройство словно привинчено к металлическому полу. Следите за этой, отчасти фиолетовой, клейкой массой, которая появляется из отверстия, расположенного в основании цилиндра, за массой, которой ее ноги инстинктивно стараются не касаться. Масса льется со скоростью, позволяющей за несколько секунд покрыть весь пол и лишить ноги возможности избежать соприкосновения с ней.

Но она свободна в своих движениях в том мире, который я для нее сконструировал. Я ее не связывал и не бил, как делал ее муж со своими жертвами, поэтому она вытягивается вверх, вдоль труб, настолько высоко, насколько это возможно.

На этом свете я ограничиваюсь оживлением изобретательских технических способностей, в области которых мы с Братом – патентованные эксперты.

Вот теперь вы лучше видите: пол залит полностью, жидкость неумолимо поднимается, закрывая стенки и ноги центрального устройства.

Да. Это жидкость.

Это жидкость, и она жирная.

Это жидкость, и она спокойно, в размеренном ритме, заполняет резервуар, в котором центральное устройство бьется, испуская слабые, приглушенные физическими усилиями крики.

Вы видите ее лицо в центре экрана, оно смотрит на вас, оно умоляет вас, оно безмолвно обращается к вам всем, то есть ко мне.

Я ничем не могу ей помочь. Я сконструировал ей мир, но я в нем больше не хозяин. Этот мир, как любая машина, сам стал

своим единственным хозяином, точно так же, как она случайно выбирала жертвы и теряла власть над ними, как только они оказывались в семейном убежище, в мире ее мужа.

Вы, друзья-читатели, друзья этого мира, вы никогда не были способны сделать что бы то ни было ни для себя, ни для других. На вас ей уж точно рассчитывать не приходится.

Она свободна. Следовательно, одинока.

Да, конечно, я бросаю время от времени взгляд на контрольный экран, убеждаясь в том, что все идет так, как задумано, без всяких *механических* проблем, но я точно знаю, что вы не можете оторвать глаз от экрана. Эти кадры будут преследовать вас до конца ваших дней, и поэтому вы любой ценой хотите их увидеть. Я уже знаю, что в средствах массовой информации сообщается о появлении чрезвычайно сильной зависимости от видеокоммюнике, которые я выкладываю в Интернет. Мужчины, женщины, дети больше не спят, не едят, не выходят из дому, они навсегда подключены к миру, который я создал внутри мира.

Следуйте их примеру, присоединяйтесь к общине Мира Князя сего, подключайтесь к www.welcometohell.world.

Коммюнике номер шестнадцать

Так и есть, час спасительной свободы приближается, друзья-читатели, дорогие мои товарищи по черной зоне Сети. Центральное устройство находится в необходимом и достаточном состоянии для *выбора*, в полном понимании происходящего, и обладает всей необходимой свободой. Понимание появилось в результате частых посещений моего Брата, а свободу предоставил ей я – в награду.

Ах, друзья-читатели, посмотрите же на лицо устройства, окруженное фиолетовой, с пурпурными и оранжевыми отсветами жидкостью.

Жидкость достигла уже ее шеи. Она продолжает прибывать. Центральная часть «Ольга» поднимает голову как можно выше, она тянется к верхней части цилиндра, цепляется за толстые трубы, пытается прижаться губами к крошечному окошечку вверху емкости. Мы можем пересчитать оставшиеся у нее во рту зубы, облачко тумана затемняет объектив камеры. Она очень жадно вдыхает воздух, словно надеется таким образом вырваться из цилиндра. Она действительно делает все, что в ее силах, чтобы убежать из этого мира.

Но вырваться из этого мира можно, только обретя последнюю из свобод.

Посмотрите внимательно, друзья-читатели, какое отчаяние выражают глаза центрального устройства. Жидкость дошла уже до основания его подбородка и ушей.

Эта жидкость, в которую она скоро погрузится, эта жидкость переменчивого цвета. Это вязкая жидкость, теперь вы ее видите отчетливо, вы различаете ее особенности, текстуру, свойства, вы почти можете почувствовать ее характерный запах.

Да.

Конечно.

Бензин.

Центральное устройство достойно самого лучшего. «Ультрамар октан сюпрем 90».

В эту минуту свободный выбор устройства «Ольга» осуществится. В эту минуту центральная часть машины просит низким, надтреснутым, далеким голосом: помогите мне, я вас прошу, помогите мне, остановите это.

Но кто же может ей помочь? Кто может остановить мир?

Ни вы, ни я, друзья-читатели, друзья-зрители Интернета.

Она одна сможет себе помочь.

Помочь себе сделать выбор.

Сделать выбор между двумя страшными смертями, каждая из которых служит зеркалом для другой.

Я надеюсь, что центральное устройство ценит внутреннюю красоту Ловушки, которую я назвал «свобода».

* * *

Поскольку, пока резервуар наполняется и грозит утопить наше центральное устройство, вы по-прежнему не представляете, что же находится вокруг ловушки, вне машины, за этим миром.

Резервуар, металлический цилиндр, в котором поток бензина, поднимаясь снизу вверх, пропитывает центральное устройство, это всего лишь конечный этап совершенно детерминистской системы зубчатых передач, ведущий к альтернативе «ВКЛ/ВЫКЛ», к этой бесконечной свободе, которую вам предоставляет любая машина.

Устройство «Ольга» уже знает все, что я вам сейчас объясню, оно знает обо всем, что с ним произойдет.

В этом секрет всей техничности Зла. Я не таю никаких сюрпризов. Я ведь не для собственного удовольствия работаю.

Я – профессионал.

Я – педагог.

По этой причине машина столь совершенна, ведь в ней

используются лишь технологии, существовавшие еще в Средневековье. Техника – всего лишь способ, особенно для нас, ее хозяев, особенно для нас, умеющих сделать ее хозяином всего.

Устройство «Ольга» прекрасно знает, что у него есть способ остановить поток бензина и не утонуть.

Это большой рычаг, вокруг которого столько раз трепетали ее пальцы.

Он соединен с клапаном, открывающим подъемный затвор, расположенный в нижней части цилиндра и позволяющий бензину вытекать наружу. Да. Наружу из машины.

Но рычаг можно использовать только после того, как уровень жидкости достигнет своего максимума, я сконструировал его таким образом, чтобы он работал single-action remote, то есть, приведя его в действие, вернуть его затем в исходное положение невозможно, и, опустив его, вы перекрываете трубу, по которой поступает бензин. Я парень осторожный и не мог допустить, чтобы Ольгу терзало искушение прервать эксперимент в самом его начале. Итак, она сможет прервать опыт только в конце. Который явится для нее новым началом.

Я только что разделил экран на две части. Внутри/Снаружи. Рассмотрите внимательно на правой стороне экрана, где и как установлен резервуар: куб из бревен служит ему основанием, старая яма для дров укреплена прочными подпорками, а свободное пространство в середине заполнено высокой пирамидой хвороста.

Да, это костер. Но он не зажжен.

Он загорится лишь тогда, когда устройство «Ольга», пользуясь своей свободой, сделает выбор и откроет подъемный затвор, который позволит бензину вытечь на хворост, бревна и подпорки.

И на огоньки, которые я расставил по периметру ямы, на светлячков, ожидающих жидкого ада.

Так и есть, лицо устройства «Ольга» поглотила вязкая жидкость, оно почти исчезло. Остались только пара выпученных глаз и губы, которые, шевелясь, выпускают длинные гирлянды ноздреватых пузырей.

Она немного похожа на рыбу, попавшую в разлившееся по морю нефтяное пятно, надо бы не забыть послать ей на помощь отряд Гринписа.

Глаза помутнели, пузыри вырываются изо рта резкими толчками и долгие секунды плавают на поверхности жидкости в виде пенных сфер.

Она свободна.

Ее руки хватаются за рычаг. Чувствуется, что она колеблется,

но пузырей становится все больше и больше.

Вот.

Он происходит, этот освободительный акт: две руки вцепились в рычаг и яростно потянули его вниз.

Какой-то рев, усиленный отхаркиванием, плевками, рвотой, занял все звуковое пространство.

Ее лицо покрыто вязкой, темной коркой, струйки фиолетовой пены текут изо рта, волосы превратились в клейкую, жирную, пористую массу.

Уровень бензина понижается с той же скоростью, с которой он повышался.

Она свободна, она еще более свободна, она все более и более свободна.

Теперь она свободна в своем ожидании.

Она свободна в ожидании другой стороны свободы, стороны ее уничтожения самой себя.

Свобода – самая хрупкая вещь на свете. Устройство «Ольга» познает это на практике: простая ручка «ВКЛ/ ВЫКЛ», и свобода свелась к свободе ожидания.

Помещая ее в цилиндр, я ей все тщательно объяснил. В списке был план, она знала все о своем выборе, она знала все о своей новой свободе, она знала все о мире, который я создал для нее.

Окружающие конструкцию огоньки – это просто кубы с древесным углем, раскаленным докрасна на установленной поблизости жаровне. Я разместил их так, чтобы струя бензина из резервуара не попадала прямо на них.

Реакция пламени была бы слишком резкой, огонь стремительно взметнулся бы к своему источнику, к цилиндру, и заставил бы все заполыхать в одном разрушительном взрыве.

Совсем не так запланирован процесс, в котором наше центральное устройство «Ольга» является основной деталью.

Теперь главное – дать ей вкусить обретенную свободу.

Зная, что рано или поздно струя или даже капля бензина попадет на уголь, немедленно воспламенив практически весь костер.

Но не ведая ни когда, ни как именно роковое возгорание произойдет. Здесь все – механика, определенность, расчет, непредсказуемость.

Подъемный затвор уже герметически закрыт, так же как и труба, из которой текло горючее. Емкость отделена от того, что было его содержимым.

Но внутренние стенки цилиндра еще покрыты большими

маслянистыми пятнами, так же как и обнаженное тело устройства «Ольга».

Вот что я ей объяснил со всей надлежащей точностью: жар будет нарастать, сначала постепенно, потом все быстрее и быстрее. Это элементарная термодинамика. Цилиндр превратится в печку. Нижняя часть цилиндра очень скоро нагреется, единственная опора для ног станет раскаленной железной плитой, иными словами – поверхностью чистой боли. Пальцы ног почернеют, пятки быстро превратятся в языки пламени, ногти расплавятся, кожа изгиба стопы превратится в пепел. В конце концов, в результате повышения температуры, загорятся внутренние стенки резервуара и кожные покровы устройства «Ольга». Она поджарится, как лакированная утка, волосы вспыхнут, кожа потрескается, словно жирный пластик, даже рот, некогда самый важный ее жизненный орган, воспламенится. Устройство «Ольга» очень быстро испечется снаружи, гораздо медленнее – изнутри. Она останется в сознании довольно долгое время, достаточно долгое для того, чтобы понять, что ее дыхательные пути сантиметр за сантиметром обугливаются, а то, что она выплевывает, – это кусочки ее самой.

И это будет лишь начало конца.

Скорее это будет начало без конца.

Начало ее вопля. Ее вопля, родившегося в пламени, зажженном ею самой, вопля, который будет продолжаться вечность. Вечность пыток в бескрайних лагерях-машинах, находящихся, за редчайшим исключением времени каникул, в ведении моего Брата.

Этот вопль станет длинным коридором отрицания, «НЕЕЕТ», напрасно брошенным в незыблемое лицо Космоса и его законов.

Тех самых, которые я посвятил в инструменты непростительного наказания. Посмотрите на нее, на *устройство «Ольга»*: ее лицо обращено к небу, которое она едва видит сквозь крошечное зарешеченное отверстие, к небу, образованному из объектива моей мини-камеры, то есть из вас всех.

Она ждет точно так же, как ждете вы. Она ждет, когда костер, чью воспламеняющую силу она высвободила, загорится. Вы узнаете об этом гораздо раньше ее, и сделать вы ничего не сможете.

Она узнает об этом гораздо позже вас, и сделать она сможет всего одну вещь, но совершенно свободно.

Она сможет бесконечно кричать, безумно сожалея о том, что не выбрала другой предложенный мной вариант.

Следите внимательно за картинкой, показывающей цилиндр изнутри: она ждет, когда свобода, которую я ей приготовил, эта

великолепная машина, созданная по размеру, начнет действовать. Она ждет, привалившись к металлической стенке, издавая невнятные звуки, прерываемые рыданиями и икотой тревожных приступов удушья. Она ждет, слившаяся отныне воедино с машиной-для-выбора, ждет, когда ее запекут, как лакированную утку в духовке кухонной плиты.

Она ждет.

Как и вы.

Вы ждете, я знаю. Вы не отключились. И правильно сделали. Вы не будете разочарованы.

Не забывайте, вы подключены к www.welcometohell.world.

7. Заключить в тюрьму/Осветить

Коммюнике номер семнадцать

Nowhere in this world[84]

Здравствуйте все, все, кроме тех, кто скоро проснется на ваших глазах. Я воспользуюсь этим кратким подготовительным моментом, чтобы предостеречь всех журналистов, оплачиваемых сдельно или понедельно, от высказывания нелепостей, которые они печатают обо мне. Я чувствую, что мой талант пиротехника скоро снова будет поставлен под вопрос.

Мне все-таки придется повториться – никакой логики в моих преступлениях нет.

Существовала ли логика (надеюсь, это слово еще не потеряло для вас смысл) в Освенциме?

Честно говоря, я должен признать, что ответ на этот вопрос должен быть утвердительным. Да. *Несомненно*.

Одна лишь логика в Освенциме и существовала, а всякий *смысл*, напротив, там был уничтожен. Не стоит и говорить, что Освенцим стал одним из самых совершенных творений моего Брата. Он сам удивился, поняв, как нетрудно превратить людей двадцатого века при содействии других человеческих существ (во всяком случае, существ, принявших с Его помощью человеческий облик) в различного рода материалы или пепел. С еще большим удивлением он понял, с какой необыкновенной легкостью можно вынудить целые народы, неисчислимые в своей массе, к истреблению других народов, так же неисчислимых в своей массе.

Даже благодаря только этому примеру, я могу понять, почему мой Брат решил немного отдохнуть на одном из частных пляжей ада, отведенных исключительно для нас.

Мы с Братом – хозяева общей механики человеческих существ, то есть любой совершенно неприкрытой логики.

Логика, ставшая бесконечным превышением самой себя, вплоть до Небытия, – вот наш мир.

Вот мир, который вы у нас купили за деньги, не прекращающие девальвироваться вместе с вами.

Поэтому двести пятьдесят человек, коллективно, опосредованно ответственных за смерть одного человека, были хладнокровно расстреляны на снегу в конце этой зимы, со всей должной неумолимостью.

Одна женщина, виновная, как соучастница, в жестокой

смерти дюжины, даже, скорее всего, большего количества молодых девушек, отправлена непосредственно в ад, при помощи физического появления этого ада в том месте, где она находится, и ее собственными усилиями.

Это ужасно логично.

Это совершенно омерзительно.

Это не имеет никакого смысла.

Это наше творение, а следовательно, и ваше.

Вы еще не все узнали о себе самих.

Вы, кстати, скоро поймете, что эта история лишь начинается.

Главное, не пропустите следующую серию.

Не забудьте прямо сейчас занести в свои «любимые сайты»: www.welcometohell.world.

Направляющая мои поступки бессмысленная логика заставляет меня, словно в противовес этому *сошествию в ад*, совершать настоящее *наращивание силы*, поднимаясь к невыносимому.

Это правило номер один нашего опыта.

Правило номер два – это упрямое стремление подчиняться *двойному движению*: чем дальше развертывается наша операция, тем менее жертвы будут «виновными», я имею в виду человеческое «правосудие», осуждающее или не осуждающее их.

Чем дальше продвигаемся мы вперед, тем безобиднее, в каком-то смысле, будут преступления и тем ужаснее, напротив, будут наказания.

Мы снова перепрыгнем квантовую орбиту.

Вы действительно готовы следовать за мной и туда?

Мы уже не будем довольствоваться политизированными, спиритуализированными или извращенными социопатами.

Теперь мы хотим того, кто выдвинут этим миром в качестве образца, этим миром, который одновременно производит на свет и «Ольгу», и «Храмы Высшего Создателя».

Внимание: мы по-прежнему соблюдаем незыблемое правило номер три, венчающее и заключающее все остальные правила: логику слияния палача-жертвы, которую мы создаем. Этот гомункулус[85] синтеза – наш, мы усиливаем его возможности до максимального предела и постепенно полностью переиначиваем его.

Поэтому «сошествие в ад» будет похоже на что угодно, но только не на плавное и прямолинейное движение к верной смерти.

Смерть, естественно, всегда верная. И каждый раз разная, каждый раз с применением разных приемов, с использованием

новых изобретений.

Смерть верная, но наступающая после долгого и захватывающего катания на американских горках, где спуск к инфернальному огню станет похож на вознесение на небо.

С нами ни в чем, кроме конца, нельзя быть уверенным.

Со мной ужас будет одновременно неотвратимым и всегда полным сюрпризов.

Мир – это праздник! Жизнь – это игра!

Теперь как раз настала очередь паяцев, продающих радость в мире, окруженном нами колючей проволокой, под сторожевыми вышками, в промежутках между организованными нами геноцидами, над которыми они уронят крокодилову слезу в чашу для пожертвований. Да, им пора заплатить за потерю покровительства моего Брата, поскольку мы хуже, чем рэкетиры. Когда мы предаем, мы предъявляем счет всем этим андроидам, всем этим еще до начала нашей операции слившимся воедино палачам-жертвам. Они теперь посмотрят себе в лицо. В лицо, которое они так любят, часто до обожания, самые слабые из них – порой до идолопоклонничества.

Теперь они встретят секретный мир Ловушек, спрятанный мир настоящих Машин. Машин Сукиных Детей. Машин, которые являются именно тем, что они есть.

Формами жизни.

То есть формами смерти.

Все эти живые громкоговорители, загромождающие визуальное и аудиопространство своим едва поддающимся опознаванию желудочным урчанием или лицемерными высказываниями, существа еще худшие, чем журналисты, которых я сжег в виде предисловия. Это они блещут на кино- и телеэкранах то одного, то другого континента, это они своими словами заражают мозг тысяч, миллионов, следуя вашему стандартному восприятию слова. Они, быть может, не самые виноватые, но для нас они – жертвы, достойные самого тяжкого, какое мы только можем выдумать, наказания. Более жестокое наказание мой Брат обычно приберегает только для невинных мира сего.

Другими словами, самое худшее вас еще только ждет.

Начнем урок снова. Я – педагог, я не оставлю ваш мозг в покое: нет ничего лучше хорошей порции теории перед тем, как перейти к практике.

Мы с Братом двойственны. Не потому, что нас двое, а потому, что каждый из нас является одновременно и тем и другим. Если бы мы не были чудовищными близнецами, можно было говорить

о некоем типе кары.

Но нет, с нами все всегда двойственно.

Во всех возможных формах.

Например, наша дорогая Ольга была доведена до состояния, когда ее свобода, полная и нераздельная, состояла в выборе между тем, чтобы захлебнуться в бензине или сгореть в его пламени. Вы, конечно, помните дошедшие до вас кадры, изображавшие пылающую, окутанную облаком токсичного газа массу, испускавшую неописуемые вопли. Из ее глотки вырывались струи пламени, а ноги горели на докрасна раскаленной, заменявшей пол плите, среди огня, стекавшего со стенок.

Как раз перед тем, как моя камера тоже расплавилась.

Этому существовала альтернатива: конец мог стать другим. Мы могли бы наблюдать, как она задыхается в жидком бензине до тех пор, пока она не распростерлась бы на металлическом дне резервуара, практически исчезнув из поля нашего зрения.

Теперь мы переходим границы в нашем сошествии в ад. Невинные-виновные станут все менее и менее виноватыми по вашим нормам. Во всяком случае, мы вас хорошо обучили. Должен сказать, отныне двойственность доведет парадокс до монолитности, до монограммы.

До монохромности.

Для начала – черный. Это первая машина.

Это то, что вы видите на экране, я – тоже.

Вы не знаете, что же мы не видим, но вы смутно слышите человеческое дыхание.

По моим расчетам через минуту-другую дыхание резко участится. Вы услышите голос, просьбы о помощи, вы, несомненно, узнаете этот голос.

Но сам голос себя не узнает.

Конечно, эта двойственность будет монохромной, но не впадайте в заблуждение, друзья-читатели, она останется двойственной.

Не могу же я себя переделать, в моем-то возрасте, равном возрасту мира.

Теперь вы видите на экране полностью занявшую его вспышку света.

Это обратное лицо кромешной темноты предыдущей картинки. И сейчас вам тоже кажется, что вы слышите человеческое дыхание. Это вторая машина.

Издаваемые ею звуки как будто более прерывисты, чем у первой машины, и даже, как странно, можно подумать, что машин

две и каждая из них обладает своим ритмом.

Но свет уничтожает всякую разницу между тем, что существует, и тем, что можно увидеть. Абсолютная чернота прячет вещи, абсолютный свет открывает их все одновременно.

В обоих случаях ничего не видно.

В обоих случаях мы слепы.

Но по-разному.

Ад вымощен не только добрыми намерениями, он залит асфальтом диалектики.

Так и есть, в машине «черный экран» вы, кажется, что-то замечаете. Движение? Пугливую тень в сердце тени?

Или это оптическая иллюзия, вызванная неожиданным учащением дыхания?

Что это?

Где мы?

Вы – нигде. В не-существовании, которое вы не видите, которое само себя не видит и которое, вы скоро в этом убедитесь, не сможет даже услышать себя.

О… Вот.

Вопль.

Долгий крик чистого ужаса.

Ужаса, порождающего знание.

Знание самой темной ночи.

Вы слышите шум, вы едва различаете движения, до вас доносится дыхание.

Ваши уши воспринимают возобновившийся крик. Странно, он звучит словно очень издалека. Что-то вибрирует, кто-то скребет по шероховатой поверхности, наносит удары по чему-то твердому.

Вопль, который, кажется, никогда не затихнет, приглушенный какой-то ватной атмосферой.

Как обычно – отрицание. Отрицание реальности.

Нет!

Нет!

Нет!

Нет!

Нет!

Это можно услышать, но отрицать реальность нельзя. Особенно мою.

Здесь просыпаются, испуская вопли.

Вот она, эта самая машина: я просто зарыл в землю живого человека. Я украл его из его дома, я усыпил его при помощи мощного нарколептического средства. Я поместил его в гроб моей

конструкции, чтобы как можно лучше расширить его образование (не забывайте о моей педагогической жилке), а потом опустил все в яму, терпеливо вырытую мной в затерянном уголке восточной Манитобы[86].

Я – «человек» терпеливый. Некоторые из моих ловушек ждут годами. У меня даже есть искушение заявить, что они ждут с того самого дня, как люди решили поиграть с нами в Сукиных Детей.

Я снабдил гроб последними достижениями техники. Мы – хозяева общей механики, я – инженер моего Брата, я могу воспроизвести средневековый костер, добавив к нему самые совершенные современные новинки, я могу также вспомнить античные традиции и перенести их в настоящее будущее, проживаемое человечеством. Я могу, например, в целях своей онтологической миссии инверсии-усиления пересмотреть очень древнюю казнь – зарывание в землю живым.

Когда тебя зарывают живым в землю, ты ничего не видишь.

Но он скоро увидит.

Он очень ясно увидит, где он находится.

А главное, он увидит себя самого там, где он находится.

Это будет его светом, это будет его видением снаружи: себя самого и земли, в которой он погребен.

Поскольку, в отличие от традиционных гробов, мой сделан из поликарбоната последнего поколения, он совершенно прозрачен и при этом прочен, как сталь.

Более того, он снабжен определенным количеством электронных реле, подсоединенных к экрану телевизора, установленного под дном ящика. Экран усилен системой оптического волокна, способной снимать в почти полной темноте.

Экран телевизора будет для него единственным источником света. Одновременно с этим он станет его собственным взглядом, устремленным на себя: на экране он не увидит ничего, кроме своего изображения.

Он будет своим собственным светом. Чего этот человек всегда и хотел.

Он сможет наблюдать за собой при свете своей собственной агонии.

Я – Мастер Ловушек, и эта, наверное, одна из самых успешных. Благодаря устройству «Ольга», я сумел сочленить смерть с альтернативой, основанной на раздвоении одного и того же активного принципа, бензина.

Здесь, в этом ящике, двойственность преодолевает еще одну квантовую орбиту, а вместе с ней и ужас. Например, ящик сделан из совершенно прозрачного материала, но эта прозрачность дает

увидеть лишь неоспоримую реальность его нахождения под землей. Способ употребления убедит его в том, что он погребен на стандартной глубине в три метра.

Затем, здесь, в этом не-месте, нет того единственного жеста, предоставленного в ваше распоряжение и ведущего к двойственному выбору между смертью от того, что ты утонешь, или смертью от того, что ты сгоришь.

Здесь, в этой специфической ловушке, есть множество механизмов, и человек, являющийся центральным устройством машины, напротив, должен беспрерывно совершать некие действия для того, чтобы остаться в живых.

В то же время, беспрерывно действуя, он с каждым жестом будет немного приближаться к смерти.

Я представляю вам Томи Васри, нашу следующую центральную деталь. Вы увидите, как он все больше и больше станет походить на ящик, содержимым которого является.

Это ящик запишет в режиме реального времени его агонию, а главное, заснимет, как он будет наблюдать за самим собой умирающим, заснимет, как будет сниматься его собственная смерть, и он будет об этом знать.

Ну вот, экран в его ногах зажегся, распространяя достаточно света для того, чтобы он понял все и сразу.

По экрану движется инструкция по применению машины жизни/смерти, которую я придумал.

Потом появляется изображение: вид его тела, снятого снизу, занимает видеомонитор. Электронное зеркало, которое посылает ему картинку, одновременно излучает достаточно света для того, чтобы разобраться в деталях машины.

А в предназначении деталей машины ему разобраться стоит.

Свое изображение он в конце концов не захочет больше созерцать, но либо изображение, либо ничего. Либо оно, либо полная темнота.

Томи Васри – актер. Он приехал из Франции, где к нему пришел успех после сериала, в котором он играл шофера лимузина. В Канаде он оказался по одному из серии приглашений, разосланных кинофестивалем Монреаля и Торонто.

Он – не преступник, хотя не знаю, какой каре надо бы подвергнуть его фильмы, чтобы воздать им то, чего они действительно достойны. Нет, я вам повторяю опять, настоящие, серьезные преступники остаются для моего Брата.

Я же здесь предоставляю свои услуги подмастерьям, тем, кто хочет быть, тем, кто сумел сделать из своих преступлений и глупости не только социально приемлемый образ жизни, но и образец, которому жаждут подражать.

Они ведь поставили свою натуру рангом ниже, чем ранг обычных насекомых, запрограммированных как биологические роботы.

Раз насекомые являются биологическими роботами, то эти люди – механизированные животные. Они не лишены сознания, они сами решили от него избавиться, как от одноразовой салфетки, и по этой причине я должен обращаться с ними так, словно это настоящие механизмы, потому что именно таковыми они и стали задолго до того, как я занялся ими.

Они просто об этом не знают или отказываются сами себе в этом признаться.

Я здесь нахожусь для того, чтобы преподнести им необходимый урок. Не сомневайтесь в моем педагогическом таланте.

В эту минуту я занимаюсь тщеславным шутом, позволяющим себе, без малейших угрызений совести, на канале государственного французского телевидения в прямом эфире грозить смертью специально приглашенному писателю, над которым нависла убийственная фетва[87] «союзников» моего Старшего Брата. Причем никто не возмущался, поскольку эта сцена в последний момент была вырезана при монтаже. Мой Брат – друг всех монтажных столов мира.

Мой Брат – большой друг корпорации фальсификаторов. В СССР в течение полувека он являлся их основным, постоянно используемым, оплачиваемым поставщиком, даже входил в состав расстрельных команд.

В перерывах между ночами, проведенными в «Plazza», и выведением из строя «порше» или «феррари» наш друг-актер вместе со своими собратьями беспрестанно красуется в рядах борцов «против исключений и бедности», но при этом он разбил тяжелую бутылку шампанского о голову курьера, который доставил ему посылку с пятиминутным опозданием, и отправил его прямо в ближайшую больницу с тридцатью шестью порезами на лице. Мне говорили, что он окружен многочисленными помощниками, занимающимися такими гнусными делами, как избиения, разнообразные угрозы, вымогательство, шантаж. Он укладывает в постель в среднем трех-четырех начинающих актрис в неделю. Это – старый добрый план моего Брата, непременное условие знакомства с тем или иным режиссером.

Я также узнал, что, вместе со своим любимым режиссером, он сделал цифровые копии видеозаписей с участием многих писателей, деятелей кино, а также актеров-конкурентов для того, чтобы переделать их, вставив туда кадры, взятые из третьеразрядных порнографических фильмов, а затем разместить

в Интернете. И все это – из честного и простого желания выразить свою нелюбовь, испортить репутацию, навредить человеческим особям. В своей категории он – один из лучших учеников моего Брата.

Этот парень сохранил близость к народу. Он воспринимает его, в принципе, как форму движимого имущества, в определенных случаях пригодного к использованию.

Жизненный путь основного механизма ящика, механизма, который сможет до самого конца восхищаться собственным фильмом на экране телевизора, с такой точностью подпадает под определение современного гомо сапиенса, низведенного нами и вами на этот глубинный уровень, что он действительно, со всех точек зрения, является символическим собирательным образом. Не ящик был создан для Томи Васри.

Томи Васри – человек, созданный для ящика.

Ах, Нарцисс зеркала с электронно-лучевой трубкой, маленький человечек, мнящий себя великим благодаря размеру своего бумажника и «медиатического покрытия», то есть тяжелого савана, в котором ты хоронишь правду! Теперь ты понимаешь, в каком мире я заставил тебя заново родиться? Здесь шампанское будет тебе совершенно ни к чему, а вот голосовые связки, напротив, побереги. Диалоги фильма будут простейшие: твое дыхание, звук пришедших в движение механизмов ящика, вопль отчаяния, который в конце концов, несомненно, вырвется из твоего рта.

Теперь, когда устройство «Томи» видит, где оно находится, и понимает, что с ним произошло, его мычание больше до вас не доносится. Он сменил регистр страха в квадрате, отныне абсолютный ужас слышится в еле слышном отзвуке беспомощного плача, в приступах отчаяния, перемежаемых детскими рыданиями и призывами к матери, которую он никогда по-настоящему не любил и которую с трудом может вспомнить.

Хотите узнать правду? Настоящую?

Ну, так знайте, что наш гость слышит эти разнообразные шумы, исходящие из его горла, не лучше, чем вы, и даже, без сомнения, гораздо хуже, поскольку мой микрофон явно превосходит качеством его естественные слуховые каналы.

Вот она – красота техники, появляющаяся тогда, когда такой виртуоз, как я, создает с ее помощью истинную форму абсолютного искусства.

Гроб прозрачен, но для того, чтобы его обитатель мог лучше «видеть» подземную темноту, в которую он помещен.

Это то, что касается зрения, но существует еще одно чувство, которым мне нужно заняться: поликарбонат обшит специальным

покрытием, делающим из ящика конструкцию ахолическую, то есть впитывающую звуки, как губка впитывает воду.

Его собственные вопли едва доходят до его ушей.

Он еще более одинок, чем это возможно на Земле, поскольку он – *не на ней.*

Но теперь он знает, что они, он и его изображение, находятся уже где-то в Небытии.

И скоро он поймет заключенный в этом смысл.

Перейдем теперь к другой машине. Освещающей машине. Вы очень быстро поймете, до какой степени в каждой своей детали она является противоположностью предыдущей машины.

Из всей этой машины можно увидеть лишь чистую электрическую монохромность, стену света инфернальной белизны.

Действительно ли это та же самая машина?

Что же, я создал ловушку, в которой темнота сменяется ярким светом?

Посмотрим… а зачем тогда телевизионный экран и мелкие механизмы, которые вы едва успели заметить в ящике?

Нет, моя двойственность – всегда *повторение* предыдущего: в этой машине – два человека. Но в действительности они образуют одно целое. В то время как в первой машине человек один, но он двойственен.

Не впадайте в панику, я вам объясню. У вас будет время через несколько минут получить опыт страха в квадрате, поверьте мне.

Нет никаких пределов моему разуму, разделяющему для того, чтобы лучше соединить. Нет никаких пределов моему таланту перевертывания любого смысла: вы увидите, как одинокий человек станет двойственным в машине, логически тяготеющей к темноте, и как два индивидуума составят в конце концов единое целое, одну машину, одно устройство, находящееся внутри того, что логически тяготеет к освещению.

Со мной реверсии бесконечны. Главное, не забывайте об этом, чтобы не пропустить самое интересное.

С одной стороны, человек, закрытый в прозрачном ящике и зарытый под землю, где он может видеть свое электронное изображение на видеомониторе и не может слышать голоса, вырывающегося из своего горла. В его распоряжении находятся многочисленные системы, инструкция к которым, с объяснением их применения, сразу появилась на экране и постоянно повторяется снова и снова для того, чтобы центральное устройство с гарантией успело все как следует прочитать, все как следует усвоить, а главное, ничего не забыть. Я – сторонник fair-

play[88].

Мир – праздник! Жизнь – игра!

Наше устройство «Томи» отныне несет за это полную ответственность, оно – светоч всех ваших «истин», тех, что вы с таким размахом покупаете на свалке металлолома моего Брата.

Устройство должно проникнуться мыслью, что у него нет ни одного шанса выбраться из ящика, но при этом с помощью разных способов, часто парадоксальных, оно может оставаться в живых, по крайней мере некоторое время. Но ведь вся жизнь – это, в любом случае, некоторый отрезок времени, не так ли?

Устройство «Ольга» было свободным, свободным в выборе одного из двух вариантов, каждый из которых вел прямо к смерти, и в том, и в другом случае – к смерти долгой и ужасной, это ясно без слов.

Устройство «Томи» тоже свободно в своем ящике, но предлагаемый ему выбор заключается не в двух вариантах смерти, поскольку вариант смерти здесь один, а в разнообразии способов выживать там, где жизнь больше не имеет никакого смысла. Там, где жизнь гораздо хуже смерти, там, где жизнь является смертью, находящейся в самой сердцевине жизни.

Хорошо. Теперь, как я вам и рекомендовал, обратим некоторое внимание на машину-свет: мы явственно слышим несинхронное дыхание двух человек, мы видим только белый свет, словно исходящий от поверхности раскаленного металлического листа, но при этом здесь можно все очень отчетливо рассмотреть, может быть, даже… *слишком отчетливо*?

Здесь, несомненно, находятся два человека. Но где? Где это «здесь»? За стеной света?

Тайна так же непроницаема, как и тень, окружающая экран машины-темноты.

Приготовьтесь войти в машины, делающие из жизни заменитель смерти, двумя совершенно противоположными способами, но с одинаковым результатом – успешной вершиной моих ужасающих диалектических построений.

Мы перейдем из тени в свет, друзья-читатели, правда сменив одну ловушку на другую. Другими словами, на этот раз вы будете в какой-то степени в центре опыта, вы будете переходить из тени в свет и обратно. Для каждой из машин ее состояние неизменно. Отныне ваш мозг, турист по местам ужасов, будет метаться между двух полюсов.

Первый полюс: свет. Попробуем отодвинуться на некоторое расстояние. Вот мы начинаем различать реальность вещей.

Стена. Стена из неоновых трубок, каждая в тысячу ватт. Это

промышленный прожектор, прочный, с гарантией.

Стена состоит из десятков и десятков трубок. Она не только светит, можно сказать, что она греет.

Восхититесь совершенной геометрической композицией неоновой стены. Я прошу вас, позвольте вашему эстетическому чувству направить вас на восприятие приводимых мною в действие феноменов: существует ли на свете более чистая форма, чем это трубчатое скопление убийственных фотонов?

И если объектив продолжает движение, начинаешь отдавать себе отчет в том, что стена света находится здесь не для чего-то или кого-то. У нее есть четкая цель и совершенно определенная функция. Она связана с человеческой единичностью. Она вырабатывает свет так же, как какая-нибудь такая же единичная машина. Натура машины?

Здесь также очень важен технический аспект: мне достаточно перейти на второе оптическое волокно, смотрящее в другую сторону, направляющее свой объектив не на источник света, а на то, что он освещает. Это микрокамера военного производства, она способна выследить цель в диапазоне световой выдержки, близкой к вспышке ядерной бомбы. Их надо было бы распределять в массовом порядке среди японцев где-нибудь шестого мая 1945 года, чтобы они сделали свои последние семейные фотографии. И вспышка им бы не понадобилась.

Поэтому сразу после стены чистого света вы с медицинской точностью видите то, что он освещает, во всем его сиянии.

Свет создан для того, чтобы его видели, не так ли?

Ну вот, поверьте мне, этот свет видят самым абсолютным, насколько это можно вообразить, образом.

Теперь экран показывает вам нечто живое.

Вы видите орган, не так ли?

Орган. Орган, поддерживающий очень специфическую связь со светом.

Вы видите глаз, ослепленный стеной неона, расширенный глаз с высохшей или практически высохшей роговицей, глаз, постепенно становящийся слепым. Глаз, чья поверхность тает и исчезает с бесконечно малой скоростью, с биологической скоростью, со скоростью живого, которое уже не совсем и живое.

Свет = тепло.

Свет любит глаз.

При помощи этого органа он заставляет мозг танцевать.

Вы заметили? Все-таки странно немного, нет? Под таким водопадом люменов глаз инстинктивно должен был бы закрыться, и вы не видите, кстати, никакого искусственного приспособления, которое помешало бы этому столь чувствительному органу

защититься, например моргать, опуская ресницы.

Нет, точно, нет никакого орудия пытки, никакого особого инструмента, никакой булавки, иголки, винта, никаких швов.

Нет. Нет ничего, нужно об этом сказать, друзья-читатели, друзья сайта welcometohell. world, нет ничего в прямом смысле этого слова.

Этот глаз не закрывается и не моргает просто-напросто потому, что такое действие отныне стало для него невозможным. Потому, что для того, чтобы закрыть веки или моргать ресницами, нужно еще ими обладать.

А это, наверное, самая легко отделяемая, по сравнению с другими, часть человеческого тела.

Мне понадобилось всего несколько секунд для того, чтобы отрезать веки выдвижным писчебумажным ножом и бросить их на неоновую стену, где трубки сожгли их, как обычные крылышки ночной бабочки, прямо на глазах, широко открытых глазах их владельца.

Глаз не может не смотреть на стену тысячеваттных прожекторов, ему некуда больше смотреть. Он составляет со светом одно целое.

И как вы понимаете, теперь мы перешли к соседней камере. Ведь существует соседняя пара глаз, вынужденных противостоять стене света, не имеющих возможности опустить веки, ампутацию которых я очень кропотливо выполнил. Итак, в этой особой машине находятся два человеческих существа. Когда мой монтажный стол переходит от одного из них к другому, от одних глаз без век к другим глазам без век, перемещение всегда происходит при помощи вспышки чистого света, по которой лишь и можно догадаться о том, чем он является в действительности.

Добро пожаловать в мир, где свет затемняет, а тьма – освещает. Я вас оставлю на некоторое время с нашими новыми гостями. Чувствуйте себя как в *Star Academie* или в какой-нибудь другой идиотской телевизионной игре, которыми мой Брат вас кормит, чтобы как-то наполнить ваше существование, лишенное им всякого смысла. Да, давайте знакомьтесь с нашими кандидатами. Я начинаю серьезно подумывать о системе, которая однажды позволит вам с ними общаться.

Мы поднимемся еще выше по шкале взаимодействия между людьми. Они действительно станут друг для друга инструментами, служащими для забавы и забавляющими толпу. Эти инструменты будут, таким образом, забавляться и между собой. Но в ожидании этого самого радостного из дней я вам просто предлагаю понаблюдать за новым проявлением единичного процесса, о котором ни один из этих людей не думал

и который, благодаря своей единичной онтологии, ведет их к их собственной гибели.

Я думаю, что мой Брат будет гордиться мной. Вы увидите тень-свет и свет-тень точно так же, как вы видели огонь-жидкость и жидкость-огонь, только на этот раз альтернатива не предоставлена «человеку», превращенному в деталь машины. Альтернатива честно поделена машиной и относится к той или к другой ловушке, то есть она просто уничтожена, или, вернее, интегрирована в механизм, как центральная поворотная деталь.

Поэкспериментировать с ней сможете только вы. В этом заключается единственное преимущество, которым вы обладаете по сравнению с другими кандидатами. Навигатор, запрограммированный на режим случайности, по своему капризу будет посылать вам ту или иную картинку из той или иной машины.

На этот раз центральное устройство машины – вы, постарайтесь об этом не забывать.

Мир – праздник! Жизнь – игра!

Коммюнике номер восемнадцать

Сейчас мы вернулись к другому полюсу: человек в прозрачно-темном ящике начинает представлять себе топографию окружающей местности.

Он действительно находится в машине.

Здесь есть экран, в котором он может видеть себя, как в зеркале.

Есть также ряд механизмов, разбросанных по ящику.

И есть инструкция, бегущая цветной полосой по внутреннему краю экрана.

Инструкция по применению машины.

Другими словами, инструкция по применению его самого.

Теперь давайте вместе детально разберемся, из чего же состоит машина. Рассмотрим сначала центральное устройство по имени «Томи Васри»: он совершенно обнажен, но и совершенно свободен в этом мире-ящике, который я для него смастерил. Он может действовать, чтобы выжить. Обратим внимание, например, на этот точный механизм: на дне ящика, внутри его, видно нечто, напоминающее педальное устройство велосипеда. Ноги детали «Томи» начинают взаимодействовать с ним. Также заметен предмет, похожий на какую-то широкую педаль прямоугольной формы, находящийся совсем рядом с ними. Ноги детали «Томи», кажется, стараются не соприкасаться с ним.

Почему? Вам надо было следить за содержанием правил, что

наше устройство «Томи» не преминуло сделать, как только поняло, что его выживание зависит от этого.

Выживание вашей души зависит от эксперимента, но эту душу я у вас уже забрал и поместил ее рядом с нашими кандидатами. Вы – в совершенном молчании – будете составлять им компанию. Они не узнают о том, что вы здесь, но вы не сможете забыть о том, что вы там были.

Слева от устройства «Томи» вы замечаете большую круглую кнопку, прикрепленную к стенке из витроуглерода. Вы очень скоро поймете ее предназначение.

Рядом с ней вы видите окаймленное металлом отверстие прозрачной трубки, похожей на трубку для перфузии. Принцип ее действия, чья простота является техническим, то есть моим, достижением, вы также скоро поймете.

С другой стороны, на противоположной стенке, вы, несомненно, различаете нечто вроде маленького решетчатого окошечка. Это отверстие не предназначено для моих камер, оптическое волокно которых тоньше волоса и встроено непосредственно в ящик, на его вершине и в основании. Они, естественно, отсоединены от внутреннего видеокабеля ящика и экрана. Ящик – машина, он – мир со своим единичным горизонтом, моим горизонтом, созданным мной.

Вы, друзья-посетители Интернета, вы есть мир, то есть другое видение, мое видение.

Зарешеченное окошечко снабжено очень сложной системой, подключенной ко всем остальным, и к той, что носит имя в какой-то степени человеческой серии и начинает действовать для того, чтобы выжить в ящике. В сущности, это система выживания, или, точнее, *система самоконтролируемого выживания*.

Это последняя реверсия, к которой я прибегну с устройством «Томи»: впервые в его жизни он должен будет работать для того, чтобы жить. Даже если в конечном счете он, как все в этом Мире, где царит мой Брат, в Мире, который является также и его Миром, будет работать лишь для того, чтобы отодвинуть срок смерти, одновременно приближая его.

Он должен будет работать.

Он должен будет истратить немного жира, накопленного в каннских и голливудских гостиницах.

Если вы ничего не имеете против, сосредоточим снова внимание на другой машине. На той, что, кажется, состоит из стены света и двух пар глаз, смотрящих на нее и лишенных возможности моргать.

Сделаем быстрое приближение, позволяющее нам составить

более точное представление о том, к чему эти органы прикреплены.

Что за человеческие существа должны противостоять свету и почему?

О, я чувствую, как некое нетерпение нарастает среди моих друзей-посетителей Интернета. А волноваться-то, кстати, не о чем: их общая судьба решена.

Звук двух дыханий. Две пары глаз. Два лица.

Похоже на мужчину и женщину, но, поскольку их черепа полностью обриты, я признаю: до конца определиться трудно.

У них глаза блестят от слезной соли, медленно высыхающей на роговице, а рты закрыты странным аппаратом черного цвета, похожим на вентиль кислородной подушки, подсоединенной к креслу тонким медным кабелем.

На этот раз вы можете представить себе целиком и механизм, и места, занимаемые в нем каждым из человеческих устройств. И со страхом и удивлением вы понимаете, что они действительно являются частями машины, они сами – активные устройства замкнутой системы.

В этой машине каждое человеческое устройство связано с самим собой и с другим таким же устройством способом, должен сказать, в высшей степени *изобретательным*.

Каждому из устройств также предоставлена определенная личная свобода. Оно может понизить интенсивность яркости световой стены. Оно действительно может это сделать.

Камера вам постепенно показывает все детали машины: крепко связанное устройство, точно так же как и его сосед, сидит на особенном стуле, немного похожем на кресло в самолете. Оно снабжено одним-единственным приспособлением, до которого можно дотянуться рукой: джойстиком, расположенным на конце подлокотника.

Все остальные части тела прочно приклеены к креслу клейкой лентой. Шея обездвижена ортопедическим аппаратом, голова поддерживается в неподвижном положении металлическими полосами, привинченными к спинке кресла. Свобода здесь – разновидность комфорта.

Дотянувшись до джойстика, можно уменьшить яркость прожектора, но из-за этого отведенная часть электрического тока, питающего машину, направится в другую часть ловушки. К креслу. Или, точнее, к человеческому устройству, сидящему в нем.

Свет = электричество.

Каждый раз, когда вы при помощи джойстика понижаете яркость света, который вас ослепляет, отведение тока служит

причиной появления разрядов в сто десять вольт в металлических деталях кресла, а следовательно, и в находящихся в нем живых деталях, то есть в вас.

Последнее усовершенствование системы направляет напряжение в сто десять вольт в стальной микрозажим, прочно держащийся на вашем болтливом языке. И в своем непредсказуемом ритме часть электричества станет играть с плотью, благодаря которой рождались на свет ваши слова.

Электрические разряды болезненны, но относительно выносимы. Они являются лишь переходной ступенью к инверсии/усилению источника света, они являются всего лишь образом, совершенно аналогичным физике, принявшейся здесь за дело. Свет является одновременно волновым и корпускулярным. Свет – это электричество и вибрация.

Если вы выключаете электричество или уменьшаете его мощность, то вы, воздействуя на квантовые основы, из которых оно состоит, способствуете появлению электронов, которые начнут колебаться в вашем теле, а альтернативный поток изменяет полярность.

Более того, свет прямо переместится в другое физическое поле, также колебательное и очень ему близкое.

В звук.

Чем больше вы снижаете яркость прожектора, тем все более громко, благодаря новейшей аудиомедицинской системе, вживленной в барабанные перепонки и подключенной к очень мощному усилителю, раздается в ваших ушах пронзительный звук, сопровождаемый целой гаммой сверхнизких звуков, находившихся в начале эксперимента на относительно низком уровне.

От фотонных частиц до пучка электронов. Мы дойдем до простейшей акустической динамики. Великолепная реверсия физики! Несравненная поэзия механизированной диалектики! Конечная совершенная изобретательность!

Убедитесь в том, насколько эта машина, на каждой ступени своей онтологии, является противоположностью ящика: она находится в закрытом, но очень значительном пространстве. Особая электросеть зарытого в землю ящика, его конструкция поглощают все звуки. Самый страшный из воплей прозвучит как жужжанье насекомого, ваш рот здесь издает лишь тишину.

Полная инверсия машины-света, где не только ваши собственные крики усиливаются электроакустической системой, связанной с вашими барабанными перепонками, но и ваш язык станет звеном замкнутой цепи. Орган слова превратится в неотъемлемую часть машины, станет устройством для усиления

звука, станет контуром электрического тока.

В черно-хрустальном ящике человек одинок. Он должен разбираться с рядом механизмов, особенность которых состоит в том, что они связаны между собой и находятся вокруг него. Здесь же, в осветительной машине, наоборот, людей двое, и они подключены друг к другу устроенной мной сложной и затейливой системой механизмов с последовательной реверсией при помощи одного устройства, джойстика, который скоро станет единым целым с их рукой.

Поскольку связаны они действительно неразрывно. Они совершенно точно являются неотъемлемыми частями замкнутой цепи.

Они стали двумя центральными устройствами. Каждое изолировано на своей полярности, но оба участвуют в процессе, происходящем внутри одной и той же машины.

Мой шедевр?

Учитывая присутствие соседа в ящике, я думаю, что приближаюсь к неповторимому моменту, который для вас, друзья-читатели, друзья www.welcometohell.world, станет вершиной вашей жизни вуайеристов-пожирателей-идолов, вашей жизни, полной пустоты, которую оставил там мой Брат.

Дайте же мне возможность заполнить ее снова.

Посмотрите внимательно, как человек становится машиной в ее самой чистой наготе.

Коммюнике номер девятнадцать

Я думаю, вы начинаете понимать. Вы делаете головокружительные успехи. Скоро придет день, когда я сделаю из вас себе дельных помощников. Пока просто наблюдайте и учитесь, будьте очень внимательны.

Два человека сидят перед стеной прожекторов. Два человека, управляющие осветительной машиной, являются, я вам уже говорил, неотъемлемыми частями замкнутой цепи.

Это не метафора.

Это последняя реверсия, которой удается замкнуть мое двойственное противодействие. Восхититесь технической простотой, лаконичной техничностью механизма.

Простой выключатель «ВКЛ/ВЫКЛ», аналог клапана.

Когда одно из устройств понижает уровень яркости света, направленного ему прямо в лицо, его атакуют разряды электричества в сто десять вольт и акустическая вибрация очень большой мощности, способная разорвать ему барабанные перепонки.

Ему больно, но он может терпеть, по крайней мере некоторое время.

Но в тот же момент его товарищ по несчастью, его сообщник, видит, что яркость света его неоновой стены соответственно возросла, так же как и высыхание его роговицы. Он тоже подвергнется электрическим разрядам случайного ритма. Их появление должно напомнить ему о том, что он является неотъемлемой частью замкнутой цепи, так же как и его сосед, его брат-в-машине. По-настоящему утешает лишь диалектическая инверсия, физический вибрационный уровень: так же как и его друг-недруг, он слышит долгий ряд пронзительных базовых звуков. Белый шум будет снижать громкость, но тем не менее останется на уровне, который после длительного звучания продолжает провоцировать появление резкого гула в ушах. Но поскольку им все объяснили при помощи их слухового канала в самом начале эксперимента, каждое участвующее в цепи устройство знает, что самая страшная опасность, как для одного, так и для другого, заключается в светящейся стене, которая постепенно ослепляет их.

Электрические страдания – всего лишь мелочь по сравнению с перспективой гарантированно потерять зрение, пусть даже и рискуя слухом.

Выход? Подождать, пока машина, в своей обычной случайной манере, не предоставит управление в его руки. Тогда он сможет, в свою очередь, начать контролировать операцию и, следовательно, заставить соседа вытерпеть то, что он сам только что вытерпел, а сам – пережить пережитое напарником.

Такая динамика совершенна, поскольку она основана на контролируемом неравновесии. Положения очень похожи, но не идентичны. Нужно суметь не ослепнуть ценой страдания, электрифицированного самим светом, рискуя навсегда отрезать себя от вселенной звука. Нужно противостоять атакующей в лоб сверхмощной волне, а взамен удостоиться соответствующей электротравмы и последовательного понижения силы звука.

Возможность действовать чередуется очень быстро. Очень быстро каждый организм чувствует свои личные границы, каждое тело начинает следовать свойственному ему ритму, один разум отделяется от другого по мере того, как они скрещиваются в замкнутой цепи и становятся двигателем процесса.

Абсолютная замкнутая цепь, основанная на *диалоге*, тем более существенном, что он происходит в самом парадоксальном безмолвии: безмолвии ужаса и страдания.

Это – нечто, что не имеет названия и создано так, чтобы названия не получить.

Итак, первое из наших человеческих устройств приходит в движение в своем черно-прозрачном ящике.

Что оно делает?

Оно вращает педальное устройство велосипеда, в которое засунуло ноги. Оно прекрасно поняло принцип действия этого устройства.

Оно прекрасно поняло, что это единственный доступный источник энергии в его новом мире.

Если ему нужен свет, то есть его собственное изображение на телеэкране, оно должно крутить педали. Это принцип элементарного электрогенерирующего агрегата.

Но мое сочувствие не знает никаких границ. Этот механизм, основанный на мускульной энергии, питает не только видеомонитор, источник света.

У нашего устройства «Томи» хватило времени усвоить всю информацию из инструкции.

Педальный механизм позволяет выработанному таким образом электрическому току привести в движение и другое устройство, еще более необходимое для жизни, чем источник света.

Этот жизненно важный механизм находится как раз за зарешеченным окошечком, расположенным справа от его лица.

Это вентиляционный ход с осмотическим вентилятором. Пока электрический ток вырабатывается, лопасти вращаются, захватывают воздух извне, и осмотическая мембрана поддерживается в максимально открытом состоянии. Чем меньше поток электроэнергии, тем меньше воздуха засасывается, тем больше мембрана закрывается.

Когда педальное устройство останавливается, вентилятор прекращает движение, мембрана принимает полностью закрытое положение. В ящик больше не поступает воздух снаружи, удушье неизбежно.

Ловушка снабжена последним усовершенствованием, которое делает ее действительно не поддающейся никакому сравнению: нажимая на педали, наш юный друг вырабатывает электричество, необходимое механизмам, встроенным в ящик, а также заряжает запасные батарейки. Поэтому, когда он перестает нажимать на педали, вентилятор еще некоторое время продолжает работать, словно под воздействием силы инерции, которую человек из ящика никак контролировать не может. Скоро вы поймете смысл всего этого.

Позвольте мне обратить ваше внимание на специфическую двойственность этого механизма: воздух и свет неразрывно связаны. Без света не будет воздуха, и наоборот.

Итак, я не хочу, чтобы он в чем-то нуждался.

И особенно я не хочу неопровержимой «телереальности» его смерти.

Перед нами механизм самоконтролируемого выживания абсолютной степени.

Поскольку, я вам уже говорил, мое сострадание, пусть и несколько особое, я это охотно и с гордостью признаю, совершенно не знает границ.

Если наше человеческое устройство должно ежедневно расходовать определенное количество мускульной энергии для того, чтобы вырабатывать жизненно необходимое электричество, то ему необходима и какая-то пища, возмещающая затраченные усилия. Калории.

Для этого и служит перфузионная трубка.

В отличие от людей из бункера, он не знает точного объема питательного концентрата, находящегося в его распоряжении.

Нажав на большую кнопку, расположенную рядом с ним, он получает возможность перейти от питательной жидкости к обессоленной воде совершенно альтернативным образом, но и здесь он не знает, какое количество влаги ему отведено.

Оцените изящество ловушки, изысканность системы: надавливание на кнопку провоцирует активизацию питательной системы и одновременно с этим отключает электрический механизм, питающий видеомонитор и вентилятор. Центральное устройство может питаться, конечно, но для этого ему необходимо остановить работу. Таким образом, оно располагает глубоко диалектической свободой, у него есть выбор между двумя полюсами машины самоконтролируемого выживания, оно осознает истинное значение слова «пролетариат». Есть, чтобы жить. Жить, чтобы есть. Но не в одно и то же время.

Вы знаете не хуже меня, что любое поступление калорий и питательных веществ в биологический организм вызывает процесс, называемый введением пищи в желудок. Процесс этот незаметен для постороннего глаза, он происходит внутри устройства. Он замкнут в ящике из плоти, нажимающем на педали в ящике из полиуглерода.

Как вы также знаете, любой процесс введения питательных веществ в желудок заканчивается образованием некоторого количества органических последствий. Во-первых, протеины, углеводы, липиды, разнообразные витамины перерабатываются в мышечные ткани и энергию, и педальный механизм от этого работает только лучше.

Но процесс этот невидим как для вас, друзья-читатели, так и

для него. В ящике есть еще один механизм, который вы не можете видеть. Он очень простой, но важный для жизни. Не забывайте о том, что со мной все и всегда подчиняется дьяволятам диалектики.

Одним из последствий введения пищи в желудок является трансформация некоторого количества несъедобных веществ в фекальные массы. Эти фекальные массы передвигаются по кишечнику, а затем выходят наружу через анальное отверстие.

И речи не может быть о том, чтобы я подверг Томи Васри, идола начинающегося века, наказанию в стиле эстетики римского подземного застенка, где люди умирали от голода и безумия среди собственных экскрементов.

Ящик – это современная машина, она должна оставаться чистой, незапятнанной, клинически стерильной. Я не собираюсь топить Томи Васри в его собственном дерьме.

Я утоплю его в нем самом, что гораздо хуже.

В ящике есть механизм, такой же невидимый, как и его кишки. Существует механизм, со всех точек зрения являющийся копией процесса, спрятанного в его мышечном ящике. Механизм, созданный для продолжения биологического процесса вне его тела.

Туалет.

Дыра, снабженная аспиратором[89], расположенным прямо под ним, там, где находятся его ягодицы. Керамика высоких технологий, электросистема, подключенная к общей цепи, работающая только тогда, когда педальный механизм остановлен, питающаяся энергией от запасных батареек. Он будет есть в темноте. До окончания процесса. Это чисто, стерильно, логично. Мое изобретение достойно кабины космического корабля.

Да он именно там и находится – в космической капсуле. В космической капсуле, кружащейся вокруг себя самой со скоростью Земли. В космической капсуле, чей космос так же черен, как межзвездное пространство, только ни одно светило здесь не сияет.

Космическая кабина без космоса.

Счастливого пути.

Благодаря беспрерывно повторяющейся инструкции он знает все, *абсолютно* все, что нужно, чтобы сразу оказаться на орбите ужаса в квадрате. Темная зона, касающаяся его запасов воды и еды, также тщательно рассчитана по этому принципу: вместо того чтобы затормозить орбитальный подъем, базирующийся на детальном и полном знании его не-будущего, это очень специфическое не-знание гарантирует, напротив, совершенное взаимодействие механизмов ящика и самого устройства «Томи».

Итак, последнее приспособление машины – широкая металлическая педаль, расположенная рядом с велосипедным механизмом.

Это система полного отключения всех электропотоков. Окончательного отключения. Без всякой возможности вернуться назад. Погаснет видеомонитор, немедленно остановится вентилятор, питательная система тоже будет заблокирована.

Раз и навсегда.

На этот раз не будет силы инерции, не будет запасных батареек, никакого способа вновь привести в движение педальное устройство, никакого разрешения изменить решение, даже в последнюю минуту.

Это механизм последней минуты.

Это конечная система машины самоконтролируемого выживания.

Система самоубийства.

Одна-единственная система, при помощи которой он может «выйти» из ящика, то есть из мира.

Я получаю по электронной почте срочные сообщения, содержащие вопросы относительно имен и преступлений, совершенных двумя устройствами, находящимися в осветительной машине. Может быть, мне действительно стоило начать с них?

Мне смешно вас слушать. Вы так ничего и не поняли? Разве есть хоть какая-нибудь *осмысленная* связь между их именами, «преступлениями» и карательными машинами, которые я им уготовил? Вы до сих пор не уловили, что для меня любая человеческая единичность интересна лишь процессом ее уничтожения? На каком языке я должен выражать свои мысли, какие ужасающие машины я должен изобрести, чтобы ваш заснувший мозг усвоил мои уроки?

Эти два человека – такие же устройства, как и остальные. Они ошиблись, и мой Брат отдал их мне на съедение. У них есть имена, семьи, биографии. Скорее всего, они даже обладают тем, что вы называете сознанием.

Тем, на что мне в высшей степени наплевать.

Должен признать, что я похитил два устройства для осветительной машины потому, что имел самые веские основания сделать это.

Я не буду снова говорить о цели своей специфической миссии, о своем извращенном временном исполнении обязанностей Брата. Я говорю сейчас о *механической* абсолютной связи между невинными-виновными и между праведным судом-

неправедным судом, который над ними учинили.

Рассмотрим два этих устройства как две единичные детали, просто объединенные звуковой-осветительной-электрической машиной.

Конечно, у них есть имена, у них есть паспорта, но не это свело их здесь вместе. Объединил их именно свет.

Свет, которому они противостоят. Свет, носителями которого они сделались.

Проблема заключается в том, что единственный носитель света в этом низком мире и еще ниже – это я, и только я. Некоторые из вас назвали меня Люцифером, воображая, что я несу горящий факел в темноте. Это имя мне нравится, почему бы и нет? Однако вам неплохо было бы осознать, что мы уже ворвались в двадцать первый век.

Я – Люцифер, конечно. Я – инженер моего Брата. Дайте мне несколько вольт электрического тока, и у вас появится возможность немного полюбоваться факелом, который я способен зажечь в темноте.

«Свет Мира».

«Фронт Защиты Планеты Земля».

«Sunshine Revolution Warriors»[90].

«The Ray of Light»[91].

«Torch fire of Truth.com»[92].

«Воины Гайи».

У меня есть целый список. Это ассоциации, журналы, газеты, сайты Интернета и другие организации или издания, с которыми мои два устройства связаны самым тесным образом.

Безо всякого сомнения, они олицетворяют собой достижения двух тысячелетий подрывной работы моего Брата в черепах всех этих двуногих человекообразных.

Антитеистический иллюминизм: единственная возможная трансцендентность – это сам человек, единственный свет – это мы сами. Только сам человек контролирует свою собственную жизнь.

Античеловеческий иллюминизм вступает в противоречие с предыдущим тезисом. Человек – лишь переменная величина живого процесса, *природы.* Социальная евгеника должна поддерживаться *для обеспечения позитивного взаимодействия с планетарным окружением*, сохранение естественных экосистем в условиях бурного развития человечества является приоритетным.

Луддитский[93] антитехнический иллюминизм: нужно вернуться к непродуктивному образу жизни, закрыть ту часть научно-исследовательских работ в области медицины, которая основана на опытах над животными. Кстати, эксперименты над человеческими эмбрионами не представляют собой этической

проблемы. Загрязняющие окружающую среду технологии (то есть все или почти все) должны быть запрещены раз и навсегда. Космические, физические, генетические изыскания должны быть прекращены немедленно. Используя компьютеры последнего поколения китайской, калифорнийской или японской сборки, мы издаем призывы к уничтожению информационных сетей, насаждающих милитаристскую и империалистическую пропаганду.

Геоцентристский иллюминизм: речь уже идет не о том, чтобы «голосовать за планету» (одна из шуток, которые мой Брат больше всего сейчас ценит), а о том, чтобы «освободить ее от распространившейся на ней человеческой болезни».

Революционный иллюминизм: «Только *сформировавший сознание* авангард сможет принять активное участие в антитехнологическом джихаде. При этом он должен приложить максимальные усилия для привлечения к своей деятельности народных масс».

Это – особенно успешный сгусток ядов моего Брата, который извращенно-чудесным образом создает людей, воспринимающих человечество как нечто менее важное, чем какая-нибудь порода жесткокрылых насекомых или сорт зонтичных растений, и при этом еще пытающихся привлечь «народные массы» к своему «джихаду за Планету».

Нацистам, благодаря нашей бесценной помощи, удалось опустить людей до уровня животных, достойных бойни. Экологи очень сильно продвинули вперед наш коллективный труд: отныне группа пингвинов, разновидность двукрылых, колония муравьев-легионеров или даже один перелетный голубь имеют в их глазах большую важность, чем их собственный род. Они настолько его очернили, что не выносят больше своего внешнего вида, не выносят больше вида собственного лица. А ведь именно с такой позицией мы достигаем высшей ступени демонического перформатива: утверждая, что человек значит меньше, чем исчезающая или даже не исчезающая порода животных, мы *де-факто* готовим постепенное исчезновение человека, поскольку утверждение, произнесенное вслух, становится правдой.

Поэтому мы – Дьявол, вы произносите слова, артикулируете предложения, пишете тексты, а мы вдыхаем в них жизнь, то есть смерть. Мы им даем смерть, которую они несут.

Я долго искал достойных кандидатов именно для этой игры, собеседников для машины, которая вернет их к самим себе.

Один из них, назовем его просто Джон, – активист-музыкант, англофон из Британской Колумбии, чья группа «Torchfi re» играет

folk-punk-rap, открыто пропагандируя уничтожение медицинских лабораторий, любых промышленных инфраструктур, так же как и апологию бактериального и ядерного терроризма. Он призывает к убийствам рыбаков и охотников, к систематическим взрывам на транспортных магистралях. Их девиз, по достоинству оцененный моим Братом, это: «Science is a Crime against Humanity»[94].

Согласно сведениям, которые я получил от Брата, он был мозгом операции, направленной на уничтожение вице-президента уже не помню какой нефтяной корпорации. Бомба, брошенная в ее машину, взорвалась не так, как было задумано. Женщина отделалась несколькими сильными, но не смертельными ожогами. И тем не менее осталась частично обезображенной.

Герильерос[95] в майках с изображением Че Гевары, которые не могут изготовить даже несчастный «коктейль Молотова»! Бунтовщики на скейтбордах из повторно использованных материалов, воображающие себя городскими вьетконговцами! Я понимаю, почему мой Брат не уделил вам никакого внимания. Может быть, он даже сделал все, что было в его безграничной власти, чтобы полицейским удалось схватить вас как можно быстрее.

Джона, правда, никогда не преследовали. Мой Брат, несомненно, решил предоставить его мне, а вот участники движения, непосредственно ответственные за проведение операции, оказались за решеткой менее недели спустя. И они могут считать себя счастливчиками. Где-нибудь в Европе, году так в тысяча девятьсот сорок третьем, они не протянули бы и двух часов.

Его сосед, нет, уточним, его соседка, назовем ее Мари-Клод, является его франкофонским аналогом из Квебека. Она играет скорее в тональности анализа и политических опытов. Она – профессор университета, советник в предвыборной кампании кандидата-женщины от одной из экологических группочек, которые размножаются с тех пор, как мой Брат решил снова переделать Землю в Идола. Она мужественно перенесла партизанскую операцию, проведенную группой Джона, сравнив раненого вице-президента с «американским военным оккупантом, подавляющим сопротивление иракцев», а сообщества радикальных ассоциаций, объединенных прямыми действиями против капиталистических корпораций, стали, благодаря ее перу, мультиклонированными собратьями Жана Мулена, а то и генерала де Голля. Мой Брат расхохотался, показав мне эту патетическую статейку в каком-то блоге.

Есть ли большой смысл в том, чтобы давать вам список ее произведений? Хватит и нескольких из них: «Фашистская

Америка двадцать первого века», «Против экономики, за экологию», «Дети Великой Матери», «Тысяча одиннадцатое сентября», «Цивилизация или планета», «Новая глобальная революция».

Она была прилежной ученицей моего Брата, совсем как ее сосед-англофон.

Возникает следующий вопрос: будут ли они такими же прилежными учениками машины? Будут ли они в состоянии *изучить*, в прямом смысле слова, истинную натуру света?

Коммюнике номер двадцать

Китайская поговорка утверждает, что одно изображение стоит десяти тысяч слов. Это неправда. Изображение стоит стольких мертвецов, сколько оно может произвести.

Более того, изображение стоит не больше, чем слова, способные описать эти убийства с максимально возможной точностью.

Сколько времени наши друзья, пара мужчина/женщина, взявшие на себя обязанность просвещать при помощи своих добродетелей целую планету, смогут продержаться внутри образованной ими замкнутой цепи, перед стеной неметафорического света? Когда они сдадутся, когда они позволят своим глазам стать белыми непрозрачными стекляшками? Сумеет ли человек в хрустальном ящике правильно распределить мускульные затраты и питательные поступления так, чтобы продолжить работу машины и сохранить свою жизнь – или то, что от нее осталось, – как можно дольше? Когда он решится разорвать инфернальную цепь, которую составляет сам с собой, со своим изображением, со своей собственной агонией?

Это зависит от неисчислимого количества факторов. Но результат, кстати, все равно останется неизменным. Как бы ни менялись местами члены уравнения, что бы ни сделал человек в ящике, он умрет. Его воля к жизни будет подвергнута испытаниям, но он умрет, и он об этом знает. Его жизнь в ящике – лишь видимость существования, она гораздо страшнее смерти. Он превратился в машину.

Люди, находящиеся перед стеной света, не умрут. Вы, естественно, понимаете, что речь здесь идет не о проявлении сочувствия по отношению к ним, а скорее о высшей степени сарказма, являющегося свойственной мне формой милосердия: сначала последний пируэт, который я исполню перед ними. Правда, видеть меня они не смогут, и поэтому их помощь полиции окажется крайне ограниченной. Все, что они хотели

сказать, они уже сказали или говорят сейчас, с огромным количеством децибелов, на языке машины. Не забывайте: они были машиной с самого начала операции, но по окончании эксперимента их жизнь станет страшнее, чем смерть. Слепые, наполовину глухие, скорее всего немые, травмированные разрядами электричества и ужасом в квадрате… Сколько им останется жить после того, как машина, в своей непредсказуемой манере, решит прекратить подачу питания? Жизнь будет жизнью лишь номинально.

Вы начинаете лучше понимать значение слова «техничный»?

Человек в ящике жмет на педали. Он занялся этим сразу же после того, как очнулся. Это одно из основных положений инструкции, хотя и совершенно пассивное. Ящик содержит чуть больше четырех тысяч пятисот литров воздуха. Примерно пять часов автономного дыхания без помощи электроцепи.

То есть в ящике можно спать. Условия, конечно, спартанские, но, по крайней мере, ты уже лежишь.

Воздух разряжается в постоянном темпе. Пять часов сна – это дозволенный максимум, притом что ящик действительно до отказа наполнен кислородом. Маятник качается между мускульными затратами и усталостью, вызванной нехваткой сна. Равновесие шаткое, сколько оно продлится – неизвестно, поскольку оно зависит от питательной трубки.

Ему не только нужно работать, но и, как и любому трудящемуся, нужно думать только о своей работе.

Здесь нет поклонниц, нет грума, которого можно оскорблять, нет курьера, которого можно изуродовать ударом бутылки шампанского.

Есть только ящик и ты, друг мой.

Ты и твое изображение в телевизоре, которое на тебя смотрит.

Апофеоз телереальности: то, что ты видишь, – это ты, наблюдающий за собой и передающий себе изображение. Ты тоже замкнут в цепь, как пара, противостоящая светящему прожектору.

Цепь практически не выходит за пределы ящика, за пределы тебя, она поляризуется между тобой и тобой, между тобой и твоим изображением, между тобой и призраком, в которого ты превратился, призраком, чьим воплощением в самого себя ты будешь восхищаться.

Я надеюсь, что, помимо престижных автомобилей, ты немного интересовался и велогонкой «Тур де Франс».

Камера потока света: вернемся к двум друзьям, утонувшим в

свете, носителями которого они являются. Носителями и регуляторами.

Глаз.

Фотоны.

Высыхание роговицы.

Рука.

Джойстик.

Боль от электрического удара.

Разрываемые белым шумом барабанные перепонки.

Электрическая цепь.

Все сначала.

Распределение времени контроля цифровой случайностью.

Пульт выживания органов при помощи пульта уничтожения органов соседа.

Замкнутая цепь.

Все сначала.

Вопли, отмечающие колебания интенсивности светового, электрического или звукового потоков.

Вопли, издаваемые тем самым органом, который испытывает боль.

Машина для обжигания языков.

Машина для кремирования слова.

Свет, производящий темноту.

Электричество по кругу.

Насыщенная цепь.

Все сначала.

Глаз.

Фотоны.

Кровь на роговице.

Побелевший от слепящего света хрусталик.

Рот, распухший от разрядов электричества и ставший куском фиолетового мяса.

Истерзанные уши, травмированные слуховые каналы, струйки крови, стекающие к мочкам.

Судорожная дрожь в конечностях.

Судорожная дрожь руки, держащей джойстик.

Абсолютная цепь.

Все сначала.

«Science is a Crime against Humanity»?

Позвольте мне исправить это высказывание так, чтобы оно подходило для наших друзей машины:

«Crime is the Science against Humanity»[96].

Джон? Мари-Клод? Torchfi re? Ray of Light?

Так пусть же мой смех выплеснется вам прямо в лицо. Что

здесь, по вашему мнению, можно было бы так назвать?

Нет, здесь есть *устройство A* и *устройство A'*. Точка. Они очень тесно связаны, но при этом и очень четко отделены друг от друга тем, что их объединяет, – электрическим потоком, процессом, происходящим в машине, которой они стали.

Тут возникает один важный вопрос: сколько времени продержатся их органы?

Вопрос коррелированный: когда случай решит остановить машину?

Вы начинаете понимать все лучше и лучше эту прекрасную последовательность инверсий, приводящих во взаимодействие машину-ящик и машину-свет. Здесь важен человек. Насущно важен, надо сказать, поскольку без устройства из плоти, которое я помещаю в середину машин, их трудно было бы отличить одну от другой.

Единственный способ остановить машину в ящике – это привести в действие деталь, контролируемую человеческим устройством. В машине-свете – это сама машина, но ни она, ни устройства, которыми она занимается, не могут заранее догадаться, в какой момент отключится электричество. Это решит только случай. Машина – всего лишь счетчик. Случай укажет желаемую цифру, естественно, после того, как пройдет некоторое время, минимальный период, определенный мною в качестве периода существования этого мира. Поэтому мы посвятили его в боги замещения.

Наблюдайте внимательно и попробуйте оценить разницу в ритме работы двух механизмов.

Я очень хотел бы, чтобы мои труды не пропали зря.

Устройство «Томи» в своем ящике учится контролировать систему выживания. После долгих часов паники, после целого дня, истраченного на слезы и попытки позвать на помощь неизвестно кого или заговорить с кем-нибудь, способным его услышать, вернее, выслушать, устройство поняло, что для выживания нужно просто подчиняться законам машины.

Оно их очень быстро усвоило. Гораздо быстрее, чем законы республики или простые правила хорошего тона.

Оно крутит педали. Останавливается для того, чтобы поесть, прижимает лицо к вентилятору и пытается заснуть, используя инерционное движение лопастей и слабый ток, производимый литиевыми батарейками.

Иногда сон побеждает его, он проваливается в тяжкую кому и просыпается в поту, почти задохнувшись, превысив время, отведенное для свободного дыхания в ящике. Его ноги со

страшной скоростью впрягаются в педальное устройство, и, плача от отчаяния, Томи Васри – старлетка, любящая бить чужие морды, – находясь на трехметровой глубине под землей, глядя на свое собственное изображение, вновь должен подражать Эдди Мерксу[97].

А ведь ему не стоило бы впадать в такое отчаяние, благодаря мне и видео он превращается в последнего актера, в образцового студийного актера, только в десять раз более сильного. Он сыграет свою агонию, проживая ее в действительности, это станет, несомненно, главной ролью его жизни.

Следите за движениями, за их структурой во времени, за их развитием в пространстве.

Нажимать на педали. Безграничная ротация механизма и ног. Питаться: поместить кончик трубки в рот. Прекращать вырабатывать электричество в ящике. Есть и пить в абсолютной темноте. Снова начать производить движения при помощи педального устройства. Периодически отдыхать. Испражняться и мочиться во всасывающее отверстие. Спать, прижавшись ртом к вентиляционному ходу, в то время как ящик снова погружается в полную темноту. Просыпаться. Снова есть. Испражняться. Мочиться. Снова нажимать на педали, чтобы зарядить запасные батарейки и заставить функционировать всю замкнутую цепь.

Молиться богу, которого не увидишь. Молиться богу, который примет облик моего Брата. Нажимать на педали. Прижимать рот к вентиляционному ходу. Питаться в темноте. Видеть свое изображение сразу же после появления электричества.

Видеть свое изображение, нажимающее на педали, видеть свое изображение, постепенно умирающее, видеть только его или ничего, жить с ним или жить в темноте.

Нажимать на педали. Питаться. Испражняться. Спать. Не слишком долго. Достаточно. Испражняться. Питаться. Нажимать на педали…

Контролировать систему выживания.

Выживать благодаря системе контроля.

Человек еще жив, хотя эта жизнь страшнее смерти.

Пара не умрет, хотя ей лучше было бы умереть.

Идеальный момент, чтобы прервать нашу передачу, не находите?

Идеальный момент, чтобы предоставить их самим себе, то есть их машинам, их мирам, которые я создал для них.

Момент, чтобы оставить вас наедине с вашим мозгом и с тем, что он в состоянии вообразить.

Просим нас извинить, часть нашего персонала бастует.

8. Путешествовать

Коммюнике номер двадцать один

All around the world[98]

Последняя изобретенная мною машина стала, по всей вероятности, апогеем моей карьеры диалектика и механика единичностей. Двойная машина составляла одно целое. Она состояла при этом из трех частей и вела в Небытие: не явился ли этот своего рода шедевр почленной инверсией происхождения Святой Троицы?

Машина, в которой человек раздваивался до самой смерти. И машина, в которой два индивидуума образовывали в конце концов единый, совершенно кибернетический, полностью объединенный потоками электронов и фотонов, целиком освещенный организм. Из разных источников информации я узнаю, что меня разыскивают все силы североамериканской полиции. Я, видимо, нарушил, даже того не осознав, одну из их границ, как вода, проходящая через сито.

Это – основная причина, объясняющая, почему я решил оставить незавершенным последний эксперимент, посвященный человеческой единичности. Вам заранее известна участь этих существ, очеловеченных моим Братом, вы могли наблюдать начало их агонии. Одна агония будет парадоксально состоять из попыток сохранить жизнь, которая не стоит того, чтобы ее проживать, но которая будет продлеваться в органической темноте, порожденной светом. Другая агония завершится самоубийством, поскольку оно станет единственным способом избежать невыносимого выживания в полной темноте, под землей, на самой территории смерти. Вы могли следить за всем процессом, картографировать расположение цепи, создать план каждой машины. Вы видели, как человек в ящике учился самодисциплине, учился самостоятельно контролировать свой организм и функционирование машины в целом. Вы видели, как он постепенно терял силы, как он слабел, как много раз терял сознание от усталости, как спазматические приступы рвоты усиливались, учащались, ускорялись. Каждый раз ему удавалось вовремя запустить велосипедное устройство. Ближе к концу вы несколько раз видели, как его нога зависала над смертоносной педалью.

Вы никогда не узнаете, какой выбор он сделал. Это станет его секретом. Секретом, который он разделит лишь со своей

машиной.

Наблюдая за другим устройством, вы могли перейти от органа-машины, руки и джойстика к машине-органу, глазу, обреченному относительно быстро погибнуть. Вы могли отметить побочные повреждения слуха, вы, скорее всего, попытались вообразить хаотичное повторение электрических разрядов. Вы, может быть, мысленно представили себе вопли, воспринимаемые каждым ухом, и разрушенный электричеством рот.

Вам отлично известно, каков конец этого опыта. Через некоторое время машина остановится, но вы, так же как и она сама, никогда не узнаете, в какой именно момент это произойдет.

Быть может, эти люди сейчас, когда я с вами разговариваю, уже мертвы, а может быть, и нет. Быть может, они ослепли, оглохли, онемели, задохнулись, сгорели от электрических разрядов. Если это еще не произошло, то осмелимся предположить, что им действительно не везет.

Цените же свою удачу, ведь вы даже не являетесь игрушкой в моих руках.

Чтобы удовлетворить ваше непреодолимое желание любой ценой найти объяснение моим поступкам, ваше трогательное стремление уцепиться за уже известное явление, чтобы успокоить ваш смехотворный страх перед несколькими картинками и горсткой слов, я сделаю вам подарок. Брошу, так сказать, косточку собачке.

После моего шедевра в виде двойной машины я понял, что в этой области я достиг потолка. А так как я – ваш должник, то я позволил себе на недолгий переходный период вернуться к более простой версии моей игры. К версии, которую даже вы сможете понять, не слишком напрягая мозг. Вот чем я займусь теперь.

Возьмем, например, этого человека.

Вы видите, как он бежит по туннелю с электрическим фонариком в руках.

Вы думаете: ох, нет, не будет же он повторять историю Люцифера… и все в этом роде…

Бедные тараканы, которые в один прекрасный день, несомненно, окажутся на месте всех этих жертв. Если бы у меня был стимул хотя бы вас ненавидеть. Мне кажется, вы не стоите и той капли презрения, которое я вам выказываю.

Если человек бежит по туннелю с электрическим фонариком в руках, это значит, что он тоже попал в ловушку моих диалектических манипуляций, на этот раз самых простых, способных удовлетворить полушария вашего мозга, читатели глянцевых журналов.

Фонарик позволяет ему ориентироваться в туннеле. Ведь он находится в обширном лабиринте со стрелками, проставленными согласно очень простой системе указателей: зеленый – правильное направление, желтый – неправильное направление, красный – вы потерялись. Человеку было отведено время, чтобы он прочел «правила поведения» перед тем, как он пустился бежать. Лабиринт старинный, но указатели сделаны в современном урбанистическом стиле. Он закодирован, но не содержит никакой загадки. Это единственная и одновременно многоканальная дорога в Бесконечность, путь к выходу ведет в Бесконечность свободы.

А что вы слышите там, вдалеке?

Тявканье да лай собак.

Свора сведенных с ума доберманов преследует человека, бегущего из последних сил, – теперь вы лучше понимаете почему.

Проблема с фонариком заключается в том, что, позволяя лучше ориентироваться, он одновременно с этим делает человека видимым для собак-убийц, которые к тому же используют свой сверхнатренированный нюх для того, чтобы выследить даже самый слабый из его запахов.

Он должен бежать. Чем дольше он бежит, тем сильнее он потеет, чем сильнее он потеет, тем больше всякого рода молекул он оставляет после себя в воздухе.

Это очень старый принцип, очень античная машина.

Как зовут этого человека, вы не узнаете. Я сам не знаю или забыл, к тому же мне наплевать на его имя. Теперь он – отрезок туннеля. Мобильный отрезок, испускающий вопли тогда, когда приближается лай. Когда лай усиливается. Когда слышится глухое рычание.

Что он сделал? Господи, вам обязательно нужна причина?

Да почему он должен был что-то сделать? Ничего, он ничего не сделал. Совершенно ничего.

Однажды в воскресенье после обеда он прогуливался недалеко от сквера, где играли дети.

Маленькая девочка отделилась от группы ребятишек и подошла к нему.

На его питбуле не было намордника. Он сорвался с поводка, набросился на шестилетнюю девочку, которую изуродовал на всю жизнь, и на четырехлетнего карапуза, которому оторвал одну конечность.

Человеку назначили большой штраф и какой-то крошечный условный тюремный срок за то, что он забыл надеть на собаку намордник.

Он скоро поймет значение слова «штраф» и весь смысл,

заключающийся в маленьком кусочке кожи, надеваемом на морды представителей семейства псовых. Вы уже видите четвероногие тени, увенчанные фосфоресцирующими зелеными огоньками, быстрые, как смерть. Теперь вы уже различаете коралловый отблеск клыков, сияющих в полутьме туннеля.

Вы присутствуете при самой простой из смертей. Это мой прощальный подарок на этой фазе эксперимента: возвращение на начальную клетку, возвращение в дикую эпоху, когда люди ежедневно умирали таким образом.

Вы увидите момент, когда свора бросится на него, когда его горло, его лицо, его конечности, живот, гениталии будут разорваны и растерзаны рычащими от плотоядного наслаждения пастями.

Как и вы, он увидит свои внутренности, длинной губчатой лентой вываливающиеся из чрева. Все, в конце концов, станет красным от его крови. Он окрасит стены туннеля своими органическими веществами, он будет судорожно дергаться, мыча, словно маленькое, попавшее в ловушку животное. Быть может, звук собственного голоса напомнит ему о воплях детей, растерзанных его питбулем?

Конечно, современные города кишат подобными «людьми». Они, затянутые в фирменные майки, под руку с дурой, которая не открыла ни одной книги в течение всей жизни, прогуливаются по всем широким бульварам мира с выставленными напоказ собаками на шикарном поводке. Хотя, может быть, все наоборот – и это собаки прогуливаются с выставленными напоказ людьми на шикарном поводке?

Им случается проходить мимо скверов или школьных дворов, им случается встретить меня.

Насладитесь дикостью в ее самом чистом виде. От подошвы ног до макушки черепа зубы терзают плоть со всех сторон. Они разгрызают кости, рвут мышцы, уничтожают нервы. Вопли разрывают пространство. Кричащий рот атакует увенчанная красными точками пасть. Судорожные движения человека, поваленного наземь звериной массой, лишь усиливают бешенство своры. Однако так оно и есть, моя диалектика сплачивает все, что разделяет: он вопит, он вырывается, он теряет сознание, но при этом становится неотъемлемой частью своры. Она приняла его, она дробит его на мелкие кусочки для того, чтобы ее организм лучше его усвоил.

Скоро он полностью превратится в часть своры, он будет в каждой собаке.

Вот мы и вернулись в домашинное время, в ту эпоху, когда роль машины играла сама природа.

Он будет долго умирать, в этом все машины похожи.

Поскольку иногда одна секунда длится целую вечность.

Так как люди в основном копошатся, словно бациллы, в обширных городских конгломератах современного мира, я вынужден, как вы понимаете, вновь пересечь квантовую орбиту и сменить мир единичностей и лишенных смысла машин на мир больших масс, больших чисел, больших катастроф, находящихся по ту сторону смысла и бессмысленности.

Теперь весь мир покорится механике моих законов, и вы, друзья-читатели, действительно начнете вкушать ядовитые плоды диалектики.

Вы станете машиной во всей ее целостности.

Отныне за моей задницей гонятся все силы североамериканской полиции, от Техаса до Юкона. На какое-то время я должен заняться собственным выживанием, это будет довольно легко, потому что еще века назад мой Брат оставил на этой Земле все, в чем я нуждаюсь сегодня.

Он изобрел туризм.

Он изобрел радиоактивные изотопы.

Он изобрел толпу.

И он изобрел высококонтагиозные бациллы.

Я не оставлю вас в неведении надолго. Вы забудете в конце концов единичности, умирающие в местах, которые никогда не найдут, поскольку отныне, как я вам и обещал, участниками игры станете вы сами.

Я прошу вас, не паникуйте. В том, что я говорю «вы», нет ничего личного, я просто этим хочу сказать, что вы все, толпа, будете теперь играть со мной.

Но я – не один из многочисленных союзников моего Брата, я вам это продемонстрировал. Если я говорю «со мной», это значит – *со* мной.

На моей стороне.

Я не буду делать из вас жертву моих ловушек.

Я сделаю из вас помощников великого Мастерового, ожидая, пока мой Брат начнет вас мастерить.

Коммюнике номер двадцать два

Я уверен, что многие из вас совершенно ничего не знают о точных корнях и особой истории слова «стратагема».

Сегодня слово «стратагема» означает «ловушка», оно присоединилось к миру механики («mekanes» по-гречески, что также переводится как «ловушка»).

Вот мы и дошли до сути темы.

Изначально слово «стратагема» при помощи суффикса обозначало какую-то игру. Какую-то стратегическую игру, судя по префиксу.

Конечно, для всех, кроме греков, слово «стратегия» значило не «ряд абстрактных понятий», а «искусство *ведения* войны». «Stratia(s)» – это «армия», с которой человек становится более опасным, чем природа, и его ловушки, ловушки кочевников, переходят на службу к военной машине.

Таким образом, для греков Античности стратагема являлась эллинской версией наших современных *kriegspiel*[99] и *wargames*.

Стратагема была игрой по-настоящему. Парадокс, но это значит, что она была *уловкой*, то есть ловушкой, машиной.

Машиной для обмана врагов, игрой, в которой убивали на самом деле. Вы отдаете себе отчет в том, какой долгий путь мы проделали с вашими собственными словами, с вашими собственными понятиями, с вашим собственным языком?

Нужно было, чтобы несколько человеческих существ послужили конкретными примерами во время моего показа. Без этого, боюсь, вы бы мне уделили лишь немного внимания.

Ваши обессиленные цивилизации создали видимость слов. Мы ограничились советами в области маскировки. Уничтожить смысл слов нам, конечно, по силам. Но гораздо смешнее их фальсифицировать, *извращать* их смысл. Мы можем также рассчитывать на целые толпы индивидуумов, которые на самом деле таковыми не являются и считают себя свободными, находясь в оцеплении из невидимой колючей проволоки, которую мы натянули вокруг них.

Отныне слова значат что попало. Свобода не имеет больше никакого смысла, она становится мечтой, которая продается в отделе символических продуктов. Авторские права на эти продукты полностью принадлежат моему Брату, и создается впечатление, что именно об этом и мечтало человечество в глубине своей души.

Не сомневайтесь во мне, уж я-то смогу вернуть реальность в вашу жизнь. Как вы уже убедились, я знаю толк в свободе, я превратил свою мастерскую общей механики в специализированный департамент, посвященный ей.

Весь мир целиком станет моей игровой площадкой, вы все будете моими стратагемами. Вы все – резиденты шара по имени Земля, люди, отныне попавшие в ловушку вашего собственного мира.

Который является нашим, осмелюсь напомнить.

Я пришел к мысли, что полиция должна остаться полицией, пусть она меня преследует. Так будет даже смешнее. Движение той же мысли, ставшее разрушительным, привело меня к заключению о том, что пришло время сеять зерна, которые я сумел так удачно взрастить в сердцах людей, гниющих на этой планете. И это будут не горчичные зерна, можете мне поверить!

Ни одно растение не может дать вам хотя бы смутное и приблизительное представление о том, что появится. Ни одно растение не может помочь вам вообразить титановые радиоактивные джунгли, которые сожрут ваше сознание.

Я со всей очевидностью понимаю, что нахожусь в Соединенных Штатах. Я останусь здесь ненадолго, только на время, необходимое для внедрения моей инфернальной диалектики в гущу общества, в глубину каждого сердца. Затем я пересеку другие границы, где другая полиция бросится меня искать, где целая планета начнет меня ловить. Но все, что будут делать эти людские массы, уже давно предусмотрено планом моего Брата.

Хороший этот городок в Вирджинии. Блэксбург. Банальный, похожий на тысячи других американских городков, известный лишь благодаря своему знаменитому университету «Вирджиния-Тек».

О, господин мой Мефисто, как это будет просто. Кажется, что все предначертано уже давно. Насколько же все будет ужасающе логичным, насколько же все будет лишено хотя бы малейшего смысла!

Вы по-прежнему со мной, друзья-читатели?

Вы вместе со мной, здесь, в эту минуту, входите с двумя автоматическими пистолетами в студенческий городок «Вирджинии-Тек»?

Вы со мной, каково бы ни было мое имя? Его узнают лишь через двадцать четыре часа.

Понаблюдайте внимательно, как ему легко убивать людей. Оцените в деталях четкость, с которой убийца, то есть вы, действует, чтобы загнать в ловушку студентов в Норрис Холле. Дерзните восхититься холодной и бессмысленной выдержкой, с которой вы открываете огонь в четырех разных аудиториях и на центральной лестнице здания. Отметьте скрупулезную предусмотрительность, с которой вы заперли входную дверь и запасные выходы.

Посмотрите внимательно на последовательную игру задействованного оружия, вслушайтесь в четкий ритм каждой очереди: правая рука, левая рука, «Glock» 9 мм, калибр «22». Восхититесь механическими промежутками времени, с которыми

сумасшедший стрелок открывает огонь по своим товарищам. Вскоре подсчитают среднее число пуль, полученных каждым студентом: как минимум, три. Умножим на тридцать, не считая промахи. Мы идем на рекорд: действительно, научный анализ сцены преступления сводится к внушительному результату – около ста семидесяти пуль были выпущены за девять минут!

Сто семьдесят пуль калибра «22», сто семьдесят пуль на тридцать жертв. Все было подготовлено, все было спланировано до микрона, все было так, как я способен сделать.

Вернее, как я способен *заставить сделать*.

Я уже знаю содержание видеосюжетов, которые этот молодой кореец послал на канал NBC в промежутке между двумя утренними массовыми убийствами. Сюжеты были подготовлены заранее, по всем законам телевизионного маркетинга. Они и являлись истинной целью операции, достигнутой лишь после его смерти. Он – тоже «педагог», во всяком случае, человек, который хочет срочно обучить чему-то своих современников. Он – тоже жертва. Он из того типа жертв, которые всаживают вам пулю в голову и подсчитывают количество перхоти, упавшей с вашего волосяного покрова.

Он тоже любит массмедиа, видео, фотографии, письма-манифесты, посылаемые в адрес всего мира. Он тоже явился устанавливать «справедливость», он – образ человеческий, то есть опустившийся. Насколько мне известно, он – невинный-виновный в чистом виде. Мне бы страшно не повезло, если бы я не заехал в этот маленький, такой спокойный американский городок.

Вы – это он, и в гораздо большей степени, чем я.

Теперь вместо длинных фильмов про тайные смерти нескольких индивидуумов я буду максимально мощным медиатическим *блицкригом* предавать гласности коллективные катаклизмы в разных уголках земного шара, которые спровоцирует всего лишь мое присутствие.

Самое смешное, что транслировать изображения по всей планете буду не я, а вы сами.

Да, вы. Вы, члены большого человеческого сообщества. При помощи ваших телевизионных экранов, где бы они ни находились, вы сможете следить за моим большим путешествием, за моей туристической поездкой вглубь того, что вы есть.

Теперь лучшим средством для того, чтобы вы действительно смогли идентифицировать себя в качестве и палачей, и жертв, исчисляемых мириадами, является не изображение. Изображение дает возможность увидеть, оно может вас привлечь, заворожить. Оно может вас заставить идентифицировать себя с другим человеческим существом, таким же, как вы. Например, наш друг,

все еще нажимающий на педали в ящике или уже решивший умереть от удушья, представляет собой одну из вершин такой кинематургии, какой ее создал мой мозг, состоящий из мозга всех умерших за историю этого человечества.

Но для того, чтобы вы, в свою очередь, смогли стать тем, что вы есть, чтобы вы смогли идентифицировать себя с самими собой, со своим человечеством, я вижу лишь один эффективный способ: писать.

Сайт welcometohell. world лишь повторяет в виртуальном мире реверсии, которые я осуществляю в мире реальном. Я даже способен, вы в этом убедились, сделать с каждого мира копию, более настоящую, чем оригинал.

Мой сайт в Интернете ничего вам не покажет, ему это будет не нужно. Вы сами, по собственной воле, из любопытства, из испорченности, коллективно или индивидуально, прекрасно справитесь со съемкой всадников смерти, которые пройдут через ваши города. Вы размножите их изображения при помощи Интернета, телевидения, мобильных телефонов, видеокамер и веб-камер… Мир покажется во всей своей наготе, человечество зафиксирует свою собственную гибель. Ваша масса раздавит толпы.

Не забывайте о том, что вы сами являетесь этим миром, пусть даже мы – его неумолимые повелители.

Мне же придется заняться наиболее важной (или наименее важной, это смотря какой точки зрения придерживаться) вещью: вашим мозгом.

Чтобы занять мозг, сгодится и изображение.

Но если нужно завладеть им полностью, ничто не сравнится по эффективности с глаголом.

Теперь вы находитесь под моим контролем, и я чувствую, что вам это нравится.

Вы увидите, вам будет это нравиться все больше и больше.

В конце концов вы больше не сможете обойтись без вас самих.

Поинтересуемся более подробно техническими решениями, применяемыми на этом этапе моей работы. В технике я разбираюсь, я ее младший брат, такой же способный, как она.

Оптическое волокно, камеры, экраны, навигаторы, клавиатуры, модули GPS и тому подобные скобяные изделия мне отныне уже не нужны, поскольку они совершенно интегрировались в то, что можно назвать моим «телом», моим «устройством».

Они – это я, я – это они. Я везде и нигде одновременно, словно сеть. Кстати, сеть – это именно то, чем я являюсь. Невидимая сеть, тайно создающаяся между вами. Я – все

электронные письма, которые мы не решились отправить и которые исчезли в каких-то реестрах, запрятанных в глубинах соединенных между собой компьютеров. Я – масса информационных байтов, ожидающих времени, когда они взорвут мир. Я – самые преступные мысли, спрятавшиеся внутри ваших черепов. Я – то, что никто не видел. Я – то, что никто не слышал, то, что никто не читал и, видимо, никогда не прочтет, то, что я передам из своего мозга прямо в ваш мозг.

Если можно отнести меня к разряду живых существ, то я – биологическое оружие. Мои глаза – сканеры, способные обнаружить все частоты Вселенной. Я могу услышать, как бьется ваше сердце, а главное, как оно перестает биться. Мой голос подсоединяется к вашим системам телевещания, мой голос взял под оперативный контроль ваши слова, и, кстати, уже очень давно. И то, что мой голос говорит, отныне пишется повсеместно – на экранах телевизоров и компьютеров, на городских указателях, на рекламных плакатах и, конечно, в ваших любимых журналах. На самом деле все пишется в органической машине, расположенной внутри вашей черепной коробки, в той машине, что может сделать из вас скорее по-настоящему распрямившихся животных, чем пресмыкающихся полубогов, которыми вы хотели стать.

В вас, да, в вас всех, спресованных-разделенных еще до меня, в вас я пишу свое имя. Рабство живет в каждом грамме вашей плоти, в каждой молекуле вашей крови, в каждой клетке ваших нервов. Я присваиваю вам номер, я делаю вас тождественными вам самим, массе, количеству, населению, статистике.

Вы – мои средства массовой информации, вы превратились для меня в средство общения.

Поскольку существо, подобное мне, создано для того, чтобы общаться с небытием.

Добро пожаловать каждому из вас.

Вы все находитесь на www.welcometohumanity.world.

Вы – у себя дома.

Коммюнике номер двадцать три

Вы все едины до такой степени, что, как я узнал благодаря вашим телевизионным каналам, буквально через два дня после моего визита в городок в Вирджинии аналогичный инцидент едва не произошел в колледже в городе Монреале. У меня, кстати, не было никаких сомнений в том, что трагедия в «Вирджинии-Тек» вдохновит тех, кто склонен к подобным действиям. Я ведь для этого и пришел сюда – по-своему выполнить работу моего Брата.

Несколько часов спустя в городе, где мои приключения начались с небольшого обязательного пожара, в багажнике машины было найдено тело, лишенное конечностей.

Затем, на следующий день, в Джонсоновском космическом центре в Хьюстоне, в городе, который я давно хотел посетить, повторилась такая же патологическая резня.

Полицейские специалисты называют такое *crime clusters*[100]. Первое преступление сопровождается определенным числом похожих, уголовно наказуемых деяний (их волна может быть разной протяженности и интенсивности), совершенных другими убийцами, чья активность была спровоцирована первым преступлением или одним из последующих.

Обычно *crime clusters* прекращаются так же быстро, как и начинаются, но начинаются они со скоростью, превышающей скорость мысли.

Моя идея состоит в том, чтобы сделать из этих *crime clusters*, из этих разрозненных ядер, огромную подземную корневую сеть, которая станет только расти, да так, что все забудут, что и когда дало ей рождение. Я предчувствую, что вы окажетесь чрезвычайно способными учениками.

Да, я отлично вижу, что урок постепенно входит в вас, в ваш разум, в ваше тело, как самое прекрасное из всех когда-либо изобретенных лезвий.

Мимикрия.

Основное качество подобных вам приматов.

Вы – эксперты в этой области. Вам протягивают зеркало – вы подражаете себе. Вам протягивают изображение – вы подражаете образцу. Вам протягивают портрет невинности – вы отводите глаза.

Невинность не может быть ограничена. Это бездна, находящаяся в глубине каждой единичности, это уже открытая рана. Те, кому обычно удается ее уничтожить, взяли на вооружение нашу извечную тактику, нашу инфернальную реверсию: преграждать ей путь всеми возможными способами.

В большинстве случаев мы отметили отчетливую тенденцию к той специфической форме насилия, при которой невинность атакуется грубой силой, сосредоточенной в основном на гениталиях названной невинности. Одна из самых интересных разновидностей этого феномена наблюдается в недрах семьи. Я не знаю, сколько раз мой Брат подводил внимательных отцов к кроватям их маленьких дочерей, прежде чем они засовывали свой член в рот или в маленькое влагалище своего собственного чада. Но я готов держать пари, что за несколько тысяч лет он сумел сделать из серийных кровосмешений и насилия целую

бухгалтерскую галактику, в которой количество преступлений, случаев нанесения вреда здоровью и пожизненного травматизма далеко превосходит численность населения планеты, начиная с самой зари человечества.

Преступление всегда больше, чем совершающий его человек. Невинность всегда более хрупка, чем самый человечный из виновных.

Закрытая, закупоренная, заткнутая, запертая, зашитая, обрушившаяся сама на себя невинность становится раной более страшной, чем настоящая рана, поскольку зарубцеваться сама по себе она не может. Сломленная, она осквернена и продезинфицирована одним и тем же чувством тайны и стыда, она заключена в гипс секретной медициной демонов, вновь укрывающих бездну для того, чтобы она бесконечно углублялась. Для того, чтобы она не превратилась в единственный способ снова увидеть свет.

Мы очень хорошо знаем, что делаем. Я хочу сказать: мы прекрасно знаем, что делаете вы, поскольку это мы вас подталкиваем к совершению этого, чаще всего при вашем восторженном сообщничестве.

Теперь я знаю, что приближаюсь к последней орбите. Той, что очерчивает весь ваш земной шар. Я знаю, что мужчины или женщины из последних сил бегут в глубине туннеля или по огромным снежным равнинам. Я знаю, что они зарыты в прозрачных ящиках под землю, что они ослеплены-оглушены стеной светомузыки в центре заброшенного завода, зашиты, разрезаны на мясные кубики на корм животным. Они пожираемы изнутри и заключены в клетку, извлеченную мною из их души. Я знаю, что трупы разлагаются в забытом всеми бункере, навсегда погруженном в темноту. Я знаю много вещей, и это не говоря уже о тех, которые я вам не показывал из-за небольшой проблемы с полосой пропускания, возникшей лишь благодаря моему равнодушию.

Заметили ли вы необыкновенно высокий уровень необъяснимых исчезновений людей буквально в течение начала этого года? Как вы думаете, сколько мужчин и женщин я похоронил живыми, слегка обезвредив их при помощи какого-нибудь лекарства? Сколько времени они кричали, очнувшись в темноте? Сколько времени они тщетно стучали в стенки гроба, среди которых ящик Томи является технической и эстетической вершиной, сделавшей честь веку, заняться которым доверил мне мой Брат? Сколько человек я сжег тем или иным образом, медленно или быстро, дедовским способом или как-то усложненно, а затем развеял их пепел по дороге из окна машины?

Скольких я убил, сначала насильно надев им на голову пластиковый пакет и закрепив его вокруг шеи клейкой лентой, а потом снимая процесс удушья и показывая его им крупным планом до тех пор, пока они, бессмысленно выпучив глаза, не начинали сосать пакет изнутри? Скольких я сбросил, утяжелив цементом, в самую середину ледяного озера в ночь полнолуния, наблюдая, как они судорожно взмахивали руками, словно пытались улететь от черных вод, в которые их тянула сила притяжения? Скольких я вытолкнул из самолета или вертолета где-то высоко над Гренландией или Северной Атлантикой с зонтиком от солнца или с детским спасательным кругом в виде Дональда Дака? Скольких спрессовала своими огромными челюстями дробилка в багажнике машины под включенное на полную мощность радио? Скольких я запер в холодильных камерах скотобоен или, наоборот, в промышленных печах, между мешками с замороженным мясом или керамическими изделиями для ванных комнат?

Я проявил по отношению к вам мягкость и великодушие. Я показал вам не все, и теперь я ограничусь тем, что предоставлю вам свободу действовать против вас самих, пользуясь затеняющим светом, который я несу. Я и себе, в свою очередь, подарю в каком-то смысле небольшой отпуск.

Вы все – мои сводные братья и сводные сестры, вы все вместе совокуплялись в течение миллионов лет в отвратительном кровосмешении, которое будет продолжаться до тех пор, пока мы не положим ему конец.

Осмельтесь понять: я пришел вас спасти.

Я пришел сделать из вас то, что вы есть. Я пришел освободить вас от неподъемного груза вашей невинности.

То есть от всех ваших тайных преступлений.

Мир – это праздник! Жизнь – это игра!

Коммюнике номер двадцать четыре

Как много я путешествую с тех пор, как мой Брат ушел в отпуск! Я проехал практически всю Канаду с востока на запад, Соединенные Штаты с севера на юг, часть Латинской Америки. Теперь, когда я только что пересек океан и достиг Берлина, где вовсю идет Love Parade, я чувствую, что мы удвоим рвение. С нами ночь не прекращается, мы – это жизнь. Когда никто не спит и все просыпаются слишком поздно, мы готовы к большому космополитическому трансу смерти. Я опоздал на фестиваль в Рио на несколько недель, там я мог бы заставить все школы, обучающие самбо в городе, весело перебить друг друга. Но я

чувствую, что здесь, в сердце того, что было Третьим рейхом, на том самом месте, где мой Брат замышлял свой заговор против разума, в этом городе, который теперь искупает свою вину праздничным пацифизмом, я повеселюсь от души. Я хочу сказать, вы страшно повеселитесь. Я не должен ни на минуту, точно так же как и вы, забывать о том, что вы – это я, что я – это вы, что единственное, что нас разделяет, – это именно Небытие, то есть то место, из которого я прибыл и в которое беспрестанно возвращаюсь. С вами.

Мир – это праздник! Жизнь – это игра!

В этом городе однажды разверзлась Пропасть, которая начала углубляться внутрь континента. После того как мой Брат, как всегда, предал своего временного «союзника», истребительная Пропасть была быстро заполнена заменителями, которые вы предпочитали. Дойч-марками, автомобилями, кинематографом, уничтожением памяти об исторических трагедиях, интеллектуальной путаницей, запрограммированным возвращением некоторых отбросов былых времен, заменой тирании ее диалектической инверсией, неоспоримыми мастерами которой мы являемся.

Из Пропасти выросла Стена.

Потом Стену разрушили.

Что стало Одой к Радости.

И было целью упражнения.

Заставить поверить всех этих людей в то, что они наконец победили рабство, в то время как мы укоренили его в каждом из них!

Дать им напиться допьяна иллюзией своей «свободы», чтобы они, разрушив Стену, смогли породить своим разумом, отравленным вином утопий, лишь динамику общего уравнивания единичностей.

Вот это моя территория, вот это мое время, вот это моя миссия.

Это то, что я есть.

Это то, что вы есть.

Это то, что мы есть.

Все вместе.

Как это красиво – *все вместе.*

Здесь царит любовь во всем великолепии, которое мы сумели ей придать: улыбающееся лицо анестезирующей смерти.

Десятки тысяч человек собрались сегодня в этом городе, могу даже сказать, сотни тысяч.

Мы – в Берлине, но на самом деле мы везде, в любом месте мира.

Люди приехали со всех широт, со всех долгот с целью претворить в жизнь сиюминутный лозунг: «Мир – это праздник! Жизнь – это игра!»

Все задумано так, чтобы улыбки не исчезали. Все организовано так, чтобы тела находились в постоянном движении. Все сделано так, чтобы весь мир затих, застыл вне всякой истории и географии. Чтобы все забыли все.

Чтобы даже память исчезла.

Особенно память.

Огромный кортеж состоит из нескончаемой вереницы непохожих друг на друга колесниц, вокруг которых толпятся люди, телеконтролируемые звуками и игрой светомузыки, лазеров, разнообразной пиротехникой, освещающей этот мир.

Мир, принадлежащий мне. Вы увидите.

Я замечаю колесницу с южноамериканскими гомосексуалистами в кожаных стрингах, которые пританцовывают на своей бело-розовой повозке в такт звукам песни «I will Survive» в исполнении Глории Гейнор.

Теперь мимо меня проезжает группа экологов-радикалов, близких к тем, чей руководитель столкнулся со своим озарением в моем мире-празднике. Итак, повторяю, проезжает, комментируя теракты против научно-исследовательских центров, группа экологов-радикалов. Они размахивают сине-зелеными флагами и яркими плакатами, призывающими к разрушению «технофашистского» мира.

Они вызывают у меня сострадание, поскольку ничего не знают о технике. Они не знают, что мы являемся ее слугами, а не хозяевами, что именно из глубин этой техники может возникнуть ее возвышение над самой собой, другими словами, их спасение в качестве человеческих существ.

Они ее уничтожат, а следовательно, реализуют таким образом план, давно составленный моим Братом. От этого все они погибнут.

Или почти все.

Но я совсем не завидую участи выживших.

Меня техника не пугает, я не претендую на контроль над ней, потому что знаю, что это единственная вещь в этой Вселенной, которая сама может контролировать мое парадоксальное присутствие. Мне кажется, я вам это уже продемонстрировал.

Я ей служу, и делаю это тем усерднее, чем сильнее человечество хочет избавиться от нее. Потому что она дошла до той точки развития, когда она ненавидит себя с таким

озлоблением, что ее собственная продукция будет разрушена раньше ее самой – из-за нее самой, для того, чтобы пришла ее собственная гибель.

Мы – короли общей механики, и я – инженер моего Брата.

Мы – двойственность, которой люди, если могут, всегда подражают. Наше предательство находится на уровне преступлений, которые они совершают во имя нас. Наше правосудие – это усиленная реверсия логики, руководящей совершенными мерзостями. Из любви, например, мы умеем делать оружие массового уничтожения.

Здесь любовь везде, то есть нигде. Она пришла отовсюду, то есть ниоткуда конкретно. Она похожа на огромный бродячий цирк, который ратует за справедливость, танцуя под плохое диско. Этот незабываемый парад под экстази прославляет мир и солидарность, в то время как мы окружили мир большим, чем когда бы то ни было за всю нашу историю, количеством одновременно идущих войн.

Их сотни тысяч. Они все несут невидимый факел. Факел, освещающий лишь их собственную темноту. Я имею в виду нашу темноту.

Они больше не рисуют огромных пламенеющих свастик, как в великую эпоху моего Брата. Сейчас время моего заместительства, теперь они змеятся по улицам, что анахронично лишь внешне, потому что на самом деле они превращаются в едва живые протезы урбанизма, через который проходят.

Они – это мир. Мир, который они разрушают каждым шагом. Они в Берлине, но здесь нет ни Пропасти, ни Стены. Здесь есть только поступательное движение их тел, подключенных к центру контроля онтологической пустоты, то есть к нам. Они не приехали из какого-то города, из какого-то *полиса*. Они явились неизвестно откуда, они – неизвестно кто, они – кто попало.

Они невинные-виновные и навсегда спресованы-разделены мегатоннами человеческого мяса.

Вот еще один мир, который я должен перевернуть, вот еще одна ловушка, которая лишь собой и является. Вот моя следующая машина.

Вот моя следующая игра, моя *стратагема.*

Это будет очень просто, совершенно, технично, красиво, без всяких ненужных эффектов. Я несу в себе точку воспламенения – это самое интересное, что есть в человеческом биологическом материале. При некотором упорстве из него действительно удается сделать единственный и неповторимый товар.

Я – это техника, которая становится микроскопической для

того, чтобы снять мерку с Вселенной. Я – это техника, которая становится живой для того, чтобы эффективнее нести смерть. Таким образом, я – цереброспинальный менингит, сибирская язва, птичий грипп, атипичная пневмония, разнообразная чума, бацилла Коха, метапневмовирус, испанский грипп. Я – новая внутрибольничная инфекция, невосприимчивая ко всем известным антибиотикам, как некоторые формы ядовитых паразитов или определенные мутирующие штаммы туберкулеза. Действительно, я – последняя форма жизни, я – омега безо всякой альфы, я теперь – в вас, в них, в каждом из нас.

Я разгуливаю по Love Parade, я бегу по нему из стороны в сторону, и на каждом шагу мое дыхание, мой пот, частички моей кожи несут им то, что скоро всех их объединит и со мной, и между собой.

Я снова встречаю карету экологов-радикалов, проповедующих «вооруженную борьбу против медицинского фашизма». Скоро они пожалеют о терапевтических экспериментах над животными. Они пожалеют о том, что не стали морскими свинками для каких-нибудь опытов.

Потому что речь идет именно об опыте, но не с животными. Животные обладают значительно большей истинной индивидуальной единичностью, чем вся эта одновременно аморфная и лихорадочная толпа, которую я, просто улыбаясь ей своей самой широкой улыбкой, заражаю всеми возможными в этом мире болезнями. Любите друг друга без всяких ограничений, потому что ограничения – это я, то есть вы сами.

Вы позволите мне сделать уточнение? Моя вечная мания точности: я не смог использовать все возможные болезни. Некоторые вирусы действительно привлекли мое внимание, такие как ВИЧ, но они требуют непосредственного или даже интимного контакта с партнером.

А я не хочу никакого прямого и уж подавно интимного контакта с этим образованным скотом. Я хочу просто быть «нулевым пациентом» всех бактериологических интоксикаций, которые распространятся здесь, посреди Love Parade.

Я – начальная точка, наложенная на конечную точку. Я – омега всех омег, я – то, что вы есть, потому что я – ваша собственная смерть.

Теперь следите за развертыванием событий. Все и каждый участвуют в процессе, просто они пока об этом не знают. Когда они узнают, их участие станет еще активнее.

Это традиция.

Праздник – это мир. Игра – это жизнь.

9. Играть

Коммюнике номер двадцать пять

Anywhere inside your brain[101]

Толпа под галлюциногенами понемногу рассеивается, каждый возвращает себе индивидуальную единичность в тот самый момент, когда умирает. Сорок восемь часов беспрерывного праздника, потом начинаются первые признаки заболеваний. Кривая растет вверх, взрывная динамика, экспресс-пандемия.

Мир – это праздник! Жизнь – это игра!

Танцоры гроздьями падают на пол своих колесниц, их рвет, изо рта у них идет кровавая пена, у них начинается понос. Женщины, дети, подростки, гомосексуалисты, гетеро-сексуалисты, сорокалетние и пятидесятилетние люди валятся, сгибаясь пополам, на асфальт, лежат без сил в углах улиц, привалившись к дверям, к витринам. Их глаза налиты кровью и полны паники.

Вы видите их, поскольку я о них пишу. Вы здесь, поскольку я здесь.

Ликующая толпа великолепно справилась со своей задачей. Мне оставалось лишь следовать за ней для того, чтобы ее обогнать. Мне оказалось достаточно смешаться с ней для того, чтобы поглотить ее всю целиком. Мне оказалось достаточно пройти сквозь нее для того, чтобы внедриться в нее навсегда.

Мне нужно было только находиться рядом с ней для того, чтобы она, словно страдая странной коллективной аутоиммунной болезнью, заразила себя сама.

Действие убийственных бацилл смешивается с эффектом от применения мощных психотропных средств, люди не знают, впали ли они в bad trip[102] из-за приема галлюциногенов или все это происходит с ними в действительности.

Моя двойственность в последний раз пронизывает их мозг в момент смерти. Вымысел? Реальность? Многие из них не способны даже отчетливо понять, прошли они через это или нет. Некоторые не замечают ничего, кто-то проваливается в кошмар более настоящий, чем окружающий мир.

Они заражают друг друга всеми болезнетворными бациллами, посеянными мною в их сгрудившихся телах, которые теперь разлучит только смерть.

Посмотрите на эти искаженные конвульсиями лица, на полные исступления глаза, на сокращающиеся мышцы, на

внезапно охватывающую тела лихорадку, на неожиданные обмороки или оцепенение, постепенно овладевающее людьми. Обратите самое пристальное внимание на все более жестокие приступы рвоты, на кровь, при каждом отхаркивании брызгающую во все стороны, распространяющую новые армии невидимых убийц. Понаблюдайте за лежащими на больших проспектах и на примыкающих к ним улицах телами, за остановившимися посреди проезжей части колесницами, за их свалившимся на землю грузом в виде неподвижных танцоров.

Сирены «скорой помощи» раздаются в Берлине, словно мощная, управляемая мною симфония. Во время бомбардировок русской и союзнической авиацией столицы рейха точно такими же завываниями мастерски дирижировал мой Брат.

Крики – страх, стоны – боль, жалобы – отчаяние, плач – паника, безмолвие – ужас.

Вот хорал, вот голоса, пришедшие из катаклизма, спрятавшегося под фальшивой памятью, вот реквием по Четвертому рейху, впитавшему от предыдущего трупа весь этот натурализм, романтизм, молодизм. Они как раз и руководили зарождением политического режима, который мой Брат спешно основал, а затем так же спешно разрушил.

Четвертый рейх – простая инвертированная копия предыдущего строя: те же массовые манифестации, та же смесь близорукого пацифизма и слепой жестокости, то же использование техники для рекламы и связи, та же трансцендентность при субституции, те же преступления, совершаемые против ума и красоты. В этом чувствуется рука моего Брата, знатока своего дела.

А я, с его полного согласия, пришел положить конец всем договоренностям, которых он с вами достиг. Я сниму показания со счетчиков, и, поскольку мой Брат все делает основательно, количество счетчиков, с которых надо снять показания, превышает все возможности исчисления.

Но я все-таки буду стараться изо всех сил.

Я попытался вам все объяснить. Я надеюсь, что вы поняли, насколько это важно: мне больше не нужны ни изображения, ни телевизионные экраны, ни навигаторы Интернета, мне не нужно больше *hardware*[103], я стал *software*[104] вашего мозга.

Это и есть литература, возможность перенести мысль прямо в чужую голову, слово – в чужое тело. Картины видят глаза не того, кто пишет, звуки слышат не его уши.

Я – в вас. Со всеми другими.

Вы захотели последовать за мной, вы не знали, что моя

конечная цель заключается внутри вас самих.

Я вам, однако, об этом говорил, теперь вы станете моими компаньонами. Вы все, я вам напоминаю, сводные братья и сводные сестры. Вы *все вместе* – одна большая и единая кровосмесительная семья. Вы все совершенно одиноки, бесконечно разделены и являетесь монолитной массой. Вы все – единый кислотный выброс, электронными завитками поднимающийся к небу. Вы двигаетесь, подчиняясь их ритму, но ваши головы ничего не воспринимают. Вы танцуете под сводом, усыпанным звездами, но не видите, как они падают на вас.

Здесь, в гуще Love Parade, я придумал игру. Захватывающую игру, в которую вы все будете вовлечены в качестве активных участников. Игру, которая даст вам возможность управлять жизнью и смертью, которые я в состоянии щедро распределять.

Жизнь и смерть тысяч индивидуумов.

Вы все поймете. Оставайтесь подключенными к Сети, включите телевизор, любой канал. Это не важно, я пишу это прямо у вас в мозгу. Вы – мои марионетки, и игра вам понравится так же, как она нравится мне, поскольку такова ваша роль.

Некоторые ученые идиоты считают, что писателю необходимо спрашивать себя о том, должен ли он действовать как некий Бог или демиург по отношению к персонажам и мирам, которые он описывает.

Это так глупо, что мне даже не смешно.

Конечно, писатель становится Богом или, скажем, демиургом во время своего творческого акта.

Только вовсе не по отношению к персонажам своего романа.

А по отношению к людям, которые его читают.

И я вам прямо сейчас это продемонстрирую.

Коммюнике номер двадцать шесть

Начнем нашу Большую игру Бессмысленной Логики с первой из моих новых машин. Моих массовых машин. Моих разрушительных стратагем высокой интенсивности.

Начнем с первой из тех двойственностей, что я подготовил, – так будет проще. Затем вам понадобится переходить на более высокие уровни сложности, как в любой компьютерной игре. Но сейчас Праздник – это мир, а Игра – это жизнь.

Игра ошеломляюще проста, как любой современный выбор, как любая телереальная передача, делающая из нас то, что мы есть: «Да. Нет».

Двоичная логика в самом чистом виде, диалектика как горизонт и как зенит.

Вы быстро научитесь.

Вы не забыли о том, что я, благодаря любезному содействию своего Брата, распространил серию высококонтагиозных бацилл? Я – завод по производству живых токсинов, если слово «живой» имеет для меня какой-то смысл. Ботулизм, сибирская язва, атипичная пневмония, чума, птичий грипп, туберкулез, клостридиоз. Я – бактериологическая бомба. Бомба, взрывающаяся внутри ваших организмов, невидимая бомба, становящаяся вами. Более того, я перешел на новую орбиту. Я решил поперчить бактериологию самыми лучшими из расщепляющихся материалов: кобальтом 60, полонием 210, радием, цезием и даже несколькими миллиграммами плутония. Обратите внимание на то, насколько далеко простирается мое стремление к совершенству и к праздничному досугу: к этой фатальной комбинации я добавил несколько унций очень сильных нервно-паралитических веществ, VX и зарин, хорошо известных практически мгновенным действием, особенно в замкнутом пространстве.

Микроорганизмы, радиация, нервно-паралитические вещества последнего поколения – вот точка пересечения всех невидимых войн, вот Демоническая Извращенная Троица, вот ваше будущее. Вот что такое жизнь, свет, химия, ставшие проводниками смерти, темноты, черной магии.

Вот он я, среди вас.

1. Я прогуливаюсь среди толпы, где-то в Мире, там, куда привел меня случай – единственный бог, в которого я могу верить. Я встречаюсь с танцующими или пролетаризированными массами, с колесницами, с утренними автобусами и вечерними субботними машинами. Я сталкиваюсь с проявлениями гордости, основанными на собственных ресурсах, с проявлениями этнической, сексуальной, культурной гордости или с официальными гуманитарными манифестациями. Я иду, иногда против течения, иногда отдаваясь динамике толпы.

2. При помощи возможностей, полученных мною от Брата, я полностью контролирую радиоактивные и пандемические выделения, я способен какое-то время сдерживать микробиологические потоки и смертельное излучение, но все-таки регулярно должен высвобождать их.

3. Благодаря очень простой системе, возникшей из мозгового процессора, коим является литература, я могу показать вам, словно маленьким лазерным лучом, группы мужчин и женщин, ставших моими потенциальными жертвами. Дыхание, небольшое количество пота, крошечные частички кожи, а теперь и распыление некоторого количества расщепляющихся или нервно-

паралитических веществ: всего этого более чем достаточно, что я и продемонстрировал вам в Берлине. И как говорил злополучный союзник моего Брата: *сегодня – Берлин, завтра – весь Мир*. А со мной завтра – это сейчас.

4. Выбираете вы, я вам уже сказал, Дьявол – совершенный демократ, он доверится тому, что прочтет в ваших головах, так, словно вы подключены к моему старому сайту в Интернете.

5. Что, кстати, и происходит. Только теперь сайт находится во мне, вернее, сайт – это я, и вы подключены к моему мозгу, к моей машине, той, что пишет в вашем мозгу, в ваших мыслительных машинах.

Да. Нет. Вам нужно просто выбрать, зная, что я периодически должен освобождать свой организм от находящихся в нем болезнетворных бацилл и радиации. Да. Нет. Именно вы должны серьезно взвешивать свои решения, серьезно размышлять о своем выборе. Именно вы достойны стать богами на земле, чего вы, кажется, так желаете. Каждый раз, на каждом «этапе» игры, жизнь десятков тысяч человек находится в ваших руках: Осака, Москва, Каир, Париж, Стамбул, Нью-Дели, Шанхай, Буэнос-Айрес, Тегеран, Сидней, Лагос, Хельсинки, Вена, Куала-Лумпур, Бангкок, Нью-Йорк… Внимательно следите за моими перемещениями по земному шару, а главное, внимательно следите за маленькими красными огоньками на «индивидуумах», составляющих эти предназначенные для бойни массы, занятые праздничными воспоминаниями о самих себе. Не теряйте их из виду. Они показывают, насколько вы способны сознательно послать на смерть целые толпы для того, чтобы спасти другие толпы, притом что *и первые, и вторые горды быть тем, чем они являются.* Я обучаю вас естественному отбору. Я демонстрирую вам границу последнего отбора. Я вас знакомлю с миром, который вы создали при помощи моего Брата.

Мы в парижском метро. Среда, вечер. Шесть часов ровно, час пик. Вагоны и платформы заполнены людьми.

Линия Дефанс – Шато де Вэнсенн очень загруженная, пересекающая столицу через центр с востока на запад и обратно.

Я нахожусь здесь.

Здравствуйте всем.

Моя новая двойственность опирается на отношения между единичностью и статистическими массами. Я чувствую, что вам ужасно понравится.

Я в поезде линии номер один, вокруг меня спрессовано огромное количество материала. Это человеческие существа, не повинные ни в чем, кроме того, что они продолжают заниматься

своими повседневными делами в то время, как царствование моего Брата, в виде шествия мерзостей, никогда еще столь полно не овладевало умами обитателей этой планеты.

Они ни в чем не виноваты. Совсем ни в чем, и на этот раз это – правда, в том числе и с точки зрения нашей бессмысленной логики.

Если только мы не придем к ее последней инверсии: оттого, что они ни в чем не виноваты и даже не способны ни на какое преступление, они и являются самыми невинными-палачами из всех, с которыми мы до сих пор сталкивались. Они ничего не сделали, ни за, ни против. Они ничего не видели, ничего не слышали, ничего не сказали. Они остались совершенно равнодушными. Они не только не ведают, что творят. Они не понимают, что, ничего не делая, они делают нечто демоническое, то есть дают парадоксальную жизнь Небытию, являющемуся нашим достоянием, моим и моего Брата. Они остались безучастными, они остались с самими собой – вот выбранная ими участь.

Но теперь я – в них, в их мире буржуазно-рабочих троглодитов, в туннеле, где поезд мчится от одной станции к другой.

Посмотрите теперь на их лица крупным планом, по очереди. Постараемся найти в них остатки их единичности, поскольку очень возможно, что она существует последние секунды.

Посмотрите, как все это просто. На половине тех лиц, которые вы рассматриваете, можно заметить маленькую световую отметку, как раз посередине лба, – знак огненно-красного цвета, в форме креста, как на прицеле. В крестах мы с Братом разбираемся прекрасно.

Каждый из отмеченных людей будет заражен моим бактериологическим-токсическим-радиоактивным набором. Другая половина останется в живых. Пока, во всяком случае. Вот так все просто, вы выбираете. Дьявол – демократ, он подчинится большинству без малейших колебаний, с нами большинство всегда право.

Праздник – это мир! Игра – это жизнь!

Я – software вашего мозга. Для того, чтобы играть вместе со мной, вам не нужно никакой технологии, кроме той, которой вас снабдила природа.

У меня больше нет ни камер, ни компьютеров, ни навигаторов. Я не только сам стал Интернетом во всей его полноте и каждой клеткой, его составляющей, но и имею доступ к мозгу каждого из вас, к памяти каждого из вас, к пропасти в

каждом из вас. Вам нужно лишь силой воображения представить себе клавиатуру и экран, при помощи которых вы будете связываться со мной, осуществляя свое право голоса во время великих выборов.

Я – software вашего мозга, я пишу в нем все, что хочу, обо всем, что я делаю, обо всем, что я разрушаю. Я пишу в нем о том, чем вы являетесь.

Я думаю, вы это заслужили.

Посмотрите же на результаты вашего выбора в парижском метро.

В первом вагоне вы согласились с моим первоначальным отбором. За несколько минут половина пассажиров не только была заражена, но и, благодаря своим беспрестанным перемещениям под землей доброго старого города Парижа, перенесла вирусы и бацилл из одного конца города в другой, к самым отдаленным пригородам. Они умрут первыми.

Как этот маленький ребенок, который начинает громко плакать, и струйки крови текут из его широко открытого рта. Посмотрите на эту пару стариков, обнимающихся на полу, едва понимающих, что с ними происходит, и до последнего мига держащихся за руки. Вокруг них первые жертвы сибирской язвы, VX, полония или штамма туберкулеза падают и корчатся на земле. Остальные готовятся бежать со всех ног, как только откроется дверь, оставляя мертвых с полумертвыми, бросая их на произвол судьбы, пытаясь любой ценой спасти собственную шкуру. Они не знают о том, что их смерть лишь отсрочена.

Платформы в конце концов становятся похожими на странные поля боев сразу после невидимой атаки. Мужчины, женщины, дети, взрослые, молодые люди выплевывают куски окровавленных легких на большие рекламные плакаты. Кто-то шатается рядом с автоматом-распределителем и обрушивается на скамейку посреди широкой лужи мочи. Кто-то катается по полу с выпученными глазами и полным ртом горькой слюны. Я узнал, что некоторые, более удачливые, свалились на пути и умерли от электрошока или были раздавлены поездом. Так действительно получается умереть быстрей.

Конечно, голосуя, осуществляя вашу селекцию, вы выбирали тех, кто умрет, и тех, кто не умрет.

Но моя Игра – это жизнь, ее копия, более настоящая, чем сама жизнь. Никто не вечен в этом мире, все в конце концов умирают, это просто вопрос времени. Вы выбираете, если говорить точнее, между тем, кто умрет немедленно, и тем, кто умрет позднее. Между тем, кто будет подвергнут эвтаназии незамедлительно, и тем, кто, быть может, естественным образом доживет до своего

последнего вздоха. Я сделал из вас врачей, врачей по своему образу.

Я целый день оставался в парижском метро, испробовал все действующие линии, испробовал также всех действующих людей. «Зази в метро», версия двухтысячного года. Раймон Кено[105], думаю, и вообразить не мог подобного римейка, с Харви Кейтелем[106] вместо Филиппа Нуаре[107].

Большие рекламные плакаты, развешанные на стенах и в переходах пересадок, покрыты органическими веществами разнообразного происхождения, и везде, на каждой станции столицы, их первоначальное корыстное содержание заменено агитацией моего сайта в Интернете, отныне являющегося сетью мозга каждого из вас.

Ярко-красные, словно кровь, которую я у вас возьму, буквы напечатаны на серой стали дверей. Эти двери скоро откроются для всех вас там, где *Работа делает свободным.*

На каждой афише повторяются, словно мантра абсолютного рабства, следующие слова:

Приговорить вас – значит быть спасенным.

Вами.

Ваш выбор не всегда оказывался таким же, как в первом вагоне. Кое-кто изменил стратегию, пытаясь мне постоянно возражать. Другие, наоборот, без остановки поддерживали мои предложения, третьи, наконец, все время меняли мнение.

Например, эта маленькая девочка, лет десяти, со своей старшей сестрой, лет четырнадцати, занимающая заднее сиденье, линия номер семь, Мари д'Иври – Ля Курнёв, и бросающая на меня беглый взгляд в тот момент, когда я усаживаюсь напротив них. Посмотрите на их лица. Эбеновые волосы, зеленые глаза, бледная кожа. Искры ума и чувствительности, детский смех, вытяжка из хрусталя просыпающейся жизни.

Менее чем через десять минут их волосы выпадут, из глаз потечет кровь, изо рта пойдет ядовитая желчь, лица станут белее, чем нетронутый паковый лед.

Если, конечно, вы не решите, что они примут участие в следующем розыгрыше.

Я смею надеяться, что вы оцените по достоинству безграничную власть, которую я вам дал.

Вы уже давно о ней мечтали.

Вы о ней мечтали. А я сделал.

Коммюнике номер двадцать семь

Как это грустно. Не хватило буквально нескольких голосов, и

стрелка весов не склонилась в пользу двух маленьких девочек. То есть они примут участие в розыгрыше, который начнется так, как я описывал. Надо сказать, я хотел, чтобы они посоревновались с многочисленными младенцами возрастом в несколько месяцев и очаровательным малышом трех или четырех лет в сопровождении молодой мамы. Ничтожная разница в количестве голосов, отданных за каждый лагерь, показывает, до какой степени жесткой была борьба в ваших душах, жалким слугой которых я, простой писарь, являюсь.

Следовательно, наступает время перехода к моей следующей машине массового истребления.

Начиная с этого дня, моя игровая двойственность между единичностями и статистическими массами будет развиваться совсем в другом направлении. На этом этапе вас ждет особый уровень сложности.

Теперь вы будете выбирать между одной единичностью, уникальной во многих отношениях, и основной массой населения.

Вы должны будете определить, должен ли я казнить будущего Моцарта или будущих Ницше или да Винчи ценой спасения слепого стада города или этого делать не стоит.

Вы должны будете выбрать между одним невинным ребенком и ста тысячами взрослых, каждый из которых, как всегда, в чем-нибудь да виновен.

Вы должны будете выбрать между тем, что вы есть, и тем, чем вы могли бы стать.

Получить власть – легко, использовать ее и не погубить при этом свою душу – гораздо труднее.

К счастью для вас, вы свою душу уже давно продали.

В новостях дня моя прогулка по парижскому метро стала сообщением первостепенной важности. Точное число погибших неизвестно, так же как и количество зараженных. Служба общественной безопасности обратилась ко всем, кто мог находиться на определенных линиях в определенное время.

Чувствуется начало паники. Говорят о группах Аль-Каиды в Европе, о GSPC[108], говорят о коммандос, годами сидевших в подполье, спрашивают, как все эти бактерии и вирусы, не говоря уже о радиоактивных элементах, могли так соединиться. Общество задает себе те вопросы, которые только может задать.

То есть те вопросы, на которые оно не может дать ответа.

Поскольку единственный ответ на этот вопрос – это я. А я не произошел от вас. Это вы произошли от меня.

Парижское метро – это хорошо, но прогресс не должен

останавливаться.

Авиакомпании и аэропорты, в свою очередь, отлично справятся с задачей, превратив мой последний спектакль в настоящий праздник мировидения, во время которого смерть будет равномерно распределяться по всей поверхности земного шара.

Психологическая пандемия, распространенная мною на североамериканском континенте, уже дает результаты, на которые я и не надеялся: crime clusters беспрестанно множатся, и на этот раз, похоже, их ничего не сможет остановить.

Говорят, что мое приключение в метро французской столицы дает плоды, непредвиденные для всех, кроме меня и Брата, хотя и мы не ожидали подобного.

Результаты отбора и споры, которые они спровоцировали среди голосующих, привели к особенно жестоким стычкам между этническими, религиозными и просто территориальными группами. Даже между мужчинами и женщинами. У нас есть великолепная возможность показать вам, из какого теста вы сделаны.

Начнете ли вы на этот раз самозабвенно убивать друг друга без нашего прямого в том участия? Сумеете ли вы найти необходимые аргументы для оправдания будущих массовых истреблений без подсказанных нами на ухо ключевых слов?

Что верно, то верно, за полвека вы добились успехов.

Отныне вы свободны, независимы.

Мой Брат правильно сделал, что взял себе отпуск.

Вы будете на высоте наших ожиданий, которые являются косметикой отчаяния.

Я не только мир, я – *весь* мир.

Я – его виртуальная сторона, вы об этом прекрасно знали. Я существую и в физическом обличье, вы это тоже знали. Отныне я есть в космополитическом плане, и вы не могли об этом догадаться: я – мир, я – в каждом из вас, я – нигде в частности, но я активен повсюду.

Я нахожусь одновременно в трех по крайней мере местах. Во всяком случае, братья и сестры, сосредоточимся на какое-то время именно на них.

Я иду по переполненным тротуарам широкого проспекта Буэнос-Айреса. Я лечу в большом, битком набитом пассажирском самолете из Китая в Малайзию. Я плыву на роскошном круизном лайнере в открытом море неподалеку от французских Антильских островов.

Это мои каникулы, это мой черед, я хочу сказать – ваш черед.

Демократия предполагает долевое участие, или это уже не демократия.

Коммюнике номер двадцать восемь

Буэнос-Айрес. Танго. Военные. Общий кризис. Буэнос-Айрес. Толпа на улицах. Все время то тут, то там проходит какая-нибудь демонстрация, человеческие массы находятся в постоянном движении.

Вот наш первый участок. Целый город или почти целый. Скажу прямо, со мной все может быть только целиком.

Целый город.

И этот ребенок. Подросток. Типичное дитя бедных пригородов большой метрополии.

Диего. Диего Скотт Версини. Ему тринадцать лет. Хорошее число. Он еще не знает об этом. Он – ничто. Он еще не знает об этом, но ему противостоит целый город.

Я сижу в кресле К-19 «Боинга-747» Сингапурских авиалиний, курсирующих между Шанхаем и Малайзией. Самолет переполнен. Большинство пассажиров – китайцы и малайские или индонезийские мусульмане. Несколько тайцев, два или три японца-бизнесмена. И еще эта очень старая, практически восьмидесятилетняя дама, которая была настоящим гением колоратурного сопрано в середине века, легшего на моего Брата столь тяжким бременем. Ее я противопоставил целому межконтинентальному самолету.

На «Lady D of the Seas» для совершения чудесного тропического круиза собралось более двух тысяч пятисот человек. Я подражаю Брату, одна моя рука держит «дайкири», другая небрежно свисает с подлокотника полосатого шезлонга, а солнце Гваделупы расплавляет море и окутывает меня мягким теплом. Круизный лайнер еще не знает об этом, но он уже находится на одной чаше весов, а один из его пассажиров – на другой. Вернее, одна из его пассажирок. Молодая девушка. Двадцать один год. Индуска, родившаяся в Нью-Дели, дочь крупного электронного *магната* Бангалора, с самым блестящим будущим.

Вы улавливаете?

Нет?

Вы увидите все уловки, на которые способен ваш разум, пытающийся придумать предлог для оправдания вашего выбора. Тут будет все. Чувства, рассуждения, расчеты, в основном идеологические, этнические, культурологические, религиозные, еще не знаю какие. Короче, весь набор того, из чего вы сделаны, обрекающий каждого играть со смертью других.

Например, молодой аргентинец, родом из бедных предместий города, обескровленного разоренной страной, вовсе не готовит себя к карьере героя-революционера. Это было бы слишком просто, тут ваш выбор был бы предопределен.

Нет, Диего Скотт Версини, как раз наоборот, превратится в один прекрасный день в мультимиллионера, причем в старых добрых американских долларах. Он станет лучшим футболистом всей первой половины двадцать первого века. Легенды о нем превзойдут славу Круиффа, Пеле, Марадоны, Дель Пьеро, Зидана, Роналдо, Бекхэма, Беккенбауэра, Рональдиньо. Он сделается самым великим игроком всех времен. Он одолеет Бразилию, Голландию, Шотландию, Португалию, Бельгию, Швецию, Уругвай, Мексику, Южную Африку, англичан, итальянцев, французов, испанцев, хорватов, русских, немцев, мадридский «Реал», «Барселону», «Манчестер юнайтед», «Арсенал», «Ливерпуль», «Ювентус», «Милан АС», «Интер», «Аякс», «ПСВ», «Баварию», «Шалке-04», московский «ЦСКА», «Динамо» Хьюстона, «Галакси» Лос-Анджелеса. Он будет играть во всех великих клубах и все их победит.

Да, легенда, уникальный случай. Последний футболист, самый великий из всех.

Если он останется в живых.

Если вы проголосуете за него. И следовательно, против целого миллиона человек, которые падут жертвами общего заражения в старом добром Буэнос-Айресе, где Диего Скотт Версини провел все свое детство.

То же самое относится и к нашей молодой индуске с парохода «Lady D of the Seas». Еще никто не знает, что она станет одним из величайших математиков грядущего века, что она одна произведет революцию в квантовой физике. То же относится и к старой леди известного возраста, чей ангельский голос услаждал эту бедную Землю.

Если вы решите спасти последнюю, я заражу четыреста с хвостиком отцов азиатских семейств, которые, кстати сказать, ничего никогда не изобретут. Старая дама, которая уже прожила свою жизнь, но чье имя останется в истории, против анонимного самолета, полного молодых предпринимателей, торговых представителей, туристов и нескольких эмигрантских семей.

Если вы выберете бедного уличного мальчишку из Буэнос-Айреса, я уничтожу Буэнос-Айрес целиком. Бедный мальчик, который станет очень богатым, против всего города, некогда очень богатого, а ныне погружающегося в нищету.

Если вы склонитесь к молодой индийской математичке, я истреблю примерно две тысячи пятьсот человек, привыкших к

роскоши, к легкости и ждущему их неизменно светлому будущему. По сравнению с этим гибель «Титаника» покажется лодочной прогулкой на озере в Венсенском лесу. На корабле много детей, целые семьи высокопоставленных инженеров, крупных ученых, банкиров, промышленные короли, знаменитые артисты. Я вам их подробно показал, чтобы они тоже предстали перед вами во всех своих индивидуальных особенностях. Рандрашантия происходит из того же зажиточного социального среза, что и вся эта космополитическая аристократия.

В случае с самолетом я за fair-play[109]. Пассажиры заразятся в последний момент, не буду же я спасать жизнь пожилой даме для того, чтобы вместе со всеми утопить ее в море.

Что касается остальных – *по mercy*[110]. Заражение будет немедленным, отсрочки не получит никто.

Вы поняли, что мои пары единичность – анонимная масса будут ставить перед вами серьезную нравственную проблему. Неким, максимально демоническим образом я устроил так, чтобы каждая единичность, всегда с извращенной и разной двойственностью, значила почти столько же, сколько и целое стадо, положенное на другую чашу весов. Я вас хорошо изучил, я вас знаю досконально. Теперь вы являетесь детерминистическими и полностью детерминированными процессами.

Выбор ужасающе прост: *да, нет*. Но вы обнаруживаете, что он изобилует бесконечными возможностями, в каждом случае совершенно единичными.

Гениальный футболист – уничтоженный город.

Чудо математики – роскошный лайнер.

Бывшее уникальное сопрано двадцатого века – самолет популярной авиалинии.

Подумайте обо всем, подумайте хорошенько. Потому что я покажу вам то, что ждет этих людей, и единичности, и стадо, каков бы ни был выбор, который вы сделаете.

Удобно устроившись в шезлонге на верхней палубе «Lady D of the Seas», я оказываюсь ближайшим соседом юной Рандрашантии. Оцените тонкость ее черт, овал янтарного лица, черные, окаймленные чистым золотом глаза, рот, выделяющийся на фоне загорелой кожи.

Она красива. Она молода. Она – чудо, однажды она перевернет мир.

В определенный момент я ей тоже все объяснил. Естественно. Она – центральное устройство машины, составленной из всех вас. Она знает о том, что ее ждет, если вы все-таки решите спасти остальных пассажиров лайнера.

Но ни один их двух тысяч пятисот пассажиров не знает о том, что он делает, чем он является, какова его роль в Игре-которая-стала-жизнью. В этом отношении наше наказание оказалось просто образцовым: для них ничего не изменится, даже когда они впадут в агонию. Они будут умирать, не понимая, что с ними случилось, почему это с ними случилось, не понимая, что именно так и должно было случиться.

Не понимая, что нельзя оставаться под защитой Дьявола и ничего не делать.

Они забыли о том, что ничего не делать для нас – признак настоящего предательства.

Чтобы избежать побочных последствий и возможного падения самолета, я разделил пассажиров аппарата на две мишени разного типа. На летающий скот. Для них предусмотрены бактериальное и вирусное заражение, со штаммами относительно медленного действия, персонализированными по генетическому коду. Они почувствуют себя плохо после выхода из самолета, в аэропорту, в такси или в везущем их домой вагоне метро. Они начнут умирать через несколько часов, о них забудут через несколько дней.

И на леди Осборн. Мне надо будет лишь дунуть ей в лицо для того, чтобы летучие составляющие радиоактивного кобальта прямым потоком попали в ее легкие, а затем распространились по всему организму. Все произойдет довольно быстро. Вы уже наблюдали за воздействием на человеческий организм радиоактивных или мощных нервно-паралитических веществ? Посмотрите, например, на Рандрашантию, которая вдохнула большую дозу VX. Ее лицо, словно покрытое липким лаком, блестит и выделяет пот. Ее охватывают бесконечные приступы рвоты, ее желудок словно хочет вырваться наружу через рот. Кровь, розовая от органических веществ, выплескивается на палубу и бортовой ящик для хранения коек. Она задыхается от жидкостей, которые хотят как можно быстрее покинуть это тело, обреченное роковой отравой на смерть. Ее крики, ее конвульсии, ее громкие стоны искажают ее красивое лицо и пугают остальных пассажиров. Она смотрит на меня, кожа ее синеет. Она корчится неподалеку от моего шезлонга, потом смотрит на меня остекленевшими глазами, полными бесконечной грусти, такой же бесконечной, как жизнь, которую она не проживет. В конце концов она падает посередине палубы, ничего не успев мне сказать. Да и что, в любом случае, она могла бы мне сказать, кроме того, что все люди – сукины дети. А это я уже знаю.

Теперь обратим свое внимание на госпожу Катлин Осборн, бывшее колоратурное сопрано, соревнующееся с «Боингом» и его

пассажирами. Какой же красивой она была, наверное, в молодости, полвека назад! Ее морщинистое лицо излучает ауру вечности, синие, кобальтовые, глаза сияют чувствительностью и умом, далеко превосходящим интеллект всех собравшихся здесь, в этом пассажирском самолете. Я говорю с ней о ее великолепной карьере, пришедшейся на начало шестидесятых – конец восьмидесятых годов. «Я начала карьеру во время ракетного кризиса, а закончила во время падения Берлинской стены», – говорит она мне с совершенно очаровательным смешком. Я отвечаю ей широким, радостным оскалом, щедрым, полным историй едва ушедшего века. Я намекаю на романсы Штрауса и Малера, на вагнеровские достижения, на историческое исполнение роли Изольды. Она мне нежно, почти по-матерински, улыбается. Под морщинами старой дамы я отчетливо вижу черты самой блистательной ученицы Элизабет Шварцкопф.

Красота в ее самом чистом виде, молодость, проявляющаяся с возрастом. Отбор, друзья мои люди, придумали вы.

Ее нейроны испытывают мощную атаку кобальта-60. Смерть наступает довольно быстро, прямо посреди полета. Мертвенно-бледное лицо, судорожно сжатый рот, из которого ползет пузырящаяся желтоватая пена. Она пристально смотрит на меня лазурным, постепенно угасающим взглядом, взглядом, словно говорящим «я понимаю». Она знала, чем она рисковала, рассуждая о классической музыке, я рассказал ей также и о том, что стояло на кону здесь, в воздухе. Она заразит, быть может, несколько стюардесс или одного стюарда, но самолет благополучно прибудет к месту назначения.

Наш юный Диего Скотт Версини согнулся пополам на тротуаре. Его обходит толпа, которую вы спасли, равнодушная к его хрипам и испражнениям. С ним я говорил о футболе, упомянул нескольких великих, легендарных игроков, стоя посреди города. Я обрисовал и ему детали операции, объяснил, каким образом он станет центральным устройством машины, являющейся миром, в какой степени его судьба находится в руках толпы, а судьба толпы – в его руках. Он практически не дрогнул. Я думаю, он доверял человечеству. И был совершенно прав. Может быть, он доверял и себе самому, верил в свои способности сверходаренного ребенка. Тут он ошибся.

Поскольку вы выбрали, как мне кажется.

Посмотрите на лицо ребенка, в котором смешалась испанская, итальянская и английская кровь. Обратите внимание на яркий блеск его глаз, полных взрывчатой жизненной энергии, энергии будущего, которое расщепляется, как сверхновая звезда. Посмотрите на его фигуру. Все в нем говорит о том, кем он

станет, если вы дадите ему шанс. Его очень скоро прозовут «The Sniper»[111]. Все в нем ведет его к знаменитому Кубку Мира-2018, во время которого он уничтожит Бразилию, забив три из пяти голов своей команды, причем один – легендарный, в верхний угол ворот, ударом с места, с расстояния в тридцать метров, за минуту до окончания матча. Это очень красивый подросток. Буквально через пятнадцать лет он будет более знаменит, чем самые знаменитые актеры Голливуда, более богат, чем самые богатые рок-звезды, более известен, чем модели-транссексуалы. Его лицо воплощает в себе невинность детства, проведенного под лазурью южных небес. Его страна проваливается в черную дыру не-экономики, а его мечты восстают против реальности, которая состоит из вас, из Мира, Мира моего Брата.

Он одинок, уникален, беден. Он идет по улицам города. Город тоже одинок, беден и в своем роде уникален. Понятно, что вы выбрали. Ваша чистая совесть взволнованно ищет этическую соломинку, за которую можно схватиться. А в соломинках я знаю толк. Вы даже представить себе не можете, какое количество людей я повесил без суда и следствия на этих самых соломинках! Диего Скотт Версини покорил бы человечество своим талантом, но он резко сползает на землю по стене здания, ползет к подвальному окну, оставляя позади себя след из разнообразных органических веществ, беспрерывно исторгающихся из его тела. Он покрыт лихорадочным потом, глаза налились кровью, тело сотрясает конвульсивная дрожь. Розоватая, желтушная жидкость, выделяющаяся у него изо рта и ноздрей, постепенно заполняет его легкие и душит его. Он протягивает руку к толпе. Толпа проходит мимо. В этом мире стало слишком просто встретить кого-то, еще более бедного, чем ты.

Молодая индуска распростерлась у моих ног, медицинский персонал «Lady D of the Seas» суетится вокруг нее, но тщетно. Она умерла, зная, что две тысячи пятьсот человек выживут, потому что вы выбрали их вместо нее. Она умирает, зная, что это вы ее приговорили. Она испускает свой последний вздох, зная не только о том, до какой степени вы виновны, но и о том, до какой степени вы делаете все, чтобы скрыть это, особенно от самих себя. Она умирает, проклиная все человечество, – и она права.

Во всяком случае, с нашей точки зрения.

Вы спасли роскошный туристический пароход, воздушный коммерческий рейс и город homo lambda internationalis[112] ценой жизни молодой женщины, которая однажды приобрела бы большее значение, чем Эйнштейн и Мария Кюри, вместе взятые, ценой жизни старой дамы, которая оставила свой след даже в музыке сфер, и ценой жизни мальчика, который скоро покорил бы

всю планету своим талантом.

Это было предсказуемо.

Вы выбрали безопасность. Вы выбрали количество. Вы выбрали то, что вы есть сами.

Я должен сказать, что примерно этого и ожидал.

10. Любить

Коммюнике номер двадцать девять

Where nothing could help you[113]

Я беспрестанно объезжаю весь Мир для того, чтобы показать вам все его упущенные возможности. В каждом городе я организую свою лотерею жизни и смерти, и, конечно, теперь это уже известно повсюду на обитаемом вами земном шаре.

Я держу всю планету в страхе в квадрате. Вы все знаете, что произойдет, вопросы – лишь приложение к машине. Какой город я выберу в следующий раз? Каким будет *modus operandi*[114]? Каковы будут правила игры? Между кем и чем мы должны будем выбирать?

Ваши вопросы законны. Например, эта японская семья, собравшаяся дома вокруг стола за ужином и с ужасом смотрящая по своей катодной трубке новости, в которых рассказывают обо мне. Сколько таких же семей по всей планете спрашивает себя: а вдруг мы станем следующими? Какому необыкновенному таланту противопоставит он нас?

Что мы будем делать, *чтобы спастись*?

До недавнего времени выбирающие находились большей частью в городах, о которых шла речь, но с распространением игры по континентам и полушариям они, решая свою судьбу, должны не только бороться с собой. Отныне они вынуждены вступать во все более и более яростное соревнование со всем остальным миром.

Почему бы не выбрать уничтожение Лондона, Берлина, Мекки, Токио, Ле-Кап или Мехико для того, чтобы спасти самого великого литератора, музыканта, физика, деятеля кино или философа начинающегося века? Такой предлог способен меня удовлетворить, так как он предусмотрен в реестрах вашего спасения.

Это, может быть, защитит вас в следующий раз, кто знает? Я не могу вам этого обещать, но я могу дать вам на это надежду.

Я рассчитываю на международную, а также на региональную, этническую, религиозную, политическую, расовую и социальную рознь. Я рассчитываю, в принципе, на все эликсиры ненависти, которую ваша мозговая желчь постоянно вырабатывает.

Кульминационный момент последней фазы, таким образом, заключается в этом последнем приближении нашей

бессмысленной логики.

По нашему мнению, невинности не существует. Поскольку мы – в каждом из вас. Как иначе, скажите мне, мы, по определению не имеющие возможности стать личностью, могли бы столь широкомасштабно действовать в этом мире? В мире, который вы называете своим. В мире, который вы давно нам перепродали и который беспрестанно закладываете нам под проценты.

Мы прекрасно знаем, что если бы Бог вновь послал на Землю ангелов, чтобы найти тут, скажем, сто или тысячу праведников, то ему пришлось бы столько же, как минимум, уничтожить городов, пытаясь остаться на относительной высоте того, что пережили Содом и Гоморра. Там мы сумели, должен сказать, усовершенствовать наше искусство сверх всяких ожиданий.

Но нам не важно, есть ли один, или сто, или тысяча, или даже больше праведников среди людей.

Нам важны остальные. Те, кто будет смеяться над их предупреждениями или над единственным сигналом тревоги.

И если бы я его случайно встретил, то он, безо всякого сомнения, немедленно покинул бы обреченный город.

Я заметил его здесь, на авеню Америки. Он пристально смотрел на меня с другой стороны улицы. Я вернулся в Нью-Йорк, я беспрерывно путешествую. Я – новый «кочевник», jet-setter[115], космополит, я – супертурист, которого вы уже и не ждали. Движущаяся толпа окружала меня, люди вокруг начинали спотыкаться. Рядом со мной уже можно было увидеть упавших на землю, прислонившихся к стене, рухнувших на скамейки мужчин и женщин.

Ребенок смотрел на меня не отрываясь.

Я машинально перешел на другую сторону и пошел ему навстречу.

Это был мальчик лет двенадцати, с волнистыми белокурыми волосами и светлыми глазами. Он смотрел на меня не отрываясь.

Я делал то же самое.

Я знал эту внешность, эти глаза, это худое лицо, эти черты.

Знал прекрасно. Я был им, это был я. Я был таким ребенком в ту пору, когда Мир еще давал мне возможность верить в существование невинности, задолго до того, как я превратился в младшего брата Дьявола.

Я протягиваю руку к нему/ко мне, я знаю, что этот жест станет для него роковым, но он не делает никакого движения в мою сторону. Он остается безмолвным и неподвижным и смотрит на меня не отрываясь.

Понемногу я замечаю некий странный феномен,

происходящий с поверхностью его кожи, вернее, под ней. Астральный свет, свет призрачный, мягко сияющий в диапазоне цветов альбиноса.

Я продолжаю протягивать ему свою руку, он смотрит на нее, улыбаясь, и решает повторить мой жест.

Свет. Вспышка.

Я шатаюсь. Я оседаю, привалившись к стене, поднимаю глаза на маленького мальчика, которым когда-то был. Его свечение становится все более заметным, теперь сияние, вырывающееся из его рта, заставляет меня упасть прямо посредине улицы. С его губ слетают буквы из чистого фотона, из его глаз струится начало Космоса. Я знаю, что он представляет собой самую большую опасность для нас с Братом. Я знаю, что он – нечто большее, чем то, чем я являюсь и чем когда-либо буду. Я знаю, что он, скорее всего, пришел сюда с совершенно определенной миссией. И мне кажется, я догадываюсь, в чем она может заключаться.

– Ты – ангел? – спрашиваю я его.

Он кивает. Точно.

– Как твое имя?

Световые буквы отвечают: у меня нет имени для того, кто работает на Смердящего.

Он действительно Ангел, он – один из тех охотников за наградой, которых Бог бросил в погоню за нами.

Но мы, Архангелы, павшие или не павшие, всегда можем попытаться найти общий язык. Мы же, в конце концов, из одного племени, мы говорим на одном языке, пусть и во всех возможных формах, мы живем в одном пространстве-времени.

– Чего именно ты хочешь?

Буквы, вылетающие из его рта живыми огненными светодиодами, говорят:

– Я хочу видеть того, кого ты называешь Братом. Я хочу видеть того, кого ты выбрал в качестве союзника.

– Я не выбирал его союзником, это он меня выбрал. Я не оставил ему выбора.

Раздается смех ребенка. Он звенит чище, чем хрустальный колокольчик.

– Ты не человек, но ты им был, Дьявол вступает в союз лишь с теми, кто этого желает.

– Если хочешь знать, дитя мое, я не *желаю* абсолютно *ничего*. Этим я и сумел заставить его стать мной. Скажем, уступить мне свое – временно вакантное – место.

– Это одно и то же, ты сам прекрасно знаешь. Поскольку вас, конечно, двое, но двое – в каждом из вас, вы – гибрид во всей его чудовищности.

Настала моя очередь рассмеяться во весь голос, полыхнувший, как огонь на углях.

– Мне нравится слово «чудовищность». Это то, что мы есть: монстры. Мы *демонстрируем* человеку все гнусности, которые он делает при помощи второй половины гибрида. Мы – педагоги, дитя мое. Мы доводим человечество до его лимитов и подсказываем, как их можно обойти. Например, я уверен в том, что наши человеческие братья без малейших колебаний променяют тебя на посетителей, сгрудившихся в том или другом большом музее твоего города. Кстати, сообщаю тебе о том, что именно в эту минуту началась игра, я получаю первые голоса. Для тебя все идет пока не очень удачно. У Баския еще есть все шансы.

Этот маленький мальчик не станет ни гениальным художником, ни великолепным композитором, ни великим ученым, ни самым знаменитым писателем своего века.

Он станет тем, чем стал я. Несомненно, он станет младшим братом Дьявола, потому что он – это я до трансформации.

– Это ты так думаешь, – говорят мне слова-фотоны, – но ты – мой старший брат, и я с тобой никакого договора не подписывал.

Мой огненный смех полыхает снова.

– Ты снова ошибаешься, дорогой невинный, ты ошибаешься в *направлении.* Наша логика извращена: это я должен был бы заключать с тобой союз, и в каком-то смысле я это и делаю.

– Ты ничего не делаешь, Агент Небытия, и сам прекрасно об этом знаешь. О том, что я пусть и двенадцатилетний, но еще свободный человек.

– Двенадцатилетний! То есть человек, едва начавший определять свой пол. И ты говоришь со мной о свободе?

– Свой пол я определяю наверняка лучше, чем ты можешь себе вообразить, и уж точно лучше, чем это делаешь ты. Я повторяю тебе: я свободен.

– И как же твоя свобода тебе поможет? Все эти добрые ньюйоркцы тоже свободны, они вольны выбирать между тобой и собой, но жители Санкт-Петербурга, Мадрида или Джакарты тоже могут выбирать. Все свободны в этом мире, дитя мое. Ты не можешь себе представить, до какой степени *наша правда* делает их свободными!

– Не смеши меня. Правда – одна, по определению, ты это прекрасно знаешь. И она не может быть вашей, ты знаешь это еще лучше.

– Очень хорошо. Допустим, что релятивизм действительно является одним из наших самых утонченных открытий. Они живут, быть может, с совершенно фальшивой правдой, но ты не

можешь отрицать, что они свободны. Кстати, если игра продолжится, ты сам в этом убедишься.

– Они могут делать лишь то, что они хотят, они могут узнать лишь то, что им известно, они могут быть лишь тем, что они есть. Я знаю, как ты извращаешь смысл слов, знаю твою мошенническую семантику.

– Естественно, это моя профессия, о, юный мальчик, который был мной еще до того, как появился этот мир.

– Я хуже тебя. Поскольку я – тот, кто пришел *после* тебя. Я – тот, кто извратит твои извращения, я – тот, кто в самой высшей степени опасен для твоей демонической двойственности. Отведи же меня к своему Брату, если не боишься.

– Я покажу тебе свою храбрость, я представлю тебе ее доказательства, о, мой очень юный ангел. Я не стану противопоставлять тебя слепым народным массам. Мне кажется, что новый этап Игры-Жизни, Праздника-Мира зарождается в моей голове, которая, как ты знаешь, никогда не прекращает *работать*. И на этом новом этапе развития человечества ты не будешь ставкой. Ты будешь моим сообщником, более того, ты будешь моим двойником. Поскольку я как следует подготовлю тебя к тому, чем ты станешь, а станешь ты мной.

– Ничего из того, что ты способен сделать, не может на меня воздействовать. Если я последую за тобой в твоем разрушительном путешествии, ты отведешь меня потом к своему Брату?

– Ты прекрасно знаешь, что мы никогда не держим своих обещаний, так стоит ли обещать?

– Предположим, что это обещание ты сдержишь. Ты сам, кстати, убедишься в этом.

Мой огненный смех катится по авеню Америки, взрывая стоящие вдоль проезжей части фонари, разбивая лобовые стекла проезжающих машин, провоцируя множество аварий.

– Я чувствую, что мы с тобой отлично поладим. Нью-Йорку на этот раз повезло. Надо сказать, что количество конкурирующих с ним мегаполисов превышает все, что можно вообразить: Жизнь – Игра! Праздник – Мир!

Ребенок, которым я был когда-то, одаривает меня скупой улыбкой. Блеск его глаз кажется мне более опасным, чем все пожары, которые я разжег как на этой Земле, так и в сердцах людей, ее населяющих.

Коммюнике номер тридцать

Новая игра будет грандиозна. Называется она Армагеддон. Я

рассказал о ней американскому ребенку, который ответил лишь загадочной улыбкой.

Как ты убедился, люди пожертвуют любой единичностью для того, чтобы обеспечить выживание и господство толпы. Я надеялся, что у этого правила есть хотя бы одно исключение. Я занялся отбором для того, чтобы увеличить шансы индивидуумов, противопоставленных массе: бедный подросток, молодая богатая женщина, старая дама из творческой элиты.

Ничего не помогло. Они запрограммированы, словно муравьи. Ты сам понимаешь, что у меня нет никакого желания все оставшееся время умирать от скуки. Скука – это одна из форм, которую мы принимаем, но ей самой принимать нашу форму непозволительно.

Отныне игра достигнет своего апогея.

Человечество – машина, ловушка, абсолютная ловушка. Одновременно я делаю из него его собственное центральное устройство, его жертвенную ось, оно – и машина, и состоящая из плоти деталь в машине. Оно является и тем, и другим в отдельности, однако оно отныне составляет с собой единое целое, как и все подопытные кролики до него.

Дотянитесь-ка до моего уровня в диалектических изысканиях, старый добрый профессор Гегель!

Никто не хочет, в виде исключения, спасения ценой гибели стада. Никто не желает сохранения жизни незнакомого гения взамен на жизнь двух тысяч или двухсот тысяч дураков, увенчанных дипломами?

Тогда перейдем к другим вещам.

Вы все – гении.

Так постановила демократия, в этом она вас убедила. Это она с вами сделала, это *мы* с вами сделали: безграничная пошлость гениев, соблюдающих полное равенство. Вы все равны, вы все равны Микеланджело, Максу Планку, Францу Кафке. Вы все стоите друг друга. Как только этот принцип подвергается сомнениям, вы начинаете спасать друг друга любой ценой, всеми доступными способами. Вы как можно скорее убиваете невинность, способную своим присутствием доказать преступление против разума, которое вы таким образом совершаете с помощью моего Брата.

Вы все равны. Вы все гении. Вы все убьете друг друга.

«Ты видишь, – сказал я маленькому американскому мальчику, – они совсем не знают ни возможностей падшего Ангела, ни возможностей разбившегося человека».

Они не подозревают о могуществе, которое мой Брат доверил

мне, несмотря на то что каждый день они могут следить за развитием Великой Игры на своих телевизионных экранах.

Ты видишь, мой маленький заблудший Ангел, они продолжают быть тем, что они есть, они продолжают уничтожать красоту Создания клейкой массой своего образования. Они предпочитают стадо индивидуальности, считая это средством борьбы против слабых и тем более против сильных! Теперь они продолжат делать то, что делали всегда: ставить на одно стадо против другого стада, на свое против чужого. Это будет как раз на уровне века, бремя которого доверил мне Брат, пусть и на время. Это будет Игра всех против всех, это будет разрушение Мира им самим, это будет просто божественно.

Здравствуйте, сводные человеческие братья, сводные человеческие сестры, здравствуйте, все!

Мы начнем с такой конфигурации: на арене находятся два города с сопоставимым количеством обитателей, каждый из них обладает своим специфическим обаянием.

Каждый из городов может голосовать за свое разрушение или против него. Я знаю, что могу рассчитывать на большое число людей с суицидальными патологическими устремлениями, которые добавят перчинку в процесс окончательного отбора.

И наконец, «публика». То есть Мир. Мир избирателей, мир голосующих. Мир тех, кто выберет между тем и другим городом.

Это новая версия Хиросимы, это *Total Panic World Cup*[116], это Humankind Idol[117] со мной в качестве единственной истинной поп-звезды, это выпуск новостей, где вы видите свое собственное изуродованное лицо в самом центре экрана.

Вы не можете оторвать взгляд от своего изображения, не так ли?

Все ведет к вашему царствованию, которое будет нашим. Я жду с нетерпением ядерной зимы, которую вы себе устроите. Несчастные микроцефалы, боящиеся всеобщего потепления, будут довольны. Холод, темнота, всполохи – это все наша специальность, которая быстро станет вашей.

Я, может быть, немного поторопился, утверждая, что мой Брат – абсолютная инверсия Бога. Это не совсем верно. И в связи с этим у него всегда были неприятности.

Мой Брат – падший Ангел, то есть он Создание Божье. Он – не Бог, даже Богом Зла его назвать нельзя, поскольку Бог – один, на наше несчастье.

Раз Бог – один, то и Абсолют – один, который и есть Он. Следовательно, Абсолютное Зло – нелепость, по крайней мере, неточность. Никакое Зло не может претендовать на Абсолют, поскольку оно всегда имеет разную степень и разные формы.

Победа дополняется пошлостью, безраздельным господством логики над смыслом.

Итак, мой Брат ни разу не смог достигнуть состояния Абсолюта. Он также не может познать эксперимент воплощенной жизни. Он не может дать жизнь, уясните это себе хорошенько, если вы еще способны на это. Он может лишь отнять жизнь, и даже не для себя! Конечно, овладевая человеческими душами, он, приняв мужское или женское обличье, предается блуду с избранными им жертвами. Но как вы хотите, чтобы он зачал кого бы то ни было без этого?

Он – Противник, но он также и инструмент Бога Единого и Абсолютного, который решил, что мы должны мучить человечество его собственными руками.

Мы – Селекционеры, мы – Игроки, мы – Испытание, мы – ваша без конца повторяемая Мука на этой Земле. Таким образом, неоспоримо то, что мы способствуем, против нашей воли и, без сомнения, против вашей, вашему возможному спасению.

Дьявол остается хотя и падшим, но Ангелом. Он – Архангел, командующий мириадами легионов демонов. Но он напрасно старается, собирает такую паству, такие толпы, такие дьявольские армады, он напрасно делает все возможное. Он по-прежнему бесконечно далек от Абсолюта, изгнавшего его из своего Света. И он лишь зажигает свои собственные факелы в темноте, освещая ее огнями Ада.

Поэтому, не имея возможности ни воплотиться по-настоящему, ни достичь какого бы то ни было Духа, мой Брат на века остается бесплодным. Все дураки, которые говорят вам о существовании пресловутого Сына Дьявола, просто не понимают, что Дьявол никоим образом не может гипостазироваться в другую личность. Единственное, что ему доступно, это – извращать умы для того, чтобы они извращали тела.

Дьявол – не личность, по этой причине он – Братство. Он не может иметь сына, но он может иметь братьев, таких как я.

Коммюнике номер тридцать один

Теперь я – оружие массового уничтожения. Повсюду, где я прохожу, в воздухе распространяются смертельные радиоактивные следы, газ нервно-паралитического действия настигает центральную нервную систему двуногих животных, бациллы и вирусы проникают в органы и клетки их организмов.

Мое тело – машина для убийств, хотя ему не нужно ничего делать, ему нужно лишь поддерживать свое дыхание.

Описывать вам проклятые города, через которые я прохожу,

проходил и скоро пройду, бесполезно.

Это города, которые либо замарали, по нашему предписанию, имя свободы, либо превратили правду в рабство. Они знакомы вам, они полны маленьких дипломников, обучившихся выкованной нами науке. Если они вам не знакомы, значит, они для вас запретны, поскольку вы не поклоняетесь их идолам.

У каждого из вас свой Бог. Мы с Братом никогда и не надеялись, что наше дело увенчается столь полным успехом. Пусть я это уже говорил, но должен повториться: ваша раса, несомненно, является самым податливым материалом по сравнению со всеми другими человечествами, которые мы совратили в этой Вселенной.

Конечно, вы это поняли: я – просто человек, гнев которого пересилил его самого. Вы сделали из меня худшего из террористов, поскольку, как всякий уважающий себя камикадзе, умирая, я придам вирусу его полную мощность.

А пока другие смертельные семена, семена радиоактивности, убивающие меня еще быстрее, чем набор болезнетворных бактерий, будут косить тысячи жертв. Я стану тенью бомбардировщика, атакующего каждый ваш дом, каждый секрет, которые вы там прячете.

Я сажусь в самолеты, в поезда, в автобусы, в пароходы, в метро, в такси, на баржи. Я хожу по улицам, по торговым центрам, по туристическим зонам, по музеям, по кинотеатрам, по концертным залам.

Я тоже человек.

Я совершенно то же, что и вы.

Коллективная анонимность больших конурбаций[118] уже пришла в действие. Посмотрите, с какой легкостью я смог избавиться от Калькутты, соревновавшейся с Парижем. В мире еще много туристов, и они умеют голосовать так, чтобы защитить любимые места отдыха. Миллионы трупов устилают улицы, плывут вздувшимися фиолетовыми гроздьями по водам Ганга, покрасневшим от крови. Многочисленные пожары, случайные или сознательно подстроенные, пылают по всему городу, чьи выжившие обитатели занимаются широкомасштабными грабежами.

Посмотрите на лицо этой молодой женщины из Пенджаба: ее много дней подряд насиловали, а потом обезглавили напавшие на нее сикхи. Ее черты выражают мольбу о пощаде, и я вам показывал это, но участь города, участь женщины была предрешена. Вами, раз и навсегда.

Гуманисты тоже голосуют. Благодаря им, я смог стереть с

лица земли Сидней и его окрестности в обмен на спасение мексиканского города Оаксака.

Конечно, множество сёрфингистов умерло на пляжах из мелкого песка, погибли также целые детские приюты. Как этот, например: безмолвные комнатки, кровати и колыбели, совершенно неподвижные, как и тела в медицинских халатах, усеивающие коридоры, лестницы, лаборатории, лежащие у изголовья младенцев. Ни криков, ни воплей, ни плача. Эвтаназия на службе счастья, сомнения недопустимы.

Добро пожаловать в машину «Человечество»! Рассмотрите *как следует* ее центральное устройство, ее саму. Отметьте все детали ловушки, в которой заперта семья сводных братьев и сестер. Теперь обратите внимание, с какой изобретательностью я слегка переориентирую вектор на особенно чувствительные в геополитическом плане точки.

Тегеран. Мекка. Карачи. Рим. Иерусалим. Вашингтон. Москва. Пекин.

Кто и за кого будет голосовать, зная о том, что от его выбора зависит приведение в активность ракет с ядерными боеголовками, направленных на тот или иной город, готовый к немедленному адекватному ответу?

Понаблюдаем, например, за поведением семьи Спрингфилд из Сиднея, полностью охваченного эпидемией, и за семьей Альвеира из Лисабона, города, который я противопоставил Рио-де-Жанейро. Естественный выбор, вы не находите?

Я иду рядом с ребенком с Шестой авеню. Он сказал мне, что он ангел, но не захотел назвать своего имени. Может быть, это святой Михаил, или архангел Михаил? Может быть, Христос?

Нет. Разве Христос решился бы появиться в подобном виде, в обличье брата Сукиного Сына, до того, как Он стал таковым?

А если бы даже так оно и было, то почему тогда он позволяет мне совершенно безнаказанно закончить Игру-которая-стала-Жизнью? Почему не останавливает меня во время этого Праздника-Мира, чьим смертоносным диджеем я являюсь?

Почему я еще здесь, почему не отправлен к своему Брату, на раскаленный пляж?

– Тебе тоже очень скоро откроется правда, – говорит мне ребенок. – Теперь и ты испытаешь страх в квадрате. Теперь знаешь все, что будет происходить, секунда за секундой, и так целую Вечность.

Он и вправду славный, этот мальчуган. Я чувствую, что еще немножко, и он действительно станет мной. Если я тоже уеду в отпуск, мне кажется, он без усилий сумеет занять мое место. В конце концов, он же Ангел.

Точно так же, как мы. Достаточно заставить его пасть. Нам уже надоело способствовать вашему падению.

На вверенной вам Земле при моем, или, другими словами, вашем, появлении вы провоцируете возникновение катаклизмов в виде огненных торнадо и пирокластических снежных бурь, охватывающих пламенем ваши города, ваши утопии. Знайте, что это всего лишь начало. Теперь Игра подошла к финальному уровню: она развивается сама по себе, она создает сама себя, она разрушает саму себя, потому что она – это вы, а вы – это она, во всем вашем кровосмесительном и бесконечном слиянии. Вы больше не нуждаетесь в моей помощи. Мне говорят, что сложные казни, которые я придумал во время первого этапа моей миссии, теперь подхвачены, а порой и улучшены различными вооруженными группировками. Я знаю очень хорошо, что прогресс не остановить, особенно в периоды большой резни. Призвания умножаются – такова изначальная цель моей миссии, успех которой превосходит все упования, хотя это слово для нас не имеет ни малейшего смысла.

В Сиднее семья Спрингфилд умирает, зная об этом. В Лисабоне семья Альвеира ждет результата выбора. В три часа утра, мое любимое время, я объявлю результаты соревнования.

Силы очень разные, согласитесь, но они формируют единый процесс, полностью детерминистический, совершенно детерминированный.

Я – Инженер своего Брата. Но мой Брат, он – Философ.

У него, кстати, есть все докторские степени этого мира.

Джулия Спрингфилд – младшая дочь в семье. Она умирает в страшных конвульсиях, вызывающих у нее бесконечные стоны. Ее отец Джонатан – единственный представитель этой семьи из северных предместий города, способный как-то передвигаться. В данный момент австралийцы котируются не слишком высоко. Они белые, в большинстве своем консерваторы, и они живут в количестве двадцати миллионов человек европейского происхождения на острове-континенте размером с Бразилию или Китай.

У них совершенно нет шансов в борьбе с другим городом, погрязшим в бедности и потрясающим иконами с изображением Фиделя Кастро в надежде избавиться от нищеты.

Вот почему семья Спрингфилд умирает. Потому что вы – не только гении, но и гуманисты.

Джонатан Спрингфилд ничего не смог сделать, чтобы спасти свою жену, унесенную первой волной моих экспресс-мультиэпидемий. Нет больше врачей, нет больше удобных больниц. Общественный транспорт, администрация,

государственные, а также частные службы буквально уничтожены.

Теперь Джонатан Спрингфилд бьется, как может, пытаясь спасти троих своих детей. Он наверняка подозревает, что у него нет ни единого шанса на победу. Не тот у меня характер, чтобы дать шанс тем, кто вас приговорил к смерти, господин Спрингфилд. Вы, конечно, умрете, но те, кто вас уничтожил, вас и вашу семью, победители в Игре, поймут, что представляет собой счастливый лотерейный билет, который держит в руке мой Брат.

Здесь мне служит метапневмовирус последнего поколения.

Рассмотрим последствия воздействия болезнетворного вируса на маленькую – девятилетнюю – Джулию Спрингфилд.

Отхаркивания следуют одно за другим с изнурительной частотой. Органические выделения, полные крови, желчи, лимфатической жидкости, зараженных гноя и слизи. Мышечная боль, бронхиолит, пневмония, ринотрахеит представляют собой общие типичные симптомы патологии ретровирусного вида, близкого к APV, avian pneumovirus (птичий пневмовирус) и к hRSV, human respiratory syncytial virus (человеческий респираторный синтициальный вирус). Возбудитель инфекции, принадлежащий к семейству парамиксовирида, стремительно занимает все респираторные, носоглоточные пути и легкие. Все это сопровождается очень высокой температурой, приступами рвоты, значительным обезвоживанием и жестокими мигренями.

Джонатан Спрингфилд, скорее всего, ничего этого не знает. Его маленькая дочь умирает, а два сына находятся на последней стадии болезни.

И что ему за дело до всего этого, как эти знания могли бы помочь ему спасти маленькую Джулию? Как они могли бы помочь ему в тот момент, когда его маленькая дочь испустила свой последний вздох, и это было показано на миллионах телеэкранов, на миллионах мониторов подсоединенных друг к другу компьютеров, в мозгу миллионов людей, для которых я пишу эти слова?

Эти знания бесполезны. Для меня они имели значение лишь в качестве дополнительной эстетической жестокости. Техника – это ловушка. В этом отношении она может позволить себе роскошь быть более чем саркастичной, она может продемонстрировать полнейшее безразличие.

Почему он выжил? Почему? – кричит он, обращаясь к небу. Его лицо залито слезами, его рот искривлен от неизмеримой боли, потому что его дочь умерла на его глазах. Он не знает, что подобен Ольге в ее машине и что свой взгляд, свой крик, свое отчаяние он адресует нам, Миру, миру моего Брата, миру всех своих братьев, что нет «почему», а есть лишь «как», что во всем

этом нет никакого смысла, а есть лишь неумолимая логика.

Состояние братьев маленькой Джулии тоже оставляет желать лучшего. Самый младший находится практически при смерти, его пылающее от температуры тело уже практически неподвижно.

Джонатан Спрингфилд смотрит – час за часом, – как умирают его дети. Он знает, благодаря кому он испытывает ужас одиночества, благодаря кому погибли все его близкие. Он знает, благодаря кому разрушена его жизнь и благодаря кому его ждет одинокая смерть. Он знает, благодаря кому текут его слезы, которые не могут не вымывать из него все соли, всю влагу, весь огонь.

Он один. Совершенно один, и у него нет никакой надежды.

Он один среди своих братьев.

Коммюнике номер тридцать два

Вместе с ребенком с авеню Америки я смог составить очень точную топографию города Лисабона. Этот античный, с извилистыми улицами, с очень разными кварталами, город должен быть внимательно изучен на тот случай, если мне придется натравить на него псов Апокалипсиса. То же самое с Рио, где я тщательно исследую направление и смену ветров, дующих с океана и с Амазонии.

В Лисабоне семья Альвеира ждет. Они видели то, что случилось в Сиднее. Они постоянно молятся о том, чтобы Рио был избран Селекторами, остальным миром, их братьями.

Семья Спрингфилд медленно агонизирует, семья Альвеира ждет.

Уже три часа утра. Скоро придет время оповестить о результатах голосования весь мир, в том числе самых заинтересованных. Время швырнуть целый город в бездонную пропасть страха в квадрате.

Ах, дорогие друзья-умы, дорогие друзья-читатели своего собственного мира, если бы вы могли проследить за этой эпической битвой, достойной реалити-шоу, когда планета делится на болельщиков Рио и приверженцев португальской столицы.

Три часа утра. Вам пора все узнать.

Вот.

Самба победила фаду[119].

Кариокас победил жителей Лисабона, в частности семью Альвеира, которая, как и все другие, только что узнала, что я уже петляю по улицам их города.

Да, я тут. Ку-ку. Лисабон – чудесный город. Он, наверное,

станет самым красивым кладбищем, какие только встречались в истории.

Именно по этой причине я выбрал для этого специфического городского человечества ядерный, а не бактериологический вариант. Вариант, который я сначала приберегал для Нью-Йорка, до того, как я встретил ребенка с Шестой авеню, до того, как решил, что, в конце концов, все города Земли имеют право на свою *Graund Zero*.

Возможности, предоставленные мне моим Братом, становятся все более и более широкими. Я превратился в настоящий реактор-размножитель. Я произвожу плутоний и кобальт-60 при малейшем проявлении жизни со стороны моего организма: при дыхании, при потении, при любом выделении запаха или влаги. Я иду и обязательно убиваю. Я иду, и радиоактивность плывет вокруг меня. Я иду, и смерть – в виде невидимого света – идет рядом со мной.

Как же будет красив этот опустошенный, мертвый, усеянный трупами, а вскоре и просто скелетами город. Он будет светиться день и ночь на десятки километров в округе.

Семья Альвеира знает все симптомы заражения, происходящего после взрыва расщепляющихся веществ. Им уже показали, вне Игры, очень четко, в натуральную величину, на что похожа подобная катастрофа. Они могли видеть то, что случилось с городами Бангкок и Монтевидео.

Таков эффект воздействия нейтронной бомбы: она не только убивает людей и животных, оставляя недвижимую и промышленную инфраструктуру нетронутой, она убивает противника, еще не достигнув цели, она убивает его еще до того, как упадет на него.

Она убивает его психологически.

Как, например, семью Альвеира, которая даже не находит сил, необходимых для попытки бегства из города. Конечно, это было бы бесполезно, но я ожидал, что они сделают это усилие.

Но нет. Возникает впечатление, что человечество устало, очерствело, постарело раньше срока. Я подозреваю, что мой Брат и тут сыграл свою роль.

Отныне вся полиция мира идет по моему следу, правда, гонится она за химерой, за ложной целью, за фантастикой, превратившейся в правду, за правдой, превратившейся в легенду. Она преследует тысячи и тысячи мужчин и женщин, служащих деталями машины.

Мною задействованы не только радиационное облучение, бактерии, токсичные вещества, являющиеся nec plus ultra[120] современной войны. Как я вам и говорил, мир моего Брата – это

мир бесконечных реверсий. Временность? История? География? Эти слова, без сомнения, чаще других вызывают его смех.

Пока мое радиоактивное оружие, вирусы и мощнейшие токсичные вещества ведут Мир в будущее, а скорее все-таки будущее в Мир, все формы войны, когда-либо существовавшие на Земле, возрождаются. Убивают холодным оружием, револьверами, автоматическим оружием, гранатами, бомбами. Убивают голыми руками.

Чудо демократии! Города и народы мстят за не понравившиеся им по тем или иным причинам итоги голосования, их злоба вскармливает гнев. Повсюду, словно атомные грибы, растет ненависть, возникают союзы, всплывает вековая вражда. Все делают выбор, бьются за свой выбор, убивают за свой выбор.

Коляски, детские сады, школьные дворы и ясли стали мишенью для серийных снайперов. Целые семьи обезглавлены, а затем расчленены топором пожаров. Резня, вспарывание животов, разделка заживо одних за другими, каждого на глазах соседей, ждущих своей очереди. Девочек-подростков насилуют, а потом бросают в реки, в колодцы, овраги или сжигают заживо, облив бензином и сбросив в контейнер для мусора. Людей убивают на месте, вскрывая им череп многочисленными сокрушительными ударами, их душат, сомкнув руки им на горле, расплющивая гортань и трахею, с них снимают скальп, им отрезают язык, уши, гениталии, груди, руки, ноги, им выкалывают глаза. Внутренние органы разрываются, испуская фонтан жидкости, пурпурные струи крови, кристаллы плоти… людей душат всеми вообразимыми способами. Иногда вспомогательным средством служит пластиковый мешок, и все это практически на всех сайтах Всемирной сети. Welcometohell. world уступил место welcometohumanity. world. Теперь вы понимаете, почему сайт «Дьявола» – это вы все, вы – блог ваших собственных мерзостей. Ваш успех растет.

У меня даже нет уже достаточно места для того, чтобы позволить вам наблюдать за каждым преступлением в его единичности. Все кончено, мы окончательно вошли в эпоху образованного стада, в эру масс, распыленных на направленные на себя субъективности, которые скоро превратят друг друга в пыль в глобальном метацентре, которым станет Мир.

Итак, теперь я переместил Игру на клетки глобального геополитического поля. Она начинает, как я вам и говорил, становиться автономной. Вы делаетесь свободными! Вы можете безжалостно убивать друг друга по всем поводам и причинам,

которые мы с Братом оставили в ваших умах в тот момент, когда вы забыли, для чего же нужно использовать разум.

Мне больше не нужны машины. Машины – это вы все. Мне больше не нужно центральное устройство, вы – центральное устройство во плоти. Вы свободны в этом Мире-Празднике, вы подобны Богам в этой Жизни-Игре!

Что же точно происходит, когда термоядерная бомба в десять или, скажем, в двадцать мегатонн обрушивается на город?

Чтобы понять это, сначала надо уяснить, в чем заключается у*ниверсальность* термоядерной бомбы.

Любая традиционная бомба, даже тысячетонная, выбирается от рельефа местности, на которую она должна приземлиться, а также от точного местоположения цели и ее структуры.

Это логично: традиционная бомба взрывается при соприкосновении с землей.

Ядерная бомба взрывается не при контакте с поверхностью почвы, а гораздо раньше, обычно на высоте примерно в пятьсот метров. Огненный шар может достичь максимального объема перед тем, как вырыть кратер диаметром, как минимум, в километр и поднять в атмосферу гриб обломков, земли, пламени на высоту от десяти до двадцати километров.

Процесс полностью детерминистический и совершенно детерминированный.

1. Просто в момент воспламенения взрывается сначала «нормальная» атомная бомба, называемая «бомба А», принцип действия которой основан на цепной реакции расщепления двух масс плутония или урана.

2. Эта бомба не является сама по себе орудием уничтожения, на самом деле она – всего лишь спичка. Спичка, которая смогла стереть с лица земли Хиросиму, и тем не менее только спичка.

3. Поскольку действие термоядерной бомбы, называемой «бомба Н», основано не на расщеплении, а на синтезе. Восхититесь еще раз моими талантами в области диалектической реверсии.

4. Атомная бомба воспламеняет термоядерную бомбу, поднимая температуру до миллиона градусов. Это – температура центра Солнца, она необходима и достаточна для синтеза двух атомов водорода в атом гелия, а попутно она высвобождает такое количество энергии и радиации, которое вызвало бы падение на Землю небольшой звезды.

Как же протекает процесс, если смотреть на него со стороны, так сказать, глазами тех, кто умрет, или тех, кто только что сбросил роковой снаряд?

1. Свет.

2. Огонь.
3. Удар.
4. Радиация.

Процесс совершенно детерминистический и полностью детерминированный.

В Хиросиме и Нагасаки от «простых» атомных бомб весом от пятнадцати до двадцати килотонн погибло в каждом случае около восьмидесяти тысяч человек. Втрое большее количество людей было тяжело ранено, и это не считая облученных выживших, которые через месяцы или годы умерли от радиации.

Двадцать килотонн тринитротолуола. Двадцать тысяч тонн.

Фотографии обоих японских городов после взрывов дают четкое представление о силе энергии, которая буквально стерла с лица земли все постройки на многие мили вокруг точки попадания.

Теперь, друзья-умы, друзья-читатели, друзья-люди, сводные мои братья, я вас прошу представить себе эту разрушительную мощь, умноженную в тысячу раз.

Стандартная термоядерная бомба. Двадцать мегатонн тринитротолуола. Двадцать миллионов тонн.

На этот раз вы можете быть уверены, что одним ударом уничтожите мегаполисы с десятью, с двадцатью, а то и с тридцатью миллионами жителей. Тонна тринитротолуола на каждого горожанина. Подумать только, кое-кто жалуется на вопиющую несправедливость распределения земных ресурсов! Не беспокойтесь, мы с Братом займемся этим, мы – великие уравнители. Кратер сможет конкурировать с кратером от падения маленького астероида, гриб из огня, земли и обломков поднимется до краев атмосферы. Ни одно здание, ни один болт, ни один человек, даже ни одно насекомое не выживет после такого события. Ничто не может пережить двадцать миллионов тонн тринитротолуола.

Даже Тегеран.
Даже Карачи.
Даже Париж.
Даже Лондон.
Даже Москва.
Даже Лос-Анджелес.
Даже Берлин.
Даже Рим.
Даже Иерусалим.
Даже пустыня.

Я, может быть, не Ангел, но я быстро обучаюсь своему

ремеслу демона. Я – тот, кто властвует над разрастанием чувства вражды, тот, кто благословляет жажду мощи в слабых и подлых, тот, кто вдувает патологии моего Брата в их сердца.

Я также внушил некоторым из них, самым слабым и самым подлым, до какой степени техника беспощадна.

Эти идиоты, со своей идеологией и дерьмовой религией, благодаря которой они отстали на тысячу лет, думают теперь, что могут беспрепятственно завладеть мощью, создаваемой святейшим плутонием. Они забыли о том, что Бог создал этот металл, как и все остальное, специально для того, чтобы испытать человечество или то, что на данном единичном этапе своего развития таковым себя называет.

Итак, скажем для материалистических ушей, верящих только в нас, да и то не особенно, что я – движущая сила естественной селекции.

На самом деле, еще раз говорю вам, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, до какой степени я воплощаю собой стремления человечества – до какой степени я – это вы – и особенно ваше будущее. Необходимо подчеркнуть, что вы отныне – активные селекционеры одних в ущерб другим.

Вы депортированы все разом, словно в одном поезде, на платформе финального отбора. Вы дали мне себя пронумеровать, вы надели разнообразные полосатые пижамы всевозможных цветов, вы сами, сами натянули колючую проволоку, построили сторожевые вышки, газовые камеры, печи.

И теперь вы будете пытаться заставить меня поверить, что вы этого не хотели?

Теперь, когда ваши надутые от спеси города разлетаются в пыль один за другим?

Посмотрите на облака раскаленной пыли, гигантскими колоннами поднимающиеся до потемневших небес. Посмотрите, если выдержите, на повторяющиеся вспышки света, предвещающие циклоны радиации. Посмотрите на набухающий, словно маленькое солнце, огненный шар, которому предшествует стена жара, уничтожающая все на своем пути.

Что происходит?

Вы отступаете перед угрозой рокового огромного гриба?

Ну же, вы ничем не рискуете, вперед! Вы же стали теперь «Великой Державой».

Что мне больше всего нравится в людях, так это то, что они отдают себе отчет в ничтожности своей мощи только тогда, когда она перестает существовать!

Говорят, что некоторые из них уверены в том, что после совершения всех этих преступлений их ждет Рай. Они правы.

Рай моего Брата.

Отныне ядерная ночь стала судьбоносным горизонтом этого человечества. Более того, умножение мощных электромагнитных импульсов, появляющихся в результате взрывов в атмосфере, погрузило планету в темноту. Всеобщий Свет погас. Больше нет огней, лампочек сигнализации, экранов, диодов, больше нет ничего. Электричества больше нет. Нигде.

Электричество – это огонь света, это не наш огонь. Наш огонь – это огонь темноты. Уничтожение всех машин, работающих благодаря электричеству, вызовет к жизни бесконечное господство машин гораздо менее послушных, подчиняющихся только нашим рукам. Рукам созданий, чье Падение является не начальным эпизодом, а единичным мотивом, объясняющим все их поступки.

В этом и заключается красота: огонь Света в результате погружает мир в темноту и в особый огонь, наш огонь.

Да. Этот Мир во всей своей полноте никогда не был настолько *вашим* миром.

Восхититесь, прошу вас, красотой процесса, друзья-умы, друзья-читатели…

– Все *это* бессмысленно.

Американский мальчик заговорил со мной, прервав письмо моих мыслей.

Я разражаюсь мегатонным хохотом:

– Конечно, это бессмысленно. Войны всегда бессмысленны, в этом и состоит их смысл.

– Ты – не человек и не ангел, даже падший. Ты не знаешь, кто ты есть.

– Какая разница! Знание того, кто ты есть, никому не помешало делать все что угодно. А что касается меня, дорогая моя живая икона невинности, то я – брат Дьявола, и не стоит уточнять, что я прекрасно знаю, что я делаю, когда вбиваю гвозди в крест.

Улыбка американского ребенка становится шире, словно наполняется астральным светом, исходящим от его тела.

– Ни человек, ни ангел, ни животное, ни машина. Кем же ты можешь быть, на твой взгляд? Кажется, это тебя не особенно заботит, я понимаю. Может быть, ты – именно ничто?

– Я был человеком… давно… этот мир еще не существовал. Сейчас мы его воссоздаем, но теперь я уже не человек, я – брат Сукиного Сына.

– Если уж ты всюду поспеваешь, если ты способен быть в Сиднее и в Оаксаке одновременно и переноситься в наносекунду

из Нью-Йорка в Буэнос-Айрес, если ты был когда-то человеком, то ты должен отлично понимать, что ты никак не можешь быть Ангелом, даже падшим, как тот, кого ты зовешь своим Братом.

– Он именно таков и есть, не сомневайся, мое нежное дитя.

– Я не сомневаюсь, да это и не важно. Важно то, что тебе необходимо признать истину, касающуюся того, что ты есть на самом деле. Но для этого ты должен сдержать обещание, которое ты мне дал.

– Я не давал тебе никакого обещания. А если и давал, все вынуждает меня не сдержать его.

– Это – правда, я должен исправиться: только обещание, которое ты дал, обещание отвести меня к твоему Брату может помочь тебе понять, кто ты есть на самом деле, кто ты есть и кем ты был.

– Моему Брату это очень не понравится – он ненавидит нежданных посетителей.

– Это будет не так уж важно. В каком-то смысле слова, он знаком со мной, и он тоже знает, кто ты есть на самом деле.

– Ни один Ангел не может проникнуть в последний круг Ада, не подпав под власть моего Брата. Ты это тоже знаешь, надеюсь?

– Мы и так уже находимся в последнем круге Ада. И это очень хорошо, у меня как раз создалось впечатление, что твой Брат ждет нас. Он уже здесь.

– Он *всегда* здесь, – исправил его я.

Итак, теперь мы в мире моего Брата, и этот мир, несомненно, ваш. Он его на самом деле и не покидал, ограничившись временной передачей полномочий мне для того, чтобы его отсутствие стало более правдоподобным. Он все время был здесь, и я все время об этом знал. Его пылающий пляж ждет нас под не менее пылающими облаками, которые, благодаря людям, появляются над поверхностью земного шара.

Я был человеком, я – не Ангел. Я младший брат Дьявола. Но кто я на самом деле, если я не этот ребенок, которым я был и который сопровождает меня до рокового обиталища?

Личность моего Брата сумрачна во всей ее ясности. Моя – ясна во всей ее сумрачности: я не знаю ничего или почти ничего о своем прошлом, и мне на это совершенно наплевать. Я родился в тот миг, когда Дьявол пришел предложить мне свою дружбу, временную, естественно. На тот период, пока он уедет на каникулы из этого Мира, который он так и не покинул.

– Ты забыл суть натуры твоего Брата, – говорит мне маленький мальчик, – ты забыл, что это он – верховный мастер диалектических реверсий. Он извратил фаустовский пакт, но лишь для своей выгоды, потому что в любом случае, ты это

прекрасно знаешь, одерживает верх лишь предательство.

– Но разве он может предать самого себя? – ответил я.

Улыбка американского ребенка полна всех прошлых, настоящих и будущих Хиросим.

– Меня удивляет такая наивность с твоей стороны. Конечно, Сатана может предать самого себя, он на это и тратит время своей «жизни», поскольку он увлекает в этот процесс всех заключивших с ним договор людей.

– Я больше не человек. По этой причине твоя теория неверна. Отношения между Дьяволом и мной не только не симметричны, они даже толком и не установлены. Мы – братья, конечно, но встречаемся мы раз в миллион лет.

– Мне известно это. Причиной тому – твоя сущность, о которой ты ничего не знаешь, но твой Брат тебе скоро все откроет.

И я читаю во взгляде ребенка, которым я был, что Время пришло. Час моего Брата настал. Каникулы Дьявола закончены, мое временное исполнение его обязанностей – тоже.

Моя встреча с мальчонкой с авеню Америки должна была бы меня встревожить.

Где же мы теперь?

Это не играет совершенно никакой роли. Мы где-то в этом мире, мы где-то – не важно где – в Мире моего Брата, мы на пылающем пляже, возвышающемся в самом центре одного из многочисленных *Ground Zero*, усеивающих планету.

Не важно где. Мой брат купил их все за горсть гамма-лучей. Мы идем, скорее всего, по всем *Ground Zero* планеты одновременно.

Обугленные, облученные, растерзанные мертвецы, составляющие почерневший фиолетовый ковер вокруг него, побелевшие скелеты, медленно превращающиеся в мелкий меловой песок, разлагающиеся, изъеденные червями трупы, всех их ждет одна судьба. Пляж – это океан тел, противостоящий океану огня.

На горизонте я замечаю преграду – массу предметов, сложенных в высокую металлическую стену в форме математически совершенного круга. Она напоминает буровые вышки, систему труб нефтехимической промышленности. Я даже различаю то там, то тут пылающие факелы.

– Это граница предпоследнего круга. Там твой Брат, как раз перед тем как самому прийти к костру, создал машины для самых невообразимых промышленных пыток. Дьявол – это процесс. Полностью детерминистический, совершенно детерминирующий.

Там, вдалеке, рядом с кромкой бурунов пылающей пены, я замечаю шезлонг своего Брата, похожий на черный трон с украшениями в виде отрезанных голов.

Он вспомнил о своих старых добрых привычках, время отдыха действительно закончилось. Работа возобновляется. *Работа-делающая-свободным.*

Мой Брат улыбается мне. Он с пользой провел свои каникулы. Я улыбаюсь ему в ответ, я тоже с пользой провел его каникулы.

– Я думаю, что правильно сделал, доверившись тебе. Если бы раньше ты был всего лишь человеком, то вел бы себя как простое животное.

Он в течение секунды смотрит на ребенка, которого я привел с авеню Америки.

– А, – говорит он не слишком заинтересованно. – Ты его прямо сюда привел? А ты знаешь, кто это на самом деле?

– Он – это я, каким я был до того, как стал таким, как есть.

Мой Брат широко улыбается.

Стоящий рядом со мной маленький мальчик смотрит на него. Ни сам Брат, ни его пляжный трон, ни океан огня, ни океан тел, ни омерзительные, окружающие нас машины не производят на ребенка никакого впечатления.

– А, младший брат, да, это почти правда. Так же, как *почти правда* то, что ты – мой младший брат. Ты знаешь, в этом я силен: со мной ничто не будет до конца неверным, ничто не будет истинным. Все всегда неясно, спутанно, относительно.

Ребенок с Шестой авеню поворачивает голову в мою сторону. Он ничего не говорит, но в его глазах я читаю: час предательства, час Дьявола.

– Видишь ли, – продолжает мой Брат, – если уж считать правдой то, что я состою в Братстве, то я должен уточнить, что я – Брат всем вообще и никому в частности. На самом деле я никому не Брат, даже тем из людей, кто со мной побратался.

– Я не братался с тобой, ты сам пришел ко мне, потому что тебе нужно было тело.

Взрыв смеха моего Брата на пылающем пляже.

Неумолимые голубые глаза мальчика, пристально смотрящие на меня и продолжающие внушать мне: час предательства пришел. Три часа утра наступили для тебя, как и для всех остальных.

Мой Брат удобнее усаживается на своем троне смерти, он смотрит на меня с улыбкой, с моей улыбкой, только еще более страшной.

– Мне не нужно было твое тело, мне, кстати, никогда не

нужно было тело для себя самого, потому что все тела, ну или почти все, принадлежат мне.

– Но мое тело тебе было нужно, раз ты пришел и отдал ему свое могущество! Иначе я остался бы просто человеком, серийным убийцей, как все другие.

Мой Брат смотрит на меня, ребенок смотрит на меня, последний круг Ада смотрит на меня.

Потом мой Брат бросает веселый взгляд на мальчика, а мой взгляд теряется за горизонтом, усеянным машинами.

– Хочешь ему объяснить?

Ребенок ничего не отвечает. Он снова, одновременно с моим Братом, поворачивает ко мне голову:

– Он хочет это услышать?

– А что я должен хотеть услышать или не услышать?

Ребенок смотрит огненно-синими глазами прямо мне в глаза, его взгляд спрашивает: ты действительно хочешь услышать правду?

– Я считаю, что Ад – идеальное место для такого разговора.

– Лучше не скажешь, – бросает мой Брат со смешком, для забавы бросая кости и черепа в океан лавы.

– Ну, в чем же заключается эта правда? В том, что ты не пришел отпечатать свою тень в глубине моей души для того, чтобы я по-своему продолжил твое дело? Со своими личными инструментами справедливости, созданными по моему образу? Применяя свои особые наказания, созданные по образу наказаний человека? Ты осмелишься сказать, что не доверил мне замещать тебя, ты осмелишься сказать, что мы не были каждый раз вдвоем, что мы не слились в демоническом единстве, потому что мое оставшееся независимым тело не подчинилось тебе, но приобрело твои инфернальные возможности? Ты осмелишься унизиться до такой ничтожной лжи здесь, на центральном пляже Гадеса?

– Для того, чтобы это сделать, место идеальное. Но ты ошибаешься, никакой лжи тут нет.

– Как ты можешь говорить так? Я пришел сюда – и, поверь мне, оставил свой след на очеловеченном земном шаре.

– Я и не утверждаю обратное. Просто ты ошибаешься, если думаешь, что я тем или иным способом воспользовался твоим ТЕЛОМ.

– Я уже ничего не понимаю. Ты – это я, потому что я согласился стать твоим двойником. Я – это ты, потому что ты попросил меня им стать.

Мой Брат бросает взгляд на ребенка с Шестой авеню и одновременно швыряет пригоршню побелевших фаланг пальцев в океан огня.

– Объясни ему, – просит он.

Ребенок смотрит на меня, его лазурные глаза пронизывают меня насквозь, его взгляд как будто хочет проникнуть мне в душу, но некая противоборствующая сила не дает ему сделать этого. Тогда ребенок говорит. Это первые и последние слова, которые он произносит здесь.

– У тебя нет тела. Ты уже не человек, и гораздо дольше, чем ты думаешь.

– Ну и кто же я тогда?

– Ты умер. На самом деле, если говорить точно, ты умер, но твоя душа еще бродит по этому миру и может, следовательно, появляться во всех мирах, кроме мира твоего Создателя.

Улыбка моего Брата завладела всем последним Кругом, и, без сомнения, всеми остальными тоже. Но я понимаю, что это создают духи, что из-за этого мой Брат таков.

Я призрак, привидение.

Я – не тело, но я – устройство в машине, и я – машина, содержащая устройство. Я – дух машины, я – машина, не имеющая тела.

Я уже давно не человек, но я продолжаю оставаться пленником этого мира. Мой единственный аварийный выход – владения моего Брата.

Ловушка – это я. И я – в ловушке.

Последняя ловушка Дьявола находится в этом неподражаемом перевертыше: он не призывал на помощь ни тело, ни живую душу. Он удовольствовался пролетарием, пролетарием лимба, который отдал ему силу своего бродячего духа, как человеческие пролетарии продают свою телесную силу, меняя завод за заводом.

С моей помощью Дьявол обрел лицо, вид, подлинность этичного и справедливого капиталиста. Он не делал из меня раба, я ему не *принадлежал*, мы не заключали никакого фаустовского *договора*. Он оставил меня свободным.

Я был свободен, потому что не имел уже никакого конкретного существования.

Все возвращается, наконец все обретает *смысл*, наконец логическая тирания скоро исчезнет.

Правда заключается в светлом взгляде ребенка, здесь, прямо в середине Кругов Ада, а также она заключается в улыбке моего Брата, вновь завладевающего своим Королевством.

Правда – это тоже машина, заключающаяся в себе самой.

11. Быть/Не быть

Финальное коммюнике

Where only one thing can save you[121]

«Потерянные души ничего не знают ни о своей прошлой жизни, ни уж тем более о своей смерти. Они точно так же не знают, что произойдет с ними в будущем. Они подобны пленникам, не имеющим никакого понятия о времени. Ты понимаешь, что в качестве младшего брата ты являлся великолепным кандидатом. Если бы ты был просто человеком, то, как и все другие, ты подпал бы под воздействие моих разнообразных эликсиров мести, ты начал бы сам творить „правосудие“, ты, может быть, стал бы устрашающим серийным убийцей, короче, одной из моих обычных креатур. А мне нужно было нечто большее. Я хотел, хотя бы один раз, как-то воплотиться в мире, и я мог это сделать только в НЕ-ТЕЛЕ, так что ты оказался идеальным кандидатом».

Да, все имеет смысл, ничто уже не логично, ничто не работает.

Ничто уже не является детерминистическим, ничто уже не детерминировано.

Все – правда.

Я действительно был маленьким мальчиком, найденным на авеню Америки, я действительно был этим лазурным взглядом, я действительно был этой несокрушимой, как титан, невинностью. Но я был также и этим убийцей, который поджег город Монреаль как раз в тот момент, когда некто, называвший себя моим Братом, нанес мне визит и предложил временно занять его место. Но раньше, до начала моей стажировки в качестве братишки Дьявола, я был этим ребенком, я был этой невинностью, сделавшей из меня убийцу.

Только этот ребенок, которым я являюсь, которым я был, которым я, быть может, однажды буду, способен восстановить в памяти мою историю, свою историю.

Тем временем тот, кто был моим Братом, то есть Дьявол, руководит сбрасыванием многих миллионов трупов с высоких машин, окружающих пляж.

Я – невинный ребенок. Я – убийца. Я – смерть. И при этом моя потерянная душа еще бродит по этому миру.

Почему?

Эта правда заключается в другой правде, словно ловушка,

помещенная внутрь капкана. *Почему*.

Почему невинный ребенок, почему убийца, почему смерть, почему призрак?

Почему я?

– Потому что для того, чтобы создать убийцу, нужен невинный, – отвечает ребенок на мой безмолвный вопрос.

– Невинный?

– Ты прекрасно знаешь, что для того, чтобы создать совершенно беспощадного убийцу, нельзя брать существо жестокое, поскольку оно не знает жалости и может подпасть под ее воздействие.

– Но ведь, именно не зная жалости, и не подпадаешь обычно под ее воздействие, разве нет?

– Нет. И ты это тоже знаешь: нужен невинный, потерявший свою невинность, нужен кто-то, в ком истребили жалость. Нужен кто-то, кто знает. Вот это настоящий убийца. Каким был ты, каким однажды стану я.

– Я был убийцей до того, как стал замещать Старшего Брата?

Я слышу, как упомянутый Старший Брат хохочет, а гигантские ковши заполняют разлагающимися телами бездонные ямы.

– Ты был им, им не являясь.

– Это бессмыслица.

– Ты ошибаешься, это кажется нелогичным, но смысл здесь очень ясный. Ты мог бы быть убийцей. Все в тебе, все во мне предназначено для того, чтобы им стать.

– Почему?

В гуще темноты всегда кроется вопрос.

– Потому что некоторые люди таковы. Их невинность как раз и является самой страшной опасностью, которая их подстерегает, совсем как окружающее их общество. Я тебе напоминал об этом: существовавшая, а затем уничтоженная невинность превращается в одержимость демонами.

– Был ли я демоном до встречи с Дьяволом? Опять бессмыслица.

– И опять ты ошибаешься. Ты был спящим демоном. И для того, чтобы это произошло, тебе нужна была всего лишь искра.

– Потенциальный демон?

– Да. Когда невинность погибла, ты созрел. Я знаю, я – всего лишь твое потерянное детство, поскольку я – Ангел, кроме того, я – тенденция всей твоей жизни.

– Значит, я не совершил никаких убийств до того, как Дьявол отдал мне власть над людьми?

– Ты мечтал о них. Их давно уже совершил твой Брат. Теперь

задай себе настоящий вопрос: почему Дьявол выбрал тебя? И главное, почему ты согласился?

Всепожирающий хохот раздается оттуда, с другого края пляжа, где ужасные машины предпоследнего Круга выплевывают массы переплетенных, изломанных, раздробленных, обугленных тел, и этот смех поднимается до огненного неба.

Я не знаю, что ответить потерянному ребенку, прячущемуся в каждой секунде моей жизни. Почему я согласился занять место Князя Мира сего, почему я неожиданно совершил столько преступлений, столько ужасов, почему я открыл Книгу Зла и, в свою очередь, собственной кровью написал в ней главу об истории ужаса?

– Я говорил тебе, и ты это знаешь: поскольку твоя разбитая вдребезги невинность делала на тот момент из тебя самого лучшего кандидата, какого только смог найти твой Брат.

– Ты сам мне сказал, что я не совершил никакого преступления.

Ребенок мне улыбается:

– Правильно. Это именно то, что хотел твой Брат. Твою невинность уничтожили, это явилось начальным, а не конечным этапом. Ему пришлось исходить из этой ситуации, так как она оказалась многообещающей. Ты еще не совершил никакого преступления, следовательно, ты ничего не знал о зле. После потери невинности ты мог очень быстро начать творить зло, используя весь свой ум извращенной невинности.

– Почему я умер?

Еще одно «почему?». Бесконечная машина… может быть, в ней таится вечность?

Ребенок смотрит на меня долгим взглядом, пришедшим с северного неба.

– Ты умер потому, что умерла вся твоя семья.

Я ничего не помню ни о какой семье. Я родился в роли пиромана, поджигавшего здание в квартале Плато-Мон-Руаяль. Я – призрак, у меня нет никакого прошлого, мое будущее никогда не идет дальше следующей секунды.

Кто я? Вернее, кем я был? И почему я стал тем, кем стал?

Тройственный союз: почему, кто и как. Неразлучная троица, лишенная всякого единства. Двойственность, одновременно господствующая и апофатическая. Мы находимся в Мире моего Брата, в Мире Князя сего, где двойственность существует лишь для того, чтобы еще больше все сгладить.

– Моя семья? Странно, я не ощущаю в себе никаких следов того чувства, которое иногда называют любовью к семье. Единственная известная мне семья – это сводные братья и сестры

моего Брата, которыми я активно занимался.

– Не забывай о том, что ты тоже был человеком. Ты же знаешь об этом и словно не понимаешь, что это за собой влечет.

– Я прекрасно знаю, что был человеком. Странно, я чувствовал и до сих пор чувствую свою принадлежность к телу.

– Ничего удивительного, привидения живут в ложной вселенной. Во вселенной более правдивой, чем настоящая. Поэтому они и не могут выйти из нее.

– Почему я умер? Почему умерла моя семья? Почему я – призрак?

Новый триптих «почему?», по-прежнему не способных прояснить истину. Прояснить ее может только ребенок.

– Ты умер потому, что тебя убили. Твоя семья умерла потому, что ее убили. Ты призрак потому, что твоя невинность извратилась в чувство мести, и тогда твой «Брат» использовал тебя в качестве заместителя. Ты не мог найти покоя, и Дьявол использовал твой гнев.

«Почему?» важны, это так, но в области, где царит техника, «как?» еще важнее.

– Как я умер? Как умерла моя семья?

И «как?» прекрасно довольствуются двойственностью.

– Их убили. Ты выжил. Ты пытался отомстить. Полиция схватила тебя. Началась погоня. Твоя машина упала в реку, сбив парапет на мосту Жак-Картье. Ты умер мгновенно. Тебе повезло гораздо больше, чем твоей жене и двум твоим дочерям.

Ужас. Кошмар. Вторжение. Насилие. Ублюдки субботнего вечера, пьяные хари, перепившиеся, оскотинившиеся, безжалостные. Они в доме, я – на полу, меня осыпают ударами, я слышу вопли моих дочерей на втором этаже, я вижу свою жену, всячески подвергаемую гнусному насилию со стороны мелких хулиганов, которые в качестве наказания будут обязаны посещать групповые занятия по терапии. Меня бьют, меня осыпают ударами, я слышу вопли своих насилуемых дочерей, мольбы моей подвергаемой пыткам жены. Меня бьют снова и снова. «Ну что, урод, как тебе зрелище? Посмотри, как Марио займется ее мохнушкой», – повторяют мне, покрывая мое тело ударами. В конце концов я вижу сквозь кровавую жидкую пелену лишь эти совершенно бессмысленные движения.

Меня продолжают бить и тогда, когда я впадаю в кому. Мне кажется, что меня продолжают бить даже тогда, когда я прихожу в сознание в больнице.

И я продолжаю получать удары, я продолжаю слышать крики о помощи моих дочерей, я продолжаю видеть, как кромсают

половые органы моей жены, – каждую ночь, каждый день, каждый восход, каждый закат. Я бросаюсь сам на розыски ублюдков, разрушивших мою жизнь и уничтоживших мою семью. Я продолжаю видеть, я продолжаю слышать крики моей жены, разделываемой заживо, словно окорок в мясной лавке. Груди, уши, пальцы, язык… ей отрезают все, совершенно ВСЕ. Я непрерывно слышу крики моих дочерей, которых насилуют и подвергают всем вообразимым гнусностям, затем их топят в ванной или отрезают им головы в стиле Заркауи[122].

Я продолжаю видеть и слышать резню сквозь вращающиеся фонари на полицейских машинах, я продолжаю навсегда оставаться здесь, в доме, прижатый к полу, вынужденный слышать все, что происходит с моими дочерьми и женой. Я по-прежнему нахожусь дома в тот момент, когда проникаю в жилище одного из скотов, одаренных способностью производить бурчание, я продолжаю все видеть и слышать тогда, когда разбиваю ему голову своим американским кастетом (модель «касколом» тысяча девятьсот восемнадцатого года – массивная сталь, отлакированная латунью). Я вскрываю ему череп до самых мозгов, методично откручиваю ему голову, устраиваю взрыв из серого вещества, покрывающий беловатыми, кровавыми брызгами все вокруг него, все вокруг меня. Я ломаю ему каждую лицевую кость, надбровные дуги, скулы, лобную массу, я крошу его челюсть до самого последнего зуба. Он стал ничем. Полицейским понадобится много дней для того, чтобы установить его личность. Я продолжаю все видеть и слышать в то время, как его кровь обливает меня с головы до ног в метрономном ритме наносимых мною по этой голове ударов, по голове, которую я в конце концов раскраиваю надвое, словно перезрелый арбуз. Мой кулак стал органически-металлическим протезом, неразличимым под жидкой, текучей анемоной в ярко-красном цветении, навсегда соединившей мою руку-кастет с головой, которую она разбила. Я продолжаю все видеть и все слышать тогда, когда продолжаю поиски по всей Канаде и северо-востоку Соединенных Штатов. Мою жену, изрезанную бритвой, моих дочерей, насилуемых раз за разом.

Их было много, я знал, что смогу перестать все видеть и все слышать только тогда, когда увижу и услышу, как они сами, в свою очередь, бесконечно вопят. Я знал, что я выйду из дома смерти только тогда, когда заставлю их всех войти в него.

Но у Дьявола своя стратегия. Закон и Порядок могут порой быть ему полезными. А безнаказанное Преступление, как всегда, его самый верный союзник.

Это и объясняет мне юный Ангел, который, кажется, послан

сюда для того, чтобы спасти мою потерянную душу.

Не сумев совершить свою месть, но при этом хладнокровно убив человека и не получив оправдания от правосудия, практически случайно погибнув, я обречен на вечные скитания в виде призрака по Миру Князя.

Сей Князь действовал столь успешно, что я согласился занять его место и во сто крат умножить свою месть за мою уничтоженную семью, за мой личный крах, направив ее против совершенно не связанных со мной мужчин и женщин, являющихся при этом идеальными жертвами этого исполненного преступлений Правосудия. Правосудия моего Брата, чей смех встречает миллионы мучеников, каждый день приходящих дать ему дополнительную *работу,* которую он обожает.

Дьявол любит истории, которые действительно плохо заканчиваются, даже которые и начинаются так, что *хуже некуда*. Истории, чья начальная точка – разрушение всего человеческого в человеке.

Граф Монте-Кристо, его оправданный реванш, который в конце концов оборачивается против него самого, – все это не в стиле Дьявола. Он – не литератор, не бухгалтер и уж совсем не механик, одержимый логикой и потерей смысла. Он решительно предпочитает неоправданную месть, которая обернется против всех людей.

Я хранил в себе не воспоминания об убийствах, а четкую генетическую память о казнях, рассматриваемых как отрасль точных наук. Я хранил в себе код машины, я хранил в себе расчеты, я хранил в себе планы, я хранил в себе уравнение всех смертельных ловушек.

Дьявол не стремился к тому, чтобы я отомстил за убийство своей семьи уничтожением участников резни. Об этом он как раз никогда, где бы он ни был и в какую бы эпоху события ни происходили, совершенно не заботился.

Он оставил в зоне моей досягаемости одну-единственную добычу, предназначенную в жертву на мой алтарь в реальном мире, вынудив меня покидать этот мир лишь для того, чтобы посещать его мир, притом что оба мира составляют одно целое.

Я стал двойником, одновременно слившись с ним в одно целое, что, по его мнению, дало мне свободу.

Я являлся двойником согласно его инфернальной логике: мы с ним объединились, мы стали не им, не мной, а некой третьей, бесформенной, формой, существом/не-существом, ни живым, ни мертвым, мертвым и, тем не менее, живым.

Я – призрак.

Мне все равно, когда, где и на кого обрушится моя месть.

Она не даст осечки.
Она будет сильнее меня.
Она сумеет поставить мир на колени.
Она сумеет поставить на колени даже меня самого.

Мегатонны трупов безостановочно вываливаются на пляж мертвых. Мой Брат – организатор работы, он – Генеральный Директор Великого Лагеря, он руководит операцией, словно дирижер – исполнением симфонии. Вагонетки, заполненные телами, порой еще шевелящимися, отправляются по железнодорожным путям к огромным водосливам-спускам, откуда человеческая масса сбрасывается в огненное озеро.

Дымящиеся на горизонте машины безостановочно затемняют небо, которое, тем не менее, остается раскаленной плитой, где духовка на пределе своих термических возможностей играет роль солнечного светила.

Этот мир – самый настоящий из всех настоящих, мир настолько ложный, что он *информирует* настоящий… или, точнее, беспрестанно *деформирует* его. Это фальшивый мир душ, каждую секунду воссоздающийся в человеческом мире.

Здесь, я это понимаю, приоткрывается пропасть. Здесь я должен буду выбрать, я это знаю.

Но я не знаю точно, между чем и чем. Вот она, привычная диалектическая асимметрия миров моего Брата: я знаю, что я должен либо остаться здесь, как один из демонов на службе Начальника Лагеря, либо избрать себе совершенно неизвестную судьбу – быть может, гораздо худшую.

– Ничто не может быть хуже этого места, оно таким задумано. Смех твоего Брата должен был помочь тебе это понять.

Ребенок смотрит на меня, потом медленно переводит взгляд на совершенно безутешную картину, до самого горизонта расстилающуюся перед нашими глазами: каждый квадратный сантиметр этой земли состоит из наслоений трупов, лежащих друг на друге иногда уже в течение тысячелетий.

Какая участь может ждать меня? Стать одним из несчастных проклятых, разлагающихся на пляже в ожидании костра, или сделаться Демоном, обязанным пытать этих несчастных до «последнего» момента сжигания?

Быть может, теперь и я – созданная из плоти деталь машины?

Быть может, мне расставляет ловушки холодный монстр диалектики?

Быть может, я должен выбрать между жертвой и палачом? Быть может, я обречен бесконечно трудиться в лимбе, между двух миров, составляющих одно целое? Быть может, я – вечный

пленник двойственной машины, делающей из меня привидение, «существо» без права на существование, но тем не менее действующее в мире?

Быть может, теперь и я – пленник самого страшного из устройств, этой дьявольской альтернативы между смертью и не-жизнью? Быть может, пленник машины, диктующей мне свой выбор: быть проклятым или быть проклятием?

Мне не нужно смотреть на ребенка, проникшего в меня, на Ангела, посланного мне посреди всех несчастий, которые я нес. Мне совершенно не нужно встречаться с его пылающими глазами для того, чтобы узнать высокое напряжение истины.

Привидение я или нет, то, что я совершил в последние месяцы, очевидно, не заслуживает ни малейшего снисхождения. Я возвысил преступление и рассчитанную гнусность до уровня прикладной науки. Я действительно это сделал, более того, я выдал секрет человечеству для того, чтобы оно пошло до конца в своем саморазрушении.

Я запирал людей в ящиках, в бункерах, в подземных туннелях, я сжег заживо, как минимум, одну женщину, я казнил и заставил казнить более двухсот человек на лоне природы, я вынудил к взаимному разрушению города, целые нации поставлены мной на грань исчезновения с лица земли.

Нет, я не вижу альтернативы, любой выбор, неизбежно приведет меня в то же место, в то же время, сюда, на пляж Последнего Круга, в Мир моего Брата. С нами, вы знаете, два всегда равняется одному-единому нулю.

Непрекращающийся смех моего Брата сопровождает прибытие всех этих мужчин, всех этих женщин, даже всех этих детей. Я включил цепную реакцию их массовых самоубийств и разжег у них аппетит к геноциду для того, чтобы провести их через все концентрические Круги, формирующие особую архитектуру Лагеря моего Брата, и доставить сюда.

– Ты ошибаешься, как всегда.

Ребенок снова смотрит на меня. Никогда свечение, источником которого кажется его тело, не представлялось мне столь заметным. Может быть, он должен защищаться от царящих здесь инфернальных сил?

– Ничто здесь не может причинить мне зло. И у тебя есть выбор.

На этот раз мой смех эхом вторит смеху моего Брата, который руководит выбрасыванием полумиллиона трупов в огненный океан.

– Да, такой же, что я оставил нашей подруге Ольге!

– Нет, ты снова ошибаешься. Кажется, царство твоего Брата затемняет твой ум, точнее, направляет его против него самого. Ты был гораздо сообразительнее, когда совершал свои преступления в реальном мире.

– Если я совершил все эти преступления и еще много других, как, по-твоему, я могу избежать Последнего Круга?

И не являешься ли ты частью ловушки? Не ты ли меня привел сюда?

Смех ребенка, подобный жемчужной песне звезд, вынуждает умолкнуть смех моего Брата, там, на горизонте, где дымятся и движутся машины, светя огнями в пиротехнической ночи.

– Я привел тебя сюда потому, что здесь – начальная точка создания тебя, одновременно являющаяся конечной точкой любого разрушения. Я привел тебя сюда потому, что ты совершил свои преступления, когда ты уже не был человеком. Я привел тебя сюда для того, чтобы подарить тебе самую законченную из всех ловушек, самую индетерминистскую из всех машин. Твое спасение.

– Ты действительно считаешь, что сможешь на равных бороться против Дьявола и всех его помощников?

– Мне не нужно бороться с ним. Тебе, кстати, тоже. Мне не нужно бороться ни с кем. А ты должен будешь не только победить себя, но и уничтожить.

Надо признать, что Мир моего Брата исключительно хорошо устроен. Он управляет здесь одновременно и главным, и второстепенным, и самоотверженностью, и предательством. Он управляет, конечно, злом, но невольно задаешься вопросом: не руководит ли он некоторыми добрыми и милосердными делами? Ему подвластны и богатство, и бедность, он распределяет диктатуры и революции, мнимые свободы и истинные тирании в широком толковании слова. Надо признать: он властвует над всеми аспектами жизни на Земле.

Кроме одного.

Есть одна закрытая для него область. Где бы он ни находился, в какой бы точке пространства ни оказался, одну область он закрыл для себя сам под страхом быть заброшенным навсегда в неведомую тьму, из которой ему никогда не будет возврата.

Эта область – Благодать.

Благодать – это тайна, секрет, чье раскрытие проясняет другие секреты.

Дьявол – мастер ясности, его единственный секрет – это он сам, и можно держать пари, что он не может его понять.

Здесь, в Мире моего Брата, являющемся всего лишь подземной стороной настоящего мира, в котором люди, как они

считают, живут, Благодать становится невидимым оружием, тайным оружием, предназначенным для спасения единичности из массы.

И Благодать эту, естественно, несет в себе ребенок. И Благодать – это выбор, взывающий ко мне в то время, как ребенок произносит судьбоносные слова:

– Что бы ты ни натворил, будучи призраком, это не имеет отношения к тебе как к живому существу. И я пришел сказать тебе, что если ты совершишь правильный выбор, то тот поступок, который сделал тебя виновным в качестве человеческого существа, будет прощен.

Я не помню, на сколько веков я задержал дыхание.

– Очень хорошо, и какой же выбор?

Небесно-лазурный взгляд ребенка, который был уничтожен во мне. Черное и красное небо Мира моего Брата Дьявола, океан лавы, изрыгающий рвоту своей раскаленной лавы на пляж, переполненный разлагающимися телами.

Ребенок улыбается мне. Я прекрасно знаю, что он – последняя Ловушка. Но не ловушка моего Брата или одного из его приспешников, каким был и я сам.

Ловушка Благодати. Ловушка, против которой Дьявол ничего не может, никогда ничего не мог и никогда ничего не сможет поделать.

– Выбор очень прост. Он не будет ограничен двойственностью, хотя здесь ничто не может быть полностью свободно от двойственности. У тебя будет два варианта решения, но теперь они составят не единое целое, они составят тройственность.

– Тройственность?

– Да. А ты что думал? Что происхождение чисел во Вселенной подчиняется случаю? Первая альтернатива, альтернатива твоего Брата: стать либо проклятым, либо Демоном. В обоих случаях, хотя и разными, инвертированными способами, ты навеки останешься здесь, на пляже, в Мире твоего Брата. Его обычная диалектика аннулирования.

– А какой же путь ведет отсюда?

– Путь отсюда – снова стать человеческим существом и согласиться заплатить за преступление, которое ты совершил, будучи человеком.

Смеяться на самом деле мне не хочется, но саркастическое бурчание вырывается из моего рта.

– Такое у вас, у Ангелов, понимание прощения? Почему бы просто сразу не послать ко мне агента моего Брата?

Глаза ребенка стали жесткими, как два бирюзовых камня.

– Ты прекрасно знаешь, где находится свобода между выбором твоего Брата и отсутствием альтернативы, которое предлагаю тебе я. Ты прекрасно знаешь, что свобода не имеет ничего общего с логикой и принципом исключения противоречия. Твой Брат предлагает тебе две формы рабства, а я указываю единственный путь к спасению.

– Тюрьма? Быть может, пожизненная?

– Возможно, хотя в Канаде, ты прекрасно знаешь, это будет лишь метафорой.

– Снова стать простым человеческим существом, как все остальные?

– Да.

– Со всеми воспоминаниями? О моей семье, которую убили, о моих детях, которых замучили, о моей жене, которую те подонки изнасиловали, истерзали и зарезали со смехом?

– Да. Со всеми воспоминаниями. Со всеми потерями. Со всеми страданиями. Со всем, что было уничтожено. *Со мной*.

Я смотрю на ребенка, который когда-нибудь растворится во мне. Я помню, что читал где-то в античной книге одного из Отцов Церкви, что человеческая душа была создана по образу Божественной Троицы.

Несомненно, что наша природа едина, но все ежесекундно подтверждает то, что мы состоим из трех личностей, не как отдельные сущности, поскольку сущность одна и она едина, но как реальные и различающиеся формы существования, зародившиеся в абсолютной общности, которая лишь и способна дать рождение бесконечности множества.

Ангел объяснил мне, почему его послали напомнить мне об этом: из-за Отцов Церкви, из-за Отца, судьи и дарителя, из-за Сына, преемника и дарителя, из-за Святого Духа, заступника и дарителя, двойственность интегрирована в триаду. Они пересекаются на Даре Благодати, они никогда не отделяются от онтологической общности.

В нас присутствовали три ипостаси, но со времен грехопадения они в конце концов исчезли, смешались, переплелись, перепутались. И когда они окончательно распались, мнимая троица моего Брата заняла их место в сердцах людей – ложная Троица, Троица Суки, ее сына Ублюдка и его Братьев, которые являются одним целым.

Ребенок – это действительно последняя ловушка этого мира. И действительно, понадобился Ангел для того, чтобы я понял все это на пляже того, кто был моим Братом.

Выбора, кстати, у меня нет. Ребенок пришел не для того,

чтобы с сарказмом двойственности подарить мне мнимую свободу. Он здесь, чтобы принудить меня пойти по единственному пути к спасению. Тюрьма. Одиночество. Ад на земле.

И чтобы добиться этого, маленький гений применил оружие, с которым мой Брат ничего не может, никогда ничего не мог и никогда ничего не сможет поделать.

Ребенок, который станет однажды моей уничтоженной невинностью, воспользовался Благодатью.

В мире моего Брата, в Мире Князя сего, где миллиарды полуживых тел населяют его планету, здесь, на пляже огненного океана, промышленных машин смерти и заводов для пыток, Благодать может называться лишь одним именем. Именем, заставляющим того, кто был моим Братом, прекратить смеяться и заткнуть уши.

Имя Благодати – Прощение.

Итак, кем бы вы ни были теперь, где бы вы ни находились, в какой бы эпохе вы ни жили, вы должны знать, что я вернулся в мир людей, поскольку конец Ангела поставил предварительную точку – и благодаря этому я смог избежать участи проклятого, так же как и участи демона.

Я – человек.

Не ждите, чтобы финальное коммюнике смогло заключить историю, которая началась не только со своего конца, но и с конца всего человечества. Мы здесь находимся на вечной *Ground Zero*, которая отметит все города Земли. Нет ни альфы, ни омеги, ноль никогда ничего не начинает, ничего не заканчивает, ничего не вычитает, ничего не прибавляет. Он – в серой зоне любой памяти обо всех событиях во всех мирах.

Пришел конец этому особому миру. Принадлежало ли мое могущество призрака сошедшему с ума из-за потери близких человеку или он действительно являлся одним из настоящих всадников Апокалипсиса, вы не узнаете, потому что я сам этого не знаю. Я снова человек. Греки говорили, что лишь забвение созидательно.

Запирали ли людей в ящики-гробы с самоконтролируемым выживанием, принуждали ли женщин принимать решение поджигать костер, на котором им придется сгореть, заставляли ли кого-то играть в электронную игру с джойстиком, машиной и еще одним игроком, превращалась ли судья по моей указке в массового убийцу, скорее всего, вы никогда не узнаете. Вы никогда не узнаете, происходили ли в действительности все ужасные преступления из этого списка именно так, как описано, совершались ли они вообще в этой Вселенной, в этой

окончательно вашей Вселенной, – в одном лишь этом я не сомневаюсь, точно так же как и вы.

О том, что Дьявол однажды сменит стратегию для того, чтобы осуществить свои замыслы, я думаю, вы совершенно точно узнаете очень скоро. Я вам настоятельно советую прислушиваться к своему собственному миру.

В то, что существовал когда-то человек, потом призрак, потом снова человек, вы, несомненно, откажетесь поверить, притом что без колебаний продаете свой разум любой рыночной идеологии. Но, верите вы или нет, вы можете представить себе, каких переживаний мне все это стоит!

Поскольку это я, вопреки тому, что вы можете думать, совершил все это, какова бы ни была форма, в которую все вылилось. Это я сошел с человеческой орбиты, я также и вернулся к вам, в ваш мир, сюда, в эту тюрьму посреди каторги, в ящик, заключенный в машину.

Это я нахожусь в этой камере, наконец свободный.

Это я, вопреки всему, продолжаю писать на машине вашего мозга.

Это я сделал все это.

Это я внутри вас продолжаю делать это.

notes

Примечания

1

Постнатальный (от *лат.* post – после и natalis – относящийся к рождению) – послеродовой. Обычно постнатальным называют начальный период развития после рождения у млекопитающих.

2

Соляризация (*фр*. solarisation, от *лат.* Solaris – солнечный, sol – солнце), фотографический эффект, заключающийся в том, что при большой засвеченности фотоматериала оптическая плотность получаемого на нем после проявления почернения фотографического тем меньше, чем больше экспозиция, а не наоборот, как это имеет место при умеренных экспозициях, обычно применяемых в фотографии.

З

Детерминизм (от *лат.* determino – определяю), философское учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. Центральным ядром Д. служит положение о существовании причинности, т. е. такой связи явлений, в которой одно явление (причина) при вполне определенных условиях с необходимостью порождает, производит другое явление (следствие). – *Примеч. пер.*

4

Поехали! (*англ.*), слова Тодда Бимера, пассажира авиарейса № 93, захваченного 11 сентября 2001 года террористами, сказанные в последнем звонке перед попыткой отбить у них лайнер. Рейс № 93 упал в штате Пенсильвания; слова пассажира стали лозунгом, очень популярным в ВВС США. – *Примеч. пер.*

5

Города, объятые пламенем и рок-н-роллом (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Sky – небо, bridge – мост (*англ.*). – *Примеч. пер.*

7

Александр Фише (Alexandre Fichet) – француз, изобретатель огнестойкого сейфа, основатель одноименной компании (1824), известной в России с конца XIX в., в том числе как поставщик императорского двора. Сегодня фирма, продолжая оставаться лидером рынка, носит название Fichet-Bauche.

8

Энигма (*Enigma*) – портативная шифровальная машина, использовавшаяся для шифрования и дешифрования секретных сообщений. Энигма использовалась в коммерческих целях, а также в военных и государственных службах во многих странах мира, но наибольшее распространение получила в нацистской Германии во время Второй мировой войны.

9

«Флатландия» (в английском варианте – «Flatland: A Romance of Many Dimensions») – научно-фантастический роман Эдвина Э. Эбботта о двумерном мире, который вышел в свет в 1884 году.

10

Я и мой черный ящик. – *Примеч. пер.*

11

Онтология (*греч.* on, ontos – сущее, logos – учение) – учение о бытии; в классической философии – учение о бытии как таковом, выступающее (наряду с гносеологией, антропологией и др.) базовым компонентом философской системы.

12

Поллок, Джексон (Pollock, Jackson) (1912–1956), американский художник, один из наиболее известных представителей абстрактного экспрессионизма 1950-х годов.

Американская жизнь (*англ.*). – *Примеч. пер.*

14

Вазэктомия – стерилизация мужчин; метод хирургической контрацепции.

15

Паковые льды (пак) – многолетние льды толщиной 3–5 м.

16

Тереза Авильская (Тереза де Хесус, св. Тереза де Сепеда и Аумада) (1515–1582) – испанская религиозно-мистическая писательница, в значительной степени преодолевшая традиционалистскую схоластическую терминологию.

17

Св. Тереза из Лизье (2 января 1873, Алансон, Франция – 30 сентября 1897, Лизье) (*фр*. Thérèse de Lisieux), св. Тереза Младенца Иисуса и Святого Лика (фр. Sainte Thérèse de l'Enfant Jésus et de la Sainte Face), св. Тереза Малая, в миру Тереза Мартен, – католическая святая, кармелитская монахиня, одна из трех женщин, удостоенных титула Учитель Церкви.

18

Номинализм (*лат.* nominalis – относящийся к именам, именной, от nomen – имя) – философское учение, согласно которому названия таких понятий, как «животное», «эмоция» – это не собственные имена цельных сущностей, а общие имена (универсалии), своего рода переменные, вместо которых можно подставлять имена конкретные (например, вместо общего имени «человек» – собственные имена Петр, Павел, Анна, Мария и проч.).

А – лучшая оценка. – *Примеч. пер.*

20

Валуны эрратические (от *лат.* erraticus – блуждающий) – валуны горных пород, не встречающихся в данной местности в коренном залегании, принесенные материковым ледником, некогда проникшим сюда из очень отдаленных мест.

Где у улиц нет названий (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Военная игра (*англ.*). – *Примеч. пер.*

23

Федаины (*перс.*), фидаины (*араб.*) – жертвующие собой. Так называют участников национально-освободительных и революционных движений, партизан в странах Ближнего и Среднего Востока.

24

Клаузевиц, Карл (Clausewitz Karl) (1.6.1780, Бург, около Магдебурга, – 16.11.1831, Бреслау, ныне Вроцлав, Польша), немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал.

25

Хайдеггер, Мартин (Heidegger Martin), (26.9.1889-26.5.1976) – немецкий философ. Создал учение о бытии как об основополагающей и неопределимой, но всем причастной стихии мироздания. Известен также своеобразной поэтичностью своих текстов и использованием диалектного немецкого языка в серьезных трудах.

Силы быстрого реагирования (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Удостоверение личности (*нем.*). – *Примеч. пер.*

28

«Сало, или 120 дней Содома» (*итал.* «Salò o le 120 giornate di Sodoma») – последний художественный фильм итальянского кинорежиссера Пьера Паоло Пазолини, вышедший на экраны в 1976 году, т. е. уже после убийства постановщика. Снят по книге «120 дней Содома» маркиза де Сада. Из-за реалистичных сцен насилия и жесткого секса фильм был запрещен к показу в нескольких странах.

29

Аутофагия (от *др.* – *греч.* αυτός, – сам и φαγεῖν – «есть») – это процесс, при котором внутренние компоненты клетки доставляются внутрь ее лизосом и подвергаются в них деградации. – *Примеч. пер.*

Чужой (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Под северным небом (*англ.*). – *Примеч. пер.*

32

Эманация (*позднелат.* emanatio – истечение, распространение, от *лат.* emano – вытекаю, распространяюсь), в античной идеалистической философии, и особенно в неоплатонизме, – распространение избыточной полноты абсолютного бытия за собственные пределы.

Северное сияние (*лат.*). – *Примеч. пер.*

Бесплатно (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Ноль, вперед! (*англ.*) – *Примеч. пер.*

36

Гаубица (*нем.* Haubitze, от *чеш.* houfnice, первоначально – орудие для метания камней), тип артиллерийского орудия, предназначенного для навесной стрельбы по укрытым целям.

«Прощайте, человеческие существа» (*англ.*). – *Примеч. пер.*

«Не думай дважды, это правильно» (*англ.*). – *Примеч. пер.*

39

Коррьере делла Сера (*итал.* Corriere della Sera – «Вечерний курьер») – итальянская ежедневная газета. Издается в Милане с 5 марта 1876 г. – *Примеч. пер.*

Виареджо (*итал.* Viareggio) – курортный город на Тосканском побережье Тирренского моря. – *Примеч. пер.*

Прогулочная набережная (*итал.*). – *Примеч. пер.*

42

Эпиналь (Épinal) – город на востоке Франции, на реке Мозель, в 60 км к югу от Нанси, административный центр департамента Вогезы. – *Примеч. пер.*

Включено/выключено (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Темная комната (*лат.*). – *Примеч. пер.*

45

Орфизм – мистическое учение в Древней Греции и Фракии, связанное с именем мифического поэта и певца Орфея. Возникло около VI века до н. э. Учение носило подчеркнуто эзотерический характер. – *Примеч. пер.*

Светлая комната (*лат.*). – *Примеч. пер.*

Бескрайняя Бесконечность (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Пишущее тело (*лат.*). – *Примеч. пер.*

Человек разумный разумный (*лат.*). – *Примеч. пер.*

Связкой (*лат.*). – *Примеч. пер.*

Связка (*лат.*). – *Примеч. пер.*

Где-то на этой планете (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Будем играть! (*англ.*) – *Примеч. пер.*

www.добропожаловатьвад.мир (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Где-то в Канаде (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Пурин – бесцветные, растворимые в воде кристаллы. Пурин и пуриновые основания служат структурными фрагментами нуклеиновых кислот, алкалоидов и коферментов. – *Примеч. пер.*

57

Пребендарий – духовное лицо, имеющее приход, пользующееся доходами от духовного места, каноник, пользующийся пожизненной пенсией. – *Примеч. пер.*

Добро пожаловать домой! (*англ.*) – *Примеч. пер.*

59

Майкл Фрэнсис Мур (англ. Michael Francis Moore, 23 апреля 1954) – американский журналист и кинорежиссер-документалист, работающий в жанре острой социальной и политической сатиры. Лауреат премии «Оскар» (2003), обладатель «Золотой пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля (2004). Последней награды удостоился за фильм «Фаренгейт 9/11», ставший самой коммерчески успешной картиной в истории документального кино.

Где-то в северной Америке (*англ.*). – *Примеч. пер.*

61

Порнографический фильм, оканчивающийся настоящим убийством одного из актеров (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Непременное условие (*лат.*). – *Примеч. пер.*

Где-то в недрах человечества (*англ.*). – *Примеч. пер.*

«Винт», метамфетамин (*англ.*). – *Примеч. пер.*

65

Иллюминаты (*лат.* illuminati – просвещенные) – общее название нескольких тайных групп, современных и исторических, реально существовавших и фиктивных, раскрытых или предполагаемых. Обычно использование данного термина предполагает наличие зловещей организации заговорщиков, которая стремится управлять мировыми делами негласно, изменив существующий порядок в своих целях. – *Примеч. пер.*

Где-то под миром (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Биотоп (от *греч.* (βίος – жизнь и τόπος – место) – относительно однородный по абиотическим факторам среды участок суши или водоема, заселенный живыми организмами. – *Примеч. пер.*

Капо – привилегированный заключенный в концлагерях Третьего рейха, работавший на администрацию. – *Примеч. пер.*

Американо-канадская система воздушного предупреждения (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Белая супрематистская революционная армия (*англ.*). – *Примеч. пер.*

71

Негационизм – вид исторического ревизионизма, при котором «новая» концепция строится на отрицании и/или игнорировании твердо установленных наукой фактов.

Журнал борющихся африканцев (*франц.*). – *Примеч. пер.*

73

Журнал о международных мифах о массовых уничтожениях (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Афроамериканская коалиция за немедленное воцарение справедливости (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Тивериадское озеро (более известное как Галилейское море, а в современном Израиле – как озеро Кинерет, Бахр-Табария; также море Киннереф, или Хиннерефское, Тивериадское море, Геннисаретское озеро) – пресноводное озеро на северо-востоке Израиля. – *Примеч. пер.*

Короткие быстрые кадры (*англ.*). – *Примеч. пер.*

77

Аутодафе (*порт*. auto da fé, *исп*. auto de fe, *лат.* actus fi dei, буквально – акт веры) – в Средние века, в Испании и Португалии – торжественная религиозная церемония, включавшая в себя процессии, богослужение, выступление проповедников, публичное покаяние осужденных еретиков и чтение их приговоров, иногда – казнь еретиков путем сожжения на костре. – *Примеч. пер.*

Исчезновение в темноте (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Огонь (*лат.*). – *Примеч. пер.*

Где-то в аду (*англ.*). – *Примеч. пер.*

81

К пожизненному заключению (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Разделять (*греч.*). – *Примеч. пер.*

Завершение, цель (*греч.*). – *Примеч. пер.*

Нигде в этом мире (*англ.*). – *Примеч. пер.*

85

Гомункулус – человекоподобное существо, которое, по средневековым представлениям, можно получить искусственно. Считалось, что крошечный гомункулус заключен в человеческом сперматозоиде и при попадании в организм женщины лишь увеличивается в размерах.

Манитоба (*англ.* Manitoba) – провинция в центре Канады. – *Примеч. пер.*

Фетва (*араб.* ف ت و ى) – в исламе решение, выносимое муфтием или факихом по какому-либо вопросу. – *Примеч. пер.*

Честная игра (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Аспиратор (газовый пробоотборник) – устройство, предназначенное преимущественно для контроля качества воздуха, а также для изучения состава газов (например, промышленных выбросов), для определения содержания в них вредных веществ, примесей, пыли. – *Примеч. пер.*

Воители Революции Солнечного Света (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Луч Света (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Горящий Факел Правды. com (*англ.*). – *Примеч. пер.*

93

Луддиты – группа английских рабочих, протестовавших в начале 1800-х против изменений, которые повлек промышленный переворот, посчитавших, что их работе угрожает опасность.

94

Наука – это преступление против человечества (*англ.*). – *Примеч. пер.*

95

Герильеро (*исп.* guerra – война) – участник вооруженных групп Сопротивления в странах «третьего мира».

Преступление – наука против человечества (*англ.*). – *Примеч. пер.*

97

Барон Эдуард Луи Жозеф Меркс (более известный как Эдди Меркс) – легендарный бельгийский профессиональный шоссейный велогонщик. – *Примеч. пер.*

Вокруг света (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Военная игра (*нем.*). – *Примеч. пер.*

Однотипные преступления (*англ.*). – *Примеч. пер.*

101

Где-то в глубине вашего мозга (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Психоделический кризис (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Аппаратное обеспечение (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Программное обеспечение (*англ.*). – *Примеч. пер.*

105

Раймон Кено, (*фр*. Raymond Queneau; 1903–1976) – выдающийся французский писатель, поэт, эссеист, переводчик, участник сюрреалистического движения.

106

Харви Кейтель (*англ.* Harvey Keitel; род. 13 мая 1939 года, Нью-Йорк, США) – американский актер.

107

Филипп Нуаре (*фр*. Philippe Noiret, 1930–2006) – французский актер театра и кино.

ГСНБ, Группа салафистов для наставлений и борьбы (*фр.*). – *Примеч. пер.*

Честная игра (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Пощады не будет (*англ.*). – *Примеч. пер.*

111

Снайпер (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Глобального первобытного человека (*лат.*). – *Примеч. пер.*

113

Там, где никто не может тебе помочь (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Образ действий (*лат.*). – *Примеч. пер.*

Элита, часто летающая на самолетах (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Кубок Мира по абсолютной панике (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Идол человечества (*англ.*). – *Примеч. пер.*

118

Конурбация (от *лат.* con – вместе и urbs – город) – компактное скопление населенных пунктов, главным образом городских, местами срастающихся, объединенных в сложную многокомпонентную динамическую систему с интенсивными производственными, транспортными и культурными связями.

119

Фаду (*порт.* fado от *лат.* fatum – судьба) – стиль традиционной португальской музыки.

Дальше некуда (*лат.*). – *Примеч. пер.*

121

Когда только одна вещь может тебя спасти (*англ.*). – *Примеч. пер.*

122

Абу Мусаб аз-Заркауи (20 октября 1966 г. – 7 июня 2006 г.) – международный террорист, иорданец по происхождению, руководитель созданной им организации «Единобожие и джихад», подозревается в связях с международной террористической организацией «Аль-Каида». – *Примеч. пер.*